

Шамаев Владимир

ГАИШ МГУ

Астрономическое
отделение

Всё это было...

«Плохая запись лучше хорошей памяти»

Из заповедей врача

Шамаев Владимир

ГАИШ МГУ
Астрономическое
отделение

Всё это было...

Москва
2023

УДК 82-94

ББК 22.6г

Ш19

Ш19 **Шамаев, Владимир**

ГАИШ МГУ. Астрономическое отделение. Всё это было... — М.: Астр-космосинформ. 2023. — 568 с., ил.

ISBN 978-5-900242-55-2

Это не продолжение первой книги «ГАИШ. Астросовет. Фрагменты истории», основным героем которой был Г.С. Хромов. Это продолжение воспоминаний автора о жизни физиков и астрономов Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в далекие 1950–1980 годы, построенных так же в виде фрагментов. Студенты 50-х годов, однокурсники, с кем учился автор, запомнившиеся преподаватели, которые ему читали лекции и проводили семинарские занятия, студенты, кому он сам преподавал, научные сотрудники, с кем он работал. События и происшествия в жизни — всё что захотел вспомнить автор, о ком ощутил потребность рассказать в этот раз, в этой книге. Героев много, событий тоже. Все они и всё это, по мнению автора, достойно внимания, может быть, обсуждения и, конечно, рассказа. Автор не ставил перед собой цели написать что-то поучительное или назидательное. Цель — рассказать, чтобы помнили.

УДК 82-94

ББК 22.6г

© Шамаев В.Г., 2023

ISBN 978-5-900242-55-2

Содержание

Предисловие	9
Введение. Мы растем и обрастаем социализацией	17
Диггеры	29
Начало	34
О первой книге	45
К.А. Постнов и его студенческая группа	49
Я.С. Яцкив	73
А.А. Гурштейн	80
Г.В. Романова	88
Миша Сажин	109
Из «Воспоминаний» Д.Я. Мартынова	123
Дела, события, люди (1956–1972)	132
Заметки о руководстве ГАИШ	143
Интересная защита двух докторских диссертаций ..	216
Об Иване Георгиевиче Петровском	220
Среда обитания. Жить здорово и интересно	233
Заметка А.А. Гурштейна о Р.З. Сагдееве в «Sky and Telescope»	235
Заметка Я. Альперта в «Природе»	239
А.С. Шаров и другие	242
Три Нестерова	253
Вспоминая В.В. Подобеда	265
Астрометристы моего времени	267
«Возлюби ближнего». Из бесед с А.А. Гурштейном ..	269
Майданак	275
ВИНИТИ РАН	297

Выживут не все. Впечатления первых курсов	317
Первый курс	320
Желю Бънзаров	325
Второй курс	326
Олег Руденко («Алик»)	326
Володя Черкезян	362
Третий курс	366
Лев Савров и его рассказы	370
Наша астрономическая группа	391
О некоторых моих одноклассниках	402
Коля Бочкарев	418
Лариса Миронова	425
Женя Щукина	429
<i>Юбилей</i>	437
<i>Сны разные. Особенности правого полушария Водолея</i>	441
<i>Сны болезни</i>	446
Таня Фетисова	453
<i>InterПОЛ — есть такая партия</i>	454
<i>Живой классик</i>	457
Валера Семенов	464
Наша группа в 2022 году	472
Преподаватели, оставшиеся в памяти	491
«Они рождались, страдали и умирали»	503
Александр Гурштейн	503
Валентин Есипов	507
Юрий Иванов	516
Моисей Лившиц — «Миша»	521
Н.С. Кардашев	524
Еще ушедшие астрономы	530

О роли информации. Фрагмент из моей книги в «Итогах ВИНТИ»	531
Проблема «эффективных менеджеров»	531
Почему Web of Science CC и Scopus	533
Аналитические инструменты WoS CC и Scopus. Оценка статуса российской науки	536
Анализ представления физических исследований нашей страны в WoS CC	538
В.А. Гинзбург — А.С. Марочнику	545
Заключение	559
Занятно	561
Иосиф Бродский «Не выходи из комнаты...»	563

Предисловие

Что за картинка слева? Почему она здесь? При чем здесь ГАИШ и Астрономическое отделение? Объяснение будет дано чуть позже. А пока... 9

Работать я начал в 1969 году, будучи еще студентом. Это хорошая практика в Московском университете, давать возможность студентам старших курсов почувствовать свою профессию, окружение. Она же дает возможность кафедре понять — стоит ли бороться за распределение этого студента в аспирантуру на кафедре или в свой институт, как было в моем случае. В ГАИШе и институт, и Астрономическое отделение физического факультета — единый организм, удачно сочетающий образование и науку. Закончив факультет, я послужил два года в армии, поступил в аспирантуру и защитился. Шел 1977 год, я начал преподавать, и сразу же мы с Альбертом Петровичем Гуляевым, моим руководителем, начали думать о высокогорных наблюдениях. Погоня за хорошим изображением — астроклиматом — чуть раньше начала свою жизнь и в звездной астрономии, и в астрофизике нашей страны. Как раз во время моей аспирантуры продолжались бурные дебаты о строительстве обсерватории

на Майданаке (Узбекистан) или на Санглоке (Таджикистан). Оба места отличались отменными астроклиматическими условиями, но инфраструктура Майданака была предпочтительнее. Как почти всегда, выиграл прагматизм. Вторая гора и сейчас встречается в научной литературе. Там поставлены небольшие телескопы, но развивать строительство у республики нет сил, и такая задача является далеко не первоочередной для этой страны.

10

Для чего такое вступление? Да чтобы объяснить сделанную мною когда-то фотографию, которую вы видите в начале предисловия. Это моя ностальгия по «времени Майданака» в моей жизни. Десятилетний период, связанный с Высокогорной Майданакской экспедицией, строительством обсерватории, меридианным кругом Репсольда, ребятами. В книге есть небольшой раздел об этом, но описание создания обсерватории и ее потери в результате распада СССР заслуживают большего. Книга выпущена в черно-белом варианте, и не столько из-за уменьшения стоимости издания, но, главным образом, из-за отсутствия возможности сделать хорошую цветопередачу в бумажном варианте. С цветными изображениями она выложена в Интернете, как и первая. К тому же, интернет позволяет и исправить замеченные опечатки, неточности, и сохранить цветные иллюстрации в их первоначальном виде.

Моя вторая книга, как и первая, в какой-то мере создает рамочные конструкции, которые каждый может заполнить своими воспоминаниями, как это записал я. Не всё, что в книге, я видел своими глазами, что-то приведено по воспоминаниям и рассказам других, уже ушедших. Огорчаюсь, что тех, кто это может рассказать по своим впечатлениям — очевидцев, осталось уже не так много. Вот к ним я и обращаюсь. Я понимаю, что у каждого свое мнение, возможны разногласия со мной, обиды, конфликты, даже ссоры. Но каждый видит произошедшие события по-своему, и всем ведь не угодишь, да я и не старался. Пишите сами. Давайте свою версию событий. С интересом почитаю, соглашусь или поспорю.

Проект трех книг, которые я собрался написать, завершен на две трети, раз вы читаете эту книгу. Это проект об известных мне людях и о запавших в память событиях в нашей среде — среде двух пересекающихся сообществ: астрономов ГАИШ и Астрономического отделения и физиков физического факультета МГУ.

Подзаголовок первой книги «Фрагменты истории», во-первых, дан потому, что «прошло не так много времени», и эти учреждения — ГАИШ и Астросовет — по-прежнему находятся в развитии, а во-вторых, что именно фрагментами она и писалась. Кусками, которые интересны мне и которые, как мне казалось, могли заинтересовать моих друзей и коллег, получивших эту книгу. Да и просто читателей, к которым книга попала каким-то другим способом.

Например, как сказала Таня Рябчикова:

— Кто-то попросил почитать, и теперь у меня ее нет.

Впрочем, в электронном виде первая книга есть в Интернете, и даже в более актуальном варианте, поскольку были исправлены некоторые опечатки (их немного) и дополнены фамилиями две фотографии. На стр. 484 первый слева Фред Хойл, как мне сообщил Александр Аронович Гурштейн, а на стр. 387 две девушки справа — Инда Измайловна Глаголева и Светлана Ивановна Дубкова, о чем написал мне Ярослав Степанович Яцкив.

В начале проект задумывался как индивидуализированные фрагменты истории физического факультета МГУ и ГАИШ второй половины 20 века, и ВИНТИ 1990–2000 годов. В этой книге к их персонажам добавляются еще и студенты. Три учреждения, в которых я «прожил» почти 60 лет. В процессе обдумывания наполнения и структуры книг появились дневники Гавриила (Гаврилы) Сергеевича Хромова, и поэтому ВИНТИ в первой книге получил гораздо меньше места, чем задумывалось. Его место и значительную часть книги занял Астросовет АН СССР. Он же вошел и в название книги.

В ГАИШе «моего времени», в широком смысле этого термина, менялись директора: Мартынов, Аксенов, Черепашук,

теперь вот Костя Постнов, сначала старшие мои коллеги, теперь пошли младшие. Астросовет же превратился в ИНАСАН. Уже нет Мустеля, Масевич, Боярчука, но Боярчука заменил его зам. Б.М. Шустов, а его уже сменил Д.В. Бисикало. Жизнь этих учреждений продолжается. Студенческие годы на физфаке — это отдельный фрагмент, дополненный и временем обучения на нем моего сына Никиты в 2007–2012 гг.

ВИНИТИ, о котором я немного пишу в этой книге, похоже, заканчивает свое существование, а уж лучшие годы этого уникального института точно закончились в двадцатом веке, в самом начале 90-х годов.

12

Я прекрасно сознаю, что обо всем, что мне интересно в жизни этих наших учреждений, написать невозможно. Купленная мной когда-то в 1970-х годах энциклопедия «Лермонтов» писалась целым коллективом авторов, а объявленный тогда же том о Пушкине так и не вышел. Масштаб личности и параллельных исторических событий, которые вместились в 37 лет его жизни, оказался, видимо, слишком большим. Тем не менее, биографическая литература, конечно, не такого академического характера, как Лермонтовская энциклопедия, продолжает выходить. Например, Володя Якименко отмечает тома ЖЗЛ о Пастернаке и Окуджаве Дм. Быкова. Я к ним добавлю «Вечную весну» Сергея Шаргунова о Катаеве, кажется, она параллельно тоже вышла в ЖЗЛ. О себе могу сказать, что меня всегда привлекала хорошая биографическая литература. В советское время она была, конечно, сильно цензурирована, но и, в то же время, у нее были хорошие редакторы. Писались и выходили прекрасные тома ЖЗЛ, книги Тынянова — «Пушкин», «Кюхля», «Смерть Вазир-Мухтара», собрания сочинений классиков — наших и зарубежных, мемуарная литература. Каждый легко составит свой список. Массу книг мемуарной литературы дали нам «демократические времена», ведь публиковаться стало легко. Даже наше маленькое издательство «Космосинформ», заточенное на научную и научно-популярную литературу, выпустило несколько таких книг, например, книгу о роде Делоне Александра Сергеевича Шарова. Недавно Алексей

Горшков, зная моё пристрастие к воспоминаниям о времени моего студенчества, дал мне почитать книгу выпускницы геологического факультета, которую выпустило такое же маленькое издательство «Пегас». Очень интересно было почитать о жизни студентов-геологов — их летних практиках, учебе, занятиях в спортивных секциях. Что-то решил привести в этой книге и я, уже из жизни физиков. Книги воспоминаний выпускают и сотрудники Института космических исследований. Например, «Обратный отсчет. 3». М.: ИКИ. 2015. 408 с. ISBN 978-5-9903101-3-1 (<http://www.iki.rssi.ru/books/2015iki50.pdf>, дата обращения 01.06.2022). Такие книги не всегда попадают в библиотеки, несмотря на «обязательные экземпляры», которые надо отправлять в «Книжную палату», ведь тираж очень мал. Например, книга Сережи Достовалова, из которой я приводил небольшие фрагменты в первой книге, вышла тиражом всего в 40 экземпляров, и я не уверен, что 16 экземпляров отправлены в Книжную палату. То есть, прочитать ее можно, только взяв у тех, кому он ее подарил. Мои обе книги в «Палату» отправлены, и, надеюсь, они есть в полутора десятках основных библиотек. Уж в Ленинке ее точно можно прочитать, но есть она и в Интернете.

13

Читая редкие воспоминания о нашей научной жизни, я зачастую испытываю раздражение, что нет описания живых людей, а ходят их шаблоны — дубли, как у Стругацких в «Понедельнике...». Мне также не нравится, как уходит из нашей жизни информация об интересных событиях, впечатлениях, людях, учреждениях и их составляющих — кафедрах, отделах, лабораториях. Тому масса примеров, описанных в первой книге и, как выясняется, забытых моими, говоря выпрепно, современниками, или неизвестных им, как, например, потеря кафедр физики планет, астрометрии и гравиметрии в ГАИШ. Что-то из воспоминаний, правда, появляется в Интернете, но попадаешь на них случайно или почти случайно. Скажем, описанные в моей первой книге воспоминания и рассказы Сергея Достовалова.

Я на них вышел случайно, начав искать его или упоминания о нем, чтобы сделать неожиданный подарок Марине Щербиной-Самойловой, которая его потеряла в суете жизни и вдруг вспомнила. Рассказы о нем часто возникали в ее разговорах со мной. Подарок понравился, и после него они снова встретились, спустя долгие годы. Как любил писать Хромов в своих дневниках — «а я и рад». Оказывается, рассказы Сергея Борисовича Достовалова вышли отдельной книгой под фамилией Липского — Липский С. «Рассказы о любви в прошлом веке». М.: Эдитус. 2017. 336 с. Еще раз даю ссылку на сайт Липских, Ляпидевских, Достоваловых: <http://www.dostovalov.ru> (дата обращения 21.07.2022). Надеюсь, что после смерти Сергея Борисовича в 2021 году сайт будет продолжать поддерживаться.

14

В разговорах с Володей Якименко, Олегом Ивановым, Валерой Семеновым, Аней Седякиной, Машей Кацовой, Ниной Лукашевич и другими моими одноклассниками тоже, и довольно часто, возникают забытые моменты нашей жизни, жизни нашей астрономической группы 1965 года поступления. Вспоминаем мы также наших спутников-коллег, и о многих из них хочется рассказать, какие они были и кем стали. Многие ли помнят, да и помнит ли кто-нибудь, как проводил летнюю августовскую практику после первого курса Вилен Валентинович Нестеров, тогда доцент? А как он с места запрыгивал на метровый кирпичный столб для универсального инструмента? Валя Уральская рассказала, как девочки из ее группы спрятали ботинки их преподавателя летней практики Александра Ароновича Гурштейна и как их чуть не отчислили с подачи того же Александра Ароновича за «дискредитацию преподавателя». Был, был такой случай у этого милого человека.

Кто сейчас помнит, как начиналось строительство Южной станции ГАИШ, в котором активное участие принимал Владимир Владимирович Подобед? Мне памятли дискуссии по НЛО, в которых схватывались Борис Николаевич Пановкин, который учился еще на мехмате в одной группе с моим руководителем Альбертом Петровичем Гуляевым (1953 года

выпуска) и Саша Багров с выпуска 1968 года, всего на три года старше нас. Их курс над нами, первокурсниками, кураторствовал. С этого курса мне помнятся Борзов Геннадий, носивший тогда, да, кажется, и всю жизнь бороду, подобно нынешней дурацкой моде — его тогда, да и впоследствии однокурсники звали «Борода». Знаковая фигура в ГАИШ Геннадий Иванович Ширмин, всю свою жизнь связавший с ГАИШ и физическим факультетом, бывший секретарем партбюро ГАИШ, заместителем заведующего Астрономическим отделением и никогда, ни на йоту не использовавший своего положения в личных целях. Вера Согласнова, которая с Мариной Щербиной-Самойловой под крылом Геннадия Борисовича Шоломицкого наблюдала на РТ-22 в Крыму (о лично-бытовой стороне их жизни было много рассказов). Витя Чаругин, написавший учебник по астрономии для школы, профессор пединститута, ныне университета, Алексей Миронов, многие годы работавший начальником Алма-Атинской базы ГАИШ, Ирина Вальтц, ставшая одним из трех докторов наук курса, о которой тоже рассказывала мне Марина Борисовна. Лет пять–семь назад я встретил ее в поликлинике РАН на Фотиевой — ну а где нам сейчас еще встречаться. Нашему поколению повезло, что появился Интернет, сильно повысивший наши возможности не только в поиске знания, но и во встрече с прошлым. Вчера вот посмотрел по ссылке от Оли Старцевой книгу о жизни на физфаке и в ГАИШ наших выпускников 1988 года. Интересно снова вспомнить этих ребят. Много фотографий, где нашел и себя. Занятный был курс, но об этом позже.

По самому ГАИШу тоже, естественно, есть воспоминания. Их много в Интернете, в том числе и на сайте самого ГАИШ. Воспоминания интересные, но, к сожалению, разрозненные и разбросанные по многим местам. На сайте ГАИШ, как ни странно, они глубоко-глубоко «закопанные». Не зная точного [http](http://www.sai.msu.ru/history/Historical_materials/ivanov_full.html)-адреса, их и не найдешь. Например, кто из вас читал мою статью на сайте об уходе нашего выпускника 1959 года Юрия Иванова? Ее адрес: http://www.sai.msu.ru/history/Historical_materials/ivanov_full.html

16 (дата обращения 21.07.2022). Видели, я уверен, только ее начало в разделе «Новости» сайта, где сообщается о значимых событиях в ГАИШ, а также о тех, кого мы потеряли. А ведь Юрий Иванович прожил интересную жизнь, его потомки по-прежнему живут в Калуге, откуда он уехал в 1955 году поступать в МГУ на Астрономическое отделение. Валентина Михайловна Чепурова при встрече мне сказала, что видела в новостях ГАИШ о его кончине и хорошо Юру помнит. А многие ли знают, что Отто Чхетиани, выпускник 1986 года, стал доктором наук? Кроме его одноклассников, всем, при желании, стало это известно после внесения нами с Ирой Мироновой большого фрагмента информации в раздел «Выпускники Астрономического отделения». Я благодарен Сереже Аюкову за размещение на сайте ГАИШ информации о 100-летнем юбилее Инны Сергеевны Щербиной-Самойловой, стоявшей у основания выпуска «Астрономия» Реферативного журнала (<http://sai.msu.ru/news/2022/01/30/news.html>, дата обращения 21.07.2022). Ну а еще есть рубрика «историй» на сайте ГАИШ в разделе «Астрономического общества». Ее при последовательном изучении сайта ГАИШ все же можно найти, и там тоже есть интересные заметки-рассказы с воспоминаниями. Также на сайте ГАИШ можно посмотреть фотографии, они интересны именно своим историзмом — позволяют возвратиться в прошлое. Хороша там появившаяся недавно подборка фотографий об Анатолии Владимировиче Засове, посмотрите, каким он был в молодости. Ну что сказать. Я тоже надеюсь своими книгами сохранить часть нашей истории.

Введение. Мы растем и обрастаем социализацией

В детстве мы все органичны, непосредственны, нам все интересно, все-то мы хотим знать. Недавно видел-слышал неожиданный крик в автобусе маленького мальчика:

— Мам, а почему у этого дяди красный нос как у Деда Мороза?

Мама вполголоса учит несмышлениша:

— Тихо, не надо об этом кричать на всю Поднебесную.

— А что такое Поднебесная? Расскажи.

Мы вырастаем и сначала теряем способность удивляться, хотя и постоянно восклицаем: «Удивительно, блин», но за этим ничего не стоит так же, как у англичан за «How do you do». Нас не интересует то, что «удивительно», не интересует и ваше здоровье в подавляющих случаях. Это просто ни о чём. Нас якобы интересует политика или спорт. Входя в раж, мы даже готовы убить соперника или надолго рассориться с другом. Но это тоже ни о чём. Политики и спортсмены мы диванные. Вот поэтому в подзаголовке этого введения я хотел выразить мысль, что не надо бы нам, вырастая, терять в себе ребенка. Вместе с потерей уходит желание

как-то себя неожиданно проявить, скакать на одной ножке. Уходит любопытство и вдохновение, вертеть вокруг головой и постоянно спрашивать «папа, пап, а что это?». Уходит нетерпимость к несправедливости и желание познания. Каждый ребенок постоянно норовит исследовать внутренности своей игрушки или домашних приборов, просит купить смартфон, «как у друзей». Любой из вас может дополнить этот перечень. Осталось ли это с нами? Не погрязли ли мы в рутине жизни, ежедневном круговороте дел и проблем. Только дети и внуки, пока маленькие, дают нам возможность вернуться в светлый мир детства, но опять же, пока они дети. Дети взрослеют, и начинается для нас круговорот уже их проблем. С ними мы повторно социализуемся. Т.е. в жизни у нас два—три периода по пять—семь лет, когда мы живем, в остальное время существуем. Социализация. Такие вот дела!

18

Взрослея, мы надеваем на себя маску. Кто-то хочет выглядеть солидным, кто-то умным, а кто-то перестает узнавать школьных товарищей — не тот круг. Происходит процесс социализации, позиционирования себя в обществе. И чем взрослее-старее, тем больше. Отражается это и на внешности, да еще как отражается. В пожилом возрасте всё заметнее на лице, в фигуре, в речи, в повадках черты такой социализации. Я привел пару примеров в предыдущей книге. Здесь не буду, обижаются люди.

В сущности жизнь каждого поколения заключается в двух вещах — продвинуться в познании природы, что важно для выживания, и в продолжении рода, что важно для дальнейшего развития. Это может и находится в противоречии цели каждого индивидуума — жить, чтобы жить. Однако каждый для себя выбирает осознанно или неосознанно линию поведения, в которой реализует эту цель. Инстинкт заставляет нас рожать детей, воспитывать их и далее отпускать. Социализация же — это замена детской непосредственности в восприятии жизни. Неудачная замена, на мой взгляд.

Мне нравится Геннадий Шпаликов, мне нравятся его стихи. Когда-то, а точнее, десять лет назад в 2012 году я

Вечер памяти Геннадия Шпаликова

20 ходил в Дом писателей на ул. Герцена на вечер памяти по случаю его 75-летия со дня рождения. Услышал я об этом по радио, и что готовит вечер кинорежиссер Сергей Соловьев. Тот самый, что «100 дней после детства», «Чужая белая и рябой», «Асса». Вечер был великолепный, народу — полон большой зал Дома, пришли многие известные киноартисты, в том числе Татьяна Друбич, Евгений Стеблов и, конечно, сам Сергей Александрович вместе со своим ВГИКовским курсом. Всё это было выдержано в послевоенном стиле 40-х годов, когда в кино играли Ладынина, Орлова, Крючков. Геннадий Шпаликов, хотя и с 1937 года и творил в 60-е, но атмосфера его стихов, песен, сценариев и фильмов как бы из 50-х послевоенных. На вечере звучали песни на слова Шпаликова, декламации его стихов под прекрасную игру на гитаре Сергея Рыженко, стилизованное танго студентов под патефон. В конце был показан фильм Геннадия Шпаликова «Долгая счастливая жизнь». Посмотрите. Ну, это лирика, а сейчас приведу одно из стихотворений, как бы относящееся к жанру этой книги, хоть я и нарушаю его посыл. Но что нам остается, когда физически, да и умственно ты уже не тот мальчик, который только поступил в МГУ и вся жизнь впереди. Полна планов, надежд и уверенности, что всё по плечу. А сейчас, скорее виртуально чувствуя себя всё тем же, семнадцатилетним, порой и всё чаще сталкиваешься уже с ограничениями своих физических возможностей. И что-то заставляет, а скорее, из тебя вырывается желание — повспоминать. Вот стихи Г. Шпаликова, а дальше воспоминания.

По несчастью или к счастью,
Истина проста:
Никогда не возвращайся
В прежние места.

Даже если пепелище
Выглядит вполне,
Не найти того, что ищем,
Ни тебе, ни мне.

Путешествие в обратно
 Я бы запретил,
 Я прошу тебя, как брата,
 Душу не мути.

А не то рвану по следу —
 Кто меня вернёт? —
 И на валенках уеду
 В сорок первый год.

В сорок первом угадаю,
 Там, где — боже мой! —
 Будет мама молодая
 И отец живой.

Мои воспоминания — записки, не мемуары в полном смысле определения этого литературного стиля. Я это понимаю. Что-то из реальных событий в далеком прошлом, и какие-то их моменты видятся ясно, а что-то уже смешалось с вымыслом. Не в прямом смысле этого слова, а покрытое наслоениями последующих и параллельных фактов. Это не значит, что вымысел присутствует, скорее, это можно назвать реконструкцией событий. Я исхожу из тезиса, что воспоминания и тогдашняя реальная жизнь — фактически одно и то же. Ведь что нам остается от прошедшей жизни — записи, если мы вели дневники, а в большинстве случаев — только воспоминания. Ну а что такое записи — это наше видение событий, а у каждого оно свое. Воспоминания, именно они возвращают нас в прошлое, в ту нашу жизнь. Я не стараюсь описывать свою жизнь, да и цели такой не было, но Галина Владимировна Романова, астрометристка моего времени, прочитав первую книгу, сказала:

— Володя, книга дает хорошее представление о вас самом, хотя вы пишете о других, — наверное, она права, но моя цель — сохранить для истории тех, с кем мне приходилось встречаться, учиться, работать.

Почему они сами об этом не рассказывали, почему эти люди забыты, не существуют для молодого поколения? Вопрос! Люди-то интересные. И все это неправильно, не так, нечестно по отношению к ним.

Сохранить в памяти следующих поколений наших учителей, тех, кто нас учил, направлял, выпускал, был рядом — на мой взгляд, очевидно. Чтобы не забыли окончательно. И поэтому мои книги — картинки из той нашей жизни.

Сохранить наших друзей, в моем случае некоторых однокурсников и студентов, окружавших во времени нашу группу. Старших курсов довольно глубоко по времени, младших, пожалуй, только до 1991 года, их поступления на физфак.

22

Всё время в голове вертится философский вопрос: что будет после нас, и почему произошло именно так, как произошло? Смотришь, когда-нибудь это найдет свой ответ. А пока мы мучительно томимся в неведении, правильно ли все происходило в нашей жизни. В моих книгах не только личное отношение, но и попытка представить мнение других. И все же мотив — сделать ушедших живыми. Получилось ли — не знаю, но знаю точно, что пропали бы дневники Г.С. Хромова и, наверное, «Воспоминания» Д.Я. Мартынова. Дмитрий Яковлевич ими даже сумел скорректировать мое мнение о нем. А еще удалось найти разгадки некоторых, а может быть, и многих загадок. Я сам старался снова почувствовать и, наверное, вернуть дух того времени, времени нашей молодости. Мне удалось.

Все могло сложиться иначе, если бы я не поступил в 1965 году на Астрономическое отделение МГУ, не послужил двухгодичником в армии, не прошел бы после службы в аспирантуру, не оставили бы после ее окончания меня в ГАИШе, а потом не перевели бы преподавателем на физический факультет. Все могло быть и иначе, если бы я не ушел в 1988 году в ВИНТИ или не вернулся в 2012-м снова на физический факультет. Хотел бы я что-нибудь изменить? Да нет, пожалуй. Впрочем, за какие-то периоды в жизни я себя ругаю, но что было, то было, бытьём поросло.

Что-то в приведенном перечне зависело от меня, другое — нет. И этого «Нет», пожалуй, было не так уж много. Наверное, что только призыв в Вооруженные силы — это не зависело от меня. Я был военнообязанный, закончил военную кафедру, и был приказ о призыве таких, как я, на двухгодичную службу. И тогда казалось — всё потеряно, но выяснялось, что именно это тебе и помогло в жизни, решало твою очередную проблему. Служба сильно повлияла на мое повзросление и повзросление моих одногруппников: Коли Нестерова, Валеры Семенова, Володи Тарасова, Зураба Тодрия, Володи Якименко. Удивительно, но так.

Я нашел себя в армии, после аспирантуры в ГАИШе защитился, был принят астрометристами в свои ряды, занимался учебной работой на Астрономическом отделении. Было интересно, но учебно-лекционная и организационная деятельность занимала всё время, а научная шла урывками. Продолжать так я не захотел. Начав в 1978 году заниматься информационной работой, через десять лет я решил перейти в ВИНТИ для работы уже на штатной основе. Я и не думал, что это так увлекательно, и полностью переключился на новую для себя деятельность, впрочем, еще долго не оставляя астрономию. А перейдя в 2012 году на физический факультет, я сумел наконец-то реализовать свою концепцию информационного обеспечения физико-математических наук. Создана законченная система информационного обеспечения акустики, сейчас мы начали ее развитие на другие тематические разделы физики и, конечно, астрономии.

Побочным продуктом была защита докторской диссертации. Наверное, это произошло уже слишком поздно, но произошло-таки. Остается радоваться защите, хотя накал радости совсем не тот, что мог быть в 1980–90-е годы. Больше удовлетворения мне принесло создание информационной системы «Акустика». В этом мне помогли мои студенты, которым я читал «Сферическую астрономию», т.е. выпускники Астрономического отделения: Андрей Жаров, у которого я был когда-то руководителем дипломной работы, Володя и Оля Батурины, Оля Старцева. Ключе-

вым оказался вклад Алексея Горшкова, курс которого, к сожалению, был первым, которому я уже не читал «Сферу». Он взял на себя программное обеспечение всего проекта, а также его сопровождение. Без него Проект «Акустика» долго бы оставался в стадии несбыточной мечты, как это было в ВИНТИ.

24 Довольно неожиданно, но и начало этой книги, ее обложка тоже связаны с Алексеем Горшковым. Как-то он показал мне одну из историй диггеров, обследующих территорию МГУ на Ленинских горах. Эта история касалась часового подвала ГАИШ — и сразу включились мои воспоминания об учебе и работе в ГАИШ, о близкой мне Службе времени ГАИШ, которая сейчас, кажется, совсем закончила свое существование. А ведь до 90-х годов это было большое, важное подразделение ГАИШ с наблюдениями на пассажном инструменте, фотографической зенитной трубе, приемом сигналов точного времени, становлением радиоинтерферометрии со сверхдлинной базой. В Службе времени работал Володя Жаров, ныне зав. кафедрой небесной механики, астрометрии и гравиметрии, и, конечно, Николай Сергеевич Блинов и его ученик, сменивший его на должности зав. отделом, Женя Федосеев. С удовольствием вспоминаю сотрудников Службы Мишу Малышева, ветеранов войны д. ф.-м.н. Григория Петровича Пильника и инженера Константина Георгиевича Белелина, Нину Ефремову и Клавдию Степановну Ситник, радиоинженера Игоря Николаевича Макарова, Риту Кареву на приеме сигналов точного времени, которую Игорь Николаевич подменял в необходимых случаях, наблюдателей из МИИГАиКа и ЦНИИГАиКа. Расписал всех, потому что приятно и вспомнить этих людей, и снова испытать ностальгические ассоциации, связанные с тем временем.

В связи с Григорием Петровичем вспоминаю эпизод, который рассказала мне Инна Сергеевна Щербина-Самойлова. После войны она была аспиранткой Григория Федоровича Ситника, работала на приборе, который находился на нашей станции в Кучино, и часто оставалась там ночевать. Григорий

Петрович только-только вернулся с войны в звании капитана и в ту пору был завидный жених. Вот он и начал ухаживать за Инной Сергеевной, тогда аспиранткой второго года, и вскоре ожидаемо предложил ей выйти за него замуж:

— Инна, выходи за меня.

Инна Сергеевна в ту пору была увлечена другим и ответила:

— Нет, Гриша, ищи себе другую, — на что он говорит с горечью:

— Смотри, пробросаешься.

Вскоре Григорий Петрович и вправду женился на другой, и ухаживания, естественно, закончились, едва начавшись.

С Алексеем же мы работаем вместе уже около 20 лет, начиная с разработки новой технологии подготовки баз данных и «Реферативного журнала» нашим Технологическим отделением ВИНТИ, которым я по совместительству руководил. «Реферативный журнал» я пишу с большой буквы, т.к. он один, а не множество изданий по разным разделам науки, как многие думают. Это множество — выпуски «Реферативного журнала» по различным областям науки. Например, РЖ18 — Сводный том «Физика», состоящий из тематических разделов: Акустика (18П), Радиофизика и физические основы электроники (18Ж), Физика элементарных частиц и теории полей (18Б) и т.д. «Реферативный журнал» включает в себя и отдельные выпуски, например, по астрономии — РЖ51 «Астрономия», РЖ62 — «Исследование космического пространства», РЖ73 — «Исследование Земли из космоса». Все выпуски «Реферативного журнала», а их более двухсот, объединены сквозным рубрикатом.

Но, я отвлекся. Алексей недавно отметил свое 50-летие, что вызывает у меня недоумение, т.к. он совсем не соответствует этому своему формальному возрасту. С одной стороны, мы с ним как бы сверстники и занимаемся одним делом, а с другой — он с того самого курса, которому я уже впервые не читал «Сферическую астрономию» на 1-м курсе. То есть для меня, почему-то, совсем недавно. До этого на

всех последовательных десяти курсах студенты астрономического отделения начинали занятия со мной. А первым был курс 1978 года поступления, на котором учился К.А. Постнов, как известно, нынешний директор ГАИШ.

Так вот, недавно, году в 2020-м, Алексей дал мне ссылку на сайт в Интернете, посвященный исследованию диггерами часового подвала ГАИШ (<http://www.unexploredworld.ru/blog/1602>). Ребята искали такие подземные сооружения целенаправленно и не только на территории МГУ. Зачем — интересно, как в сказке. В молодости какими только идеями мы не заражаемся! Кто-то день и ночь в компьютере, кто-то играет в футбол на любой площадке, лишь только увидев мяч и нескольких игроков, готовых принять его в игру, кто-то не пропускает ни одной мало-мало смазливой девочки, ну а эти ребята одержимы поиском и исследованием подземных помещений, не подвалов, а помещений на большой глубине. Играют в «сказку».

26 О часовом подвале ГАИШ я знал, и теперь живо вспомнил, что Николай Сергеевич Блинов рассказывал, что они с Женей Федосеевым и Мастером — И.Н. Макаровым — попытались осмотреть этот подвал, но обнаружили, что ничего обследовать не удастся — подвал залит водой. Это было в первой половине 1970-х гг., когда я был в аспирантуре и сидел с Женей и Мастером в 23-й комнате ГАИШ. Тогда это меня тоже заинтересовало, захотелось посмотреть место, где были знаменитые часы Федченко, но руки, а скорее ноги, так туда и не дошли. Много позже мне встретилась фраза в книге директора ГАИШ А.М. Черепашука, что в лихие 90-е гг. наземная часть этого сооружения пригодилась для хранения овощей для сотрудников, купленных большой партией. Опять что-то торкнуло в памяти, но снова посмотреть не случилось.

Посмотрите на фото справа. Вот под таким неказистым павильончиком находится Часовой подвал ГАИШ.

История часового подвала интересна не только с точки зрения, что он сумел заинтересовать диггеров своими размерами, и вовсе не потому, что я о нем знал, но в свое время не

Наземный павильон Часового подвала ГАИШ (с окном и тельфером)

удосужился посмотреть, впечатления у меня были бы сильнее. Но его история прекрасно характеризует и безответственность нашего сообщества — сообщества научных работников, в данном случае ГАИШ. Огромное подземное сооружение, потребовавшее безумных вложений, пусть и тогда, когда деньги при строительстве Московского университета не считали. Представляю, сколько людей было занято на этапе его проектирования, сколько инженерно-технических работников сопровождали проект, сколько рабочей силы было затрачено, и в результате сейчас он интересен только диггерам.

А что мы? Прочитую Дмитрия Яковлевича Мартынова, который не участвовал в строительстве нового здания ГАИШ на начальном этапе, но много раз сталкивался с подобной ситуацией, ситуацией, когда «много шума из ничего».

28

«Я не раз наблюдал, как астрономы восставали против того или другого мероприятия, мотивируя интересами своей науки. Но когда их протесты не удовлетворялись, ничего страшного не происходило. Так было, например, в 1955–56 годах с взрывом опасений за ход часов в глубоком подвале в связи с относительно близким прохождением новой линии метро. Ничего не случилось, а затем и самые часы как хранители времени были ликвидированы, уступив свою роль кварцевым часам».

Таким образом, огромные финансовые ресурсы были просто закопаны, и память о них не возникла бы, не будь диггеров. Впрочем, такого рода рассуждения появились лишь у меня, диггеры получили полное удовлетворение от этой «сказки».

Позднее к вопросу «восстаний» астрономов я вернусь, благо и у Дмитрия Яковлевича на это имелся «зуб», и у меня. У меня, скорее, цель — понять, чем руководствуются эти безответственные люди — борцы за всё лучшее, против всего худшего. Не буду здесь на этом останавливаться.

Диггеры

Часовой подвал ребята нашли в какой-то мере случайно, хотя тщательно прочесывали территорию МГУ на предмет «недокументированных» подземных сооружений вроде тайной линии метро из Кремля. Но кто бы подумал, что астрономическое учреждение с его инструментами, направленными вглубь Вселенной, может иметь искомое подземное помещение! Для этого надо было работать в Службе времени первой половины 20-го века или хотя бы интересоваться высокоточными часами с изохронным маятником. Такие часы тогда использовались при астрономических наблюдениях, а также в аэропортах и на радиостанциях для подачи сигналов точного времени. Их точность достигала ± 1 секунда в 10 лет. Помещались такие часы в помещения с постоянной температурой и с условием отсутствия влияния посторонних колебаний на маятниковый подвес. А такие колебания происходят в основном от движения транспорта или строительных работ. Основательно заглубленный бетонный кокон позволял решать эту проблему. Отсюда и подземные шахты при обсерваториях — часовые подвалы. Случайность же, о которой я сказал, заключалась в том, что ребята, как они пишут, просто шли по территории ГАИШ к метро «Университет», сокращая себе дорогу, но нацеленность-то была и, увидев тельфер у невысокого сооружения во дворе ГАИШ, они «сделали стойку».

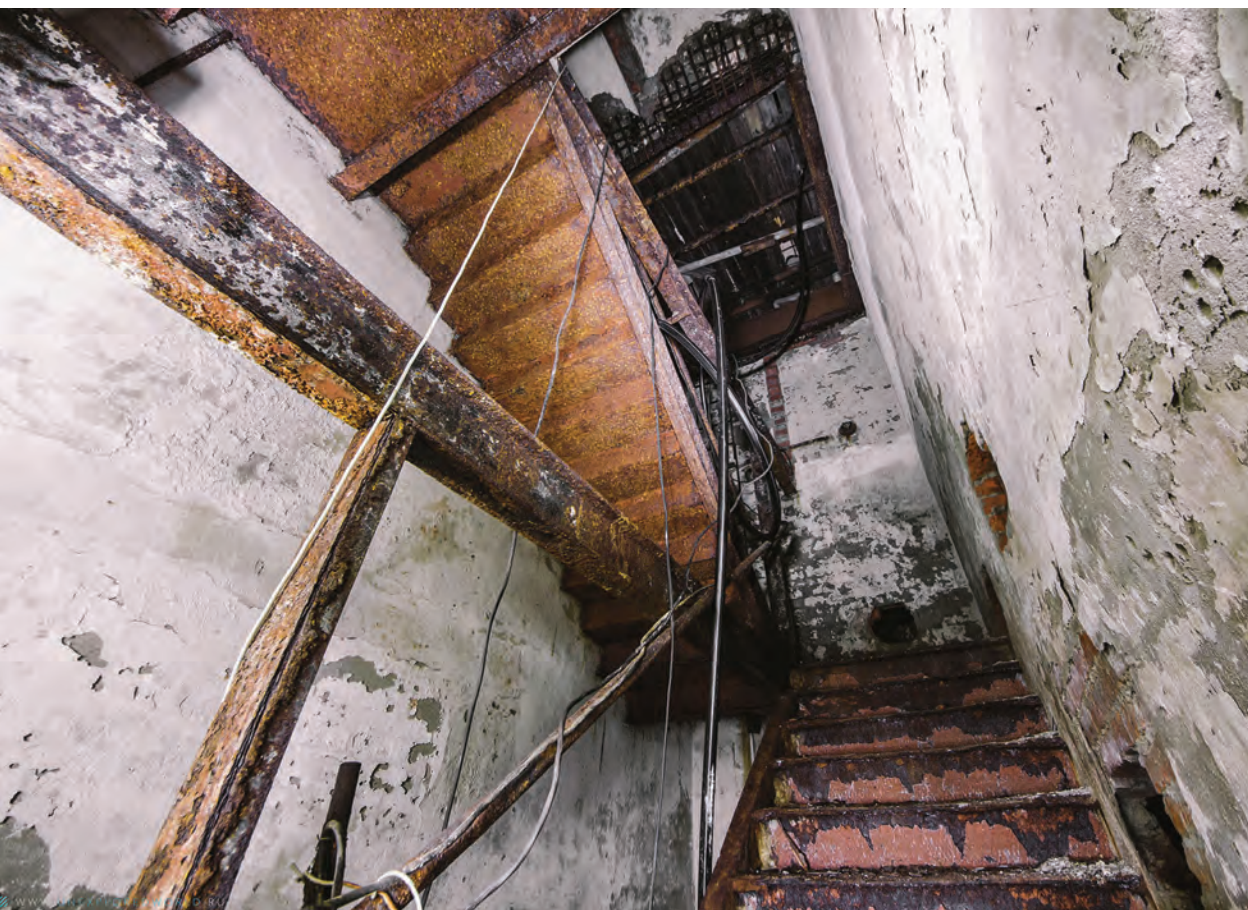
Зачем это здесь оказалась эта металлическая балка, которая своим предназначением имеет перемещение тяжелых грузов? Подумав, они решили, что тельфер появился для перемещения грузов на большую глубину.

Все сошло, была обнаружена шахта со стенками, как в метро, и уходящая в глубину за 20 метров. Вниз шла проржавевшая металлическая лестница, конец которой скрывался в воде, заполнившей шахту примерно на глубину трех метров. Сначала провели водолазные работы, нашли люк, ведущий в помещение еще глубже. Поднять его крышку не удалось, и было решено воду откачать. Нет ничего, что энтузиастам

WWW.UNEXPLOREDWORLDS.COM

Часовой подвал

Часовой подвал, лестница

неподвластно. Поскольку всё делалось в тайне, то воду откачивали ночами, подключившись к электросети ГАИШ, благо в шахте они нашли ход в одно из помещений в цокольной части института. Чего только на энтузиазме не сделаешь.

Ребята нашли в подвале и насосную станцию, которая предназначалась для откачки воды, но она осталась без поддержки инженерной службы ГАИШ, когда время маятниковых часов кончилось. Со временем насосная станция вышла из строя.

32 Заканчивая эту историю с объяснением обложки книги, скажу, что вот сейчас силами энтузиастов подвал осушен и в Интернете выложен фильм с подробным изложением истории исследования этого необычного объекта (https://www.youtube.com/watch?v=k5HCdY1nt_U). Наконец-то можно увидеть, какое, оказывается, это грандиозное сооружение, мало кому известное в ГАИШ (фильм доступен, если к моменту, когда вы читаете эту книгу, YouTube еще не закрыт для нас).

Как сообщается в материале, фотографии предоставил Артем А., а команда охотников за неизведанным называется Unexplored World Team.

Материал авторы-диггеры предваряют словами: «До сих пор мы ни разу не прикасались к легенде настолько близко, насколько сделали это сейчас. Обычно степень участия Unexplored World в жизни какого-либо места ограничивается лишь посещением и созданием фоторепортажа. В этом случае все обстояло совсем иначе». И заключают: «Здесь и сейчас: мы не созерцаем историю, мы её создаем».

Я, да и вы, наверное, согласитесь с этой их немного выспренней фразой. И, может быть, не «создаем», а «воссоздаем».

Так появилась обложка книги с изображением на ней двора обратной стороны ГАИШ (внутренний двор) — арьергард (задник). Это, по-моему, стоило описания истории находки и изучения часового подвала Службы времени ГАИШ.

Часовой подвал, насосная станция

Начало

34 Много информации можно найти поиском в Гугле (погуглить), но опять же — найдешь не скоро. Я вот как-то пытался найти студенческие впечатления-зарисовки о летней практике на Южной станции ГАИШ, которые я лет двадцать назад увидел в Интернете. Бесплезно. А ведь с Е.П. Аксенова и меня она, эта практика в Крыму, начиналась в далеких 1980-х годах, когда были организованы в ГАИШе две лаборатории — астрофизического и астрономического практикумов. А почему я искал эти воспоминания? Они были прекрасно написаны неформальным, т.е. живым, хорошим языком, и я хотел поговорить с их автором (авторами) и, может быть, что-то опубликовать в этой книге. Воспоминания были написаны студентами увлекательно, с ворохом личных впечатлений о событиях практики. С обожанием, но и с юмором вошел в них ее руководитель Алеша Расторгуев, который после меня много-много лет был заместителем заведующего Астрономическим отделением. В отличие от меня он смог при такой нагрузке защитить докторскую диссертацию, стать профессором, «молодым отцом» и теперь заведующим кафедрой практической астрофизики — это какие же настойчивость и работоспособность надо было проявить! «Молодые отцы» — это так называли себя три друга: Миша Сажин, Валера Семенцов и Алёша, родившие детей в 2000-х годах, когда они уже были не зелеными юнцами, а в весьма солидном возрасте, зрелыми людьми, понимающими, на что идут и что их ждет.

Возвращаясь к Алеше и студентам, могу сказать, что и я по результатам работы комиссии по студенческим делам (КСД) удостоился от студентов упоминания в их песенках на праздновании главного праздника ГАИШ «Дня Осеннего равноденствия». Они тоже есть на сайте ГАИШ, но — поди найди.

Вот некоторые из них, собранные Сергеем Родиным 1988 года выпуска:

Я, Инесса Петровна Прохорова, секретарь кафедры, и Евгений Петрович Аксенов по пути из Симеиза в Кацивели

Алексей Расторгуев

**Три студента
(«По ГАИШу ДЯМа ходит хмуро...»)**

*Студентам 1970–1980-х годов Государственного
астрономического института имени Павла Карловича
Штернберга посвящается*

По ГАИШу ДЯМа ходит хмуро:
Мрачной думой мозг его объят.
Вдоль ступенек вместо караула
Аспиранты бледные стоят.

Видно, им не избежать разгона —
Сам Шамаев в этом убеждён —
Ведь один осколок Фаэтона
Изменить орбиту обречён.

Прилетит — порукой в том наука —
И сметёт ГЗ с лица земли.
«Это очень пакостная штука!..» —
В ректорате вымолвить смогли.

37

Но в буфете рассчитали точно —
Вероятно, это не впервой —
И застыл осётр дальневосточный
На раздаче, словно как живой.

Враз голодных много набежало...
И, вкусив такой деликатес,
Три студента вышли из подвала
И включили старенькую БЭСМ.

Под напором бурного азарта
Стала вскоре истина близка.
И летели на пол перфокарты
В поисках заветного числа.

Посчитали — рыба в том причиной —
И опасность отступила вспять:
Ведь оно равно двум с половиной,
Что совсем не двести двадцать пять.

Аспирантов отпустивши с миром,
ДЯМа впредь решил постановить:
Трёх студентов вкусной осетриной
Не мешало б изредка кормить.
Всех студентов вкусной осетриной
Не мешало б иногда кормить.

Музыка братьев Покрасс Дм. Я. и Дан. Я., песня «Три танкиста».

ДЯМа, он же Мартынов Дмитрий Яковлевич — профессор МГУ, директор ГАИШ в период с 1956 по 1976 год, заведующий кафедрой астрофизики.

38 *Шамаев Владимир Григорьевич — сотрудник кафедры астрометрии, гравиметрии и небесной механики ГАИШ, председатель КСД ГАИШ, оставивший неизгладимый след в памяти многих поколений студентов астрономического отделения физфака МГУ.*

Магическое число «два с половиной» заимствовано из спектакля Астротеатра.

Новая жизнь

(«Дивергенцию с ротором в электрополе зарю...»)

Дивергенцию с ротором в электрополе зарю,
Электронны увижу и все интегралы возьму,
Все конспекты спишу и гулянки навечно закрою,
А иначе зачем в МГУ на физфаке живу.

На зачётах я честно найду всем задачам решенья
И по СЭДу как можно скорей реферат напишу.
Чиковани пошлёт мне прощение за прегрешенья,
А иначе зачем в МГУ на физфаке живу.

По истории лекцию будет читать Чиковани,
Ведь учебная часть перед ним преклоняет главу.
И заслушаюсь я, хоть умру от тоски и печали,
А иначе зачем в МГУ на физфаке живу.

На экзамен иду, но к чертям никого не гоняю.
В пух и прах пусть разносят меня — я готов наяву.
Даже Шишкин мне должен сегодня «отлично» поставить,
А иначе зачем в МГУ на физфаке живу.

И когда заклубится закат всей студенческой жизни,
Пусть опять и опять предо мной проплывут наяву
Шаман белый, полковник Зелёный, куратор Грушинский.
А иначе зачем в МГУ на физфаке живу.

Музыка Окуджавы Б.Ш., «Грузинская песня».

Чиковани Алексей Юрьевич — доцент кафедры истории КПСС;

Шишкин Александр Александрович — легендарный сотрудник кафедры математики физфака МГУ;

Шаман белый — судя по всему, намёк на небезызвестного в ГАИШевской среде Шамаева Владимира Григорьевича;

Зелёный — майор (затем полковник), сотрудник военной кафедры МГУ;

Грушинский Николай Пантелеймонович — профессор МГУ, сотрудник ГАИШа.

Примечание С. Родина: Я не знаю, кто написал текст этой песни, хотя он/она — явно мой одногруппник! [«Это Анатолий Черников» — Оля Старцева]

Я почему-то редко попадал на праздники Осеннего равноденствия. Но этот помню. Помню, что был и запомнился он мне именно этим сочетанием «Шаман белый». Сразу подумал — это обо мне. Гаишевский конференц-зал был забит полностью, и пришлось слушать в дверях, да и здесь была толпа. Почти сразу после этой песни я ушел. А курс был интересный, многих помню. Потому и их фотография в книге.

«Со смутною тревогою внимали...»

*Вас много сейчас... Но скоро станет значительно меньше.
И руку к этому приложит уже известный вам Шамаев!..
П.В. Щеглов, 23.09.1982*

Со смутною тревогою внимали
Пророчествам трагическим таким.
Однако мы всерьёз не допускали,
Что скоро предстоит свершиться им.

Прозрели позже, а пока
Витали дружно в облаках
И клятву верности давали
Урании на многие лета.

40

В профессорской тиши аудиторий
Всех лекторы учили кой-чему.
Нас много, он один — это не в школе,
Контроля как бы нет, а потому,

Поверив, что вся жизнь — игра,
Мы развлекались до утра.
Вот так, в конце концов, неожиданно
Настала первой сессии пора.

В тот страшный миг впервые осознали,
Насколько жизнь студенчества горька,
И не без оснований полагали —
Бессмысленна дальнейшая борьба.

Мы в мыслях шли путём иным,
Почётным маршем строевым
По косогорам и болотам,
Сквозь войсковых учений едкий дым.

Однако, что-то в ВУЗе удержало —
Отчислиться, наверно, не судьба.
А время безудержно побежало,
Мелькали наши лучшие года.

Но долго будут помнить нас
Крым, Майданак или Кавказ
За тягу к знаниям большую,
За зоркий и довольно меткий глаз.

Музыка Пахмутовой А.Н., песня «Команда молодости нашей».

Шамаев Владимир Григорьевич, Щеглов Пётр Владимирович — сотрудники ГАИШа.

Не могу удержаться и не привести стихи песни про Майданак.

Майданак
(«Здесь птицы не поют...»)

Здесь птицы не поют,
Деревья не растут —
Здесь Майданак создал аллах,
Мы наблюдаем тут.

Петляет узкая тропинка,
И каждый третий не дойдёт —
Но нам нужна всего одна пластинка,
И даже полпластинки тоже подойдёт.

Пусть объектив пропит,
И голова болит —
Но окуляр ещё при нас,
И с нами наш «Зенит».

И не страшны теперь душманы.
На нас надеется страна.
Да что там, бросьте вы твердить, —
Майданек, —
Когда я знаю, что такое Майданак.

Нас ждёт паёк недельный,
Но всё ж бессилён он —
Сомненья прочь!
Уходит в ночь последний
От голода погибший астроном.

Нет, все мы не умрём:
Останемся вдвоём
И кинем жребий, чтобы знать,
Кому дойти живьём.

42

Прощай, усталый мой товарищ!
Мне влаги жалко на слезу.
Я съем тебя, я твой сапог изжарю,
Но до ГАИШа с полпластинкой доползу!

Нас ждал паёк недельный,
Но был бессилён он —
Сомненья прочь!
Уходит в ночь последний
От голода погибший астроном.

1990 год. Музыка Окуджавы Б.Ш., песня «Нам нужна одна победа» из кинофильма «Белорусский вокзал».

Когда-то давно мне поиском в Интернете попался сайт со многими, в том числе и с этими, песнями. Для книги я решил снова найти его и привести в качестве примера творчества студентов Астрономического отделения. Эту страничку сайта ГАИШ создал и поддерживает выпускник Астрономи-

Справа от меня Сергей Родин (староста), дальше слева от меня в первом ряду: Лена Коваль, Ирина Казаринова, Оксана Брюховецкая, Оля Старцева, Елена Кожина, Ольга Барышникова, рядом с Барышниковой — Дмитрий Яковлев.

Лежат: Сергей Яриков (справа) и Сергей Федоров.

Дальний ряд, справа налево:

Игорь Зуйко, Владимир Горбачев, Елена Гуреева, Станислав Сисин, Баяраа Тогоохуугийн (наклонил голову), Гусейнбала Салимов, Татьяна Рубцова, за ней выглядывает Валерий Щивьев, Икром Тахиров, Наталья Иконникова, Наталья Бутусова, за ней Алексей Куковякин.

Нет Оли Филипповой, Елены Яценко, Андрея Кадочникова, Анатолия Черникова. На это фото они не попали.

Отождествление Оли Старцевой.

ческого отделения 1988 года Сергей Родин. Спасибо ему. Вот и фото этого дружного курса.

Нас, долго выполнявших обязанности заместителей по Астрономическому отделению директоров ГАИШ Мартынова, Аксенова и Черепашука, было немного больше. Перечислю. Александр Иванович Рыбаков, при нем я поступил на физфак, затем Феликс Александрович Цицин, Геннадий Иванович Ширмин, я, Алеша Расторгуев и Володя Жаров. При трех директорах шесть их заместителей по учебной работе. Я отбыл весь директорский срок Евгения Петровича. Хорошо ли, бог весть, но старался, и эта «чертова работа» занимала у меня уйму времени: увязка с физфаком расписания занятий и аудиторий, работа в КСД, отвечал за учебную работу в партбюро ГАИШ, участвовал в работе КСД факультета, организовывал студенческую практику и многое другое. Чего только стоило составление нового «Учебного плана» по астрономической специальности и утверждение его на факультете, в университете и в Минвузе в начале 1980-х годов. Этим мы занимались с Леонидом Стефановичем Кузьменковым. Он — по физфаку, я — по Астрономическому отделению. Кажется, такое же досталось и Алеше Расторгуеву. Жуть! Огромный лист формата А2, который брала только одна пишущая машинка в ГАИШ, у секретаря директора Светланы Павловны. Перепечатывали раза четыре, т.к. снова и снова поступали ценные указания «сверху».

44

О ПЕРВОЙ КНИГЕ

45

Первая книга распространялась по составленному мною списку. В него я включил моих хороших знакомых и тех, кого, по моему мнению, она должна бы заинтересовать, возбудить, может быть, заставить написать свои воспоминания. Распространялась, конечно, в качестве подарка. Поэтому на все просьбы получивших ее дать для кого-то экземпляра я отвечал, что свободных экземпляров нет. Тираж был подогнан под список, или, точнее, список под тираж.

Почти сразу после начала раздачи был для меня неожиданный звонок по номеру, который знали только два человека. Марина Борисовна Щербина-Самойлова и мой сын Никита. Номер держался в качестве резервного при утрате основного. Я им практически не пользовался, разве чтобы позвонить на основной телефон, который где-то затерялся в квартире. Марина Борисовна тоже была в резерве на случай, если со мной что-то случится, а Никита в это время будет в отъезде или недоступен еще по какой-либо причине. Марине Борисовне я благодарен за многое, но и также за множество фотографий как вошедших в предыдущую книгу, так и ждущих своего часа. Она же и откровенно высказалась

о многих персонажах книги — поделилась «инсайдерской информацией», как впервые я услышал эту фразу в докладе Миши Сажина на 175-летию ГАИШ. Марина Борисовна ведь знала практически всех и вся в нашей среде того времени, о котором я пишу. От нее я узнал о книге В.Л. Гинзбурга «Семинар», которую он подарил Инне Сергеевне, она нашла мне книгу Т.К. Бреус «Институт». Именно Марина Борисовна, правда, невольно послужила причиной появления в книге воспоминаний Сережи Достовалова, случайно стимулировав его интернет-поиск мною. Да и много другого связано в моей жизни с ней и Инной Сергеевной. Большой этап новой жизни, начавшийся с предложения в 1988 г. от Инны Сергеевны перейти из ГАИШа в ВИНТИ.

46

В истории ГАИШа переходов не чета моему было много. Он был и остается «кузницей кадров» для многих астрономических учреждений, и в первую очередь благодаря существованию на его базе Астрономического отделения сначала мехмата, а затем и физфака МГУ. Крупные переходы или приемы на работу после окончания Астрономического отделения были в ВИНТИ, Институт космических исследований, Астросовет, астрономические обсерватории и учреждения по всему Советскому Союзу, а позднее и в заграничные. Даже не буду их перечислять, посмотрите на сайте ГАИШ список выпускников последних хотя бы тридцати лет и места их работы.

Так вот, про резервный телефон. Вдруг однажды вечером раздался звонок с неизвестного мне номера. Я ответил, хотя редко это делаю для непонятных номеров. Напористым голосом человек стал интересоваться, не знаю ли я, где находится скульптура, размещенная в книге (там, где Кардашев, Щеглов, Хромов и Есипов). Я поинтересовался, кто же он и откуда взял номер. Помявшись, человек ответил, что через Есипова, а он — некто Гурвиц, так я запомнил, и, кажется, он сказал, что звонит то ли из Дании, то ли из Голландии. Не исключено, что и ошибаюсь в последнем. Но то, что номер телефона мог дать Валентин Федорович, сомнений не было. Он, как известно, был человек открытый, и ему, конечно, не при-

ходило и в голову, что давать номер прилично, если только получил разрешение от владельца. Ну а ему дала, конечно, Марина Борисовна. Почему именно этот, а не обычно используемый, — ответ «не знаю». Видимо, что-то «замкнуло». По скульптуре я ответил, что не знаю и, может быть, знает Кардашев, так как у Есипова я спрашивал, и он не знал (см. предыдущую книгу). Звонивший спросил, не выяснял ли я судьбу этой скульптурной композиции у родственников И.С. Шкловского, и если «нет», то он попробует сделать это сам. В общем, тогда мне показалось, так я понял, что это какой-то историк астрономии или человек, интересующийся историей нашей науки. В заключение, поскольку я не предложил, то он сказал, что, конечно, достанет мою книгу тем или иным способом. Сам я незнакомому мне человеку, даже знакомому Валентина Федоровича, книгу ни дарить, ни давать не собирался. Его не было в моем списке, а он был исчерпывающим при таком малом тираже как 150 экземпляров.

Странное продолжение, как мне кажется, этот разговор имел спустя несколько дней. Мне написал по электронной почте Анатолий Капусткин, которого я знаю, как, впрочем, и он меня, только по случайным встречам в коридорах ГАИШ или в 61-й комнате, куда я заглядывал пообщаться с Валентином Федоровичем или Григорием Михайловичем Рудницким. [Мне приятно вспомнить Георгия Михайловича, и потому я помещаю здесь его фото]. В письме Анатолий пишет, что хотел бы купить мою книгу за любую цену. Почему? «... Очень любопытно. Подождем, подумаем, посоветуемся», — так писал в аналогичном случае Гаврила Сергеевич Хромов в своих дневниках. Разве что Анатолий тоже работает или в то время работал в отделе радиоастрономии, как и Есипов, который дал этому Гурвицу мой телефон. Впоследствии из воспоминаний сотрудников ИКИ, да и его участия в этих воспоминаниях, я выяснил, что это бывший сотрудник ИКИ, живущий и работающий, кажется, всё-таки в Дании.

Ну, это в качестве предисловия, а вот отзывы на первую книгу.

Георгий Михайлович Рудницкий

К.А. Постнов и его студенческая группа

Ну, начнем впечатления о первой книге и отзывы, пожалуй, с нынешнего директора ГАИШ члена-корреспондента РАН Константина Александровича Постнова.

Книгу я ему подарил, позвонив с физфака в конце рабочего дня по директорскому телефону, который нашел на сайте ГАИШа. Трубку взял сам Константин Александрович, что мне понравилось. Демократично, как-то будет дальше. И не рвался Константин Александрович на эту должность, как мне рассказывали. На моё формальное представление:

— Это Шамаев. Я издал книгу, где есть о ГАИШ. Хочу вам дать. Когда...

Ответ был мгновенным:

— Можно и сейчас.

Через двадцать минут я пришел в ГАИШ, поднялся по известной всем астрономам лестнице на второй этаж и попробовал зайти, как когда-то к Е.П. Аксенову, через предбанник, где обычно сидел директорский секретарь. В мое время это была Нина Никитична Митькина, перешедшая к ЕП от Дмитрия Яковлевича, а потом Светлана Павловна. Дверь была закрыта, я попробовал директорскую дверь. Помню, при Евгении Петровиче она открывалась только когда он шел на полуденный чай к себе в отдел, в 75-ю комнату. Сейчас дверь была незаперта, и я сразу оказался в директорском кабинете с приветствующим меня радушным директором.

Надо сказать, что с Костей Постновым я знаком давно, с 1977 г., когда он поступил на физический факультет после школы. Был первый семестр, первокурсники этого года, как и все мы в прошлом, еще только осваивались на своем астрономическом отделении, а я, тоже в 1977 г. в первый раз, на первом курсе читал лекции курса «Сферической астрономии». Незадолго до этого в 1976 г. я закончил аспирантуру и защитил кандидатскую диссертацию. Как молодой специалист был принят на работу в ГАИШ младшим научным сотрудником в отдел астрометрии, и надо было

Директор ГАИШ член-корр. РАН Константин Постнов

отрабатывать такую честь. Отработка сразу нашлась. Геннадий Иванович Ширмин, будучи заместителем заведующего астрономическим отделением, был избран секретарем партбюро ГАИШ. И он меня, как известного ему человека, в том числе и работавшего во время аспирантуры заместителем секретаря бюро ВЛКСМ ГАИШ по учебной и организационной работе, порекомендовал Евгению Петровичу назначить на свое освобождавшееся место. Альберт Петрович Гуляев, мой руководитель по дипломной работе, в аспирантуре и далее, сказал:

— Ну что ж, Владимир Григорьевич, пришла пора потрудиться на благо Института. Аксенов с Ширминным выбрали вас.

Я согласился. Пора, так пора. Тут же оказалось, что Николай Сергеевич Блинов, будучи доцентом и читавший «Сферическую астрономию», переходит в ГАИШ руководить отделом Службы времени на место умершего Вальтера Эдуардовича Брандта. Еще будучи аспирантом, я побывал на нескольких лекциях Николая Сергеевича. Читал он великолепно, преподаватель от бога, но с удовольствием свою лекционную работу на первом курсе оставил. Почему-то ему больше нравилось читать спецкурсы. Да и, как потом оказалось, в это время он начал работу над докторской диссертацией. По себе знаю, что это занимает много времени, и не хочется отвлекаться на непрофильную работу. Диссертация поглощает прорву времени. Даже ее оформление занимает не менее двух лет, считая защиту.

Евгений Николаевич Федосеев, тогда Женя, с которым я вместе с Мастером, Игорем Николаевичем Макаровым, сидел в 23-й комнате, приняв серьезный вид, как он это может, важно сказал:

— Николай Сергеевич принимается за серьезную научную и организационную работу и, конечно, не может уже продолжать интенсивно свою учебную деятельность.

Потом добавил:

— Да и у нас есть очень важные планы по развитию радиоастрометрии в ГАИШе, стране, в мире и т.д. Надо зани-

маться теорией и строить сеть РСДБ (радиотелескопов со сверхдлинной базой).

Отвлекаясь, скажу, что этот оборот «и так далее» всегда вызывает у меня ассоциацию с рассказом Вилена Валентиновича Нестерова об известном в мое время заместителе директора по административно-хозяйственной части Петре Степановиче Солуянове. Этот колоритный администратор, бывший ранее проректором МГУ, доживал свой административный век в ГАИШе. Так вот он при неудовольствии чьим-то решением или поступком кого-то любил произносить фразы типа:

— Вы представляете, что будет, если об этом узнают в дирекции, ректорате, правительстве, ЦК КПСС и так далее, и так далее, и так далее?

Вилен Валентинович говорил:

52 — Всякий раз думаю, что Петр Степанович имел в виду? Неужели церковь, патриарха и самого Бога?

Был Солуянов важен, незлобив и по большому счету справедлив, в отличие от сменившего его мелковатого масштаба Юрия Васильевича Боброва. Я несколько раз сталкивался с Петром Степановичем и ни разу не остался недоволен его решением. Как-то раз нашел фирму, которая дает в аренду приборы. А мне нужен был двухлучевой осциллограф, которого ни у кого в ГАИШе не было. Договорился с главным бухгалтером Верой Алексеевной Петрушовой и привез счет на оплату. Помню, как мне возвратили из канцелярии этот счет с резолюцией от ПС: «Вызвать ко мне Шамаева». Прихожу, он говорит:

— В первый раз встречаю такое дело, вы знаете, сколько это стоит, зачем он вам нужен, где только вы их нашли?

Отвечаю, что нашел по объявлению в газете, берем всего на три месяца, нужен для работы, в ГАИШе такой прибор не нашел.

— Найдите в МГУ, — говорит, — сходите в отдел снабжения университета, там наверняка знают, кто покупал такой прибор. У них и попросите.

Отвечаю, что дольше искать, чем просто воспользоваться этой фирмой, да и деньги есть по хоздоговору В.В. Подобеда, который дал санкцию на аренду. Уговорил.

Не то было с Ю.В. Бобровым. Первое, что он сделал, так наложил лапу на распределение спирта и всегда лично подписывал ежеквартальную заявку на его выдачу с изъятием 25% от нашей нормы. Не понимаю, как он все это выпивал. Хотя пил сильно. Заявки на заказ приборов через отдел снабжения МГУ он подписывал без звука, но при приходе прибора в ГАИШ решал — не нужно ли это ему. Например, он забрал у меня два телефонных устройства, которые в то время, начале 80-х, позволяли нажатием одной-двух кнопок соединяться, по-моему, с 99-ю абонентами. Позднее я обнаружил, что он поставил их себе и директору. Также заказанную мною на Майданак профессиональную радиостанцию он решил отдать в Службу времени.

— Им нужнее, — был ответ Боброва на вопрос, почему радиоприемник ушел в Службу времени.

Оказывается, он вызвал Блинова и сказал, что он распределяет им этот приемник. Тот, не зная подоплеки, поблагодарил.

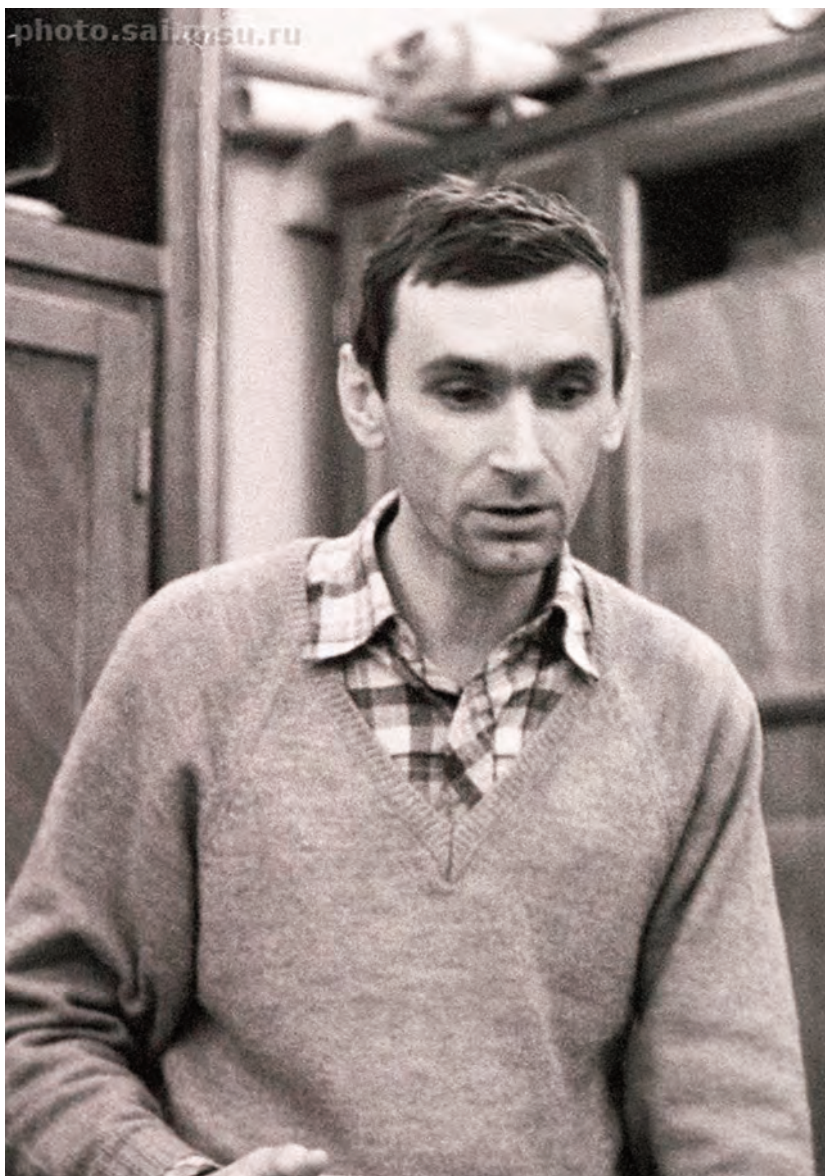
Может быть, и нужнее, но заказали-то мы, а не отдел снабжения.

С трудом удалось отбить барометр, который позволял измерять атмосферное давление в высокогорных условиях. На Майданаке давление в пределах 550 мм рт. ст., а обычные барометры имеют шкалу от 700.

Для чего это нам было нужно? А как быть с учетом рефракции в условиях высокогорных наблюдений? Кстати, и стандартные таблицы рефракции не годились, и нам их предоставила специально вычислившая такие таблицы Антонина Ивановна Нефедьева с Казанской обсерватории. Как раз в это время она защитила докторскую диссертацию по этой тематике. На то время Антонина Ивановна была единственным в СССР специалистом по астрономической рефракции. И как человек она была выше всякой похвалы. Милейшая женщина, я горжусь, что был знаком с нею.

Возвращаясь к моему назначению заместителем заведующего Астрономическим отделением и моему первому курсу 1977 г. Вот так неожиданно с подачи Геннадия Ивановича, благословения Альберта Петровича и с напутствием Евгения Николаевича я и познакомился с моими первыми студентами нового приема и со своим первым курсом лекций. То ли по первой причине, то ли потому, что это было начало моего пути как лектора, но и то, и другое мне запомнилось более всего и из последующих студенческих групп, и из одиннадцати лет чтения лекций в ГАИШ. Когда-то я читал воспоминания В.А. Амбарцумяна о первых его впечатлениях от чтения лекций в Ленинградском университете. Он писал: «Неожиданно мне, без подготовки, поручили чтение лекций по астрофизике. И у меня было такое чувство, что перед каждой лекцией я опережал студентов на лекцию — мои знания по сравнению с ними различались на эту одну лекцию, а после ее окончания наши знания были уже равны». Вот нечто подобное было и со мной. К каждой лекции я неделю готовился, потом с удовольствием читал, но после лекции был как выжатый лимон или сухой фрукт предстоящего компота. В эйфории, но опустошенный и до конца дня уже ничего серьезного не могущий делать.

Среди студентов для себя я пометил пятерых особенно выделяющихся. Это был староста группы Серёжа Копейкин, уже отслуживший в армии, получивший старшего сержанта, а это не просто, четвертая ступень от рядового: ефрейтор, младший сержант, сержант и старший сержант. Да еще армейская «учебка», совсем не мёд для только что призванного в армию школьника. Учебка и давала старт сержантским званиям. Есть еще старшина, но мой опыт службы в армии говорит, что старшина — один человек в роте, в которой около сотни человек. Я после армии так и остался лейтенантом, как и пришел, а Сережа стал старшим сержантом, пройдя весь путь от рядового. И мой опыт службы в армии не сравним с опытом службы Серёжи, т.к. я был лейтенантом-двухгодичником, а он начинал рядовым.

Сергей Копейкин, 1987 г.

Был такой период, начавшийся в 1969 году, когда всех закончивших военную кафедру на факультете призывали в армию. С нашего курса астрономов служили я, Валера Семенов, Володя Якименко, Володя Тарасов, Коля Нестеров и Зураб Тодрия. Всего с физфака призывали более сотни человек. Не взяли из нашей группы только Колю Бочкарева, да и, пожалуй, всё. Малый, Егоркин, Ткач уже отслужили срочную службу, другие имели «белый билет».

Все пятеро с курса 1977 г., которых я отметил, были на первых двух курсах отличниками:

Сергей Копейкин, староста, ныне доктор наук и известный астрофизик, продолжатель ветви Соломона Борисовича Пикельнера по его младшей дочери Зое, ставшей женой Сережи;

Элеонора Богатырева, сейчас Антохина, защитившая кандидатскую диссертацию и работающая в ГАИШ;

56 Валера Семенцов, также защитившийся и работающий в ГАИШ;

Костя Постнов, доктор наук, член-корр. РАН и ныне директор ГАИШ, сменивший Анатолия Михайловича Черепашука, который руководил институтом на протяжении 30 лет.

Ну и Олег Митин, курчавый, со светло-серыми, вечно спутанными волосами, очень симпатичный парнишка с необычной, пожалуй, судьбой, принятый после окончания учебы на работу в ГАИШ и проводивший всё время на Майданаке, а сейчас неизвестно где. Худой, невзрачный, в очках, с круглой копной светлых соломенных волос. Олег через многое прошел в жизни, женился-разводился, был сотрудником Сергея Борисовича Новикова в Высокогорной экспедиции ГАИШ на Майданаке, притащил неведомо как туда планер и занялся парапланеризмом. Летал ли при моих, хоть и частых, но недолгих визитах на обсерваторию, не помню, но постоянно лечил себя после неудачных падений и чинил планер, тоже регулярно. Ещё у него в майданакский период была страсть терзать гитару. Научился ли играть, не знаю, но тренировался регулярно. Саша Овчинников, когда мы были в

Олег Митин, 3 курс

Сергей Копейкин и Олег Митин, 4 курс

комнате за стенкой, услышав очередные экзерсисы Олега, обреченно как-то сказал:

— Ну, опять Митин своей когтистой лапой терзает гитару. Лучше бы книжку почитал или посуду помыл.

Книги Олег тоже читал, а еще вечно встревал в какие-нибудь истории, т.к. был правдолюбом-защитником.

Надо сказать, что Саша всё замечал. Когда-то нас на горе было несколько человек. Осень. Повара не было, и я сварил огромную кастрюлю щей. На кухне я был один, никто не поручал, просто хотелось есть, а перспективы обеда не было. Порылся в кладовке, нашел лук, капусту, картошку-морковку и кусок замороженного мяса в холодильнике. Больше ничего и не нужно. Так через некоторое время Саша мне сказал: «Спасибо, я видел, что ты приготовил обед на несколько дней». Как узнал?

По натуре Олег Митин был флегматичен, по физическому развитию — дохлячок такой: худой с виду, но жилистый и, как говорится, со стержнем. Он бросался в любые авантюры, видимо, внутри все бурлило. Так, еще во время, когда я был на учебной практике со студентами на Майданаке: Коля Симонов, Таня Алекперова, Юра Клепов, Володя Крайнов, вспоминается такой эпизод. Стоим мы вокруг универсального инструмента, и каждый из них по очереди старается отнивелировать его, вдруг вижу — с огромной скоростью под гору мчится грузовой ГАЗ-66 с цистерной на прицепе вроде той, в которой продают квас. Или раньше продавали, что-то их сейчас не видно стало. Та цистерна служила нам для питьевой воды, кубометра на два. Видимо, воду истратили и решили не ждать водовозку с нижней базы, а поехать за водой на метеостанцию Минчукур, которая была от нас в одном— двух километрах под гору и имела источник.

Машина подпрыгивает на нашей, если так можно сказать, дороге, бочка ходит ходуном из стороны в сторону и вверх-вниз, а на бочке буквально висит Олег, удерживающийся неведомо как за горловину бочки. Сюрреалистическая кар-

Олег Митин, 2022 г.

тина. Ярчайшее солнце, синее небо, высохшая трава на сухой-сухой светлой земле, в камнях, маленькие зеленые заросли карликовой вишни сантиметров в тридцать ростом, редкие деревца серо-зеленой арчи, тишина, безбрежная даль, где ни одного человека кроме нас на многие километры, и вдруг — мчащаяся под гору с грохотом машина с цистерной. А на ней в расстегнутой рубашке и рваных шортах бесстрашная, тощая, темно-коричневая загорелая фигурка моего студента, дрыгающаяся в такт бочке. Хочется бежать, остановить, закричать, но где там, только пыль столбом над якобы асфальтированной дорогой. Ощущение красоты и очарования и, в то же время, ужаса, отчаяния и безнадеги от увиденной картины! Ничего ведь не предвещало — плановые занятия на местности, универсальный геодезический прибор, внимательно слушающие меня и выполняющие задание студенты. И вот на тебе! Как с неба свалившаяся повозка с Митиным.

Хотя чего только на горе не бывало. И грибы неизвестные ели. Название у них было: черненькие и беленькие, по определению опять же Саши Овчинникова. И бассейн вырыли внизу, который, правда, закрыли по медицинским соображениям из-за девушек с соседнего почтового ящика, которым, кстати, руководил Бобров — «Борода», бывший наставник моего курса. И в походы ходили, и рыбу маринку в горной речке ловили. Название этой рыбки изумило молодую бухгалтершу МГУ Марину, приехавшую с инспекцией финансово-хозяйственной деятельности из главной бухгалтерии. Мы с ней потом часто пересекались в университете, тогда ведь каждый день ходили на работу и часто обедали в столовой главного здания — ГЗ. Ее сразу по приезду взяли под свое покровительство Шамиль Юсупович Абдулхаиров с женой Кларой Георгиевной. Было много слухов об отношении местных парней к российским девушкам, но я с этим, вольным отношением, ни разу не столкнулся и не слышал об этом ничего конкретного. Скорее, от наших девушек можно было ожидать чего-то в этом роде, как я прочитал в книге кинорежиссера Сергея Соловьева.

Об экспедиционной жизни многое мог бы рассказать Борис Павлович Артамонов, в то время зам. начальника экспедиции, а также Саша Овчинников или Вася Бруевич. Они гораздо чаще меня были на Майданаке. Сергея Борисовича Новикова, начальника экспедиции, давно уже нет.

Помню, как приехал я со студентами на летнюю (или преддипломную) практику в 1983 году. Помню, была Таня Куликова, и Шура Барабанов руководил стройотрядом.

Сидим в столовой нашего финского домика, ждем обеда. Сотрудники, студенты — все уставшие, но веселые, все молодые. Старше всех Сережа Новиков, пожалуй, а тогда ему было всего-то около сорока лет. Юра по прозвищу «Рыжий», мастер на все руки из гаишевской мастерской, который оказался по делам на горе, только что сделал прекрасные диванчики вокруг обеденного стола, удобные, с правильной спинкой. Кто-то из пятикурсников, желая показаться суперинтеллигентным, спрашивает у Тани Куликовой, моей студентки:

— Вы не против, если я закурю?

Сигарета уже приготовлена, во рту, и зажигалка тут же. И неожиданно получает в ответ:

— Возражаю.

Немая сцена. Студент, да и не только он один, прячет сигарету.

Догадываетесь, что было дальше? Больше Таню не спрашивали. Курить продолжали. Как сказал бы Саша Овчинников:

— Интеллигенция. Что с нее возьмешь? Потри, и вся тонкая корочка воспитания мигом сойдет.

Подобный курьезный случай был уже со мной там же, на нашей горе. Основная вершина была забита за 1.5-м телескопом АЗТ-22, а рядом, на соседнем пригорке, к нам присоединились литовцы, которые попросили дать им возможность на нашей земле построить свою обсерваторию с 1-м телескопом. В отличие от нас они старались облегчить свой быт и жить не совсем в спартанских условиях, как мы, раздолбаи. У них был такой же финский домик, но хорошо приспособ-

Александр Барбанов — командир стройотряда на Майданаке

ленный для проживания. И телескоп свой Цейсс-1000 они довольно быстро установили, и два склада для материала и оборудования поставили, и ЗиЛ-130 пригнали. Так что наши ребята к ним ходили на наблюдения. Отношения были дружеские, не то, что теперь. Вот сейчас по радио услышал, что Литва отказалась от получения нашей электроэнергии в целях полного прекращения экономических отношений с Россией. Тогда было всё по-другому. Мы и вправду жили в одной стране.

Вернусь к рассказу. Надо сказать, что с нами на горе было много местных, т.е. узбеков, которые занимались работой по обслуживанию и экспедиционному строительству. Например, именно они построили фундамент для моего, привезенного из Москвы с Краснопресненской обсерватории меридианного круга Репсольда. А это $3 \times 1,5 \times 3$ кубических метра кирпичной кладки, на которую еще была положена толстая, сантиметров в тридцать мраморная плита, а на нее уже установлены столбы высотой в полтора метра для цапф оси меридианного круга. Кроме этого, они же сложили отдельные основания для коллиматорных столбов и мир инструмента.

Но я сейчас не об этом. Сижу я в столовой, один из московских, а рядом несколько местных сотрудников болтают между собой на своем языке — узбекском. Чем-то возмущаются. Один посмотрел на меня и, перейдя на русский, говорит: «Здесь у нас хорошо, а вот в литовской части я один сижу, они, гады, только на своем языке говорят, как будто меня здесь нет. Какое неуважение. За кого они меня считают?». Я покивал. Дальше они продолжали говорить на своем узбекском. Вот до сих пор живо перед глазами эта анекдотическая сценка.

С Таней же был еще такой случай. Прошел месяц. Кончилась практика, и мы должны спускаться с горы. Начинаем садиться в грузовую машину с капитальным крытым кузовом. Была у нас такая большая армейская грузовая машина, на которой часто перевозили людей. Езды три–четыре часа, как повезет. Удобств, в смысле сидений, никаких. В кузове

несколько ящиков в качестве сидений, и все. Кто-то стоит, кто-то садится на пол кузова. Девочкам, а их трое, предоставляем ящики. Шура Барабанов в тот год был командиром студенческого отряда на горе. Шура следит за посадкой, с нами едут несколько членов стройотряда, которые возвращаются в Москву. Собственно, и мы легко достали себе авиабилеты, потому что Шура как-то вскользь сказал, что будет покупать билеты своим. А в это время это было моей головной болью, как купить билеты на моих студентов. Это тогда было непросто. За пару недель до отлета надо было спуститься с горы на чем-то, на следующий день из Китаба ехать на автобусе в Самарканд или Карши, идти в кассу предварительного заказа билета, покупать, возвращаться. Уйма времени. Так что Шура резко облегчил мне жизнь. Мы присоединились. А сейчас главное для Шуры было никого не забыть. И тут его подстерегала засада. Уже на горе я выяснил, что Таня Куликова беременна, чего ранее, в Москве, я не заметил. Подхожу к Шуре, уже готовившемуся взгромоздиться в кабину и ехать, как по инструкции положено, рядом с водителем и руководить им, и прошу посадить в кабину Таню. Надо отдать Шуре должное, он, на секунду замешкавшись, видимо, между инструкцией и человеческим отношением, уступил свое командирское место и полез с нами в кузов. Стоя, держась за стенки кузова, усталые, но довольные еще и тем, что завтра будем в Москве, мы через три с половиной часа прибыли на базу в Китаб и на следующий день вечером улетели.

65

Возвращаясь к Олегу Митину, после выполнения им «задания» по избавлению нас от жажды пришлось провести с ним поучительную беседу, чего, кстати, не люблю, да и не очень-то у меня получается:

— Если не хочешь думать о своей жизни или сохранности своей физической структуры, выбирай, как тебе больше нравится, то хоть подумай о моей несчастной судьбе. Ты здесь у Сергея Борисовича на дипломной практике, но за все происшествя со студентами спросят-то с меня, как преподава-

теля. И никакие доводы, что под моей ответственностью были совсем другие студенты, мне не помогут.

Олег флегматично мою тираду слушал, кивал, смотрел в сторону, опустив голову, и всячески демонстрировал понимание и раскаяние:

— Ясно, всё ясно, Владимир Григорьевич. Понял. Сохраню структуру.

И весь его вид, тощая фигура килограммов на пятьдесят, как у цыпленка тоненькие ручки и ножки, обгорелая кожа, очки с тоненькой оправой, лохмы на голове демонстрировали, что он все понимает, раскаивается и сознает.

66

Что больше не будет, не говорил, да и не собирался, конечно, что-либо менять в своем поведении. Ну что с ним сделаешь. Такой уж он, Олег Митин. Попади он к другому руководителю, в другой коллектив, который не был бы таким своеобразным, как коллектив Майданакской экспедиции, то сейчас мы бы знали иного Митина. Но к другому руководителю и в другой коллектив он не попал, да и не хотел попасть. Он желал именно такой жизни, полной приключений, свободы, замирания сердца от им самим организованного страха, и он ее получил.

В лихие 90-е годы Олег собирал компьютеры в «фирме» всегда фонтанирующего идеями Саши Овчинникова. Она базировалась в проходной ГАИШ, которую под эти цели «перепрофилировали». Позднее ее «приватизировал» Коля Бочкарев. Что с Олегом, получил ли он что хотел, доволен ли построенной жизнью и строил ли он ее или как получалось, не знаю. А было бы интересно. Уникальный персонаж в моей жизни. Впрочем, не он один, но о судьбе других, которые мне интересны, мне более-менее известно.

Не отличницей, но заводилой группы была Оля Гуляева, дочка моего руководителя Альберта Петровича Гуляева. Оля была распределена в ВИНТИ, училась в аспирантуре у Александра Ароновича Гурштейна, друга Альберта Петровича, была секретарем комитета ВЛКСМ ВИНТИ. Я снова пересекся с ней, когда перешел в 1988 году на работу в отдел астрономии в ВИНТИ. Оля и в ВИНТИ была заводилой.

В конце 90-х — начале нулевых в нашем отделе астрономии собралась целая компания выпускников Астрономического отделения: Аня Седякина, я, Нина Лукашевич, Оля Гуляева, Оля Старцева, Оля Филиппова, Андрей Жаров, Оля Батурина, по совместительству Валера Семенцов, правда, на короткое время, Алексей Горшков, Володя Батурин, аспирант Володи Иван Максимов. В то время мы все были заняты интересной работой по созданию новой технологии подготовки Реферативного журнала, и это нам давало возможность сносно существовать. В 80-е годы Оля родила близнецов-мальчиков, затем, уже в начале 2000-х, девочку, сделав отца счастливым дедушкой. Альберт Петрович был доволен своими внуками и внучкой. Он и говорил-то:

— Володя, я и докторскую защитил, чтобы у внуков дед был доктор наук.

В 2011 году Оля ушла из жизни. Близнецы, к тому моменту уже взрослые, взяли под опеку свою сестру.

Сереза Копейкин, Эля Антохина (Богатырева), Олег Митин, Костя Постнов, Валера Семенцов на первом, да, помоему, на втором и последующих курсах были отличниками. Впрочем, и весь курс был очень сильным.

67

Так вот, пришел я к Константину Александровичу с двумя книгами, ему и Анатолию Михайловичу Черепашуку, а книги, надо сказать, тяжелые, 504 страницы и в твердой обложке. Поговорили о том о сём, в частности, Костя рассказал, что Кардашев с Марочником хотят издать книгу воспоминаний об Иосифе Самуиловиче Шкловском. Не первую уже. Первая вышла в 1996 году под названием «Разум, жизнь, вселенная». У того же Володи Якименко увидел я в начале 2020 г. вышедшую уже в 2019 году книгу «Жизнь, разум, вселенная» и залпом прочел. Более 80 участников, и многие воспоминания не пережевывают уже опубликованные, а добавляют новые факты, события, впечатления и, пожалуй, образ Шкловского становится еще объемнее. Обе книги перепевают удачное название научно-популярной книги самого Иосифа Соломоновича «Вселенная, жизнь,

разум». Лучше ведь не придумашь. Все мы ее с восторгом читали. Во второй мне понравились эссе Комберга. И вообще, она живее первой, расслабленнее.

После разговора мы пошли в 73-ю комнату, где кабинет или, скорее, рабочее место Анатолия Михайловича. Его не оказалось, да и время было уже позднее и, несмотря на то, что книгу я с самого начала хотел преподнести каждому лично, все же уносить с собой такую тяжесть не хотелось. Костя сказал, что отдаст ему завтра, на том и порешили. Через день—два, на выходе с обеда из столовой юридического факультета, меня догнал Анатолий Михайлович и горячо поблагодарил за книгу. Сам он перед этим издал книгу своих воспоминаний о ГАИШ, его сотрудниках, работах, и я тоже ее получил в подарок. Его книга, конечно, более обширна по разнообразию впечатлений, россыпи персонажей и событий и глубже, чем «интимная» моя. Но есть и мне чем «гордиться», мы оба авторы «своей истории» ГАИШ.

68

Примерно в течение полутора месяцев я как на работу ходил с тремя-четырьмя книгами в сумке, больше уже было тяжело нести, раздавал книгу. ИНАСАН, конечно, ГАИШ, физический факультет (ведь в книге были фрагменты и его истории), ВИНТИ, ВАГО, одноклассники, персонажи книги и мои знакомые, которых, мне казалось, книга может заинтересовать, и те немногие, кто увидел книгу у других и хотел получить. Всем, которые, конечно, знали ГАИШ, жили ГАИШем, «строили» его. Многие не получили. Ведь тираж подгонялся под мой список и был 150 экземпляров, 16 книг ушли в книжную палату, пять штук я оставил себе, остальные раздал. Сейчас у меня осталось только два экземпляра. Неудовлетворенные, конечно, остались. Но я не собирался передавать книгу в книжные магазины, финансовая сторона меня не интересовала.

Не дал книгу я и в библиотеку ГАИШ. И вот почему. Года три—четыре назад я при входе в ГАИШ увидел большую гору книг, а наверху одной пачки лежал когда-то изданный мной

сборник стихов Коли Нестерова, моего однокурсника. Коля подарил его в «родную» библиотеку. Спрашиваю у вахтера:

— Что это?

Ответ был:

— Библиотека отдает их в макулатуру. Ждем машины.

Книгу Коли я спас, было неприятно.

Это не случай, это система для нашей библиотеки — с пренебрежением относиться к подаренным книгам. Такой же случай на моей памяти уже был, когда на Майданаке я обнаружил книги, списанные библиотекой, с дарственными надписями Подобеда, Воронцова-Вельяминова, Мартынова, Кононовича с Бакулиным и Морозом и других. Сергей Борисович Новиков, пытаюсь организовать библиотеку на Майданаке, на время спас их от уничтожения. Я же спас первое издание книги В.В. Подобеда «Фундаментальная астрометрия» с его автографом, спросив разрешения у Сергея взять ее себе.

69

Но вернемся к Косте. И вот, на следующий день, подарив книгу Тамаре Андреевне Бируле в ее цокольной фотолаборатории и попив чайку, мы с ней отправились на второй этаж, не помню уж что посмотреть. Видимо, какой-то стенд с её фотографиями. Поднимаемся по известной всем астрономам лестнице. Татьяна Андреевна впереди, а я, здороваясь с кем-то, задержался. И слышу, как Костя Постнов, попавший ей наверху и увидев книгу, говорит:

— Книга интересная, но много грязи.

Наверное, имея в виду выдержки из дневников Гаврилы Сергеевича Хромова с его характеристиками астрономов и событий.

Я, поднимавшийся следом и чувствуя себя неудобно, прервал дальнейшие комментарии, сообщив, что слышу.

Так запомнилось мне, но, посмотрев свои записи, я обнаружил, что, кажется, Константин Александрович сказал по-другому.

— Для-ради написания книги, [он] готов вывалить много гнусностей.

Память избирательна, и лучше пользоваться заповедью врачей, что на фронтисписе этой книги.

Константин Александрович, конечно, имеет основания, а скорее, право на такое свое мнение, и действительно, ГС смог посмертно высказаться целиком, почти без моих комментариев. Но, как я уже писал в первой книге, Гаврила Сергеевич резко выходит за рамки обычной гаишевской фигуры, и, думаю, его высказывания во многом способствовали интересу к моей книге, хотя она не только о нем и его жизни. Но всё-таки книга в значительной мере, среди прочих, дает информацию и об этом незаурядном человеке. По крайней мере, так говорят те, кто его неплохо знал.

70

Незауряден и сам Константин Александрович. Спустя много времени при окончательном редактировании этой книги, когда я прочитал еще много воспоминаний, в том числе Дмитрия Яковлевича, мне неожиданно пришла в голову мысль. Карьера Кости — это та самая альтернативная история Гавриила Сергеевича Хромова из первой книги, которая могла бы быть при благоприятном стечении обстоятельств для последнего.

А зацепился я за нее, увидя фрагмент в воспоминаниях студентов 1982 года набора.

— Как-то после очередного обращения к нему [Постнову] по имени, *N* в ответ услышал:

— Не Костя, а Константин Александрович!

«А шли бы вы, Константин Александрович, на ***» — вежливо подумал *N*, вполне чётко представляя азимут предстоявшего бывшему собрату движения.

Помните, как было в первой книге у О. Длужневской и Г. Хромова, однокурсников.

Первая книга вышла спустя пять лет после ухода Гаврилы Сергеевича. Еще раньше или за ним ушли и многие ее персонажи:

Е.П. Аксенов, А.Г. Масевич, Д.Я. Мартынов, В.В. Подобед, Е.А. Гребеников, А.М. Фридман, Э.В. Кононович, М.А. Лившиц, Б.В. Комберг и многие-многие другие, кото-

На могиле Е.П. Аксенова и его жены на Хованском кладбище.
Слева направо: В. Уральская, В. Есипов, В. Чепурова, С. Гасанов,
В. Долгачев, С. Вашковьяк, Н. Митькина, Е. Калинина,
Л. Бондаренко

рых он знал и с которыми сначала дружил, а потом исключил из общения, хотя за их жизнью, успехами, да и неудачами продолжал наблюдать.

Скончалась в 2003 году и Инна Сергеевна Щербина-Самойлова, которая привела меня в ВИНТИ и всячески с той поры помогала. Не стало и Лидии Николаевны Радловой, на 100-летнюю годовщину рождения которой мы с Алиной Иосифовной Еремеевой и Галиной Александровной Пономаревой написали юбилейную статью в «Земле и Вселенной».

Не стало А.А. Боярчука и Л.П. Грищука, с которым я последний раз виделся на похоронах В.Л. Гинзбурга в 2009 г.

72

Уже давно нет П.В. Щеглова, Н.С. Блинова, А.П. Гуляева, к которому я пришел в больницу с Олей накануне его кончины в 1998 году. До конца жизни буду жалеть о Вилене Валентиновиче Нестерове, с которым не простился накануне его смерти в 2000 году, т.к. Константин Владиславович Куимов заверял меня, что он скоро поправится, выйдет на работу, зачем же ехать к нему домой на «Юго-Западную». До сих пор корю себя за доверчивость. Ушли от нас и другие активные участники событий московской астрономии второй половины прошлого века. Однако, многие еще остались и смогли прочесть книгу и, как и Константин Александрович Постнов, выразить свое мнение.

Скончалась в 2021-м году и Людмила Николаевна Бондаренко, учившаяся в одной группе с Гавриилом Сергеевичем и многие-многие годы бывшая ученым секретарем ГАИШ. Лет семь назад, а может быть и больше, я встретил ее по дороге из восьмой столовой. Поговорили о жизни.

К сожалению, второй (этой) книги некоторые не дождалась. Это и Лев Александрович Савров, жена которого на его похоронах сказала мне, что последние дни он безотрывно читал мою книгу, хохотал и давал свои комментарии. Конечно, не дождался, впрочем, ждал ли, уже не узнаю.

Не увидит ее и Николай Семенович Кардашев, про которого Татьяна Александровна Лозинская говорила мне:

— Он просит почитать вашу книжку, а я не знаю, стоит ли ему давать ее, т.к. он сейчас плохо себя чувствует.

Это и Валентин Федорович Есипов, который неожиданно ушел в мае 2021 года, и Лев Миронович Гиндилис, последовательный сторонник поиска внеземной жизни, которого не стало в мае этого же года.

Среди них и Юрий Николаевич Ефремов. Уходят люди, но и остаются те, кому, как и мне, интересно читать литературу воспоминаний о нашей жизни в разных ее интерпретациях и с разными объяснениями фактов. В этой связи я еще раз вспоминаю рассказы И.С. Шкловского, собранные в «Эшелоне». Как здорово, что он их написал, и как хорошо написал, не оглядываясь на мнение других и возможные будущие неприятности. С таким же удовольствием я читал и воспоминания «События и люди» Анри Рухадзе, видного физика, вышедшие уже шестым изданием (2016 г.). Думаю, что многие со мной согласятся.

73

Я.С. Яцкив

В комментариях к первой книге я давал минимальные сведения о некоторых героях-персонажах. Ярослав Степанович Яцкив в таких комментариях, конечно, не нуждается. Он хорошо известен в нашей среде и недавно отметил своё 80-летие. Признанный астрометрист и геодезист, академик НАН Украины.

Он написал мне:

Большое спасибо за присланную книгу, которую я вчера получил и наслаждался чтением вечером дома (остановился на записках ГС, касающихся его увольнения из Астросовета). Вы совершили мужественный и благородный поступок, опубликовав дневниковые записи ГС и свои воспоминания. Я знаю, насколько это сложно — писать правду (свою правду) о знакомых и друзьях, предвидя, какие реакции последуют. Я написал книгу воспоминаний «Мое

земное притяжение» (на украинском языке, есть на сайте ГАО НАНУ), в которой есть отдельные фрагменты моих с ГС взаимоотношений. Я был знаком с ним, благодаря дружбе и сотрудничеству с ЛВ [Лидия Васильевна Рыхлова], бывал у них дома и др. Не знаю, радоваться или сожалеть о том, что ГС не выразил своей антипатии ко мне. Этому есть, с моей точки зрения, несколько причин. Во-первых, для него я не был «конкурентом в его стремлениях к власти», [а был] человеком с «провинции» и «невеликороссом». Во-вторых, наши профессиональные интересы до определенного времени не пересекались — он астрофизик, а я — астрометрист (вернее, астроном-геодезист), который в 70-е годы уже имел определенное признание в астрономическом мире, он это ощутил во время ГА МАС в Гренобле. В-третьих, я и Ю. Буланже присоединились к ГС-разоблачениям деятельности Астросовета по наблюдениям ИСЗ на зарубежных станциях. ГС и ЮД получили «по заслугам» за самовольство, а меня спас, в то время молодого директора ГАО АН УССР, Б.Е. Патон. Это целая история, которую я описал в статье «Б. Патон и моя мировая линия». Кратко, это было так. ... Вдруг я нутром чувствую, что что-то случилось в Президиуме АН по отношению ко мне со стороны 1-го отдела и др. Через некоторое время меня вызывает к себе Б. Патон и показывает совсекретное письмо, подписанное М.В. Келдышем, что я вместе с ГС и ЮД разгласил государственную тайну и т.п., и ко мне рекомендовано принять соответствующие меры ... «Это правда?» — спрашивает Б.Е. Отвечаю и прошу выслушать мою «правду» о ненаучных делах на станциях Астросовета... В конце я произношу: Б.Е., в том разосланном документе мне принадлежит глава, что следует делать ... Да? Тогда хорошо, подготовьте проект ответа М.В., и я подпишу. Фактически это было первоначальное предложение фундаментального обеспечения работы по ГЛОНАСС в СССР (эта история известна и описана в воспоминаниях моего покойного друга А. Финкельштейна) ... У меня есть и другие воспоминания о встречах с И.С. Шкловским (родом с г. Глухов Сумской области, где сохранился его родной дом

с мемориальной доской и где мы организовали встречу, посвященную 100-летию со дня его рождения). Это история с его выездом в Монреаль для участия в ГА МАС (я был в числе тех, кто как бы «отвечал», что И.С. вернется в СССР) ... И добрым словом вспоминаю К.А. Куликова, моего руководителя в заочной аспирантуре ГАИШ, и Д.Я. Мартынова (обе диссертации я защищал в ГАИШ), и, конечно, большого друга В. Нестерова. Признаюсь, с сожалением, что я знаю Вас по ГАИШ, но не могу вспомнить наших встреч.

Да, все это было, и это наша совместная история, которую важно не забывать, и о ней должно знать молодое поколение.

Еще раз спасибо за книгу и с наилучшими пожеланиями,
Ярослав Яцкив
07 мая 2019 г.

Я ответил:

Уважаемый Ярослав Степанович!

Спасибо за известие, что книга получена. Я уже думал, что не дошла, ведь полтора месяца прошло. К знакомому в США [А.А. Гурштейну] пришла через месяц.

Я постараюсь почитать Вашу книгу воспоминаний на украинском. Когда-то, будучи студентом, я одну книгу на украинском прочитал. Уж очень интересный был детектив. [Ярослав Степанович пишет, что его книга есть на сайте Голосеевской обсерватории, но я не нашел текста, кроме выходных данных: Яцків Я.С. «Моє земне тяжіння». — Т. 1, 2. 2015, 2019 гг., общим объемом в 500 с.]

Спасибо за добрые слова о книге. Когда Нонна Борисовна отдавала мне дневники, я хотел только почитать фрагменты о себе и близких мне людях, но чтение затянуло меня и в то время, и в те события. В дневниках я встретил много знакомых и мнение ГС о них. Решил, что это надо издать, но не в виде дневниковых записей, как делают многие, а в виде книги, которую и написал. Она интересна и знающим меня, и знающим ГС, и, мне кажется, всем астрономам того времени. Тираж оказался маленьким, но я выложил книгу в Интернете. После выхода книги многие стали мне рассказывать

свои воспоминания, и, может быть, будет следующая книга. Ситуация с А.Г. Масевич и спутниковыми наблюдениями, на мой взгляд, просится в обнародование, но, пожалуй, кроме Вас уже некому об этом рассказать.

Очень интересна приведенная Вами история с письмом М.В. Келдыша к Б. Патону и много говорит о нем. Недаром, он до сих пор президент вашей НАН. У ГС тоже есть записи о Б. Патоне, но их я приводить никогда не буду. ГС ведь видел людей через свой черно-белый фильтр — без окраски, но, тем не менее, разговаривать с ним было интересно. Однако мания величия его никогда не покидала, и, как я и написал в книге, может быть, именно это помогло ему сохранить свое душевное равновесие. Да еще он был трудоголик, как тоже видно из книги. Может быть, книга даст возможность другим его лучше понять, и, я теперь надеюсь, остаться в нашей астрономической истории.

- 76 Мы с Вами встречались на конференции в Ленинграде, она была сразу после вашей защиты докторской диссертации, а затем на конференции в 1981 г. в Дубровнике. Вы пришли на мой доклад и помогли с комментариями, т.к. я не очень хорошо говорил по-английски. За этот жест я Вам до сих пор признателен. Мельком мы встретились и на 175-летию ГАИШ, где руководимая Вами делегация произнесла хороший, неформальный спич.

Еще раз спасибо за первое впечатление о книге.

В. Шамаев
10 мая 2019 г.

Уважаемый Владимир Григорьевич!

Спасибо за Ваше письмо и напоминание о наших встречах — у Вас лучшая память, а сейчас и я вспомнил. Когда я писал Вам первое письмо, то был только в начале книжного пути. Теперь уже почти заканчиваю. Какие-то смешанные чувства у меня проявились. С одной стороны, мне жаль ГС за его неудавшуюся жизнь. А с другой, он такую жизнь [сам] себе устроил и такой жизни, по-видимому, достоин.

Я не ошибся в первом письме к Вам о его оценке меня (тогда я еще не читал его текста обо мне... «провинционализм», «недостаток культуры» и др). В общем, он прав по отношению ко мне. А вот по отношению к другим, например, Вилену, я не могу ему простить. Читаю Вашу книгу с большим удовлетворением, вспоминаю коллег и друзей. А сегодня после главы о покойниках не мог уснуть. Как краток путь земной был для многих из них. А еще вспомнил восточную мудрость: «Удар, нанесенный другом, это тяжелейший из всех ударов».

С уважением,

Ярослав Яцкив
11 мая 2019 г.

Уважаемый Ярослав Степанович!

Ну вот Вы уже, наверное, дочитали книгу. Там есть раздел и о Вилене Валентиновиче Нестерове, которого ГС почему-то не любил. Почему — неясно из дневников. Я думаю, завидовал его независимому характеру и потаенному чувству в его превосходстве. Ведь Вилен Валентинович тоже из профессорской семьи, но как они непохожи. Одного все уважают, а над другим посмеиваются. У одного нет карьерных соображений в голом виде, а у другого в них смысл жизни. Один просто живет, а другой мнит себя генералом (академиком) и страдает от того, что таковым его не считают и т.д.

Несколько лет назад я обеспокоился, что в Википедии нет статей о приятных мне людях, и сделал странички В.В. Нестерова, А.П. Гуляева, Л.Н. Радловой, И.С. Щербиной-Самойловой и некоторых других. В числе их был и Гаврила Сергеевич, но тогда я еще не читал его дневников. Впрочем, все равно бы написал. Может быть, несколько расширив. Начиная с поступивших на физфак с середины 1990-х гг., студенты этих близких мне людей совсем не знают, как и Подобеда, слегка что-то слышали о Куликове, Аксенове. Обидно. Как-то мы не заботимся о памяти своих учителей, современников, внесших весомый вклад в астрономию. Это было для меня одной из причин написания и издания книги.

Надеюсь, что я как-то восполнил недостаток такого материала, так как меня даже попросили разместить книгу в Интернете. Что я и сделал. Число желающих почитать сильно превышает тираж.

Я все-таки считаю, что вы единственный, о ком ГС не написал в том ключе, как он писал об Амбарцумяне, Боярчуке, Горбацком и других. Мне думается, это связано с Вашим характером. Помните: «Договариваясь по телефону накануне, он со смехом сказал, что наслышан о моем [ЯС] недовольстве им и хочет узнать, так сказать, из первоисточника. ... Все же он [Яцкив] — человек порядочный, даже во втором приближении».

78 Согласен с Вами, что в «Мартирологе» перед нами проходит целый ряд наших современников, и даже если бы было только это, дневники ГС были бы интересны. А в них ведь много и другого. Я дал ему высказаться, чего он и хотел, а нам интересно это почитать. Никто, пожалуй, кроме Д.Я. Мартынова, не оставил таких дневников. Но у ДЯ оказались другие наследники, и, пожалуй, его дневников мы не увидим.

На этом закончу это длинное письмо

Ваш

В. Шамаев
15 мая 2019 г.

Уважаемый Владимир Григорьевич!

Да, я закончил чтение Вашей (с ГС) книги, которая произвела на меня большое впечатление. Я был свидетелем многих событий астрономической жизни СССР, и все же очень многого не знал, о чем-то догадывался, а книга предоставила еще одну возможность пролистать этот период жизни.

С В. Нестеровым мы были друзьями, на мой взгляд, искренними друзьями, я восхищался его талантами. В дело моей докторской он прямо не был включен — моими оппонентами были В. Подобед и К. Куликов с ГАИШ и Н.Н. Парийский с Института физики Земли. Как и с ВВ, такие же

близкие отношения у меня были с Ю. Проданом и Л. Рыхловой.

Книгу Вашу я передам для чтения И. Глаголевой — близкой подруге многих, упоминавшихся в книге (окончила МГУ в 1959 г.)

С наилучшими пожеланиями,

Ярослав Яцкив

17 мая 2019 г.

Уважаемый Владимир Григорьевич!

Книгу передал в библиотеку ГАО НАНУ для интересующихся историей астрономии.

Читают... Глаголева И.И. прочитала (с интересом, но без восторга).

Сделала поправку на стр. 387 — фото, там она и Светлана Дубкова (жена П. Щеглова), 1963 год.

С уважением,

Я. Яцкив 79

31 мая 2019 г.

Уважаемый Ярослав Степанович!

Спасибо за дополнение в подписи к фото. Дубкову я видел, ее приводил устраиваться на работу Гаврила Сергеевич. Она с момента фотографии все-таки сильно изменилась, и я ее на фото не узнал. Глаголеву тоже никто из моих знакомых не отождествил. Известный Вам А.А. Гурштейн сказал, что эти две дамы с курсов повышения квалификации. Сам я Глаголеву никогда не видел, как мне кажется.

Признателен Вам за внимание. В интернет-версию книги я несколько исправлений внёс, при следующей генерации внесу и Ваше.

Ваш

В. Шамаев

31 мая 2019 г.

А.А. Гурштейн

Мне сложно представить, что кто-то из моих читателей не знает Гурштейна. Такой читатель не из астрономического круга, хотя и понимаю, почему он ее читает. Читаю же я воспоминания артистов, музыкантов, политиков, ученых не моей специальности. Читаю и книги о них. Для такого читателя даю небольшую справку.

80 Александр Аронович Гурштейн, автор книги «Московский астроном на заре космического века» (Гурштейн А.А. «Московский астроном на заре космического века. Автобиографические заметки А.А. Гурштейна». — М.: НМИЦ ССХ им. А.Н. Бакулева, 2012. — ISBN 978-5798202935. http://az.lib.ru/g/gurshtejn_a_a/text_2012_moskovskiy_astronom.shtml, дата обращения 13.08.2022), неоднократно цитируемой мною в первой книге. Он доктор физ.-мат. наук, работал в Институте геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского АН СССР, Институте космических исследований АН СССР, Институте истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова АН СССР. После того, как прочитал эту его книгу, я сразу написал ему, найдя в Интернете адрес электронной почты. В письме я поздравлял его с выходом такой интересной и живо написанной книги. Мне пришла в голову идея, и я сходу также предложил написать уже совместную книгу о 1960—1980-х гг. с воспоминаниями о ГАИШ, его сотрудниках, в основном астрометристах и его учебной работе на Астрономическом отделении начала 60-х гг. Это реализовать не удалось, но я не упустил ни его, ни идею из виду, и после выхода уже моей книги наша переписка возобновилась. Я послал ему книгу, он сразу же ответил и, кроме того, неожиданно предложил общаться по скайпу, и общение, разговоры стали регулярными. Более того, он лучше меня знал жизнь нашей сегодняшней астрономической среды. Именно от него, вернувшись поздно вечером с дачи, я узнал, что умер Н.С. Кардашев, и успел побывать на его панихиде в ФИАНе, где сделал много фотографий, некоторые из которых я привожу в книге. Уже в связи с кончиной Алексан-

дра Ароновича в апреле 2020 года я написал для сайта ГАИШ некролог.

Далее приведу фрагменты нашей переписки и разговоров.
Начал я так:

Уважаемый Александр Аронович!

Наша [предыдущая] переписка закончилась в 2015 году на том, что мы «подвесили» на неопределенное время (до лучших времён) написание совместной книги о ГАИШ, астрономическом отделении, астрометристах и запомнившихся интересных моментах гаишевской жизни. [А.А. Гурштейн сказал, что это, пожалуй, интересно, но сейчас он занят другой работой — ВШ]. В свою очередь, я взялся почитать записки Г.С. Хромова. Вышло из этого то, что я написал и уже издал в январе с.г. книгу с названием «ГАИШ. Астросовет. Фрагменты истории». Книга получилась не такая большая, как Ваша, но всё же на пятьсот страниц. В ней я много пишу о вашей книге и привел даже большой фрагмент о прохождении вашей диссертации через физфак. Моя книга, как и ваша, встречена с большим интересом у наших коллег. Пожалуй, если отбросить скромность, мы заложили некий фундамент в «локальную астрономическую историю». Я бы передал мою книгу Вам, но как? Может быть, у вас есть пути или вы будете здесь?

81

Второе. Мне бы все-таки хотелось выпустить книгу, о которой писал:

«Я хочу предложить Вам написать отдельную книгу воспоминаний о ГАИШ и ВИНТИ. Я могу в ней поучаствовать и, таким образом, у нас бы получился промежуток — о ГАИШе с 1950-х по 1990-е, а по ВИНТИ, пожалуй, и со дня его основания по нынешнее время».

У меня много материала и много фотографий.

И третье, рад буду получить от Вас хоть какую-нибудь весточку.

Ваш

В. Шамаев

14 февр. 2019 г., 20:29

Дорогой Владимир! С большим удовольствием получил Ваше письмо. Книгу послать мне примитивно. Вот адрес: Prof. Alex Gurshtein 1818 North 20th Street Grand Juncti.

14 февр. 2019 г., 21:56

09 марта 2019 г.

Разговор по скайпу:

АА сообщил, что книга моя ему дошла, т.е. на это ушел приблизительно месяц.

— Сразу прочитал 170 страниц. Много интересного. Вы молодец.

К моему удивлению, Александр Аронович сказал, что слишком много из дневников ГС ему было неизвестно, в том числе и некоторые фамилии, например, Перегудов из отдела науки ЦК КПСС.

Но самое интересное, что Александр Аронович дал новую версию перехода ГС в Астросовет:

82 — Гаврила, еще работая ученым секретарем в ГАИШе, написал свое видение состояния и развития советской астрономии. [Как известно из первой моей книги, на это он был мастак — ВШ]. Сергей Петрович, отец Гаврилы, специально встретился с Л.А. Арцимовичем, бывшим тогда вице-президентом Отделения физики и астрономии АН СССР, и рассказал об этом Гаврилином проекте.

Арцимович будто бы сказал:

— Наконец что-то дельное появилось в этой застойной астрономии. Надо это и самого создателя использовать.

[Л.А. Арцимович говорил: «Будущее принадлежит астрофизике» и, видимо, поэтому уделял особое внимание развитию астрономии — ВШ].

Мнение академика, да еще и на таком высоком посту, тут же дошло до Аллы Генриховны Масевич, и она пошла на опережение, в общем-то, спасая себя и свое место. Недолго уговаривая Э.Р. Мустеля и взяв его с собой, она примчалась в Отделение и предложила Гаврилу Сергеевича, всего лишь кандидата наук, сделать вторым заместителем Э.Р. Мустеля. Таким образом, она притянула к себе соперника и, даже на

первом этапе, став благодетельницей, превратила его в союзника. Это видно из дневниковых записей ГС. Но, имея в виду амбиции ГС, АГ сразу начала интригу по его дискредитации и выживанию из Астросовета. Первым шагом был перевод Лидии Васильевны Рыхловой тоже в Астросовет. Для себя она уже имела информацию о внутренней ситуации в семье Гаврилы Сергеевича и загодя приобретала союзников. А вот Вилена Валентиновича Нестерова, который тоже собирался перейти из ГАИШа в Астросовет, Алла Генриховна завернула. Ее союзником, при его независимом характере, он никак не стал бы. Однако, назначение ГС опытная женщина сумела сделать так, что официально, т.е. по всем правилам, он не был утвержден. Гаврила Сергеевич, одна из черт которого непомерная самоуверенность, не заметил этого «тонкого» момента и попал в несложную бюрократическую ловушку.

Именно такое «как бы назначение» потом и помогло его легко убрать. Так что, не так просто было с занятием Гаврилой Сергеевичем поста зам. председателя Астросовета, будучи простым кандидатом наук. И неспроста не было официального утверждения его в этой должности Отделением Общей Физики и Астрономии.

83

Сам ГС этот ход в своих дневниках не описывает, а представляет дело как выбор лучшего кандидата из двоих, его и П.В. Щеглова.

«Тем более, что считалось, что, перейдя в 1972 г. в Астросовет, я «перешел ему дорогу». Будто бы ООФиА вначале прочило туда именно его. Это при его-то чудовищном, психопатическом характере!» — из дневников Гаврилы Сергеевича.

К сожалению, Лев Андреевич Арцимович скончался в 1973 году, т.е. через год после прихода Гаврилы Сергеевича в Астросовет. ГС очень сожалел об этом, что видно из дневниковых записей, но выводов об изменении своего положения из-за потери главной поддержки не сделал. Подвела его самоуверенность вместе с детской наив-

ностью, что мир устроен просто, и академическая среда — это продолжение университетской с ее лекциями, семинарами, практикумами и аспирантурами и поощрением вольнодумия. Среда, в которой руководитель заинтересован в успешной защите твоего диплома, диссертации, получении научной должности. До следующей стадии, где его самоуверенность могла быть поколеблена, а наивность развенчана, он к тому времени еще не дошел. Это могло случиться при докторской защите, где уже складывалась конкуренция и появлялись закулисные интриги и торги. Через десять лет на докторскую защиту Гаврила Сергеевич вышел уже сильно потрепанным, но, как мы сейчас видим из его дневников, всё тем же самоуверенным, хотя уже и не таким наивным человеком. Работа над ошибками в полной мере им не была проведена, и результат известен. Хотя ВАК и отменил факт защиты, но к этому времени Гаврила Сергеевич уже понял, что защититься ему не дадут.

На мой вопрос ему:

— Почему бы вам не выйти на повторную защиту, если уж разрешили?

Он ответил:

— Я эту процедуру с защитой для себя закрыл. Не хочу больше иметь дело с этой ничтожной средой.

То есть, получается, что существуют несколько версий перехода ГС в Астросовет. Во-первых, изложенная О.Б. Длужневской в ее книге «Искорки воспоминаний. Книга 1», во-вторых, моя, которую я описал в первой части воспоминаний, и, в-третьих, А.А. Гурштейна. Впрочем, все три версии, на мой взгляд, не противоречат, а просто дополняют друг друга, и картина становится более понятной.

По словам А.А. Гурштейна, ему это рассказал, кажется, Владимир Владимирович Подобед («кажется» — это его слово), человек, несомненно знавший ГАИШ, его теневую жизнь и подковёрные интриги и всегда хорошо информированный.

11.03.2019

Разговор по скайпу.

Александр Аронович продолжает читать книгу и второй раз со мной ее обсуждает. Сегодня сказал, что прочел уже большую часть и заметил две неточности. Что жену Подобеда звали Маргарита Петровна, а не Маргарита Александровна, как у меня на стр. 220. Понять не могу, как такое получилось. Раньше мне об этом же сказали Г.В. Романова и М.Б. Щербина-Самойлова.

Второе замечание касалось фамилии Колосков на стр. 338. Он считает, что это С.М. Полосков, известный в те времена деятель в геодезии. Я согласился, что с дневником ГС такое возможно, т.к. почерк, хоть и разборчив, но мелковат, и некоторые слова, а также фамилии приходилось отождествлять по косвенным признакам. Если бы я не был включен в ту среду, то наверняка возникли бы трудности с прочтением многих мест. Как раз геодезистов-то Александр Аронович знает хорошо, а я нет. АА даже привел ходивший в те давние времена стишок:

С годами, но, увы, не сразу
И к астрономам приходит разум.
И к этой участи готов
Сергей Матвеич Полосков.

Когда-то я слышал этот стишок от Николая Сергеевича Блинова, но в памяти всплыла эта фамилия только после замечания ААГ.

Кстати, о Сергее Матвеевиче Полоскове есть и фрагмент в воспоминаниях Д.Я. Мартынова. Вот он:

«Были интересные защиты докторских диссертаций, требовавшие большой предварительной подготовки со стороны кафедры, так как докторские защиты по астрономии проходили не в ГАИШе, а на факультете, да еще таком далеком от астрономии, как мехмат. Так, 24 декабря 1954 года успешно защитил диссертацию С.Б. Пикельнер, а 10 июня

1955 года С.М. Полосков. Первый много и хорошо поработал потом в астрофизике, второй же — быстро от нее ушел в геофизику. Оба почти одновременно, спустя два десятилетия, сошли с научного поприща: первый безвременно скончался, а второй — на пенсию (при отменном физическом здоровье)».

86 Поговорили немного о романе ААГ «Звезды Парижа», о котором он рассказал мне в предыдущем разговоре. Роман-хроника из жизни астрономов времен Людовика XIV. Я его нашел в интернете, немного почитал и оставил (http://az.lib.ru/g/gurshtejn_a_a/text_2016_zvezdy_parizha.shtml, дата обращения 01.08.2022). Теперь придется подробно посмотреть, похоже, АА им гордится. Кассини имеет прообразом Сагдеева, Пикар — сам ААГ, а Король Солнце — Келдыш. Пообещал ему послать воспоминания С.П. Новикова, академика-математика и племянника Келдыша. Наверное, можно сказать, скандально откровенные воспоминания (<https://homepage.mi-ras.ru/~snovikov/Mem.pdf>, дата обращения 01.08.2022)

Обещал также послать АА воспоминания Б.Н. Журавлева в «Астрономическом календаре» за 1999 г. Принес эти воспоминания мне Коля Самусь, который их внимательно отредактировал. Об этом я пишу в первой книге.

На фото на стр. 387, а значит, АА уже дошел сюда, две девушки. Он считает, одна — это Инда Глаголева, и другая, возможно, Света Дубкова — одна из жен Петра Владимировича Щеглова. Это же позднее подтвердил мне Я.С. Яцкив, у которого Глаголева работает в Голосеево.

Еще ААГ сказал, что в книге приведена хорошая фотография Саша Бугаевского, и я роскошно описал известную мне его эпопею. Но вот что не было мне известно, а может быть, и читателям. Пристроила Сашу в ГАИШ, по словам АА, хорошо известная кому надо Анна Ивановна Продан, жена Юрия Ивановича Продана, бывшая в то время референтом у Елютина — министра высшего и среднего образования СССР в 1959–1980-х годах. С его сыном, Пашей Елютиным, мы

учились на одном курсе, а сейчас он доцент на физическом факультете МГУ.

24 апр., 02:31

Дорогой Владимир Григорьевич!

Как обещал, посылаю Вам русский текст моей рецензии на книгу Сагдеева.

Несмотря на его русские корни, английский язык Сагдеева превосходен и идиоматичен. Он приводит много анекдотов и не останавливается перед насмешками даже по поводу деталей собственной карьеры. Язык, похоже, стал результатом постоянной редакторской помощи. В конце концов, редактор и вдохновлял это сочинение. Им была Сьюзен Эйзенхауэр, внучка бывшего Президента и жена Сагдеева, которая подвигла его на «любовную утечку» [по словам самого РЗС] из Москвы в Мериленд.

Я слышал от нескольких очевидцев, что в далеком Мериленде Сагдеев был в бешенстве от этой рецензии. Он даже рассматривал возможность подать на меня в суд за диффамацию. Но, как и он, я имел сильного редактора в лице моей жены-юриста Оленьки. Она рассматривала каждое слово, можно сказать, под лупой. Придраться в рецензии не к чему. Она написана уважительно и строго фактологично. Даже фривольное название «Самый знаменитый татарин со времен Улугбека» — это всего-навсего собственная сагдеевская шутка из его книги. Оттуда же и многие выражения про «проститутку по вызову», «банду четырех», «палату лордов», «любовную утечку» (love drain — перефразированное им brain drain), и т.д.

Журнал «Sky and Telescope» имеет большой тираж и очень популярен по всему миру. Для Сагдеева моя рецензия была гораздо большей неприятностью, чем укусы комара. Со ссылки на мою рецензию начиналось открытое письмо Я.Л. Альперта в «Природу» 1995 г.

Ваш — АГ

25 апр., 12:40

Уважаемый Александр Аронович!

Книгу удалось найти в интернете. Пересылаю. Майя Михайловна слегка забыла, и наш персонаж у нее записан как Чернышов. Встречается один раз.

Ваш

В. Шамаев

Тут идет речь о Чернышеве Георгии Михайловиче, полковнике КГБ, бывшем во времена ААГ в ИКИ заместителем директора по кадрам. В предыдущем разговоре я упомянул, что до ИКИ он ездил с Большим театром и о нем есть в книге М.М. Плисецкой «Я, Майя Плисецкая». АА сильно заинтересовался и просил дать ссылку.

25 апр.

88 Огромное спасибо. Нашел. В главе о 73 днях. Это, конечно, наш персонаж, но безо всякой характеристики.

26 апр.

Уважаемый Александр Аронович!

Может быть, Вам будут интересны и эти воспоминания вашего коллеги Баранова. Наш персонаж у него тоже записан как Чернышов. Встречается три раза, но без особой информации, а вот директора ИКИ Петров и Сагдеев, а также другие сотрудники представлены с комментариями. [Баранов В.Б. Из XX в XXI век: История одной жизни М.: Флинта, 2009. 920 с. ISBN 978-5-9765-0847-7].

Ваш

В. Шамаев

Г.В. Романова

Приведу и переписку с Галиной Владимировной Романовой, астрометристкой моего времени. Она интересна сама по

себе, т.к. Галина Владимировна — занимательный собеседник и нестандартно мыслящий человек.

29.03.2013

Уважаемая Галина Владимировна. Рад, что до вас достучался. Дозвониться до меня не удастся, а вот почта — это надёжно. Хорошо, что Валера мне Вашу дал. До встречи. Будет время, посмотрите на Википедии две мои статьи о В.В. Нестерове и А.П. Гуляеве. Надеюсь, поправите и дополните. [Моё желание оставить в «вечности» приятных мне людей проявилось в то время в написании страничек в Википедии о них. Так, я написал об уже упоминавшихся В.В. Нестерове и А.П. Гуляеве, а также о Лидии Николаевне Радловой, Инне-Сергеевне Щербиной-Самойловой и, конечно, Г.С. Хромове].
Шамаев

26 мар. 2014 г.

Галина Владимировна, вышла моя статья и о Хромове Г.С. 89
<http://ebull.ru/dl/digest-062.pdf>
Посмотрите? Покритикуете? Поругаете?

30 марта 2014 г.

Здравствуйте, Владимир Григорьевич!

Статью о Хромове прочитала, замечания по тексту есть, но они, скорее, имеют отношение к характеру изложения, и я их Вам не передаю, считая это бессмысленным. Г.С. знала очень мало, и воспоминаний ярких о нём у меня не сохранилось. Зато до сих пор помню приятные впечатления от голоса Нонны Хромовой — одной из ведущих на радио «Орфей».

С уважением, Г.В.

30 марта 2014 г.

В.Г.!

О Щербиной-Самойловой прочитала с большим интересом. Её я знала ещё меньше, но почему-то воспоминания о ней сохранились более яркие и приятные.

Г.В.

30 марта 2014 г.

Галина Владимировна, Г.С. Хромова знают все. Фигура уникальная для астрономического мира. Альберт Петрович живо комментировал всякую информацию о нём, да и Подобед всегда с удовольствием подключался. Вы как-то пропустили большой кусок астрономической истории, а скорее, жизни. Даже не пойму, как Вам это удалось. Я его хорошо знал, поэтому и написал о нем. Такие люди, несмотря на их противоречивость, не должны уходить в неизвестность. Ещё раз повторю (ранее я это говорил), что мы, астрометристы, имеем короткую память. Потому и не отмечаем юбилеи своих старших товарищей, забываем о них, а точнее, замалчиваем. Не хотим утруждать себя. Обратите внимание, у нас нет истории. Ведём себя, как «настоящие» русские. Всегда готовы притопить себе подобных. Это и есть важнейшая характеристика нашей нации, а снижая пафос — астрометристов.

В.Г.

90

31 марта 2014 г.

Дорогой Владимир Григорьевич!

Для меня Г.С. Хромов был фигурой больше одиозной, а уж совсем не уникальной. Ни разу я не слышала ни одного сколько-нибудь стоящего его высказывания. Поэтому повторю: я его очень мало знала. Может быть, Вы и правы, но для меня Ваши доводы неубедительны, из Вашей статьи я больше узнала о Вас, чем о Г.С.Х.

Относительно «новых русских». А кто астрометристов такими создал?? В том числе, не те же, о ком Вы вспоминаете? А свою причастность к этому Вы тоже отрицаете?

Помнится, в статье есть упоминание об участии в учебном процессе???

Но не будем ссориться — не вижу достойного повода.

С уважением, Г.В.Р.

16 мая 2014 г. Юревич и Доставалов

Уважаемая Галина Владимировна, вот:

Юревич — <http://www.sai.msu.su/EAAS/rus/doc/MEM-12.htm>

Достовалов — <http://dostovalov.ru/Ch9.html>
<http://dostovalov.ru/Ch10.html>
<http://dostovalov.ru/Ch11.html>
До встречи

ВГ

15.06.2019

Уважаемая Галина Владимировна!

Как у Вас дела? Что-то никаких известий от вас нет. Я сходил на 90-летие Еремеевой и пожелал ей отметить столетие, на котором нас, наверное, уже не будет. Поздравят наши правнуки. Выглядит прекрасно, никак не дашь ее возраста. Были Чепурова с Самусем среди прочих, но меня не удостоили вниманием. Сами они сидели не во главе стола, как обычно, а в самом конце и спиной. Не выступали и были непривычно тихи. Похоже, обижены, а на что — гадаю.

Яцкив сообщил, что на фото в книге с Нестеровым и Гурштейном две девицы — это Глаголева и Дубкова. Вы же их должны знать, а мне не сказали. Теперь почти все люди отождествлены, и [в вариант книги] в интернете я внёс дополнения. Таким образом, почти все клеточки заполнены.

Встретил А.М. Черепашука, который постарался объяснить мне травлю ГС. Примерно так же, как объяснение Карицкой в книге. Ещё объяснил, что Шкловский несправедливо заваливал диссертацию Масевич. По словам Анатолия Михайловича, она сделала какое-то открытие в диаграмме Г–Р, уточнила.

16.06.2019

Дорогой Владимир Григорьевич!

Как ни странно, примерно в то же время, что написано Ваше письмо, я мысленно отправляла послание Вам, в частности, хотела попросить посоветовать, что почитать интересного, поскольку вкусы наши во многом совпадают по части чтения. Письмо отправить не удалось.

Относительно Ваших вопросов.

— Девиз, Глаголеву и Дубкову лично не знала, только понаслышке. Их, кстати, хорошо знали Грибко и Соловьёва.

— А на столетии Еремеевой у Вас есть реальный шанс побывать, — Вы еще до своих 80-ти вполне можете поработать. Вот насчёт правнуков вопрос, — сначала нужны внуки, и мне почему-то кажется, что Вам понравится быть дедушкой.

Ваша

ГВ

24.06.2019

Дорогой Владимир Григорьевич!

Большое спасибо за оба Ваших письма, — от них стало почему-то тепло и, действительно, повеяло молодостью. Не помню, говорила ли я уже Вам, но хочу ещё раз процитировать Агату Кристи. В одном её детективе Пуаро спрашивает старую даму, почему она не назвала ему ранее имя убийцы, а та отвечает: «Она единственная, кто помнит меня молодой». С годами это, на самом деле, становится важным.

92

А мне почему-то Вы никогда не казались весёлым человеком. Просто это стиль Вашего поведения. Больше того, мне в Вас всегда виделась какая-то потаённая грусть, уж извините за откровенность, и это мне всегда было очень симпатично.

Ну и ещё раз: как хорошо, что мы читаем одни и те же книги (но не только их, конечно!). Я в начале этого года читала какую-то новую книжку о Высоцком, и там тоже было кое-что новое.

Окуджаву недавно перечитывала: все стихи, что удалось скачать в Интернете. Послушала записи песен из разных его выступлений. Померкло очарование молодости: не приемлю его русофобии последних лет жизни, — это пахнет предательством. Да и женился он почему-то очень удачно для своей карьеры. А польские увлечения — так, прихоти дилетанта, подпитка литературного творчества.

Стругацких тоже перечитывала в прошлом году. А вот они почему-то не подводят — хоть многое наивно и т.д., но нет ощущения предательства, а больше подкупает стремле-

ние подумать о странности возникновения жизни. М.б., это потому, что один из них астроном? Жалею, что не вышло в своё время с ним познакомиться лично, когда была такая реальная возможность.

На этом закругляюсь. Будьте здоровы и счастливы.
Ваша ГВ

10.07.2019

Уважаемая Галина Владимировна!

Заходите ли Вы на сайт ГАИШа, сегодня сообщили, что умер Лёва Савров. Хоронят завтра на Хованском кладбище (крематорий). Я попробую туда доехать, с Левой было приятно поболтать, хотя близки мы и не были по причине возрастной разницы. А в ГАИШе он все-таки был хорошо известным человеком. Учился он сразу после вашего курса и всю жизнь проработал в гравиметрии, несмотря на Марата Усмановича, который из-за его частых и долгих командировок в Африку его хотел сократить. От него я впервые узнал о Ромене Гари, и рассказы его на сайте института очень интересны. Казалось бы, в ноябре он ещё был полон жизненных сил, и вот уже нет. Печально все это.

До встречи

ВШ

93

15.08.2019

Уважаемая Галина Владимировна!

Недавно на даче слегка просматривал журналы и нашел рассказ, который мне когда-то понравился. Перечитал. Опять понравился. Решил дать Вам на оценку.

[Пол Теру. Непредсказуемая английская роза]
Ваш

ВШ

23.11.2019

Уважаемая Галина Владимировна!

Недавно узнал, что Людмилу Павловну [Грибко] год назад сбил какой-то велосипедист или скутерист. То ли просто

сбили. Сказали, что она поломала кости. А я-то думаю, где же она, что-то давно не видно. Не очень хорошо все это в любом возрасте, а когда кости становятся ломкими, то особенно неприятно. До сих пор ее не встречаю. Умер Ю. Ефремов, это Вы, наверное, знаете, Г. Ширмину исполнилось 80 лет. В этом году мы с ним вместе участвовали в приемных экзаменах. Я зашел в ГАИШ поздравить и еле нашел его на лекции. И где бы Вы думали? Он читал ее в библиотеке. Читальный зал теперь используют под аудиторию.

94 Всё меньше и меньше знакомых в ГАИШе, зря Вы уволились. Чувствую, что скоро и заходить туда будет незачем. Бочкарицкие мне не попадают, Самусь, похоже, обиделся на мое описание его персоны и разговаривает холодно. На похоронах Н.С. Кардашева, а я был на прощании в ФИАНе, видел Чепурову с Карицкой. На лице первой как всегда — вся мировая скорбь. Естественно, был и Бочкарев в своем обычном виде. Черепащук, Постнов, Лозинская и Гиндилис. Вот и весь ГАИШ. На кладбище я не поехал. Из знакомых были еще скорбящий В.Г. Курт и сильно изменившийся И. Новиков, которого трудно узнать — так он потолстел. Говорят, диабет довел до этого. Как Вы помните, он учился в одной группе с Хромовым и Длужневской. И в их воспоминаниях он всегда был стройным и хорошо, даже с изыском одет.

Да, кстати, моя книжка, которую я выставил на конкурс МГУ, получила статус «Выдающаяся публикация». Конечно, не одна она. На МГУ таких штук 70.

Заканчиваю на этом.

Ваш

ВШ

27.11.2019

Рада за Вашу книгу — она того стоит, так что примите мои поздравления и дерзайте дальше.

Ваша

ГВ

Владимир Гдальевич Курт и Валентина Михайловна Чепурова
на прощании с Николаем Семеновичем Кардашевым

27.02.2020

Уважаемая Галина Владимировна!

Чувствую, что Вадик до вас всё ещё не дошел [В. Чазов обещал зайти к ней и посмотреть, что с интернетом], но м.б. связь случайно появится и вы мне напишете. В ГАИШ не ходил, но навестил Валентину Семеновну Уральскую и взял у неё фотографии небесных механиков для будущей книги, если появится. Может, и у вас такие редкие есть? Тогда дайте, я отсканирую.

По моей группе 2 февраля, когда я как раз был в МНОЦ, умерла одноклассница Таня Фетисова, может, знаете. Про неё Олег Иванов рассказал интересную историю: она стихи писала, очень нудные, надо сказать, стихи, и вечно ими доставала на встречах. Ну так вот, Олег говорит ей, что прочитал хороший перевод стихотворения Оскара Уайльда «Баллада о Рэдингской тюрьме». Татьяна ему говорит: «Рядом с тобой живой классик, а ты каких-то других читаешь». Давно было, может, и пятьдесят лет назад, но ему запало.

Было еще, но наладьте связь.

ВШ

06.03.2020

Уважаемая Галина Владимировна! На днях, ожидая подписи на направлении у 204 кабинета, встретил там Н.Б. Хромову, которая тоже ходит к вашей Васильевой Ю.А. Поболтали, несмотря на то, что накануне разговаривали по телефону. Ей ведь 83 уже, а выглядит неплохо, как теперь говорят врачи — «для своего возраста». В заключение даю ссылку на понравившийся мне рассказик «пять километров в гору зимой», посвящается испорченным детям.

Ваш

ВШ

09.03.2020

Хотела почитать стихи Татьяны Фетисовой на стихи.ру, но её страница удалена автором, а в других местах ещё не искала.

О «хорошо выглядит для своего возраста».

Конечно, общепринято считать, что женщина должна хорошо выглядеть, и для этого сейчас есть куча возможностей при наличии достаточных денежных средств. Но так ли это важно? Вспомните, с какой теплотой Вы писали о «гейше» Радловой, а она-то, по-моему, не больно много времени уделяла своему внешнему виду и всегда выглядела примерно на свой возраст. А каково было обаяние и как с ней было интересно общаться!

Наверное, при общении надо выбирать темы для разговора, близкие для собеседника, быть в меру снисходительным, но не поступаться своими принципами. В противном случае будет не беседа, а спор. Тут надо выбирать, на что тратить своё время и стоит ли вообще вести эту беседу.

Короче, — «Каждый выбирает по себе женщину, религию, дорогу» ... и собеседника. Согласны?

На сим закругляюсь,

До встречи.

Ваша

97

Г.В.

17.03.2020

Уважаемый Владимир Григорьевич!

Что-то давненько не смотрели почту или просто не ответили: в сущности, ничего особенного и не было. Читаю сейчас «Москву театральную – 2» Райкиной (первую не читала), а там воспоминания Г. Горина о трагическом конце Г. Шпаликова. Я раньше этих подробностей не знала, а Вам, по-видимому, они были известны — я вспоминаю наш давний разговор в ГАИШе, когда Вы читали стихи Шпаликова, рассказывали о книге реж. Соловьёва и вообще раскрылись для меня совершенно с неожиданной стороны.

Всё ли у Вас в порядке? Напишите при случае.

Доброго Вам здоровья.

17.03.2020

Уважаемая Галина Владимировна!

Действительно, как я сейчас увидел, Вы задали вопрос, а я не ответил. Отвечаю — согласен.

По Фетисовой, вот сразу нашлась ссылка: <http://www.pereplet.ru/text/fetisova1.html> (дата обращения 01.08.2022). Почему она удалила свою страничку — не могу сказать. Это на нее очень непохоже. [Таня Фетисова умерла 2 февраля 2020 г.] Может быть, дети.

7.04.2020

Моя знакомая, самая умная тоже, несмотря на мой совет не увольняться, уволилась 28 февраля из ВИНТИ, а на другую работу ее вдруг не взяли, и сидит теперь лапу сосет. Гордая.

Ваш

ВШ

11.04.2020

98 Относительно увольнения не жалею ни минуточки, т.к. на работе уже стало неинтересно, ничего нового начинать не предвиделось, да и без Константина было очень тоскливо. Он до сих пор часто мне снится, и мы с ним обсуждаем какие-то научные рабочие вопросы, иногда спорим, чаще соглашаемся и как будто продолжаем дальше вместе трудиться.

Как прихотливо и щадяще устроен наш мозг — мне эти сны помогают смириться с его уходом, боль от утраты постепенно заменяется бесконечной грустью, и я радуюсь тому, что успела сказать ему, как много он сделал для отдела, каким большим астрометристом он был, да и просто умным человеком.

Короче, — я лапу не сосу, мои запросы скромны и на жизнь пока хватает, а жить в согласии со своими принципами — вещь весьма для меня важная.

Кстати о ВИНТИ. Тут недавно одна ученая дама вспоминала о пожаре архивов и проч., произошедшем пару лет назад в институте (не помню точного его названия) в престижном районе Москвы, и высказала надежду на возрож-

дение ВИНИТИ как потребности для научного сообщества, приводя вполне веские доказательства. Это что, просто смена лидера или действительная тенденция?

29.07.2020

Дорогой ВГ!

Давно не общались. На днях в И-те прочитала статью о Г. Улановой, где было рассказано о её единственной любви в жизни, повлиявшей и на творчество (роль Джульетты). Этим человеком был Н.Э. Радлов. Правда, в статье говорилось о его двух дочерях, которые, якобы, погибли. Перечитала Вашу книгу (о гейше-Радловой) и поняла, что речь идёт точно о её отце-художнике. Ну а потом ещё полистала книгу и кое-что перечитала. Всё-таки в чтении дневников есть что-то запретное, — как будто подглядывание (если только автор заранее не готовился к их обнародованию впоследствии или личность его была выдающейся). М.б., это просто от моего личного отношения к ГСХ, но куски (цитаты) с его оценками людей и событий мне, мягко говоря, не нравятся.

Кстати, в период «коронавирусного сидения» прочитала много хороших книг, в частности, «Путешествие к другу детства» А. Битова (1968 г.). Заканчивается повесть размышлением о том, что им, тогда 30-летним, приходит на смену поколение 20-летних, другое, с новыми увлечениями и кумирами. И тогда ко мне пришла мысль, что ведь это Ваше поколение! Так что, как видите, часто о Вас вспоминаю.

Интересно, как продвигается работа над продолжением.

31.07.2020

Уважаемая Галина Владимировна!

Приехал с дачи и получил Ваше письмо. Вернулся потому, что завтра будет первый прием на факультет, и новое для нас — удаленка. Всю эту неделю было обучение, и я занимался этим с понедельника. Выбраться на дачу удалось только на вчера и сегодня.

Про Уланову и Радлова я не знал или знал и забыл напрочь. Интересно, спасибо. Как все-таки старые плейбои

могут увлекать молодых и не очень девушек. Одного такого сейчас судят в Ленинграде же за убийство и расчленение своей аспирантки. Мне такие люди несимпатичны. Если найдете, что произошло между Гал. Ул. и Н.Р., то сообщите, пожалуйста.

По-моему, личность ГХ — была выдающейся в своем роде. Я написал об этом в аннотации. Таких немного: Шкловский, Зельдович, Гинзбург, Ландау, Вилен Валентинович [Нестеров]. Шкловский сам описал свои взгляды в «Эшелоне», другие о нем тоже могли интересно написать, но не стали. Устно мне рассказывали много, и это интересно, но печатного нет, и это уйдет вместе с ними. Жаль. [В 2019 г. вышла книга воспоминаний о Шкловском «Разум. Жизнь. Вселенная», так что «другие» написали всё же, и многие очень интересно. Я о ней узнал только в 2020-м, и мне кажется, что именно тогда она и вышла из печати, т.к. в выходных данных нет информации о времени сдачи «в печать»].

100

О Ландау написала его жена, Кора. С интересом прочитал. Гинзбург написал «Семинар», а его жена опубликовала их переписку. О Вилене Валентиновиче хорошо написали его товарищи по бриджу, и, опять же, я узнал много интересного. Считаю, что и я внес свою лепту, сделав страничку о нем в Википедии, как, впрочем, и о Гуляеве, Щербиной-Самойловой, Радловой и др.

Возвращаясь к ГС, он фактически всю вторую половину жизни занимался своими дневниками, это была его страсть, и он ей отдавался с упоением. В них он находил утешение от неудач и смысл жизни. Именно в их написании он самовыражался, оценивал других, анализировал события. Его жалко, но, с моей точки зрения, и только в них ГС был самим собой. Вся остальная его писанина мало чего стоит, на мой взгляд. Как и его борьба, которую он вел негодными средствами — толчок в ступе воду. В его книгах, записках, справках нет тех личностных штрихов, что обильно присутствуют в дневниках. Он, конечно, мог стать академиком и руководителем астрономии, но на его пути стояли его непомерные амбиции, отсутствие критического отношения к себе, высокомер-

ность, неподвластный ему язык и встреча с Масевич, которую он понял, но хотел уничтожить. Ему не повезло с ней, но я уверен, что на пути встал бы кто-нибудь другой (другая). ГС не хотел меняться, приспособливаться, но и Лениным он не был.

И все-таки многие довольны, что появилась такая книга, а ГС, думаю, доволен, что смог высказаться, как-то объясниться и показать лицо других, каким он его представлял. Это смог сделать и Шкловский, да и Гурштейн. Многие другие не смогли, и хоть и не ушли из нашей памяти, но следующему поколению уже неизвестны.

Думаю, что я как-то сумел отразить этими фрагментами наше время. Да и самому было интересно окунуться в ту среду, о которой вспоминаю с ностальгией.

Какие-то части продолжения написаны, но сесть и начать укладывать их в книгу все не получается. Это ведь диктуется «сверху». Задумка издать книгу под названием «ГАИШ, Астросовет. Фрагменты истории в фотографиях» пока мне не кажется нужной. Лучше пусть будет что-то подобное, как эта книга.

Спасибо за весточку.

Ваш ВШ

1.08.2020

Дорогой ВГ!

Рада Вашему письму. Если когда-нибудь будет время, — пришлите ссылку на воспоминания о Вилене — мне очень интересно.

Об Улановой и НЭР, по памяти, т.к. источник повторно не наша. Это всё случилось в 1939 г. Они отдыхали летом в одном пансионате на Селигере. ГСУ [Галина Сергеевна Уланова] брала патефон с пластинками, нехитрый перекус с термосом и на байдарке уплывала одна на какой-нибудь островок. Там в одиночестве слушала музыку и наслаждалась природой. НЭР был чрезвычайно обаятелен и интересен (по отзывам современников), хотя на приведенной в статье фотографии на меня не произвёл большого впечатления.

Ей 28, ему 49, у него семья, двое детей, и ничего в жизни менять не хотел. Однако Улановой сильно заинтересовался и смог её покорить. Она влюбилась страстно и беззаветно. Для неё это был роман (и мужчина) всей жизни, для него — очередной адюльтер без каких-нибудь обязательств. Она всё поняла, и они расстались. Но своё чувство, переживания любви, восторг и трагедию расставания она, как пишет автор, воплотила в роли Джульетты, над которой стала в то время работать. На этом заметка кончалась. Там приведены фотографии ГСУ тех лет — хороша, одухотворённа и обаятельна, но все фотографии — профессиональны. У меня есть где-то в Звенигороде альбом с фотографиями «ГСУ в жизни», автора не помню — возможно, Рындин, её тогдашний муж, но это уже другая история, о которой вспоминала Л.П. Грибко когда-то ... (С дочкой Рындина ЛП училась в школе или в институте, — не помню точно). Короче, у Улановой были «спутники жизни», но любовь к Радлову осталась неповторимым чувством. Вообще-то, в любом адюльтере роль каждой участвующей женщины унижительна, по большому счёту. Примеров тому тьма, и немногим дано выходить из такого положения с честью. Наша литература имеет много версий на эту вечную тему. Кстати, вспомнился роман (жизни, а не литературы) автора «Среди шумного бала» со своей избранницей. Она тоже была замужем, и тринадцать лет они ждали развода. Но были счастливы друг с другом. Рассказывают, что когда она была маленькой, её отвезли на благословение к Серафиму Саровскому, и когда старец вышел к ним, он встал на колени перед девочкой и поцеловал её ножки со словами: «Её ждёт в жизни великая любовь».

Но вернусь к ГС [Галине Сергеевне].

Однажды, в 1993 или 94 году, я была на вечере встречи с ГСУ в ДК МГУ. Сначала демонстрировался фильм «Ромео и Джульетта», а потом на сцену вышла ГС и с грустью сказала: «Вот всё, что от меня осталось». Потом были вопросы и ответы в течение двух часов, и всё это время она ходила по сцене на высоких каблуках, не присев ни на минуточку («мне так удобнее»), а было ей тогда 82 или 83 г.!

И ещё я вспоминаю балет «Бахчисарайский фонтан» с ГС и Плисецкой. Мне тогда очень повезло, т.к. вместе они не выступали, а здесь была замена. Плисецкая была хороша, но ГС запомнилась лучше и на всю жизнь своей незащищённостью, грустью и отрешённостью, а она на 14 лет старше Плисецкой.

На сим закругляюсь. Удачи.

Ваша ГР

5.08.2020

Уважаемая Галина Владимировна!

У меня была ссылка на воспоминания по бриджу на страничке Вилена Валентиновича в Википедии, но, как я сейчас проверил, ресурс заблокировали, тем не менее, вот прямая ссылка: <https://proza.ru/2015/03/30/2280> (дата обращения 01.08.2022).

Ваш

ВШ 103

18.08.2020

Уважаемая Галина Владимировна!

Вчера похоронили Жору Рудницкого на Химкинском кладбище. Из ваших были Семенцов и Ашимбаева. Из начальства нынешнего никого. Из прежнего Черепашук и Ламзин. Многие говорили слова. Редкий был человек по своим качествам, которые все отмечали. Он ведь старше меня на курс, и я его давно знал. Были с его курса. Из наших только я, почему-то не пришли Бочкарицкие, наверное, их нет в Москве.

Ваш

ВШ

18.08.2020

Уважаемый Владимир Григорьевич!

О Рудницком узнала в воскресенье на сайте ГАИШ, была сильно потрясена, как потерей очень близкого человека, он мне был всегда очень симпатичен, и я считала его одним из

умнейших людей ГАИШа. По работе мы с ним не пересекались, но одно время, когда в ГАИШе было обязательным посещение «кружков марксизма-ленинизма», мы ходили на кружок В. Коржева «марксистской эстетики». С тех пор я его знала и очень уважала.

На похоронах быть не смогла, но хотелось поговорить о нем с теми, кто его хорошо знал.

Порывалась написать письмо Вам или позвонить Нурие.
Ваша ГВ

7.09.2020

Уважаемая Галина Владимировна!

104 Слышали ли Вы, что умер А.А. Гурштейн? Из-за коронавируса мы это пропустили. Произошло это 3 апреля с.г. Я связался с его женой, выяснил, что по кардиологии. А я то был уверен, что с ним всё в порядке, т.к. в скайпе он регулярно присутствовал, но оказалось, что жена и он пользовались одним ником. В общем, жаль, ещё один из ГАИШа ушел, и тоже 37-го года.

Ваш

ВШ

8.09.2020

Дорогой Владимир Григорьевич!

Про Гурштейна не знала. На той неделе я узнала о кончине троих сотрудников бывшего Астросовета: Оксаны Дородницыной, А. Багрова и ещё одного астрофизика — Соболевского, с которым я была мало знакома. Оксану и Сашу знала довольно хорошо. Конечно, — жаль.

И вообще, — прошлая неделя для меня была полна грустными сообщениями.

Ваша

ГВ

25.10.2020

ВГ, прочитала Ваш некролог ААГ и увидела много нового и интересного. Даже несколько подкорректировала своё к нему отношение.

С уважением,

ГВ

30.12.2020

Дорогая Галина Владимировна, вы одна из нас четверых—пятерых, оставшихся на этом свете членов отдела астрометрии 1970–1980-х гг. и, пожалуй, единственная, с кем можно всласть повспоминать то время, когда были молоды. Александра Григорьевна Оборнева, пятая, как Вы мне, кажется, писали, уже нас не помнит, Оля Соловьева залегла на дно, а Людмила Павловна — знаете как озаглавливает е-мейлы ко мне? — «Деловая переписка».

Поздравляю вас с наступающим Новым годом и желаю еще много лет получать от меня письма и поздравления. Ну и, конечно, здоровья, хотя пересекаемся только в поликлинике.

Наверное, я Вам не писал, что поучаствовал в добровольной прививке от коронавируса. Так что я один из тех 30–40 тысяч. Теперь вот не знаю, получил ли я прививку или «пустышку». От прививки я ничего не почувствовал, но теперь привиться нельзя, разве что скрыть, но так далеко я не захожу.

Жизнь идет нормально, а мытье рук и маска помогают сохранять оптимизм. На работе бываю редко, только по нужде, и даже подписывать годовой отчет не пошел. Работать из дома мне понравилось, и каждый раз вспоминаю, как вы с Соловьевой, Уральской и кое-с-кем еще сделали ошибку, когда решили «уйти на покой». Впрочем, сами вы так не считаете. Уральская издала небольшую книжку о своем отце-фронтовике с множеством фотографий. Благодарила меня за содействие и, как писал Гаврила Сергеевич, — «а мне и приятно». Вчера отдал его Нонне Борисовне небольшую ёлочку, которую привез с дачи. И второй год получаю вос-

клицание, «какая же маленькая». А елка ведь больше метра. Я ей объясняю, что дареному коню и т.д. Она жалуется на память, а так ничего, шустрая. Ей ведь на днях 84 года. Всё вспоминает «Гаврюшу». 3-го пойду к ней, поздравлю с днем рождения. Если приедет «Валюшка», то будет вкусная еда. А Валюша-то старше её.

Часто разговариваю с Володей Якименко, моим однокурсником, как вы знаете. Он в Тюмени, и у них сейчас за 30 градусов. Ну да, он северянин. С курса остается всё меньше. Ушли уже около ста человек. Точнее узнаем, если встретимся в следующем году. Я ведь выпускник 1971 года.

106

К книжке всерьёз пока не приступал, всё планы и наметки. Начну летом, если всё будет хорошо. Может, повспоминаете о своем курсе? Куимов, Захаров, Лившиц, Кабаева, Павлов, Шоломицкий, все известные люди. Павлов, как я помню, был активен в продвижении Гдяна. Когда приходил в ВИНТИ, рассказывал: «Стою на трибуне, народу тьма, все шумят. Выхожу вперед, поднимаю руку — и тишина». Очень был горд собой.

Ну, до встречи.

ВШ

31.12.2020

Дорогой Владимир Григорьевич!

С Новым годом!

Желаю новых надежд, интересных встреч, всё-таки новой книги, радостей жизни и здоровья. Очень порадовало Ваше письмо: Вы по-прежнему «в седле», бодры, остроумны, ироничны.

О моих воспоминаниях об упомянутых Вами моих сокурсниках. Меньше всего было контактов с Геней Павловым, а все остальные так или иначе выбирали меня «жилеткой» и делились своими слишком личными (т.е. не предназначенными для обнародования, даже после их ухода из жизни) переживаниями. Я с большим удовольствием повспоминала бы те студенческие годы с каждым из них лично, и, как мне кажется, это было бы интересно и для них, но не хочу свои вос-

поминания отдавать на всеобщее обозрение. Для меня это как-то нечистоплотно без их согласия.

Бог даст — увидимся, а пока только «по переписке», но и на том спасибо!

От всей души — всех Вам благ и до встречи.

ГВ

1.01.2021

Галина Владимировна, дорогая, не отдавая свои воспоминания о друзьях-однокурсниках, Вы хороните их во второй раз. А, отдавая, продляете их жизнь на многие годы. Поэтому-то я и занимаюсь этим в первую очередь, а только во вторую какими-то своими соображениями.

ВШ

7.01.2021

Дорогой ВГ!

Опять читаю Вашу книгу. С сим прощаюсь. Светлого Рождества.

107

ГВ

7.01.2021

Дорогая Галина Владимировна, Вас тоже поздравляю с этим праздником, хотя с трудом понимаю, как толстые, богатые попы могут так задурить людям голову.

Одна моя знакомая, которая тоже закончила физфак и аспирантуру, и защитилась, теперь смотрит на всех нас, неверующих, как на заблудших овец. Говорит, что каждый раз ставит за меня свечку, уж не помню по какому поводу. Давно не виделись. Мне кажется, что религия — это вид сектантства, убежище несчастных, всё потерявших в этой жизни людей или хорошее местечко для проходимцев. Вспомните Сашу Бугаевского. Ну да я сейчас не об этом. С Машей я, кажется, разговаривал на тему дневников, но она не призналась, что дневники у нее, а, м.б., их у нее и нет. Она, правда, лишнего говорить не любит, но на прямые вопросы отвечает.

Книгу я тоже почитываю. Она уже для меня живет своей жизнью, и я ее читаю как чужую, интересную для меня биографическую литературу.

Ваш

ВШ

7.03.2021

...

Так вроде бы всё хорошо, да и завтра открывают соц-карту. Правда, в автобусах я всегда ездил бесплатно, но метро... Никак не проскочить. В автобусах пару-тройку раз чуть не попал, но, вовремя заметив контролеров, выходил. Даже интересно было так ездить.

И еще: в моей книжке встречается выпускник 1959 г. Юрий Иванов. Я привел его рассказ об их курсе, где был Гаврила Сергеевич, да и некоторые интересные мне персонажи. Он был через один курс перед вами. Знали ли вы его? В ноябре ЮИ умер в 83 года, и я написал для «Новостей» сайта ГАИШ некролог и расширенное сообщение в «Воспоминания». Как и у всех нас, наверное, жизнь его была сложной.

Заходил 3-го в ГАИШ. Хотел попасть на семинар к космологам. В ГАИШе только они и были, но семинар был строго онлайн, хотя Маша Кацова утром уверила меня, что будет и заседание в «реале». Ничего подобного, но Коля Шакура дал мне его посмотреть на своем компьютере. От семинара я ожидал много большего, конечно, Саша Петров не Сурдин. Доклад был суховат с несколькими ничего не говорящими слайдами. Впрочем, задачу я выполнил — прогулялся.

Ваш

В. Шамаев

Дальнейшую переписку не привожу — она слишком личная. Уговорить Галину Владимировну вспомнить что-нибудь о своем курсе не удалось.

Далее о Мише Сажине.

Миша Сажин

Это не переписка по электронной почте, как с предыдущими моими корреспондентами. Это рассказ.

14.03.2019. С утра пошел в ГАИШ. Накануне позвонил Мише Сажину узнать, как у него с операцией. Говорит, что уже дома и завтра в 11 часов собирает совещание. Придут Володя Жаров с Вадимом Милюковым. А Вадиму я еще не подарил книжку, т.к. он был в командировке, и решил подойти до. На первом этаже в вестибюле встретил Мишу. Ходит он с палочкой, с трудом, но, узнав что я иду к Милюкову с книжкой, сказал, что тоже заглянет. Ему надо было в кадры, и мы поднялись на второй этаж. Он куда надо, а я к Люде Насоновой с книжкой и потом к Ю.Н. Ефремову. Повторился случай с Виленом Валентиновичем Нестеровым. Мне сказали, что Юрий Николаевич будет завтра, а на самом деле он уже не приходил в ГАИШ, смертельно болел и вскоре скончался. Спустился к Валере Семенцову в 24-ю комнату, где у меня лежали книжки, и вместе пошли на цокольный этаж к Вадиму. Он меня уже ждал. Я передал ему книгу, он листает, хвалит хороший дизайн, читает аннотацию, говорит, что обязательно прочтёт. Кстати, Вадим, наткнувшись на фотографию Коли Бочкарева в книге, подтвердил мои слова о его невероятном упорстве. Как-то он его познакомил с высоким чиновником в Минвузе, и Коля как репей к нему прилип, замучил рассказами об Астрономическом обществе и своей решающей роли в его создании, просьбами о деньгах. Знакомый при встрече сказал Вадиму: — С кем ты меня познакомил? Это же ненасытный человек.

Да, Коля таков в достижении своей цели, и им можно только восхищаться.

Начали разговаривать, и тут притащился (буквально) Миша Сажин, а Валера ушел, оставив «бойцов» вспоминать славные дни молодости. Разговор перекинулся на Мишу, его здоровье, прошедшую операцию. Миша говорит, что похудел

на 30 кг, со 116 до 86. Двадцать пять сеансов облучения, операция с 14 до 23-30. В общем, ужасно, но выкарабкался. Я посоветовал ему побыстрее отбросить палку и восстанавливаться не форсируя, начать постепенно. Но все больше ходить. Это мой бзик — длительные прогулки, которые делаю сам и рекомендую всем другим. Помните ролики с Андреем Сергеевичем Кончаловским-Михалковым, когда он бежит, а после рекламирует витамины? При его сухой, спортивной фигуре и в возрасте за семьдесят это производит хорошее впечатление.

Вадим, показывая книгу, говорит:

— Вот, Володя подарил свою книгу.

Миша в ответ:

— Да Хромова там много, он там не один автор.

Вадим, словно недоумевая, произносит:

— Вот же обложка, читаю, Шамаев Владимир.

110 Вижу, Миша чем-то недоволен, и удивляюсь, что произошло? Месяц назад, не дождавшись Мишу из больницы, я передал ему свою книгу через Валеру Семенцова. Буквально на следующий день иду вечером с факультета, вышел на Университетский проспект, и вдруг звонок. Миша.

С ходу говорит:

— Получил твою книгу сегодня, сразу прочел страниц семьдесят. Здорово. Поздравляю. Такого, что там ты написал, даже не знал. Читаю дальше.

Спрашиваю:

— Где ты лежишь? — говорит, что в медицинском центре.

Думаю, МНОЦ МГУ я хорошо знаю, зайду на днях, пожалуй. Вечернее солнце, теплый день, расслабленность после сидения за компьютером, всё располагало к такому эмоциональному решению. Да и Миша говорит:

— Заходи, записывай адрес, — отвечаю, что знаю. В его голосе удивление:

— Откуда?

Говорю:

— Недавно навещал там Галину Владимировну Романову, да и сам там лежал.

К тому же, думаю про себя, — недалеко от физфака, почему не сходить проведать друга.

Миша:

— Хорошо. У меня корпус такой-то, это в глубине территории.

Чувствую, что-то не так. Какой корпус, на какой территории, в какой глубине, если МНОЦ это единое здание. Выяснилось, что это не Медицинский центр МГУ, а другой, кажется, Медицинский центр Мясникова, что по Рублевке рядом с Бакулевским кардиологическим центром. У черта на куличках, где-то на западе что ли Москвы. Но туда, даже к Мише, тем более по моей прихоти, ехать я не был готов.

Договорились встретиться после операции, которую ему чуть ли не на неделе должны были сделать. А делать, конечно, было надо. Я его недели три до этого видел в нашей 202-й поликлинике МГУ, и выглядел он, надо сказать, так себе. Передвигался не как всегда, лифтом пользовался и вообще собирал бумаги для направления на консультацию куда-то к опытному кардиологу.

Мише сделали сложную операцию, он вышел из больницы, начал с палочкой ездить в ГАИШ, прихрамывал, опирался на свой костыль, но выглядел гораздо лучше, чем я видел его перед операцией.

И вот на тебе, претензия. Мне, по его мнению, надо было выпускать книгу вовсе без авторства или с кем-то.

Говорю:

— Миша, не завидуй, ты тоже можешь написать такую книгу, вокруг тебя столько интересных людей: Николай Иванович Шакура, Владимир Михайлович Липунов, молодой Сергей Попов. Ты рассказывал мне, что Яков Борисович Зельдович брал тебя в соавторы статьи. Твоим руководителем был покойный Леонид Петрович Грищук, ты слушал лекции Абрама Леонидовича Зельманова. Интересные все люди. Вспомни, как мы с тобой ходили на факультет проверять посещаемость нашего четвертого курса (выпуск 1980-го года), пошедшего в разнос.

На этом курсе учились Андрей Захаров, Валя Козырева, Петя Кортунов (их староста), Коля Пискунов, Саша Сюч, Саша Хохлов, Сережа Шкребела, вот навскидку несколько имен. В этой же группе был и Сергей Калинин. Он был умен, учился плохо и, как мне казалось, своим поведением прогульщика и из-за авторитетности в группе опускал её по успеваемости вниз. Вслед за ним многие ребята плохо ходили на занятия, и ладно бы это, но успеваемость была никакой. Училась группа так себе. К четвертому курсу в сессиях не было, по-моему, ни одного отличника. До этого мои попытки поговорить с группой и Калининым, как зlostным прогульщиком, заканчивались ничем. Сергей дерзил, гнул свою линию и поддерживал в группе настроение пофигизма. Уговоры повысить посещаемость, а с ней и успеваемость, не помогали. Что делать? И, посоветовавшись «с опытными товарищами», я направил его в Комиссию по студенческим делам факультета с соответствующим представлением на отчисление за многочисленные прогулы. Такой норматив существовал. Столько-то прогулов — выговор, столько-то — строгий выговор, а Калинин набрал прогулов на отчисление. На заседании КСД Сергей попытался вести себя как со мной, говорил, что посещает занятия не меньше других, учится, как может, и вообще не понимает, почему он сюда попал. И здесь я в очередной раз увидел, как четко работает механизм КСД факультета. Зам. декана Юрий Георгиевич Пыркин и начальник учебной части Леонид Стефанович Кузьменков мгновенно всё поняли и согласились с предложением Астрономического отделения отчислить студента Калинина за прогулы. Как сказал Пыркин:

— На факультете есть правила, которые студенты обязаны выполнять. Вы превысили число допустимых прогулов, и мы представляем вас декану на отчисление. Примем также решение о положении с прогулами на Астрономическом отделении, т.к. Шамаев затянул с направлением вас на КСД факультета, а сама Комиссия факультета в лице начальника курса тоже затянула с решением этого вопроса. Вы свободны.

С Сергеем случился шок, он никак, видимо, не думал так о своем положении и таком разрешении конфликта со мной. К четвертому курсу многие студенты уже считают, что на них нет управы, их не отчислят, а выговоры они переживут. Быстрота решения, обыденный тон заместителя декана, единоголосное голосование комиссии произвели неожиданный и в то же время страшноватый эффект. Уже взрослый, двадцатилетний, нагловатый парень, сидевший, закинув руку на спинку стула, сразу сгорбился, поник, задрожал и сдулся. Перед нами сидел мальчишка, вдруг понявший, что всё серьезно, и его судьба, похоже, решена. Все студенты знали суровость декана Василия Степановича Фурсова, особенно в вопросах прогулов занятий — дисциплины.

Сергей срывающимся голосом, со слезами на глазах стал просить дать ему последний шанс, что он обещает не пропускать занятия, и еще что-то лепетал еле слышно.

Пыркин обратился ко мне:

— Ну что скажете?

Я, видя эту жалкую фигуру, это мгновенное преображение, да и учитывая, что он все-таки успевает, попросил дать ему шанс.

Положение с прогулами в группе выправилось, да и все же это был четвертый курс. Помнится, с дисциплиной в группе стало всё в порядке, хотя по успеваемости курс 1980-го года выпуска, кажется, самый слабый, которые заканчивали физфак при моей работе на Астрономическом отделении. Докторов наук среди них, похоже, нет, да и кандидатом стала только Валя Козырева, если верить «Списку выпускников» на сайте ГАИШ.

В общем, возвращаясь к Мише и Вадиму, я сказал Мише:

— Напиши о том, об этом, и у тебя будет такая же книга. Твой сосед по 31-й комнате и младший товарищ, Костя Постнов, стал директором ГАИШ, у тебя жена стала доктором наук, полно материала. Володя Липунов постоянно открывает новые объекты, Коля Шакура получил Госпремию, молодой Сергей Попов идет в член-корреспонденты. Давай дерзай, стань тоже писателем мемуарной литературы.

Вспоминаю нашу попытку выпустить первую Мишину научно-популярную книгу по космологии. Я в те 1990-е годы руководил издательством «Космосинформ», выпускал много разных, в основном научных книг. Недавно начал подсчитывать, получилось что-то около пятидесяти. Среди них есть и известные, например, С.М. Львовского «Набор и верстка в пакете LaTeX», которая вышла двумя изданиями, «Угроза из космоса» ИНАСАНа, «Атлас звездного неба» ВАГО, «Астрономический календарь» всё того же ВАГО и др. И вот как-то Миша говорит, что у него есть рукопись научно-популярной книги. Не знает, кто возьмется издать. Перед этим дал мне почитать свою статью в «Науке и жизни». Статья интересная. Перечитал недавно, по-прежнему интересно, но как-то заметны некоторые непрописанные моменты, которые и тогда бросались в глаза. Со «струнами» и «петлями» Вселенной что-то непонятно.

114 Недавно прочитал книгу Стивена Хокинга и, кажется, понял. Вот кто умел популярно объяснить сложные для понимания моменты, а главное — писать увлекательно.

Говорю, Миша, приноси, посмотрим. Принес Миша рукопись, почитал я ее и вижу, что язык и стиль книги труден для понимания — моего, как читателя. Подумал, требуется хороший редактор, знакомый с темой. В следующий раз Миша пришел с дочерью, которую хотел привлечь к оформлению книги. Обсудили, попили чай, и я сказал, что попрошу Аню Седякину быть редактором. У неё большой опыт, и она не только улучшит стиль книги, но и выявит все ошибки его стиля, найдет все введенные, но не объясненные понятия и обозначения, выявит непонятные моменты, да и пунктуацию поправит. В общем, создаст читаемый вариант. Кстати, попрошу и эту мою книгу поредактировать. Уверен, что это только улучшит ее синтаксис и связность.

Аня прочитала страниц пятьдесят и поставила на полях рукописи огромное количество вопросов, внесла исправления и выдала кучу замечаний. Энтузиазма у нее книга не вызвала, слишком много работы. Передал я рукопись Мише со

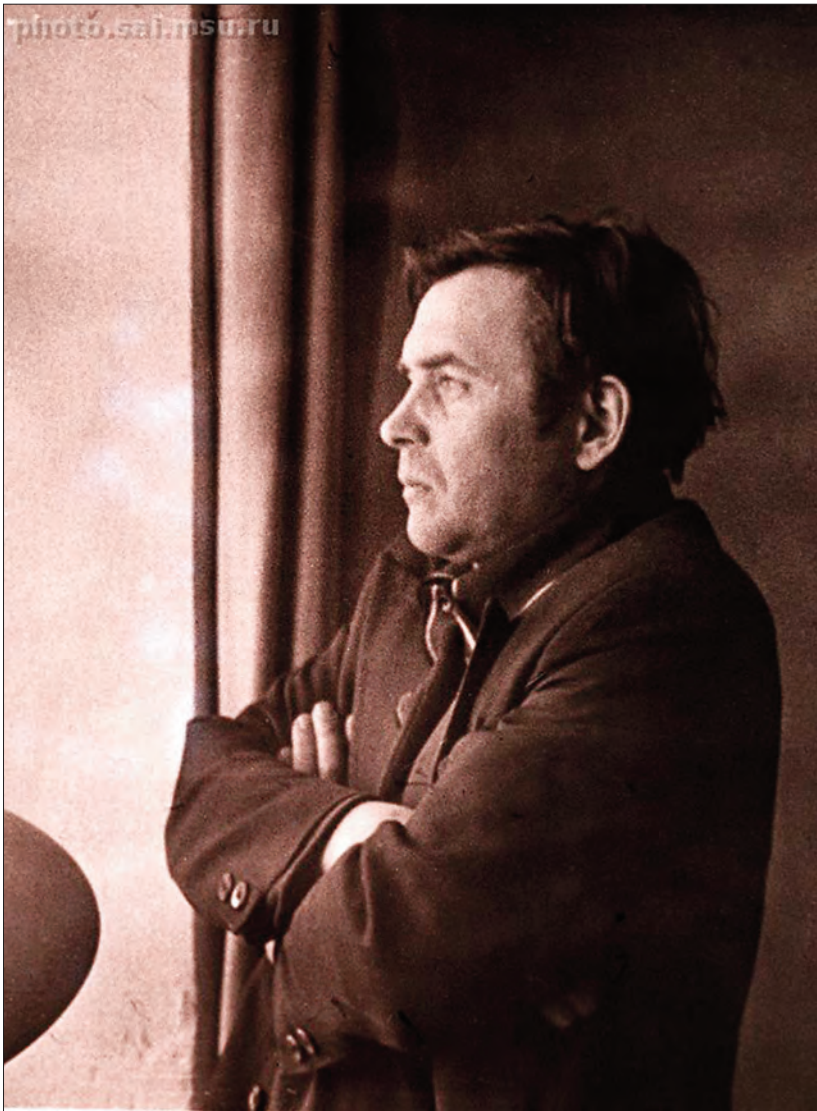
словами, что готов ли он к серьезной и многомесячной работе. Оказалось, не готов. На том эта история, как мне казалось, и закончилась, но выясняется, что обида осталась. А жаль, при редакторстве Ани у тандема книга получилась бы хорошей и, главное, понятной для читателя, а для кого же еще. Думаю, что не хуже, чем у Хокинга. Позднее, как я случайно узнал, кажется, при поддержке Володи Сурдина книга вышла в УРСС. Мне Миша ее не подарил, а покупать, помня рукопись, я не стал. Хотя, если в редактировании участвовал Володя Сурдин, то книга должна быть хорошей. На YouTube много его (Сурдина) интересных лекций. Вместе с Сергеем Поповым они одни из лучших популяризаторов астрономии.

Прошло три года. Пока книги воспоминаний от Миши я не читал, и пишется ли она, не знаю, но если пишется, то должна быть интересной, хотя...

Ну а что касается Мишиного недовольства. Видимо, и еще чем-то я Мишу задел, то ли, что его в книге нет, а другие есть, то ли, что о ком-то написано не так, как он думает. Непонятно, но вот включением этого большого фрагмента о нем в эту книгу я, надеюсь, верну его расположение. А написать о Коле Шакуре, не сомневаюсь, стоит. Он и сам это заслуживает, да и соавторы у него будь здоров: Зельдович, Сюняев, Черепашук. Недавно был юбилей Коли, да и Государственную премию они с Рашидом Алиевичем получили, и всё на слуху, и всё интересно. Есть что вспомнить, а главное, это останется в истории, собранное в одном месте. Ведь интересно читать воспоминания артистов, писателей, кинематографистов, политических деятелей или рассказы о них. Также интересно читать и об ученых, но хороших воспоминаний мало, не хватает. Я сам вряд ли возьмусь написать о Коле, да и его окружение мне не так хорошо известно, и его работы в астрофизике, а не в моей астрометрии. И хотя в ГАИШе мы постоянно пересекаемся, да и его жена, Наташа, после академического отпуска заканчивала в моей группе, с этим пожеланием, написать о нем, я всё же обращаюсь к его коллегам.

Михаил Васильевич Сажин

Николай Иванович Шакура

Ну а Миша Сажин, конечно, и сам достоин книжки. Ему 28 ноября 2021 года исполнилось семьдесят лет. Он главный научный сотрудник отдела релятивистской астрофизики ГАИШ МГУ, доктор физико-математических наук, профессор.

118 Вся его жизнь со студенческих времен связана с Московским университетом. После окончания Физического факультета в 1975 году и аспирантуры того же факультета он с 1978 года работает в ГАИШ. Миша член Национального общества науки, литературы и искусств Неаполя (Академии физических и математических наук), член редакционных коллегий журналов «Гравитация и космология», «Астрономический журнал», «Пространство, время и фундаментальные взаимодействия», член учёного и диссертационного советов ГАИШ, совместно с академиком В.А. Рубаковым, тоже выпускником физического факультета МГУ, лауреат премии имени М.В. Ломоносова МГУ, лауреат премии имени И.С. Шкловского РАН, сопредседатель Общественного семинара по гравитации и космологии им. А.Л. Зельманова. Автор четырех учебных курсов, научных и популярных книг, научный руководитель семи кандидатских и консультант трех докторских диссертаций.

Область научных интересов: общая теория относительности, теоретическая и экспериментальная космология. Многолетний руководитель темы: «Современная космология и теория релятивистского гравитационного поля», руководитель и важнейший участник российских и международных грантов и проектов. Автор более 200 статей и 11 книг.

Миша участник теоретического предсказания и экспериментального открытия анизотропии реликтового излучения в космическом проекте «Реликт» (1992 г.). Предложил и развил идею детектирования гравитационных волн с помощью данных наблюдений пульсаров, а также новые способы как исследования нестационарности пространства-времени в задачах астрометрии, так и поиска космических струн. Это всё я взял из сопроводительного текста по случаю 70-летия Михаила Васильевича на сайте ГАИШ.

В общем-то, издать книгу, а ещё и интересную, непросто, а кроме того, и надо, чтобы она дошла до читателя, а система книгораспространения СССР была разрушена в результате строительства гайдаровского криминального капитализма. Много хороших книг, изданных мизерным тиражом и осевших в гаражах, на дачах мелких книгоиздателей, не сумевших продать их, канули в Лету. Хорошо, если автор выложил свою книгу в интернете. Тогда ее можно найти. Найти случайно, т.к. не стало и газеты «Книжное обозрение», печатавшей все новинки, поступившие в течение недели в книжную палату. Помню, раньше мы так и узнавали о вышедших новинках.

С проблемой распространения столкнулось и наше издательство, выпускавшее в течение пяти лет «Астрономический календарь» ВАГО (1997–2001 гг.) и пытавшееся как могло распространять его. После нас «Астрономический календарь» взялась выпускать Пулковская обсерватория, но тоже, кажется, надорвалась. Володя Якименко говорит, что сейчас существует только «Астрономический календарь» Одесской обсерватории, который он с трудом ежегодно достает и использует в своей преподавательской и просветительской деятельности. Вообще-то могу сказать, что книгоиздательство принесло убытки многим мелким издательствам. Так, навскидку, только книга С.М. Львовского «Набор и верстка в пакете LaTeX» вышла на самокупаемость при 5000-м тираже. Если помните, а я имею в виду ГАИШ, физфак, мехмат, мы поставляли ее по 12 рублей за экземпляр. Многие из вас ее купили.

А так хорошо всё начиналось. В начале 90-х как грибы после дождя вырастали издательства, начался выпуск переводной литературы. Много научной фантастики, особенно любимой мною. Издательство «Текст» выпустило собрания сочинений братьев Стругацких, Станислава Лема. Наконец-то была переведена трилогия Айзека Азимова «Основание», которое я когда-то прочитал благодаря моему другу и однокурснику Володе Черкезьяну. Он подарил мне эти три книжечки на английском языке. Помню свое впечатление

чего-то необыкновенного, невиданного, изумительного, а ведь они были написаны в 1950-х годах. Классика, настоящая классика, без всяких скидок.

120 Я сначала кинулся всё переведенное покупать: фантастику, детективы, Толкиена, но быстро выяснил, что, к моему сожалению, было утрачено искусство перевода, к качеству которого мы привыкли в Советском Союзе. Теперь переводили не профессионалы, а все, кому не лень. Помню, что в конце 80-х Коля Симонов дал мне почитать «Хоббитов» Толкиена. Я был восхищен, и когда в начале 90-х узнал, что вышло продолжение серии «Властелин колец», подписался на него, оставив почтовую открытку в магазине иностранной книги издательства «Прогресс», что был у метро «Парк культуры» на Зубовском бульваре. Это был толстый том почти на тысячу страниц. К моему сожалению, никакого сравнения с великолепно переведенным «Хоббитом». И только несколько лет спустя в Ленинградском издательстве «Радуга» вышли прекрасно переведенные три книжки полного «Властелина колец». Как и всей зарубежной литературе в 90-е годы, научной фантастике не повезло с переводчиками. Персонаж Басилашвили в «Осеннем марафоне» говорил: «Переводчик — это связь между культурами», и эта связь была утрачена, как ни странно, в «свободные» ельцинские времена. Не к ночи будет помянут этот персонаж нашей истории.

Я перед сдачей первой книги в типографию сделал список, кому хотел бы подарить книгу, добавил десять процентов, учел, что шестнадцать экземпляров надо отдать в Книжную палату, и получилось около 150 экземпляров. Потом выяснилось, что маловато, но уже ничего не поделаешь. Просивших книгу отсылал в Интернет, где она почти сразу была мною выложена. Печатную же книгу получили все, кому, мне казалось, это будет интересно.

И, заканчивая о моем друге Мише Сажине, скажу, что они похожи с французским писателем Роменом Гари, о котором я уже упомянул и подробнее напишу дальше в связи со

Михаил Васильевич Сажин и Михаил Павлов на 2 этаже ГАИШ
перед конференц-залом. Фото Олега Бартунова

Львом Савровым. И тот, и другой, я имею в виду Мишу и Гари, жизнелюбы и склонны к мистификациям. Посмотрите биографию Р. Гари.

Помещаю еще одну фотографию Миши, этого талантливого и интересного нашего товарища. Прекрасная, не правда ли?

И в заключение вспомним, как И.С. Шкловский делил выбирающихся в Академию наук на «проходимцев», т.е. могущих избраться, и «шансонеток» — шансов нет, а Л.Д. Ландау для мужчин в отношении к женщинам ввел две категории — «душисты» и «красивисты». Приведу категории научных работников в отношении измен своим спутницам, как рассказывал мне Михаил Васильевич.

Кандидат наук — мерзавец, развратный тип.

Доктор наук — ведет себя неподобающим образом, с пониженной социальной ответственностью.

122 Член-корреспондент — допускает послабления в личной жизни, любит ходить налево.

Академик — жизнелюб.

ИЗ «ВОСПОМИНАНИЙ» Д.Я. МАРТЫНОВА

123

Прочитав в первый раз воспоминания Дмитрия Яковлевича, а это было до выхода моей первой книги, я подумал — интересно, но они кончаются 1972 годом, годом моей службы в армии. А всё интересное, что я хотел бы у него прочитать — это время, начиная, пожалуй, с 1975 года, когда я заканчивал аспирантуру, а Дмитрий Яковлевич был не только директором ГАИШ, но и зав. Астрономическим отделением. Дмитрий Яковлевич в 1976–1977 гг. заканчивал работу директором ГАИШ и переходил полностью на заведование кафедрой астрофизики. После внезапной смерти Б.В. Кукаркина в 1977 году он стал еще выполнять обязанности заведующего кафедрой звездной астрономии и астрометрии. Помню такой эпизод. Слушаем на ученом совете доклад о состоянии учебных дел заместителя тогда заведующего астрономическим отделением Геннадия Ивановича Ширмина. Что-то он сказал в духе, что Дмитрию Яковлевичу неплохо бы было как заведующему кафедрой посещать лекции молодых преподавателей, давать им советы, поправлять их и т.д., т.е. осуществлять контроль. На что Дмитрий Яковлевич сказал:

— Геннадий Иванович, я бы с удовольствием это делал, но вот декан [В.С. Фурсов] категорически отказывается оплачивать такую работу.

Хочот присутствующих в конференц-зале.

Сразу вспомнился мне случай, который любил рассказывать Вилен Валентинович Нестеров. Как-то он, будучи ученым секретарем ГАИШ, обратился к Дмитрию Яковлевичу по поводу того, что он выполняет много дел, выходящих за пределы его обязанностей, и это никак не оплачивается. На что Дмитрий Яковлевич назидательно, как он это умел, сказал:

— Вилен Валентинович, это общая беда. Вот я выполняю обязанности директора, заведующего астрономическим отделением, зав. кафедрой, работаю в ВАК и так далее, и так далее, и так далее. Всего по восемнадцати позициям, а получаю только по шестнадцати. Такова наша жизнь научных работников и преподавателей высших учебных заведений.

124 Как говорил Вилен Валентинович, ему пришлось удовлетвориться тем, что они в одинаковом положении.

В этой ситуации я могу лишь присоединиться к Вилену Валентиновичу. За все десять лет выполнения обязанностей зам. заведующего Астрономическим отделением я не получил ни копейки. В то же время, надо отдать должное, и Вилен Валентинович, и я имели неограниченный доступ к директору. Он — к Дмитрию Яковлевичу, я — к Евгению Петровичу, а это немаловажно.

Верю, что Дмитрий Яковлевич считал, что обязанности ученого секретаря — это необременительная нагрузка. Вот что он писал, объясняя, что принял закончившего аспирантуру теоретика-космолога И.Д. Новикова не в отдел радиоастрономии, а в должности ученого секретаря ГАИШ: «Тогда [в конце 50-х гг.] работа ученого секретаря была далеко не столь хлопотливой, как спустя 10–15 лет, и она не мешала И.Д. Новикову успешно [в науке] продвигаться вперед». Однако, с этой «не столь хлопотливой» должности за относительно короткое время ушли — В.Д. Давыдов, И.Д. Новиков, В.В. Нестеров, Г.С. Хромов, и только Люд-

мила Николаевна Бондаренко задержалась на много лет, но у нее не было научных амбиций, и работа ей, видимо, очень подходила. Каждое дело ждет своего подходящего исполнителя, не редкость, что и долго.

Несмотря на то, что воспоминания Дмитрия Яковлевича составлены им самим, по его же дневникам, упорядочены по времени, оказалось, что работать с ними нелегко. Поэтому я не ставил перед собой задачу издать книгу воспоминаний Дмитрия Яковлевича, как сделали мои коллеги, составив и издав книгу Д.Я. Мартынов «Полвека у телескопа», злые языки тут же стали ее называть «50 лет в трубу». Я привожу в своей книге только интересную мне их часть, часть, касающуюся МГУ и ГАИШ и известных мне людей. Отчеты о многочисленных поездках за границу, встречах с малоизвестными мне лицами принимающей стороны, впечатлениях о посещении музеев, театрах, где им слушались оперы, опять же комментарии прослушанного — всё это продолжает ждать своего издателя. Неинтересны мне показались и рассказы, относящиеся к его выступлениям там и сям, а также и комментарии к ним.

Выскажу крамольную для некоторых, а может быть и для многих, мысль, что, как мне кажется, Дмитрий Яковлевич прогадал, не оставив свои дневники Гавриле Сергеевичу Хромову, как обещал.

— А хотите, я завещаю вам свои дневники?

— Хочу, — ответил ГС.

Посмотрите в моей первой книге.

Он, Гаврила Сергеевич, ведь был трудоголиком и при этом волком-одиночкой. Например, много лет разбирался с архивом отца и таки одолел его. Написав в «Итоги науки и техники» ВИНТИ обзор, он пишет: «Вместе с Сашей Овчинниковым отвез в ГАИШ два пуда бумаг по приборам, телескопам и обсерваториям». Или вот еще: «Привожу в порядок свой служебный архив. За 2004 г. я написал 50 всевозможных документов».

Гаврила Сергеевич умел подолгу работать над одним проектом, чему есть многочисленные свидетельства в той

же первой книге. Несмотря на общее мнение, он был относительно незлобив, добросовестен, не сводил счеты, порядочен, а главное — упорен в реальности достижения цели. Гаврила Сергеевич составил бы хорошую книгу воспоминаний Дмитрия Яковлевича, тем более, что с ухода Дмитрия Яковлевича у него на это было почти четверть века. Уверен, он выполнил бы это и выполнил тщательно, по-возможности объективно и к тому же получил бы удовольствие и от выполненной работы, и от того, что сделал полезное дело. Оставил бы он, конечно, и встречающиеся резкие суждения Дмитрия Яковлевича о коллегах. А они в воспоминаниях встречаются, и я их привожу по своему усмотрению. Вот так.

126

Воспоминания Дмитрия Яковлевича, так же, как и дневники Гаврилы Сергеевича, я ранее рассматривал с сугубо личной точки зрения — вспомнить то время и найти там себя. Получить взгляд со стороны. Гаврила Сергеевич строил в своих дневниках свой мир, в котором он был демиургом. Мир, где всё было так, как ему хотелось. По-своему мир справедливый, правильный, но управляемый его железной рукой, его понятиями о том, каким ему быть, куда развиваться. В свою очередь, Дмитрий Яковлевич писал с оглядкой на читателя.

В Предисловии к приводимой мною второй части его воспоминаний [Первая часть вышла книгой «Полвека у телескопа»], как бы подтверждая слова Гаврилы Сергеевича из его дневников, Дмитрий Яковлевич пишет:

«Я думаю, что напечатают (если напечатают) эти воспоминания нескоро [и здесь он оказался прав — ВШ]. Но цитировать или, по крайней мере, ссылаться на [них] ... будут. Разумеется, по рукописи.

Кто это будет делать? Астроном, историк, литератор?... Может быть, все они. Я всех не знаю, для кого пишу. Для кого могу вдруг оказаться интересным?

Мне хочется рассказать немного о себе, насколько можно показать дух времени. Показать, не вдаваясь в историю, так как историю этих лет писать было бы покусше-

нием с негодными средствами. Думаю, что и через сто лет она не будет написана бесстрастно и беспартийно. Пусть те и другие стороны возьмут из написанного мною то, что им будет нужно и полезно для характеристики Эпохи — как думали современники, как оценивали происходящее. Но может быть, мои записи оживят их оценки и сделают их интересными.

Поэтому на свои «Воспоминания» я смотрю не как на нечто самостоятельное, а лишь как на материалы к истории XX века, к истории астрономии, Казанского университета, Энгельгардтовской обсерватории, Московского университета, Института им. Штернберга, к биографии, к облику тех, кто делал эту историю, ничего не замечая, или просто был равнодушным свидетелем событий».

Вот так! Дмитрий Яковлевич всё предусмотрел. И то, что не напечатают, и то, что «цитировать или, по крайней мере, ссылаться на [них] ... будут». Я и цитирую, и ссылаюсь, и комментирую. Соглашаюсь или нет — не суть важно, главное — воспоминания Дмитрия Яковлевича выходят к нам, читателям.

К сожалению, до момента, когда появился я в качестве какой-никакой фигуры в деятельности Астрономического отделения, попавшие ко мне записи не доходят. А жаль! Хорошо, что я смог посмотреть на себя со стороны в дневниках Гаврилы Сергеевича, и мое любопытство, хоть и со своей стороны, он смог удовлетворить. Вряд ли кто из вас имел или имеет такую возможность. Разве по приведенным мною цитатам из Гаврилы Сергеевича. Он почти никого не ставил вровень с собой, пожалуй, даже и никого, но знал многих и, к сожалению, многие ушли, не увидев себя.

В отличие от дневников ГС, Дмитрий Яковлевич к концу жизни сам сделал из своих дневников выжимки, которые я и смотрел, и выдержки из которых привожу. Оба они в жизни были хорошо организованными людьми, но Дмитрий Яковлевич, видимо, готовил дневники к печати, а Гаврила Сергеевич положился на других (получилось — на меня), не оставив четких распоряжений, но упорядочив их и сложив

в одно место на верхней полке своего книжного стеллажа. Добраться можно было только по лестнице.

128 Доступная мне часть дневников Дмитрия Яковлевича датируется 1954–1972 годами — его начальным московским периодом в жизни. Он только что перебрался в Москву, даже еще не перебрался, а только оформляется на работу в Московский университет. Получает квартиру в Главном здании, прописывается туда с семьей, знакомится с руководством и своими обязанностями профессора. Период строительства Главного здания Московского университета на Ленинских горах описан в воспоминаниях других, наверное, вы видели фотографии, которые появились с началом эпохи Интернета. Тогда же высыпалось некоторое количество свидетельств очевидцев и участников этого грандиозного строительства. В основном это записи бывших студентов, которые начинали учебу в аудиториях Главного здания и поселялись в находящиеся в нем же корпуса общежития. Как проходило строительство здания ГИАИШ, заполнение его оборудованием и астрономическими инструментами, строительство павильонов и башен для них — до «Воспоминаний» Дмитрия Яковлевича я и не встречал. Много интересного есть в его записях. Например, меня поразило, что штатный состав ГИАИШа на тот период был 102 человека, что зенит-телескоп ЗТЛ-180, важнейшая часть астрометрического оборудования, в основании имеет фундамент из бывших на этом месте печей кирпичного завода. Написал он и откуда и каково назначение находящихся на территории ГИАИШ двух разнесенных по меридиану 40-метровых мачт. Много различных версий я слышал о том, как Дмитрий Яковлевич принимал в институте С.П. Королева, теперь есть его воспоминания об этом — или интерпретация, если хотите. Что Э.А. Дибай пришел в ГИАИШ из Казанского университета, будучи студентом самого Дмитрия Яковлевича, и много чего еще интересного.

Приведу подходящий к месту, интересный и неожиданный кусочек воспоминаний кинорежиссера Георгия Данелии, описанный им в его книге «Безбилетный пассажир».

«После четвертого курса архитектурного [института] мы с Джемсом Жабицким проходили практику на строительстве МГУ.

Когда мы появились на стройке, здание уже было возведено и шли отделочные работы. Я попал к прорабу по кличке Ётить.

— Студент, ётить? Будешь у меня мастером по ремонту облицовки.

Здание было облицовано керамическими плитками.

Лифт не работал, и мы полезли пешком на тридцать первый этаж. Через окно вылезли на подмости. Там курили солдаты. Подмости были подвесными — покачивались, и было страшновато.

Ётить объяснил:

— Стучишь по плитке — если звук полый, ставь на раствор новую. Твой участок от сих до сих. И еще тут.

Он пошел по доске за угол: там были такие же подмости, а между ними лежала незакрепленная доска. Тридцать первый этаж, люди внизу казались муравьями — ступить на эту доску я не решался.

— Ты где, ётить? — Крикнул Ётить. — Иди сюда!

Я пошел. Мне показалось, что доска поехала, и я вцепился в трос. Ётить еле отодрал меня.

— Ты чего бздишь, ётить? Здесь всего два шага.

Через какое-то время я привык и ходил совершенно спокойно.

Начал работать. Солдаты курили и советовали, а я простукивал плитки, и ненадежные отдирали.

Через пару дней Ётить поднялся посмотреть. И обалдел:

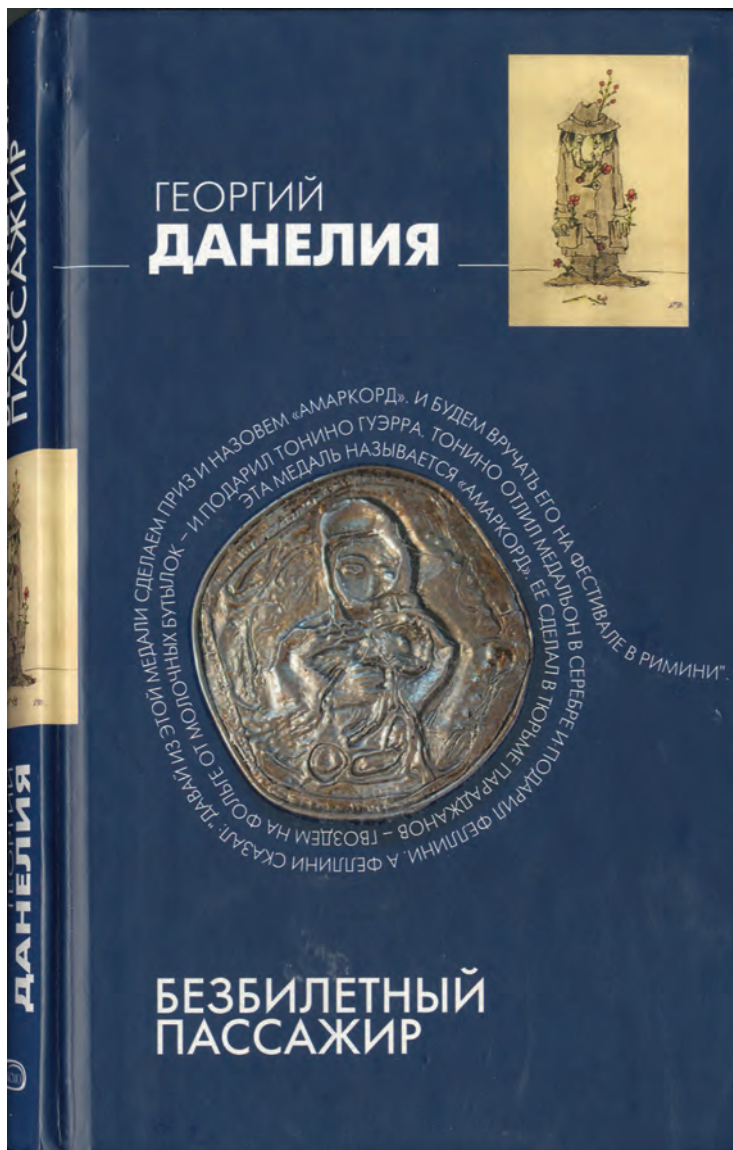
— Ты что, ётить, ох**л?! Ты всё расфурычил!

— Только где звук полый.

— Забудь про звук, ётить! Постукал — если не отлетела, оставляй.

Так я и делал. Не знаю, каким образом эти плитки до сих пор держатся.

На шпиле над нами работали заключенные. Двое каким-то образом умудрились бежать и попали в цементный рас-

Книга Г. Данелии «Безбилетный пассажир»

твор (потом мы использовали это в сценарии «Джентльмены удачи»).

Я сам поступил в МГУ в 1965 году, и естественно, что этот период вне моих личных впечатлений, поэтому нахожу массу интересного в этих записях. Не поверите, но сами увидите.

А ведь могли бы сделать печатными свои впечатления, воспоминания об этом периоде и Б.А. Воронцов-Вельяминов, прекрасно владевший печатным словом, и В.Ф. Есипов, принимавший участие в строительстве университета, да и другие наши коллеги, имена которых широко рассыпаны в воспоминаниях Дмитрия Яковлевича этого периода. Тот же В.В. Подобед или даже Б.В. Кукаркин. Да и рангом ниже, участвовавшие и в переселении в новое здание ГАИШ из Краснопресненской обсерватории, и в создании Южной станции ГАИШ.

В свидетельствах и подробных описаниях мне показалось интересным у Дмитрия Яковлевича не только отмеченные и запечатленные события, но и портреты людей с его комментариями-характеристиками. Ожили ранее известные лишь фамилиями директора ГАИШ Н.Д. Моисеев, С.В. Орлов, П.П. Паренаго. Интересны характеристики недолгого директорства Б.В. Кукаркина и его заместителя В.В. Подобеда, своего заместителя по административно-хозяйственной части П.С. Солюянова, тогдашних и будущих руководителей подразделений института. Было интересно читать о Е.Я. Бугославской, о которой я знал только по учебнику «Фотографическая астрометрия», В.Е. Степанове, отце будущего директора Пулковской обсерватории А.В. Степанова, о Я.П. Горелове, ведущем астрометрические курсы в «домоё» время, но о котором я много слышал, да и жил он при мне в обсерваторском доме на Красной Пресне, о механике Н.И. Яковлеве, которого я увидел уже седым, но активным старичком. С удивлением узнал, что, оказывается, в ГАИШе была еще кафедра физики планет, которой руководил С.В. Орлов, прекратившая свое существование из-за отсутствия студентов.

Дела, события, люди (1956–1972)

Вот что пишет Дмитрий Яковлевич в доступных мне «Воспоминаниях» о переезде в Москву и поселении в профессорский корпус Главного здания.

«Комендант жилых корпусов нового здания МГУ на Ленинских горах, заранее предупрежденный, вручил нам ключи от предназначенной мне квартиры — № 13 в «Зоне Л». Мы вчетвером — мама, жена, сын и я — расположились в ней со своей «ручной кладью», а на другой день пришли контейнеры с более тяжелыми вещами — книгами, шкафами для них, диваном, сундуком с зимней одеждой, зеркалом, стоячими в рост человека часами с красивым боем. Книги не умещались в шкафах, людям не хватало «спальных мест», одежда и посуда не размещались во встроенных шкафах, не было предмета первой необходимости — холодильника».

132 Это Дмитрий Яковлевич говорит о служебной мебели, которая с бирочками прилагалась к пятикомнатной квартире — четыре комнаты плюс небольшая светлая комната рядом с кухней, для прислуги. Дальше он продолжает:

«Но в 1954 г. Москва еще не строилась гигантскими темпами, и достать нужное не составило труда, в том числе холодильник ЗИС, на безупречную работу которого я с умилением смотрю сейчас, 25 лет спустя».

Дальше интересные подробности о работе и вживании в новую среду:

«Был август — мертвый сезон в жизни МГУ, если не считать вступительных экзаменов. Я взялся на учет в Парткоме, нанес визиты ректору, И.Г. Петровскому, декану мехмата Ю.Н. Работнову, друзьям, П.П. Паренаго и Б.В. Кукаркину, который, как директор ГАИШ, был мне одновременно и начальником. Стал заблаговременно готовиться к новому учебному году».

Параллельно шло зачисление меня в штат МГУ. Оно действительно шло, и при том безо всякой быстроты. Суть в том, что по действующим в Москве правилам нельзя было зачислить на работу человека, в Москве не прописанного, а про-

писывать нельзя было человека, в ней не работающего. И хотя на моей стороне был закон, освобождающий от этих условий профессора, прошедшего по конкурсу, управление кадров МГУ и его жилищный отдел выжидали, когда другой сделает первый шаг. На эту «холодную войну» потребовалось около месяца, и наконец 30 августа я приобрел права гражданина Москвы.

К 1 сентября новое здание ГАИШ оставалось еще далеко не застроенным, но факультетские помещения были способны принять и студентов-астрономов, тем более, что стараниями Е.Я. Бугославской где-то на 13 или 15 этаже был оборудован хороший, просторный астрономический кабинет, очень удобный для первого курса, но старшие курсы, IV и V, малочисленные и разбитые по специальностям, еще занимались по закоулкам обсерватории на Пресне. Третий курс с его полным контингентом начал было тоже заниматься там, но вскоре удалось устроить его в главном здании на мехмате. Здесь началась моя педагогическая деятельность в МГУ — курсом «Общей астрофизики», который назывался курсом «Практической астрофизики», а «Теоретическую астрофизику» читал доцент В.Е. Степанов. Я, кроме того, на IV и V курсах вел спецкурсы и спецсеминары. Практикум по астрофизике тогда и в течение многих лет потом вела Н.Б. Григорьева, жена покойного Н.Ф. Флори. С увлечением читал курс «Звездной астрономии» П.П. Паренаго. С не меньшим увлечением у астрометристов читала фотографическую астрометрию Е.Я. Бугославская, но основные астрометрические курсы вел Я.П. Горелов, мало привлекавший студентов, и зав. кафедрой К.А. Куликов. На кафедре Небесной механики господствовал Н.Д. Моисеев, ему помогал бывший на полставки Г.Н. Дубошин, но студентов у них было мало, и нередко лекцию читали одному студенту. Незадолго перед тем скончавшийся Л.В. Сорокин оставил кафедру гравиметрии осиротевшей, и ее функции взяла на себя та же кафедра Небесной механики.

Была в ГАИШе в недалеком прошлом еще кафедра физики планет, возглавлявшаяся С.В. Орловым, но она растеряла

кадры и студентов, а С.В. Орлов перешел на положение заведующего отделом физики Солнца, впрочем, почти не занимаясь его делами, которые были в руках Е.Я. Бугославской и Г.Ф. Ситника. Последний занимал должность зав. кафедрой астрофизики. В этой роли он предоставлял мне много свободы и инициативы. В преподавании участвовали и сотрудники ГАИШ, не входившие в штатный состав кафедр. Еще до моего приезда был проведен опыт чтения курса теоретической физики в виде отдельных ее разделов различными лицами — читали Ю.Н. Липский, Г.Ф. Ситник, И.С. Шкловский, но удачным опыт оказался лишь у последнего. Он же с успехом читал курс радиоастрономии».

А вот и интересное свидетельство о наполнении нового здания ГАИШ сотрудниками и инструментами.

134

«Техническое задание на здание ГАИШ и его оборудование астрономы начали разрабатывать еще в 1950 году, в директорство С.В. Орлова, когда всеми этими делами управлял его заместитель М.С. Зверев. Когда же во главе ГАИШ стал Б.В. Кукаркин, он направил всю энергию на форсирование уже начавшегося строительства и оборудования его новыми инструментами. Последние поступали непрерывным потоком и заполняли уже подготовленные для них павильоны — полуметровый телескоп Максудова АЗТ-6, 70-см рефлектор АЗТ-2, широкоформатный 23-см астрометрический астрограф АФР-1, два пассажных инструмента для службы времени, вертикальный солнечный телескоп с зеркалом целостата 44 см [АТБ-1]. Установка этого инструмента сильно задержалась из-за того, что он оказался очень чувствительным к движению уличного транспорта. Затянулась и установка нового 18-см меридианного круга ГОМЗ [АПМ-4]. Все это были инструменты, изготовленные на Ленинградском оптико-механическом заводе. У меня осталось впечатление, что в разработке астрометрического астрографа и солнечной установки особенно большую роль играла Е.Я. Бугославская, а зеркальных телескопов — звездники во главе с П.П. Паренаго и Б.А. Воронцовым-Вельяминовым. [В примечании ДЯ: «Павел Петрович рассказывал

Павильон меридианного круга ГомЗ и башни АЗТ-2 на фоне
Главного здания МГУ. Справа — башня астрографа АФР-1

мне, что им пришлось выдержать очень серьезную борьбу с С.В. Орловым, который хотел телескопу АЗТ-6 придать большую светосилу. Сошлись на компромиссе — 1:5, но и это оказалось возможным использовать лишь под темным небом Крыма».]

Меридианный круг пестовал В.В. Подобед. По иронии судьбы никто из «родителей» этих инструментов с ними не стал работать — они попали в руки более молодых наблюдателей.

В то же время щедрым потоком шло лабораторное оборудование. Его комплектацией ведали Ю.Н. Липский, Г.Ф. Ситник, В.В. Подобед. Здесь открывались еще более широкие возможности, так как оптические инструменты в больших масштабах заказывались факультетами, главным образом, физическим. В результате, в ГАИШе появилось очень много лабораторных приборов — особенно спектральных, которые после их приобретения оказывались никому не нужными и охотно передавались другим университетам, но, увы, не все они находили себе новых хозяев, как например, Роулэндский спектрограф или скороспелый микрофотометр МФ-6.

136

Но это были те щепки, которые летят при рубке леса. В зиму 1954–55 гг. ГАИШ получил превосходное, великолепно оборудованное здание, с хорошими инструментами, книгохранилищем, хранилищем для астрономических негативов, глубоким часовым подвалом [вот и появилось упоминание о часовом подвале, с рассказа о судьбе которого я и начал эту книгу — ВШ] и трехкомнатной фотолабораторией. А главное — просторы, которые полностью были оценены сотрудниками, работавшими в невероятной тесноте обсерватории на Пресне. Кое-кто остался работать на Пресне, Кучинские астрономы не покинули рабочих мест, и потому 102 штатных работника ГАИШ плюс 15–20 факультетских сотрудников оказались почти в идиллической обстановке».

Описывает Дмитрий Яковлевич и кризис руководящего состава ГАИШ.

«Внутренняя обстановка была далека от идеала. На самом деле энергичная работа Б.В. Кукаркина на посту директора

ГАИШ задела немало сотрудников, как заслуживающих неодобрения, так и не заслуживающих его, так что он оказался в конфликтных отношениях с довольно большой и влиятельной группой лиц, использовавших оплошности в работе директора в духе недоброжелательной критики. Пока секретарем Партбюро ГАИШ был такой умный человек, как Ю.Н. Липский, открытые конфликты не возникали, но все же одну крупную неприятность Б.В. Кукаркину пришлось испытать — когда по настоянию партийной организации его заставили согласиться с кандидатурой В.В. Подобеда на пост заместителя директора по научной работе, вместо выдвигаемой им самой кандидатуры В.Е. Степанова. Это было неудачей для ГАИШа, так как В.В. Подобед был одним из главных антагонистов Б.В. Кукаркина».

Но и с В.Е. Степановым оказалось не всё в порядке.

Он «был окончательно скомпрометирован, когда в официальной обстановке во время разговора с новым секретарем [партбюро] Г.Ф. Ситником нанес ему пощечину (со словами: «Я таких, как ты, на фронте расстреливал!»), в результате чего принужден был покинуть Московский университет». [В примечании ДЯ: «Ныне член-корр. АН СССР В.Е. Степанов, пожалуй, ничего не потерял от этого. Он перешел на работу в Крымскую астрофизическую обсерваторию, где, работая вместе с А.Б. Северным по магнитным явлениям на Солнце, написал докторскую диссертацию и перешел на самостоятельную работу в Сибирское отделение АН СССР».]

Дальше больше.

«Между тем, директорский кризис в ГАИШе назревал. И в конце 1955 года Ректор Иван Георгиевич Петровский принял решение предоставить Борису Васильевичу длительный отдых, во время которого обязанности директора ГАИШ будут исполнять его друзья — П.П. Паренаго и Д.Я. Мартынов. Собственно Иван Георгиевич поручал первоначально это исполнение обязанностей Павлу Петровичу, но тот из страха перед административными делами выговорил, что оно будет поделено равными частями между ним и

мною (в самом первом варианте, даже между тремя лицами). На это я пошел, и вот конец 1955 г. и начало 1956 года ГАИШ просуществовал с двумя псевдодиректорами: до января 1956 г. П.П. Паренаго, а после этой даты — я».

Поиск мест для астрономических инструментов создал еще один конфликт.

«В это же время развивался и другой конфликт. Еще при начальном составлении планового задания на здания и оборудование ГАИШевского комплекса на Ленинских горах астрономы Москвы заявляли, что это — лишь частичное решение вопроса, что астрономам, особенно астрофизикам, нужно более темное место за городом. В качестве места для такой «подмосковной базы» или обсерватории называли Красную Пахру, но пока университет строился и развивался юго-запад Москвы, стало ясным, что и Красная Пахра, как и Кучино, — неподходящее для астрофизики место, и сама идея подмосковной базы заглохла, но не умерла. И когда астрономы заселили здание на Ленинских горах, стали раздаваться голоса с напоминанием о прежних замыслах. Но теперь идею стали высказывать больше астрометристы, и больше в пользу размещения Пресненских инструментов — 15-дюймового астрографа и меридианного круга, на которых работа стала почти невозможной.

Астрофизики и звездники больше молчали, пока у них не созрела мысль о бесполезности подмосковной базы, если говорить о месте ее в радиусе 100 км. Им нужна была база на юге. Кто первый высказал эту мысль, — не берусь гадать. Повидимому, это был Б.А. Воронцов-Вельяминов, который составил в 1952 г. докладную записку на эту тему. Но директор ГАИШ, Б.В. Кукаркин, принял ее безоговорочно, как руководство к действию. И тут коллектив ГАИШ раскололся. В некоторой степени причиной раскола была оппозиция к Б.В. Кукаркину, о которой я писал выше. Но скорее это было проявление подмеченной мной закономерности: когда группа людей или большой коллектив обсуждают без всякого давления извне вопрос, который не затрагивает глубоко их материальные или духовные интересы, голоса «за» или

«против» разбиваются приблизительно поровну. Обсуждали этот вопрос отдельно астрометристы, звездники, астрофизики, обсуждали и совместно, и неизменно при голосовании явного большинства не получалось ни у того, ни у другого варианта.

В описанной ситуации Б.В. Кукаркин не отступал даже в тех случаях, когда голосование было против него. За него были три «ведущих» профессора — Б.А. Воронцов-Вельяминов, П.П. Паренаго и я. Мы взяли себе в союзники ректора И.Г. Петровского, которого убедить в целесообразности Южной Базы было нетрудно, но который хотел, чтобы коллектив ГАИШ высказался определенно в пользу Базы и, конечно, чтобы таково же было решение парторганизации. 10–14 ноября 1955 г. П.П. Паренаго и я выезжали в Мангуш (так тогда называлось это место), где уже развивалась широким фронтом Крымская астрофизическая обсерватория (КрАО). Мы познакомились с местом, нашли рядом с КрАО хороший участок земли, встретились с директором КрАО, А.Б. Северным, и коллективом обсерватории, получили от них согласие на добрососедство и помощь быту наших сотрудников со стороны обсерватории. Вернувшись оттуда, мы познакомили коллектив ГАИШ с удачно складывающейся обстановкой, рассказали об этом ректору. Я, кроме того, встретил поддержку у М.А. Прокофьева.

Б.В. Кукаркин оживился. У меня в дневнике 3 декабря записано: «...он полон решимости продолжать бороться за Мангушский вариант, но руками П.П. Паренаго и моими». Действительно, состояние его здоровья было в это время неважное, и уже Павел Петрович нес обязанности директора по ГАИШу. Наконец, 19 декабря собрание парторганизации ГАИШ проголосовало: за Мангуш — 12, против — 11.

4 февраля я имею горячий разговор с самым активным противником южной базы В.В. Подобедом: «...кажется, переубедил», — фиксировано у меня в дневнике».

Как-то мне никогда не приходилось слышать об участии астрометристов в создании гаишевских баз. Доходили только

сведения об участии В.В. Подобеда в строительстве Южной станции, но он тогда был зам. директора, и ему полагалось это делать по должности. Еще встретил в книжке П.В. Щеглова об участии Подобеда в выборе места для Среднеазиатской базы ГАИШ. Вообще, книга Петра Владимировича «Проблемы оптической астрономии» мне очень понравилась стилем изложения. Научная часть монографии легко сочеталась с его личными впечатлениями об описываемых событиях. Этот стиль мне импонирует. И я, сначала невольно, а потом и сознательно, стал его использовать уже в своих книгах.

140

По-другому начинают выглядеть язвительные слова Гаврилы Сергеевича о Щеглове, бывших когда-то соратниками во время их совместной работы у Шкловского и полностью разошедшихся позднее: «„Телескоп должен быть хорошим и стоять в хорошем месте“, — наиболее известный трюизм П.В., одно время постоянно произносимый им со смешной многозначительностью». Они и разошедшись продолжали ревниво следить за жизнью и успехами друг друга. Помоему, без оттенка злобы, а подсмеиваясь. Как-то Гаврила Сергеевич приводил к нам в ВИНТИ Светлану Ивановну Дубкову, первую жену Петра Владимировича, для устройства на работу. Ну что ж, симпатичная. Правда, не подошла, т.к. был нужен программист, а не редактор.

Приведу фрагмент из книги Петра Владимировича о необходимых составляющих при изготовлении и установке телескопа, который я использовал в одной из своих книг: «Как писал в своей книге „Проблемы оптической астрономии“ П.В. Щеглов — известный ученый, доктор физико-математических наук, преподававший на физическом факультете МГУ, — „В известном детском стишке перечисляются семь компонентов, необходимых для того, чтобы испечь хороший пирог. В нем, однако, не говорится, что для появления пирога должны быть соблюдены еще два условия: требуется человек, умеющий хорошо печь пироги, и кому-нибудь следует проявить интерес к появлению пирога“. Последнее в завуалированной форме выражает антропный принцип: „наша Вселенная обладает наблюдаемыми нами свойствами по той

причине, что во вселенной с иными свойствами наблюдателя бы просто не было“. Известный советский космолог А.А. Зельманов выразил эту мысль еще ярче: „Мы являемся свидетелями процессов определенного типа потому, что процессы другого типа протекают без свидетелей“».

У Петра Владимировича есть и другие фразы, которые западали в память. Интереснейший был человек, и сейчас я с теплотой вспоминаю картину, как он несет себя, идя по коридору из своей 18-й комнаты цокольного этажа или по левой стороне первого или второго этажа, где его тоже часто можно было встретить. Как он с застывшей гримасой превосходства подает тебе свою вялую руку поздороваться, как что-то спрашивает или советует в студенческих делах и преподавании. Со студентами Петр Владимирович любил работать, хотя во фразе «Руководитель студента должен быть ему наставником и другом» ему нравилось первое — чувствовать себя мэтром. В то же время он, как и его учитель Шкловский, доведя до определенного уровня, отпускал своих учеников. Андрей Токовинин, Саша Кутырев, Леша Сорокин, Александр Гурьянов — его студенты, запомнившиеся мне. Первые двое еще при жизни Петра Владимировича стали докторами наук, а последнего с женой, нашей же выпускницей Галией Аитовой, я недавно встретил на похоронах Ирины Владимировны Мироновой. Они с одного курса. Александр стал ярким критиком всего советского и свежероссийского периода истории нашей страны, сотрудником «Мемориала», наверное, сейчас и иноагентом. Его слова: «Мы украли Крым у Украины», сказанные с такой ненавистью к нашей стране, меня поразили, хотя я и не заблуждался на его счет, сегодняшнего. Как-то, много лет назад, когда я еще смотрел телевизор, мне случайно попала передача о «Мемориале», и Александр выступал с поучениями о необходимости повиниться перед Польшей. Не помню уж за что, но «Повиниться!». Взаимности он не предлагал, жаль. Всё это, может быть, тоже следствие наставничества Петра Владимировича.

Еще остались в памяти выступления Петра Владимировича на заседаниях Ученого совета или на совещаниях в

Астрометристка Александра Григорьевна Оборнева

дирекции, действительно, как описывают и Хромов, и Мартынов, заканчивавшего свой спич словами: «Я пошел, у меня лекция» — и удалялся, не слушая возражений. И всё же приятно его вспомнить. В 2022 году ему исполнилось бы 90 лет. Как говорил Подобед, «по нынешним временам доступно».

Что касается астрометристов, то они, как ни странно, проявляли мало интереса к немосковским базам, а ведь им бы надо было позаботиться о переносе в место с хорошим астроклиматом 15-дюймового астрографа и меридианного круга Репсольда, которые были на Краснопресненской обсерватории. Там уже наблюдать было никак нельзя, но нет, видимо, их устраивали новые инструменты, установленные на Ленинских горах.

Дмирий Яковлевич пишет, что только «А.Г. Оборнева с помощью небольшого телескопа летом 1963 года занялась изучением астроклимата — ей очень хотелось порученный ее заботам меридианный круг Репсольда поставить в хорошие условия. Но кроме нее, лиц, явно заинтересованных в организации Пушинской станции, не оказалось, и дирекции ГАИШ не на кого было опереться в таком нелегком деле так, как она опиралась на звездников и астрофизиков в организации Южной станции. В 1964 году планы относительно Пушино стали затухать и вскоре окончательно погасли».

В общем, мы, астрометристы, ничем не отметились в деле создания новых наблюдательных баз вне Москвы в первые два десятилетия существования ГАИШ в новом здании на Ленинских горах. Ни то ни сё. Печально. Как говорила бабушка, и не моя бабушка, а моей знакомой, и, конечно, не об астрометристах: «Ни с чем пирожок!».

Заметки о руководстве ГАИШ

«Между тем, затянувшаяся неопределенность с руководством ГАИШ нервировала коллектив. Раздавались вопросы: „Когда же у нас будет директор?“. Надо думать, что вопросы эти дошли и до партийных организаций факультета и уни-

верситета, а также ректората. Б.В. Кукаркин уже во время псевдодиректорства П.П. Паренаго подал заявление ректору с просьбой об освобождении от обязанностей директора по состоянию здоровья. И я почти сразу после назначения меня 16 января 1956 г. и.о. директора поставил вопрос о Борисе Васильевиче перед проректором по кадрам К.И. Ивановым. Однако ответа не получил. Ректорат не торопился.

7 января 1956 г. И.Г. Петровский определил состав Комиссии по выработке доклада о состоянии дел в ГАИШе. Во главе этой комиссии он поставил меня. Как я уже говорил раньше, черновые материалы нашей работы были у меня расхищены, и я сейчас плохо помню ее состав, — был секретарь партбюро физфака А.Н. Матвеев и «завербованный» мною по просьбе И.Г. Петровского А.Б. Северный, ставший к тому времени членом-корр. Академии Наук (И.Г. во всех важных делах хотел иметь контакт с академическими кругами). Конечно, были представители партийных и профсоюзных организаций института, факультета и университета. Мы договорились, что отчет своей комиссия представит к 15 марта. Комиссия имела 9 заседаний и опросила 15 человек, начиная с Б.В. Кукаркина. Некоторые сотрудники ГАИШ сами приходили в Комиссию, но больше шли по приглашению. Намеченный срок выдержать не удалось. Только 2 апреля я доложил Комиссии выводы, и она одобрила рукописный текст отчета. Вечером мне позвонил домой И.Г. Петровский и назначил на завтра совещание у себя на основе этого рукописного варианта [В примечании ДЯ: «Как мне высказал Б.В. Кукаркин много лет спустя, он был очень обижен тем, что я не показал ему отчет до утверждения»], что и состоялось 3 апреля.

Отчет был принят. В нем в очень мягкой форме рекомендовалось удовлетворить просьбу Б.В. Кукаркина об освобождении от директорства. Были и многочисленные другие предложения, которые частично реализовались в последующие годы».

Наряду с этим у Дмитрия Яковлевича было еще одно дело — реализация желания И.Г. Петровского перевести

астрономическое отделение и ГАИШ, разумеется, с мехмата на физический факультет.

«Убедившись в том, что я эту мысль поддерживаю, И.Г. поручил своему первому проректору («первый» — по существу, юридически это был проректор по естественным факультетам) Г.Д. Вовченко образовать комиссию, которая разработала бы технику такого перевода.

Мне предстояло, тем временем, выяснить отношение коллектива ГАИШ к переходу на физический факультет. Возражения поступили только от небесных механиков. Астрофизики — приветствовали. Остальные не противились. Стали рассматривать учебные планы обоих факультетов. Этим со мной особенно охотно занимались В.В. Подобед и К.А. Куликов. Уже 5 апреля 1956 г. Ученый совет ГАИШ одобрил переход.

5 декабря 1955 г. умер Н.Д. Моисеев после операции, на которую он пошел после жестоких мучений. Похороны его были не очень сердечны: покойный обладал слишком резким и прямым характером. 10 февраля 1956 г. умер С.Н. Блажко (от той же болезни, но без оперативного вмешательства). Сергей Николаевич в эту пору уже не был в штате ГАИШ, но ГАИШ был полон его учениками, и проводы тела С.Н. на Ваганьковское кладбище были теплыми и печальными».

В воспоминаниях встречается такой пассаж.

«Помню, летом этого года я пришел однажды в нашу обсерваторию на Пресне. Был прекрасный теплый день. Двор обсерватории зеленел травой и кустарником. Я увидел Сергея Николаевича, который вышел прогуляться среди этой благодати. Маленький-маленький, сухонький старичок ходил мелкими шажками, еле переставляя ноги. «Вон, смотрите, — сказал он, обращаясь ко мне, — голова продолжает работать, а ноги уже не слушаются». [Многие пожилые люди так думают, но, увы, часто заблуждаются по первой позиции — ВШ].

«Осенью 1955 г. на заседании Центрального совета ВАГО кто-то сказал, что Сергей Николаевич слег и очень плохо себя чувствует. Предложено было послать ему от имени

ВАГО приветственную, ободряющую телеграмму. Впоследствии мы узнали, что телеграмма эта его взволновала: «Почему они ее прислали?» — спрашивал он. Вскоре он скончался».

Ну что сказать, не всегда благие намерения совпадают с мнением того, на кого они направлены.

В это же описываемое время, как пишет Дмитрий Яковлевич, в ГАИШе шли три крупных организационных мероприятия.

146 «Во-первых, «Бергколлегия». Так П.П. Паренаго прозвал большую межведомственную комиссию, которая была создана под председательством замминистра обороны, академика А.И. Берга. Судя по развернувшейся ее деятельности, целью ее было определить круг фундаментальных научных вопросов, которые должны были составить основное содержание советской науки, координировать работу ведомств и организационно помогать учреждениям. Нужно сказать, что эта сторона дела развивалась с большим скрипом. В первой половине 1956 г. комиссия собиралась часто, мы составляли планы, в первую очередь, искали обеспечения их штатами и оборудованием. А.И. Берг работал увлеченно, заседания проходили вечером, иногда допоздна. Оставшись однажды у него после заседания, чтобы подписать какую-то бумагу, я поразился его утомленным видом, серым цветом лица, и в конце концов Акселя Ивановича настиг инфаркт, а Бергколлегия перестала работать. Но это было уже в 1958 г.

Другое мероприятие — Международный геофизический год — МГГ. Работы по нему начались еще в октябре 1955 г. и стали заметными в январе-феврале 1956 г. У нас первым стал заниматься по МГГ отдел Службы времени, имея в виду изучение неравномерности вращения Земли. Позже включились отдел физики Солнца и группа Н.Н. Парийского по изучению противостояния. В результате была создана в альпийских лугах Заилийского Алатау, на месте, коротко называвшемся Джяуляу (ср. Яйла — пастбище), на высоте почти 3 тыс. м. Высокогорная астрономическая экспедиция, пре-

вратившаяся в постоянную и благополучно работающая до настоящего времени. Ее деятельность хорошо освещена в сборнике «Труды ГАИШ», т. 34, 1966 г.

Третье дело — реализация желания И.Г. Петровского перевести астрономическое отделение с мехмата на физический факультет...

Осуществлять же его можно было только с началом учебного года. Но и тут несколько запоздали. После того, как 6 октября договорились с деканом физфака В.С. Фурсовым об учебном плане для астрономического отделения, а 9-го окончательно с ним вместе доложились ректору, 13 октября И.Г. Петровский позвонил мне, что с понедельника, 15-го, первый курс астрономов начинает занятия на физфаке. Остальные курсы продолжали работу на мехмате. Нужно сказать, что легкость перехода относилась только к первому курсу. По мере появления на физфаке следующих курсов астрономического отделения возникали все новые и новые затруднения. Мы хотели обеспечить нашим студентам полноценную астрономическую подготовку, а декан хотел, чтобы не было никакого ущерба их подготовке как физиков. Создавалась перегрузка у наших студентов. Ее удалось смягчить, когда мы добились самостоятельного учебного плана для астрономов (и, соответственно, отдельного приема), но не так скоро. По правде сказать, она не устранена до сих пор».

Первые организационные шаги по переселению в новое здание на Ленинских горах и созданию Южной станции, по словам Дмитрия Яковлевича, касались начала роста штатного состава. Ведь в штате ГАИШ в то время, когда он находился в здании Краснопресненской обсерватории, было чуть больше ста человек. Дмитрий Яковлевич пишет: «Конечно, рост [штатов] шел за счет младшего научного и вспомогательного персонала. А «верхушка» не росла, а скорее наоборот. На смену «выходили в люди» аспиранты — Ю.П. Псковский, А.С. Шаров». К тому времени защитил кандидатскую диссертацию гравиметрист М.У. Сагитов.

С нескрываемым восторгом Дмитрий Яковлевич пишет: «Мне особенно запомнился выпуск 1955 года, с которым сам я поработал, немного, правда. Сейчас, спустя 25 лет, из этого выпуска, если я не ошибаюсь, вышли 6 [7] докторов и 9 [8] кандидатов из общего числа 21 [здесь Дмитрий Яковлевич ошибается — их было 27]. Среди них Курт, Парийский, Гальперин, Брумберг, Кардашев, Соболева, Шефов — доктора и кандидаты: Белякина, Вашкова, Страут, Гиндилис, Кононович, Казачевская, Микиша, Марчук.

Неплох был и выпуск 1956 г., давший Чугайнова, Любарского, Латышева, Козаренко, Петрову».

148

Второе из отмеченных Дмитрием Яковлевичем организационных мероприятий касалось Международного геофизического года: «Интересы МГГ требовали усиления работы Службы времени, и для улучшения радиоприема сигналов времени требовалась хорошая антенна. На этом настаивал заведующий Службой времени П.И. Бакулин. Я «выпросил» у И.Г. Петровского для этой цели 100 тыс. руб., и вскоре усилиями М.А. Гратвола у нас были установлены две 40-метровые стальные мачты. Первоначально на верхушку одной из них водрузили коротковолновую рамочную антенну, а длинноволновую в виде длинного троса повесили на половинной высоте мачты. Так она и используется по настоящее время. Коротковолновой же попользовались и бросили».

Помню, как в 80-х гг. Николай Сергеевич Блинов, видимо, подзуживаемый своим учеником Женей Федосеевым, да, возможно, и Толя Волчков тоже тут приложил свою руку, обращался в Дирекцию с информацией о настоятельной необходимости снести эти мачты. Он предполагал их падение с возможным разрушением находящихся поблизости павильонов астрографа, зенит-телескопа, пассажного инструмента и меридианного круга. Дело заглохло, давно уже нет Николая Сергеевича, а мачты стоят до сих пор.

Конечно, в своих воспоминаниях Дмитрий Яковлевич не мог оставить без своего внимания и отдел радиоастрономии под руководством Иосифа Самуиловича Шкловского, к ко-

торому, видимо, уже тогда «неровно дышал». В записях есть такой пассаж.

«Я мог бы привести много примеров таких неудачных шагов в жизни Института [имеется в виду установка мачт для нужд Службы времени, с которыми было много шума, затрачено много денег, а в результате пшик], но ограничусь лишь одним — неудачей в постройке радиоантенны, ну хотя бы для практических занятий студентов. Отдел радиоастрономии предпринимал несколько попыток решить этот вопрос и встретил бы в случае удачи полную поддержку со стороны дирекции. Но ничего не получалось, кроме официального замечания со стороны Народного контроля по поводу бесхозяйственности в использовании оборудования. Своей радиоастрономической антенны ГАИШ так и не построил и «ходил в гости» к учреждениям, где такие антенны были — в Пущино, в Евпаторию, в Кацивели, а в самое последнее время на РАТАН-600. Думаю, что если бы во главе отдела радиоастрономии стоял человек, знающий ее практически, дело обстояло бы иначе».

149

Сейчас, почти семьдесят лет спустя, с большим интересом читаются воспоминания Мартынова о том времени, времени изменений в жизни страны, происходивших после смерти И.В. Сталина. Гуманитарии называли это временем пятидесятников-шестидесятников — «оттепелью», словом, удачно подобранным Ильей Эренбургом. После доклада Н.С. Хрущева на 20-м съезде в 1956 году студенческая молодежь начала пересматривать свое место в обществе, ведь, как им показалось, идеологические «путы» спали, смелые высказывания и действия стали возможны.

Дмитрий Яковлевич вспоминает:

«Если учебный процесс налаживался быстро и легко, то нельзя того же самого сказать о внеучебных настроениях студентов.

Даже для нас, немолодых уже по возрасту и стажу членов партии, решительные и откровенные постановления XX съезда партии произвели неизгладимое впечатление. Мы узнали о них из закрытого письма ЦК Партии, но те, кому

не пришлось услышать их в первом чтении, отказывались верить тем фактам, которые были там изложены. К.А. Куликов так прямо и говорил: «пока не увижу своими глазами, — не поверю!» Нетрудно понять, что для широких партийных масс разоблачение «культы личности» было ударом, особенно для военных, которые выросли в ореоле успехов И.В. Сталина как руководителя страны в тяжкой борьбе за существование Родины. Мы знаем, что разоблачение это имело широкий отклик и в зарубежных коммунистических партиях. Когда воскресла из забвения книга Дж. Рида, когда в журнале «Большевик» было опубликовано «Завещание Ленина», когда были восстановлены честные имена множества виднейших партийных и военных руководителей прошлого, когда стало возможным обсуждать, комментировать все эти факты и события, у нашей студенческой молодежи это пошло «в перехлест» и временами принимало формы, мешающие нормальной учебной работе. Возникали разговоры о свободном посещении лекций, в стенной печати стали появляться остро направленные статьи. Университетская партийная организация несколько растерялась, так же, как и ректорат. [В примечании ДЯ: «Много лет спустя Н.Ф. Полтев, бывший в 1956–57 гг. секретарем Парткома МГУ, говорил мне, что его обращение в МК и ЦК за советом и помощью (он разговаривал по телефону с Фурцевой) осталось без ответа, когда ответ нужен был срочно, и лишь спустя несколько дней он получил необходимые и ясные указания».]

Особенно большой шум наделало обсуждение «Литературного бюллетеня» мехматовской стенгазеты, в котором были помещены яркие отклики на статью Паустовского о романе «Не хлебом единым» Дудинцева и на книгу Дж. Рида. Авторами были студенты Белецкий, Стоцкий и Смолянин, и на них обрушилось негодование и «оргмероприятия» деканата и партбюро мехмата. Тогда (23 ноября 1956 г.) собрался комсомольский актив, длившийся шесть часов, где действия названных студентов и редакции стенгазеты стали предметом самого горячего обсуждения. На активе присутствовал ректор И.Г. Петровский, декан А.Н. Колмогоров, академик

П.С. Александров, славившийся своими хорошими контактами со студенчеством, другие профессора и преподаватели. Споры шли в двух направлениях. Обвинялись Белецкий и Стоцкий в недомыслии, щеголянии смелой фразой, а с другой стороны упрекали деканат и партбюро мехмата за администрирование, которое «вызвало самые невероятные слухи». «Если их отчислять, то мы все ужасные свиньи», — сказал один из выступавших, а другой (Смолянин) позволил себе выражение «охранка» в адрес деканата.

Если отвлечься от эмоций, жара в выступлениях «за» и «против», то по существу и очень убедительно выступил только доцент Шлихтер, преподаватель общественных наук (уважаемый студентами), давший серьезный политический анализ опубликованных в стенгазете материалов, подвергнув их критике, и попутно защитил память Сталина, сказав, что во всей его деятельности неизменно проходила забота о создании незыблемой диктатуры пролетариата. Сказал с железной убежденностью, и это произвело впечатление.

151

В моих записях не сохранилось ничего о результатах всего этого обсуждения. Если и было какое-то «постановление» актива, то, судя по настроению переполненного зала Дворца культуры МГУ, оно не могло быть направлено на отчисление «тройки» из университета. А как вышло в конце концов, не знаю, не помню. Ведь актив состоялся уже после того, как названные студенты были формально отчислены.

Месяц спустя на ученом совете университета зам. министра М.А. Прокофьев, рассказывая о впечатлениях своей поездки в Польшу, говорил о бурных митингах в среде польских студентов. Помню его слова: «Дюже плохо», а в заключение он сказал: „Разговор о свободном посещении лекций прекратить“. Мы так и сделали...».

А вот и новый 1958 год. Как его описывает Дмитрий Яковлевич.

«Начало нового 1958 года принесло нам печальное событие. 12 января, на 79 году жизни скончался Сергей Владимирович Орлов. Последние годы он мало участвовал в работе ГАИШ, появлялся в нем редко, совершенно нерегу-

лярно, хотя формально занимал должность заведующего отделом Солнца. Но зато, когда он приходил и делился своими мыслями и проектами инструментов, его можно было заслушаться, настолько живо и интересно он говорил. Его занимали вопросы метеорной астрономии и фотографических наблюдений метеоров».

А вот, кажется, и свидетельство, запечатлевшее прозорливость Дмитрия Яковлевича в вопросах собирания исторических сведений. Не случайно, видимо, и то, что он всю жизнь писал дневник. Это все-таки свидетельство неординарности человека — не полагаясь на память, вести дневник, а также фиксировать события на фотопленку.

152 «В мае я сделал «поездку» вокруг ГАИШ на автомашине с подъемником, который позволил фотографировать институт и университет, не задирая объектив. Одна из фотографий вышла особенно удачной и потом была роздана всем участникам съезда. Сейчас она представляет исторический интерес, показывая, как пышно разрослись деревья вокруг университета. Сейчас, двадцать с лишком лет спустя, потребовался бы подъемник в два раза выше».

Снова впечатления Д.Я. о Международном геофизическом годе, сильно беспокоившем его, — том самом, который он ранее назвал вторым организационным мероприятием.

«Одно из самых грустных впечатлений на Съезде [МАС, 1958 г.] вчера. В то время как мы с женой сидели на одном из диванов рядом с Георгиевским залом, к нам подошел совершенно неуверенными шагами, опасаясь поскользнуться на паркете, какой-то очень старый человек, одетый тщательно и парадно. Видно было, что ему очень трудно, что он очень устал. Он сидел, уставившись глазами в пол, и на лице его не было ничего интеллектуального. Я подумал, — не Герцшпрунг ли это? И не ошибся. Подопечный О.А. Мельников подтвердил мне это. Мне было не очень удобно подойти к Герцшпрунгу, так как я не знаю английского и слаб в немецком, во всяком случае, настолько, чтобы разговаривать со стариком, наверное, глухим.

Но так же думали, наверное, многие другие. Никто к нему не подходил, ни русский, ни датчанин, ни голландец... И вот человек, имя которого носит наш самый большой Симпозиум на Съезде, человек, который много лет блистал свежестью мысли, питал своими идеями множество учеников, сидит, покинутый всеми, потому что сейчас он уже никому не интересен. Он прожил пятьдесят лет после своего блестящего открытия разделения звезд на карликов и гигантов, и сейчас все следствия этого открытия ушли так далеко от его первоначального содержания, что автор уже для развития его идеи не нужен, он ушел в историю, и ходит, старый и больной, среди нас. Если бы был жив Блажко, они, может быть, нашли бы общий язык...

Присутствие Герцшпрунга на Съезде отмечалось председателем на открытии Симпозиума. Это встретили теплыми аплодисментами, но не догадались пригласить его в президиум.

Мне все же удалось сфотографировать Герцшпрунга и Шэпли во время оживленной беседы. [Опять же о понимании Дмитрием Яковлевичем необходимости фиксации событий. «Я собрал довольно богатый фотоальбом Съезда. Он подарен мною музею ГАИШа»].

Хотелось бы и здесь отметить сотрудников ГАИШ, особенно много сделавших для Съезда: Д.Н. Пономарев (Интурист, Дубна), М.У. Сагитов (газета), Т.С. Мешкова (переводы), Ф.С. Трубинский (фоторепортаж), Е.Б. Костякова, М. Клякотко, Ю.Н. Липский (показ инструментов), организаторы банкета во главе с Е.А. Сорокиной».

Одно из удачных «приобретений» ГАИШ в те годы, как впоследствии выяснилось, был переезд в Москву Эрнеста Апушевича Дибая. Дмитрий Яковлевич вспоминает:

«Еще при переезде в Москву я увлек за собой Э.А. Дибая, только что (в 1954 г.) окончившего Казанский университет по кафедре астрофизики, и имея в виду, что он станет у меня аспирантом. Так как его работа в Казани была ближе к звездной астрономии, решено было готовить его при кафедре звездной астрономии, что и получило одобрение как

П.П. Паренаго, так и Б.В. Кукаркина. Аспирантская подготовка шла успешно, и 27 февраля 1958 г. он защитил на Ученном совете ГАИШ кандидатскую диссертацию. Правда, при утверждении на Совете физфака в марте произошла осечка, которая была устранена в мае, а в октябре он был утвержден ВАКом. Все это время после формального окончания аспирантуры он был в должности ст. лаборанта и остался им, получив степень кандидата. Не было вакансий. Но Институт имел готового научного работника, как только вакансия откроется».

154 Много раз я слышал рассказ от радиоастрономов, да и не только, о том, что Дмитрий Яковлевич, будучи директором, не дал бурно развиваться ГАИШ, отказав С.П. Королеву в строительстве ИКИ на территории известной всем 8-й столовой с задней стороны ГАИШ. Всегда это подавалось с упреком, что мелковат был Мартынов. Будто бы Дмитрий Яковлевич продержал пришедшего к нему С.П. Королева в предбаннике своего кабинета, и только прибежавший Щеглов сообщил Мартынову, кто у него сидит в приемной. Визит закончился ничем, о строительстве договориться не удалось.

А вот описание этого случая самим Дмитрием Яковлевичем.

«Однако с запуском ИСЗ у меня почти не осталось времени для науки. Количество научных организационных совещаний необычайно возросло. Стала действовать весьма регулярно межведомственная координационная комиссия под руководством М.В. Келдыша (которого газеты потом не раз именовали «главным теоретиком», не называя фамилии). Интерес к астрономии с этой стороны неуклонно рос. Както в конце 1957 г. ко мне в ГАИШ пожаловал С.П. Королев в сопровождении К.Д. Бушуева, который робко в стороне жался на стуле, в то время как его патрон властно дожидался прихода вызванного мной И.С. Шкловского. Кажется, С.П. Королев остался несколько недоволен недостатком почтения, которое я проявил к нему (отчасти оттого, что я не сразу догадался, с кем имею дело), отнесясь к его визиту как чисто деловому, на который нужно ответить чисто деловым

образом. Потом, уже в середине 1958 г., к нам в ГАИШ пришли вместе С.П. Королев и А.И. Берг. Им нужно было «на месте» убедиться в наших возможностях активно включиться в космическую тематику, между тем как у нас взяться за это дело решительно хотел только И.С. Шкловский со своими помощниками, а другие довольно откровенно отмежевались (особенно звездники). Я же, при своей занятости, смог только дать идею лунного гравиметра, но мой помощник в этом деле — М.У. Сагитов — оказался недостаточно пробивным, а я — недостаточно проникательным, чтобы забросить все и заняться только этим, как того требовала обстановка. Наш прежний академический стиль работы был явно негоден теперь, в обстановке соревнования многих «за место под Солнцем». Да и финансовая сторона дела была не очень обеспечена. Она была в руках ближайшего помощника М.В. Келдыша — Г.А. Скуридина, человека делового, но очень непринципиального. Он шел навстречу всем желаниям Шкловского за то, что тот дал ему весьма хороший отзыв для получения степени доктора, что, в свою очередь, было непринципиально».

Когда мы учились, то я в курсе лекций «Звездная астрономия» много раз слышал о Павле Петровиче Паренаго. Собственно, по его учебнику мы и учились. Паренаго тогда для нас был фотографией человека преклонных лет в круглых очках — колёсики велосипедика, написавшего хороший курс. Что-то на уровне С.Н. Блажко, который тоже представлялся нами по единственной нам известной фотографии — старец с бородой клинышком. Вот и всё, что мы о них знали. Читал же нам курс Петр Григорьевич Куликовский, но на мой взгляд, к которому присоединяется и Володя Якименко, лектор он был никакой. А вот учебники Блажко «Курс сферической астрономии» и Паренаго «Курс звездной астрономии» были прекрасные. Позднее Петр Григорьевич тоже выпустил учебник «Звездная астрономия», который выдержал несколько изданий, кажется, три. И если уж говорить про звездную астрономию, то в 1959 г. был переведен в издательстве «Иностранная литература» учебник

польских астрономов: Зонн В., Рудницкий К. Звёздная астрономия, М.: ИИД, 1959, которым мы тоже пользовались.

Так вот, Дмитрий Яковлевич, придя в Московский университет, с Павлом Петровичем подружился, много о нем написал в своих воспоминаниях, касающихся своего начального пребывания в МГУ, и оставил нам такое свидетельство.

«Я несколько раз на этих страницах писал о кончине наших ведущих ученых. Смена им не приходила. В середине 1958 г. перед нами грозно встала опасность потерять совсем еще не старого, полного духовных сил ведущего ученого П.П. Паренаго. При оформлении санаторной карты рентген показал у него опухоль в верхней части пищевода. Нужно было думать о лечении, но, кажется, болезнь была уже в запущенном состоянии. Съезд [Международного астрономического союза, 1958 г.] Павел Петрович провел активно, но после съезда затруднения с глотанием пищи стали едва-едва преодолимы, и в ноябре—декабре со всей остротой возникла необходимость операции. Никто за нее не брался, откладывали, обманывая. Многие включились в отыскание Павлу Петровичу новых возможностей для оказания авторитетной медицинской помощи, но это привело лишь к тому, что после наступления полной непроходимости пищевода ему сделали фистулу в желудок и трахеотомию. Он еще заканчивал некоторые свои работы по кафедре, оставаясь дома, но было очевидно, что он угасает. Он и сам это понимал и переносил свое состояние мужественно и даже допустил экспромтную встречу нового 1959 года у себя дома.

Павел Петрович Паренаго умер 5 января 1960 г., что Дмитрий Яковлевич отметил такой записью.

«Последние несколько дней он был без сознания, и смерть его принесла облегчение семье, ибо в ней не было ничего неожиданного. Хоронили его 7 января на Новодевичьем кладбище». [Паренаго Павел Петрович (1906–1960) — астроном, член-корреспондент АН СССР; 5 уч. 30 ряд].

Далее у Дмитрия Яковлевича следует интересная для меня характеристика Павла Петровича: «Из всех московских друзей он был, пожалуй, самым мне близким, может быть, по-

Могила П.П. Паренаго на Новодевичьем кладбище

тому, что он был проще других и более открытым. Он очень дорожил своим ведущим положением заведующего кафедрой звездной астрономии, кафедрой, созданной его усилиями и которой он отдавал много своих душевных сил. Ему была присуща способность легко сближаться с людьми и окружать себя ими. Вероятно, это немало способствовало его прохождению членом-корреспондентом Академии Наук. Чрезвычайно работоспособный, он любил все делать сам — делать оценки блеска звезд на пластинках, проводить всевозможные вычисления, особенно «наводить статистику» изучаемых объектов. Он очень хорошо знал всевозможные звездные каталоги и играючи ими пользовался. Задача облегчалась его большой любовью к карточным каталогам на всевозможные темы — переменные, двойные звезды, звездные скопления, звездные движения и т.п. Если по какому-либо вопросу в звездной астрономии ему встречалась обильная литература, но не было ясности в его решении, ему хотелось упорядочить, дать обзор, синтез. Так, одно время он хотел привести в порядок все многочисленные теории и наблюдения Беты Лиры, но не осуществил этого намерения. Зато он с огромным увлечением стал работать над системой туманности Ориона, в результате чего была создана большая монография, напечатанная как том «Трудов ГАИШ». Нужно сказать, что мы не очень правильно оценили эту работу, видя в ней только проявление огромной эрудиции автора, тогда как в ней впервые, как мне кажется, в мировой литературе было отчетливо показано, что диаграмма «светимость—цвет» звезд туманности Ориона содержит звезды в ранней стадии развития, до главной последовательности. Как он говорил, они образуют «облачко правее главной последовательности». Мы же думали, что это — всего лишь звезды фона, и потому не пошли навстречу желанию Павла Петровича выдвинуть «его Орион» на Ленинскую премию, хотя он высказывался довольно откровенно. П.П. оставил после себя три издания «Курса звездной астрономии», которым частично пользуются еще теперь, 25 лет спустя, хотя последнее издание было весьма небрежно подготовлено к печати и со-

держало много мелких ошибок. Впрочем, одна из них приводила Павла Петровича почти в отчаянье: в его тексте водородная линия 21 см фигурировала как абсорбционная от ионизированного водорода. Эрудиция П.П. позволила ему разработать план избранных площадей в Млечном Пути, который получил известность и исполняется в разных обсерваториях».

Здесь Дмитрий Яковлевич имеет в виду издание 1954 года, которое, как написано в библиографии, «переработанное и дополненное». Видимо, эти «перераб. и доп.» и ухудшили качество первоначального издания 1946 года.

А вот тоже интересное наблюдение, которое приводит Дмитрий Яковлевич.

«Павел Петрович очень не любил стандартные фразы и стремился выражать свои мысли по возможности более оригинально. Это породило стремление коллекционировать всякого рода неудачные выражения и склонность к игре слов, их переименованию (напр., «корок сопеек») и каламбурам («мне снится Коперник счастливый»). Все это хранилось в объемистой записной книжке, которую он любил почитать, как только собиралось подходящее общество. Иногда он сам становился жертвой такого же рода. Так, однажды в конце 40-х годов он выступление свое начал так: «Товарищи, я к выступлению не готовился и потому буду говорить то, что думаю». Если в этой фразе не было ничего преднамеренного, то совершенно сознательно, стремясь избежать тривиальные слова, он сказал у гроба С.В. Орлова: «До свиданья, Сергей Владимирович!» Это вспоминали не раз после кончины Павла Петровича, да и до нее, когда П.П. был уже безнадежен».

159

Как я помню по своему времени, на протяжении всех 1980-х гг. у Е.П. Аксенова всегда были трудности со штатным преподавательским составом на Астрономическом отделении. Были они и у Дмитрия Яковлевича.

«Кафедра астрофизики вдруг потеряла возможность найти второго профессора, должность для которого остава-

лась вакантной после моего перехода на должность зав. кафедрой и перехода после смерти С.В. Орлова Г.Ф. Ситника на должность завед. отделом физики Солнца. Где-то, не то на факультете, не то в ректорате, должность профессора прикрыли. Я же рассчитывал, что ее займет С.Б. Пикельнер, которого мы хорошо узнали во время его «гастрольных» циклов лекций у нас. В конце учебного года 1957–58 я договорился с И.Г. Петровским, что будем приглашать Соломона Борисовича. Я готовлю во всех надлежащих инстанциях университета доброжелательное отношение к этому в сентябре, получаю согласие на «нейтралитет» декана В.С. Фурсова в октябре, а в ноябре эта должность испаряется. Я поднимаю всех на ноги, в том числе ректора в ноябре и, по-видимому, должность восстанавливается, так как в декабре В.С. Фурсов высказывает мне полное согласие на проведение С.Б. Пикельнера по конкурсу, но со следующего учебного года.

160

Во время поездки в декабре 1958 г. с Петровским и Чехариным (секретарем парткома Университета, а потом секретарем райкома) в Кучино я очень неуклонно ставил вопрос о привлечении в университет С.Б. Пикельнера. Я никак не подзревал, что это не простой вопрос, а между тем, когда, сидя в машине, я заговорил с Иваном Георгиевичем о неизвестно откуда возникающих трудностях, он в ответ заговорил о другом. Я подумал, что он не расслышал, и заговорил снова. И опять ответ был о чем-то совсем ином. И лишь в третий раз я понял, что И.Г. не хочет обсуждения этого вопроса в присутствии секретаря парткома. Действительно, вопрос этот подспудно рассматривался в верхах еще много-много времени.

И вот уже апрель 1959 г., а в газетах появляется объявление о конкурсе на вакансию профессора по кафедре астрофизики после того, как на эту должность уже есть заявление С.Б. Пикельнера. Соломон Борисович проходит в мае Ученый совет физфака [21, -6, 3], а в июле вопрос с единицей Пикельнера все еще не решен, только ректор заверяет, что все в порядке. Наконец, приказом 31.VIII с 1 сентября 1959 г. С.Б. Пикельнер зачисляется профессором кафедры астро-

физики с ассистентской зарплатой. Мне удается залечить этот последний булавочный укол на следующий день, но максимум, чего я достиг, это была зарплата доцента.

Нужно сказать, что своим умным, тактичным образом действий Соломон Борисович в короткое время завоевал уважение декана В.С. Фурсова, и формалистика с его зарплатой тоже была преодолена».

Не преминул Дмитрий Яковлевич вставить в свои воспоминания и шпильку и в сторону физфака, и Шкловского: «Опять может возникнуть вопрос, зачем я об этом всем так подробно расписал? Да потому, что это довольно типичный случай, особенно на физфаке, но и в университетском масштабе. Фамилия может играть важную роль при зачислении.

Несколько лет спустя И.Г. Петровский мимоходом сказал мне: «Это хорошо, что вы Пикельнера провели».

Еще один «кадр» — И.С. Шкловский. В моих дневниках 1957–1959 гг., а также 1960 г. его имя встречается чаще всех. Да и здесь я упоминал его не раз. Сейчас, спустя более чем 20 лет, когда десятки и сотни контактов с ним позволяют мне считать, что я его понял достаточно хорошо, я могу его отношения ко мне (да и не только ко мне) охарактеризовать двумя словами — самолюбие и возбудимость. Задев его самолюбие, собеседник мог возбудить его на сколь угодно высокий уровень во взаимоотношениях с другими людьми и уж конечно с директором института, который только и думает о том, чтобы ущемить его, несравненного Иосифа Самойловича Шкловского. Отсюда его постоянные препирательства со мной и жалобы на меня то ректору, то заместителю министра, то просто в кругу друзей-поклонников».

И далее по этому зудящему вопросу, отзвуки которого дошли и до меня, когда я уже работал в ГАИШ.

«Что И.С. — человек высоких талантов, я не сомневался никогда, но в его особенную талантливость, исключительную талантливость, я не верил. Он очень умело и быстро схватывал все новое в астрофизике и в смежных областях физики. Он быстро применял это в своей области, иногда, не будучи оригинальным, и по литературным источникам, ко-

торые он усваивал раньше других, много раньше других (например, 21-см излучение водорода или, так называемая, натриевая комета, «комета А» в нашем исполнении, уже благополучно использованная ранее геофизиками). У него был широкий круг интересов, и наши с ним беседы в неофициальной обстановке, например, в коридоре вагона при поездке на пленум или еще куда-нибудь, походили на разминку борцов одного веса перед выходом на ковер. Но на ковре мы оказывались в разных категориях, и борьба не получалась, а получалась драка с использованием неспортивных приемов. Кажется, я не грешил этим и выступал с открытым забралом.

Но вот посудите:

162

Из ускорения движения спутника Марса Фобоса, которое, как будто, открыл Шарплесс, И.С. Шкловский делает сногшибательный вывод — Фобос есть искусственный спутник Марса! Нисколько не сообщив об этом в Институте и, в частности, директору, он созывает в Институте пресс-конференцию-доклад, на который директор не смог пробиться, такая была толпа. Тут предстоит моя поездка в Данию на три недели, и я прошу Шкловского воздержаться от рекламы, обсудить это «открытие» на кафедре после моего возвращения, после чего будем смотреть, что делать дальше. Шкловский обещает. Не прошло и двух дней моего пребывания в Копенгагене, как на меня напала целая компания журналистов с вопросом «об открытии профессора Шкловского, которое опубликовано в советской печати». Я сразу догадался, о каком открытии идет речь, и высказал им свое мнение: догадка Шкловского стоит на очень шатком основании и потому не заслуживает доверия. Нужно сказать, что в астрономических кругах и нашей страны, и западных стран все придерживались той же позиции, и сейчас, спустя двадцать лет, отрицательное отношение к «искусственному Фобосу» Шкловского остается неизменным (я имею в виду самый факт выступления в печати).

Но тогда я чувствовал себя очень неловко, и неловкость усилилась, когда я в посольстве нашем прочитал статью Шкловского в «Комсомольской правде».

По возвращении в Москву я прямо обвинил И.С. Шкловского в нарушении обещания. Но он нисколько не смутился: «Как я мог отказаться от многомиллионной аудитории «Комсомольской правды»?» Именно это, стремление к славе любой ценой, составляло тогда (да и теперь) существо его человеческой природы. А насчет цены — я вспоминаю доклад на кафедре где-то в 1955 году В.Е. Степанова по интерпретации эмиссионной линии Лайман-альфа в солнечном спектре. Доклад этот И.С. Шкловский энергично раскритиковал, а когда мы расходились, сказал мне примерно так: «Зачем В.Е. берется за теоретизирование там, где возможен эксперимент, который способен его опровергнуть!» Впоследствии я не раз замечал эту тенденцию в научной деятельности И.С. Шкловского. Отказаться от идеи искусственности Фобоса ему мешало самолюбие. Наоборот, он поручил своему лаборанту В.Ф. Есипову разработать прибор для обследования Фобоса с близкого расстояния при облете Марса или посадке на нем. Из этого ничего не получилось, как известно, пришлось спускать эту задачу «на тормозах» после того, как институт затратил добрую сотню тысяч рублей. Но было это много позже.

163

А сейчас, после того как Институт теоретической астрономии устами М.Ф. Субботина дал отрицательное заключение о работе И.С. Шкловского и «Астрономический журнал» отказался ее печатать, обсуждать ее на кафедре было бы излишне. Мы только обсудили весь этот эпизод на партгруппе кафедры в присутствии И.С. Шкловского. Он извинился за некоторые бестактные выпады по моему адресу, но за интервью не извинился. Речь шла не о содержании интервью, а о самом факте интервью.

Как-то незадолго до рассказанного я разговаривал с ректором о постоянных выходках И.С. Шкловского и его недисциплинированности. И.Г. Петровский ответил мне буквально следующее: «Шкловского я в обиду не дам! Но вы его ругайте, ругайте». По-видимому, Иосиф Самойлович знал и первую, и вторую часть этой формулы. И моя «ругань» была ему как с гуся вода».

Дмитрий Яковлевич много пишет в своих воспоминаниях о назойливом интересе в конце 50-х, начале 60-х годов со стороны СМИ. Это было время начала космонавтики, всё в новинку — каждый запуск комментировался. На заметки и комментарии в газетах, выступления в печати и на телевидении уходило много времени. Сейчас многие в ГАИШ этим занимаются и занимались: Черепашук, Кононович, Есипов, Засов, Липунов, Сурдин, Ламзин..., а тогда всё сваливалось на первое лицо — Дмитрия Яковлевича. Вот что он со вздохом пишет: «Между тем, наши успехи в космонавтике не оставляли нас в покое».

А тут еще и «натриевая комета».

164 «12 сентября 1959 г. космическая ракета «Луна 2» была снабжена взрывным устройством, выбрасывающим в верхней мезосфере атомный натрий, который тут же начал флюоресцировать. Таким образом, получалась прямая видимость присутствия ракеты на заданной высоте. Эксперимент был впервые поставлен в США на геофизической ракете, у нас же он был предложен И.С. Шкловским, а на долю ГАИШ выпало провести наблюдения в южных местах страны, где можно было надеяться на ясную погоду. Это и осуществили молодые сотрудники Шкловского — П.В. Щеглов, В.И. Мороз, В.Г. Курт, В.Ф. Есипов. Все это мероприятие получило название «Комета А». Оно доставило немало хлопот, особенно в процессе подготовки (нужны были специальные камеры, интерференционные фильтры). Не все наблюдательные отряды были удачливы, но, в общем, эксперимент удался. Больше всего от этой удачи выиграл И.С. Шкловский, получивший негласную Ленинскую премию, и В.Г. Курт, который исследовал процесс диффузии натрия в верхней мезосфере и дал ее физические параметры, что и составило предмет его кандидатской диссертации».

Я помню, показали по телевизору: раз, и маленькая звездочка превращается в облако. Позднее мы это увидели в цвете на цветных телевизорах.

А вот что пишет очевидец этого события, Дмитрий Яковлевич.

«В Москве во время взрыва «Кометы А» было абсолютно пасмурно. А если бы было ясно, то, наверное, в 8-дюймовый телескоп, у которого дежурил я, это было бы красивое зрелище. Но корреспондентов газет и радио неудача не смутила, они осадили нас два следующих дня. Примерно такой же шум сопровождал запуск «Луны 3» спустя месяц, но без «Кометы». Зато он принес первый ощутимый астрономический результат — фотографию обратной стороны Луны. Признаться, мы, астрономы, в большинстве своем увидели в этом лишь спортивное достижение. Творец этого достижения, С.П. Королев, довольно долгое время спустя говорил мне: «Ведь надо же так — с первого раза, с первой попытки все удалось, как ожидалось!»

Наше «спортивное» настроение, однако, быстро рассеивалось по мере того, как до нас доходили отклики на фотографию обратной стороны Луны со стороны наших зарубежных коллег. А я воочию убедился в важности результата при своей поездке в Австрию в декабре 1959 г. В кругу астрономов университетской обсерватории в Вене я встретил неподдельный интерес к фотоснимку Луны и много догадок и соображений, относящихся к сопоставлению видимой и обратной стороны ее. Но и у нас к тому времени стали активны астрономы в Москве (Ю.Н. Липский), Харькове (Н.П. Барабашев), Пулковом (А.А. Михайлов)».

Это было о Шкловском, но в ГАИШе почти каждый считает себя «штучным товаром». Я не буду здесь приводить своё мнение и свои впечатления о коллегах, они и так есть на страницах книги, но совсем другое дело — мнение и суждение Дмитрия Яковлевича, видевшего много и многих.

«Другой вариант игры человеческого самолюбия показал нам Ю.Н. Липский. Он принимал весьма активное участие в обработке первых, а затем и последующих фотографий обратной стороны Луны, полученных в полетах АМС «Луна 3» (7 октября 1959 г.) и «Зонд 3» (18 августа 1965 г.), и издании «Атласа обратной стороны Луны» (1960, 1967), создав активную рабочую группу в Отделе физики Луны ГАИШ. В сущности, весь Отдел работал в этом направлении, а Ю.Н.

находился в теснейшем контакте с С.П. Королевым, являясь для последнего своего рода посредником-консультантом по Луне. Удача с фотографированием Луны всего лишь два года спустя после запуска первого Спутника была поразительна, и «Атлас» проходил все издательские инстанции и барьеры с поразительной быстротой.

166 Оценивая создавшуюся обстановку, Ю.Н. Липский уже в феврале 1961 г. стал искать поддержки кафедры в присвоении ему степени доктора без защиты диссертации. Я не сочувствовал этому. Мне думалось, что такие присвоения уместны, когда речь идет о почетных ученых, завоевавших себе высокую репутацию, но находящихся на нисходящей ветви своей научной деятельности. Здесь же можно было с полным основанием и уверенностью в успехе ставить вопрос о защите диссертации. Но Ю.Н. был, по-видимому, иного мнения и защищать диссертацию не хотел и уверенностью не зарядился. Когда я в конце февраля обратился к Н.Н. Парийскому с предложением прорецензировать работы Ю.Н. Липского, я получил отказ. В декабре вопрос вновь вышел в свет. Был поставлен на кафедре астрофизики, где восемью голосами против трех было поддержано желание Ю.Н. о присуждении ему докторской степени без защиты.

Дело перешло на 1962 год. Но уже на более высокий уровень. И всюду оно подвигалось с величайшим трудом. Вероятно, по этой причине в январе или феврале Юрия Наумовича схватил инфаркт в очень тяжелой форме, от которого он долго не мог оправиться. В мае Ученый совет естественных факультетов вернул это дело на факультет, а там лишь в октябре рассмотрели на Ученом совете и приняли предложение С.Н. Вернова — прежде чем решать его, дать на отзыв официальным оппонентам, то есть все же осуществить защиту, только не открытую. Предложенные мною оппоненты — А.И. Лебединский, А.В. Марков и В.В. Шаронов — были приняты советом, но, кажется, это поручение ими не было исполнено. По крайней мере ни в памяти моей, ни в записях это никак не отражено. Юрий Наумович больше всего не хотел, чтобы отзыв давал А.В. Марков, с которым у

него были большие несогласия. Уж не знаю, каким образом ему удалось склонить С.П. Королева вмешаться в это дело. Последний поговорил с министром и председателем ВАКа В.П. Елютиным, и лишь в конце 1963 г. Ю.Н. Липскому была присуждена степень доктора.

Случай с Липским сходен со случаем с Н.Н. Парийским, но не совсем. У Николая Николаевича была органическая неспособность защищать (в буквальном смысле слова) свои научные заслуги. И хотя он давно приобрел очень высокий авторитет и в астрономии, и в гравиметрии, о получении докторской степени он не заботился. В этом и состоит различие и иное разрешение вопроса. Его товарищи по работе — ученые Института физики Земли АН СССР — сочинили весь процесс защиты «по совокупности работ», провели его протоколом Ученого Совета Института и представили в ВАК, где Николай Николаевич и был утвержден доктором. И не нашлось человека, который учинил бы на этот счет кляузу. Я же пишу об этом спустя 20 лет...

Несколько иначе проходило дело с переходом в доцентуру Э.В. Кононовича, бывшего ассистентом кафедры астрофизики. Я ставил этот вопрос перед деканом так же, как и о Е.Д. Павловской, но встретил поддержку только в отношении первого. А первый не получил одобрения на кафедре — Н.Б. Григорьева, тоже ассистент, обучавшая в свое время Кононовича-студента, заявила со свойственной ей прямоотой о своем приоритете. Она добилась поддержки в Партбюро факультета, и там, после основательного обсуждения моего представления, кандидатура Кононовича была отклонена, а Григорьевой поддержана. А.Ф. Тулинов, секретарь ПБ, охарактеризовал принятое решение как следствие партийного влияния на административные действия. Конечно, Н.Б. Григорьева по стажу, по преподавательскому опыту была лучшим кандидатом, но в научном отношении она уступала Э.В. Кононовичу, однако, не столь сильно, как я тогда думал. Спустя 19 лет Э.В. еще не стал доктором».

[К сожалению, не стал им и далее, хотя, как я [ВШ] помню, где-то в начале 1980-х и Эдвард Владимирович, и

Петр Григорьевич Куликовский брали официальный полугодовой отпуск с сохранением зарплаты на написание диссертации, кажется, так это называлось. В результате — пшик!]

В книге воспоминаний о Валерии Миляеве много написано о зарождении праздника Архимеда на физфаке (https://www.inr.ac.ru/~pnlab/milyaev/book_about_milyaev.pdf, дата обращения 31.07.2022).

В воспоминаниях Дмитрия Яковлевича тоже есть такой фрагмент.

«А в мае состоялся наш физфаковский праздник «Архимед» — тоже массовый (в факультетском масштабе) — результат артистической самодеятельности студенческой и прочей молодежной составляющей факультета. Он шел во второй раз, подвергнувшись изменениям и усовершенствованиям. В 1961 году в нем было немало нового.

168

Обычно праздник начинался массовым представлением на верхней площадке при входе на факультет. Разные курсы показывали разные «живые картины» (вплоть до полудетских пиратов), соответствующие их вкусам и настроениям. Они дефилировали перед восхищенными зрителями (со всех факультетов!), стоявшими внизу широкой лестницы, ведущей в здание. От памятника Ломоносову к сцене подъезжали Архимед и Ломоносов.

На этот раз в установленный порядок вошло новое — появление Нильса Бора в сопровождении Л.Д. Ландау и И.Е. Тамма. Вне программы их встретили аплодисментами, и представление продолжалось. А спустя некоторое время все отправились во Дворец культуры МГУ, где была разыграна комическая опера «Архимед» — свое сочинение, свои артисты. И все было превосходно и заслужило горячую похвалу знаменитого гостя.

Во всей описанной постановке была одна, не всеми замеченная деталь — так называемый «треугольник» факультета на ней полностью отсутствовал. Дело в том, что в прошлой постановке было немало острых моментов, задевавших и де-

кана, и общественные организации. Пока что они «сошли с рук» факультету, а вот теперь, в 1961 году, возникли опасения — „как бы чего не вышло!“».

И вот неожиданный для меня пассаж:

«Празднику грозила полная отмена. Но ситуацию спас Б.В. Кукаркин, который в роли члена партбюро физфака от-важно взял на себя ответственность за благопристойность всего спектакля и принял на себя труды организатора его постановки. Впрочем, в отношении организации молодежь освободила его от забот, кроме тех, когда надо было улаживать «вневедомственные трения». «Опасения» не оправдались, праздник существует до сих пор. А гость [Нильс Бор] провел целую декаду в интенсивном научном обмене с учеными университета и Академии наук, и мы на ученом совете МГУ 17 мая избрали Нильса Бора своим почетным доктором (honoris causa)».

Читая отзывы о Б.В. Кукаркине у Шкловского, Гурштейна и других, да и самого Дмитрия Яковлевича, высказывания при мне Альберта Петровича Гуляева, Владимира Владимировича Подобеда и немногих еще оставшихся «патриархов» того времени, я был изумлен материалом, который прочел. Прочел это — у Дмитрия Яковлевича! Сам я, немного подумав и повспоминав свое общение с Кукаркиным, вполне допускаю это. Борис Васильевич, по моему мнению, не был скрытым интриганом и свою неприязнь не таил. Линию партии, на мой взгляд, принимал без сомнения и поэтому входил в состав парткомов факультета и университета. Этим, на мой взгляд, объясняется случай, описанный Шкловским в рассказе «Юбилейные арабески» своего «Эшелона»: «Человек [Б.В. Кукаркин] крайне беспринципный... На моих глазах, за какие-нибудь год—два, Кукаркин разворачивался на 180 градусов ... В нем было что-то от иезуита и очень много истерики».

С беспринципностью же Бориса Васильевича, пожалуй, и я один раз встретился. Мы с Колей Самусем вместе кончали аспирантуру, хотя он на два года моложе, но я те же два года провел в армии. Таким образом, поступали и кончали аспи-

рантуру одновременно. Оба заканчивали с представлением диссертации. Коля был москвич, а я иногородний. Как рассказывал мой руководитель Альберт Петрович Гуляев, при обсуждении на партбюро ГАИШ, а затем и на кафедре, я был рекомендован к распределению ассистентом на физфак, а Коля младшим научным сотрудником в ГАИШ. Я на физфак, потому что не был москвичом, и проблему с моей пропиской в Москве он и должен был решать, т.к. у факультета была ежегодная квота на такое действие. Борис Васильевич такую расстановку поддержал, но за спиной и партбюро, и кафедры договорился с деканом В.С. Фурсовым о распределении Самуся в ассистенты, тем самым подвесив меня в воздухе.

170

Помню, что Альберт Петрович был очень огорчен таким «ходом» Бориса Васильевича, но не удивлен. А вот В.В. Подобед был разозлен, увидев в этом козни Бориса Васильевича против астрометрии и его самого. Константин Алексеевич Куликов, мой формальный руководитель в аспирантуре, сказал: «Ну что ж, милуша моя, поедешь на Крымскую станцию, туда ГАИШ тебя сможет взять». Где астрометрия и где звездно-астрофизическая Крымская лаборатория ГАИШ, на которой отродясь не было сколь-нибудь значимых астрометрических инструментов, не вопрос. Когда-то я слышал разговор Леонида Петровича Грищука с Владимиром Владимировичем Подобедом. Грищук, бывший в то время председателем Месткома ГАИШ, разговаривал с Подобедом, членом партбюро ГАИШ, о каком-то кадровом вопросе. Помню слова Подобеда:

— Как, как. Взяли же вашего аспиранта Мишу Сажина на ставку, которую давали под РАТАН-600. Вот и здесь так же сделаем.

Вот и вопрос моего распределения в ГАИШ все же удалось решить с приходом нового директора Евгения Петровича Аксенова. Но это уже, как говорится, другая история, и не для этой книги.

Из воспоминаний Дмитрия Яковлевича я также узнал, что, действительно, ГАИШ делал попытку отделиться от физ-

фака. Попытка эта была вызвана большой перегрузкой студентов из-за учебного плана. Астрономы имели полный пакет предметов физфака плюс еще свои дисциплины. Наталья Николаевна Кабаева рассказывала, что они — девчата — ходили на военную кафедру вместе с мальчиками, т.е. у них тоже была военная подготовка. Вот так пишет об этом Дмитрий Яковлевич.

«Некоторую долю забот принесла нам идея создания астрономо-геофизического факультета, отделенного от физфака. Астрономов тревожила перегрузка студентов, от которых физический факультет требовал выполнения почти всей нагрузки студентов-физиков на первых трех курсах, тогда как интересы специальности заставляли ввести на этих же курсах 6–7 астрономических предметов с практическими занятиями. Астрономы были инициаторами нового факультета. Но геофизики, с их менее специфической тематикой, не поддержали эту идею. Вскоре на факультете стали постепенно уступать нажиму астрономов. Часть физических предметов была уменьшена в объеме для студентов-астрономов, а затем и прием на астрономическое отделение стал проходить по отдельному конкурсу. Геофизики добились того же позже».

171

Сильно беспокоило Дмитрия Яковлевича и распределение студентов.

«Конечно, наша научная деятельность очень сильно зависела от подбора способной молодежи на открывавшиеся вакансии. Мы делали это, стремясь оставить на работе или в аспирантуре оканчивающих студентов, а также закончивших свой стаж аспирантов. При этом мы, естественно, отдавали предпочтение тем из них, кто любил и умел наблюдать или работать в лаборатории. Так, например, несмотря на очень похвальные отзывы о дипломной работе студента Захарова ...». [Здесь ДЯ дает примечание: «Отзывы об этой работе действительно были очень похвальны, но она относилась к тонким вопросам Общей теории относительности, которыми у нас занимались только А.Л. Зельманов и оканчивающий аспирантуру И.Д. Новиков. На заседании кафедры, где докла-

дывал Захаров, я сказал: „Он (Захаров) проник в этот вопрос так глубоко, как никто, так что никто не может сказать, как глубоко он проник“».]

Это именно тот Валерий Дмитриевич Захаров, который одно время работал в моем отделе физики ВИНТИ старшим научным сотрудником. Он к этому времени уже давно защитил кандидатскую диссертацию и написал несколько книг, в одной из которых вводит Вселенную с Богом. Книга называется «От философии физики к идее Бога». Учился он на одном курсе с Натальей Николаевной Кабаевой, Моисеем Айзиковичем Лившицем и Галиной Владимировной Романовой с Константином Владиславовичем Куимовым. Что-то в этих переходах физиков к Богу есть странного. На мой взгляд, это зачастую бывает при неустроенности в жизни, но обычно это свойственно женщинам, оставшимся одинокими по разным причинам. Их удел — кошки и собачки, заменяющие им детей, а в более тяжелых случаях — переход к религии.

172

В.Д. Захаров погиб в 2019 году. Вот выдержки из переписки с Галиной Владимировной Романовой, связанные с этим нашим выпускником, подававшим большие надежды.

18.06.2019 17:49

Около часа назад позвонила Валентина Чепурова с очень грустным известием: погиб ещё один мой одноклассник — Валера Захаров. Вы его знали, он у Вас работал. Подробности пока мне неизвестны.

Очень печально.

Ваша
ГВ

18.06.2019 18:24

Только вчера на даче читал его книгу о физике и Боге. Печально, и почему — погиб? Ведь он переболел раком, и я считал его счастливым. Машина? Будут подробности — сообщите.

ВШ

23.06.2019 18:41

Как мне рассказала моя одногруппница (со слов Веры, жены Валеры), он был на даче где-то под Зарайском и пошёл один гулять, хотя его обычно не отпускали одного. Гулял вдоль ж.-д. пути, плохо слышит. Возможно, просто не услышал сигнал поезда. Его сбил поезд. Похороны состоялись 19-го... Что Валера был болен, я не знала. Рак чего у него был? Он ведь был в группе первым «женатиком». Я помню, как мы с Натальей [Кабаевой] покупали на рождение его дочери (8 марта) детское приданое от группы, а ещё мне почему-то навсегда запомнилось, как на каком-то курсе мы ходили на «Аиду», и он после спектакля ходил и напевал: «Приди, тебя украсим мы...». Меня это поразило, и я на всю жизнь запомнила это. На последней встрече курса, на которой я присутствовала и где был ещё Костя [Куимов], я Валере напомнила об «Аиде», но он уже забыл этот эпизод. Зато живо напомнил, как мы с Натальей приезжали в роддом, а я это уже забыла. Из нас тринадцати двое умерли не своей смертью — ещё Женю Ризова сбила машина несколько лет назад. Он есть на фотографии в Вашей книге. [Имеется в виду фотография курса Галины Владимировны на стр. 496 первой книги]

А на той встрече курса я сидела между Валерой и Мишей Лившицем. С первым мы вспоминали студенческие годы, а второй ... делился своими научными достижениями и рассказывал о подготовке к изданию какой-то своей ... востребованной (в том числе — на Западе) книге. Оба были живы и очень возбуждены. Костя [Куимов] тоже был жив. С тех пор на встречи не хожу.

Грустно и тоскливо.

ГВ

Дмитрий Яковлевич далее пишет: «Мы ничего не предприняли для того, чтобы закрепить его [Захарова] за ГАИШем. Из окончивших аспирантуру нам удалось оставить у себя В.В. Нестерова, И.Д. Новикова, И.Н. Глушневу и М.М. Поспергелиса».

Ранее я рассказывал о попытке Вилена Валентиновича Нестерова поговорить с Дмитрием Яковлевичем о большом количестве дополнительных обязанностей при исполнении им должности ученого секретаря ГАИШ. Привел небольшой фрагмент, как Игорь Новиков вынужден был после окончания аспирантуры стать ученым секретарем ГАИШ. Теперь привожу его полностью.

174 «Первоначально намечавшееся зачисление И.Д. Новикова в отдел радиоастрономии отменили, так как И.Д. был чистым теоретиком с интересами в области космологии и гравитации, и мы нашли, что лучше, если он будет успешно начатую работу свою продолжать независимо от какого-либо отдела, и дали ему должность ученого секретаря на смену не удовлетворявшего нас В.Д. Давыдова. Тогда работа ученого секретаря была далеко не столь хлопотливой, как спустя 10–15 лет, и она не мешала И.Д. Новикову успешно продвигаться вперед. А оставление В.В. Нестерова произошло по представлению К.А. Куликова, который увидел в нем хорошего преподавателя и не ошибся».

Теперь видно, что и Нестеров недолго задержался на этом посту. Его, в свою очередь, сменил Гаврила Сергеевич, который прекрасно исполнял эти обязанности, но захотел большего карьерного роста, ушедши в Астросовет. И только на пятой, кажется, попытке Дмитрий Яковлевич нашел подходящую кандидатуру. Ученым секретарем, сбежав от Юрия Наумовича Липского, стала Людмила Николаевна Бондаренко.

И возвращаясь к И.С. Шкловскому:

«В 1962 г. у меня произошло новое реально крупное столкновение с И.С. Шкловским (мелкие бывали как прежде, и нередко). Он, занимая штатное место профессора на кафедре, вдруг, не испросив ничего разрешения и даже не поставив меня, заведующего кафедрой, в известность, прекратил чтение лекций, чтобы уехать в санаторий, то есть прекратил надолго.

Я думаю, что И.С. позволил себе такую вольность потому, что в эту пору он добился расположения М.В. Келдыша,

а И.Г. Петровский был расположен к нему давно. Отсюда уверенность в том, что ему все «сойдет». Я же считал недопустимым, когда хороший лектор уклоняется от чтения лекций, либо выставляя себе неполноценную замену, либо вовсе без замены. И.Г. Петровский был того же мнения, но в применении к И.С. высказывался довольно вяло: «Я с ним поговорю». Желание И.С. уклоняться от чтения лекций студентам я заметил давно. Ему нравилось блеснуть хорошо подготовленной лекцией или докладом перед переполненным залом на какую-либо горячую тему сегодняшней астрофизики или проблемы жизни во Вселенной. А излагать систематически предмет перед кучкой студентов ему не нравилось еще и потому, что это — постоянная и систематическая обязанность».

Назидательно Дмитрий Яковлевич пишет: «Когда Н.Н. Парийский почувствовал, что чтение лекций его тяготит, он отказался от доцентуры и ушел из Университета в Институт физики Земли, сколько мы его ни убеждали не делать этого. Иосифу Самойловичу уходить из Университета не хотелось».

Еще по учебным делам.

«Удастся отразить намерение ректората упразднить у нас одну из четырех кафедр, кафедру астрометрии. Скрытый мотив этой попытки — невысокое мнение ректората о заведующем кафедрой (К.А. Куликове). Этот «постоянно действующий фактор» оказывается жизнеспособным, и вскоре (в 1964 г.) кафедру астрометрии присоединяют к кафедре звездной астрономии при неясном отношении к этому со стороны Б.В. Кукаркина, заведующего кафедрой звездной астрономии».

Далее текущие дела.

«Поддерживают в аппарате ЦК также нашу (от ЦС ВАГО) инициативу по восстановлению популярного астрономического журнала. Но это пока только в принципиальном плане, а реализация наступит только спустя 1,5 года, в середине 1965 г. Долог путь!»

«Раньше, 8 октября, мы, наоборот, с удовольствием направили Э. Герцшпрунгу телеграмму с поздравлением к его

90-летию! Завидный юбилей! А ведь он после этого прожил еще 4 года.

Научные конференции в ГАИШе и вне его шли довольно равномерно, особенно после лета. В частности, хорошо работал наш методологический семинар с докладами Терлецкого и Кольмана, а также по поводу книги Шкловского «Вселенная, жизнь, разум» (этот прошел вяло и неинтересно). Интересный коллоквиум состоялся 21 ноября о связях с внеземными цивилизациями с докладом Н.С. Кардашева. Он без тени смущения говорил о невообразимо огромных мощностях, которыми могут располагать другие цивилизации. Выступали Шкловский и я, одобрительно и, соответственно, неодобрительно. Я и тогда, и теперь убежден в том, что затрата больших мощностей на межзвездные связи не нужна развитым цивилизациям, она может быть лишь излишним расточительством, удовлетворяющим любопытство немногих и вредных для носителей цивилизации рядовых существ, как вредна растрата. Сейчас мы на Земле не совсем, но вплотную дошли до энергетического кризиса. И человечество будет постепенно бороться с этим кризисом, ибо с ростом возможностей постоянно будут расти потребности».

176

И тут Дмитрий Яковлевич оказался прав. Чем дальше, тем больше проблем с этой энергетикой.

«Что касается личного состава (или, как теперь говорят, кадров) ГАИШ, то в 1963 г. произошло много изменений. В марте мы лишились И.Д. Новикова, который был у нас ученым секретарем. Он говорил, что ему хочется остаться в ГАИШе, но обязанности ученого секретаря его тяготят. А причиной такого его заявления было то, что Я.Б. Зельдович стал усиленно уговаривать перейти на работу в Академию. Я же сопротивлялся и даже получил на это санкцию И.Г. Петровского. К сожалению, И.Г. не смог устоять против просьбы М.В. Келдыша и спустя две недели отпустил Новикова. Судя по последующим годам успешного сотрудничества И.Д. Новикова и Я. Зельдовича, И.Д. уходил от нас охотно. Он действительно был нужен Якову Борисовичу как космологист и релятивист с хорошим астрономическим

фундаментом. Последнего Я.Б. как раз недоставало. И.Д. вырос в этом сотрудничестве до международной известности и высокой репутации внутри страны. Нас всех очень удивило, что 16 лет спустя, в 1979 г., Я.Б. и И.Д. резко разошлись и даже, по-видимому, рассорились. Мне Я.Б. как-то после этого сказал: «Ну, не будем говорить о Новикове», — сказал со скрытым раздражением и тут же произнес несколько похвальных фраз в адрес Р.А. Сюняева, его высокую способность схватывать новые идеи и излагать их с полной ясностью самостоятельного мышления, развивая дальше. Мне сдается, что Я.Б. изменил научную ориентацию от релятивистской космологии к более конкретным вопросам релятивистской астрофизики и астрофизики вообще, и тогда сотрудничество с Новиковым оказалось ему ненужным. Вероятно, на этой платформе между ними произошла ссора после того, как Я.Б. на очередных академических выборах рекомендовал в члены-корр. Сюняева, тогда как его коллектив энергично поддерживал Новикова. Впрочем, и Р.А. Сюняев не прошел».

177

«В середине года много разговоров было около выбора доцента на каф. астрофизики. Добивалась этого Н.Б. Григорьева, а я продвигал Э.В. Кононовича. У декана и первого проректора поддерживали меня, но партийные организации от нашей партгруппы до парткома факультета поддерживали Григорьеву, как более старшую, как старого члена партии, как умелого воспитателя молодежи. Прошла Н.Б. Григорьева. Впрочем, вскоре — прошел и Э.В. Кононович, когда удалось открыть вторую доцентскую должность на кафедре. Тут же выявился еще один будущий доцент, а пока еще лаборант — А.В. Засов, прекрасно зарекомендовавший себя докладами, будучи еще студентом, и ярко увлеченный наукой».

Я приводил записи Гаврилы Сергеевича Хромова об инциденте, который сильно мешал Ростиславу Савичу Ирошникову в продвижении по научным должностям. Кстати, они и учились в одной группе. Дмитрий Яковлевич описывает ситуацию со своей стороны.

«Много шума вызвал инцидент с аспирантом Ирошниковым, который залепил пощечину иракскому аспиранту — его соседу по комнате — за какой-то неблагоприятный поступок. В целях споспешествования дружбе с Ираком, ВУЗком ВЛКСМ исключил Ирошникова из комсомола, а это грозило исключением его из аспирантуры. И.С. Шкловский и я пошли к ректору заступаться за Ирошникова, что нам и удалось: И.Г. Петровский тут же пошел к первому проректору, Г.Д. Вовченко, с тем, чтобы предупредить возможное исключение из аспирантуры. После этого вопрос повис в воздухе, так как партийные органы хотели наказать Ирошникова. Но настоять на этом им не удалось, — вскоре у нас с Ираком возник дипломатический конфликт (совсем не из-за Ирошникова [иронически пишет Дмитрий Яковлевич])».

Еще кадровые дела.

178

«Временно обязанности заведующего Службой времени были возложены на Н.С. Блинова, а тем временем шла подготовка к переходу из ЦНИИГАиКа В.Э. Брандта, по всем отзывам хорошего специалиста и знатока электронных нововведений в Службу времени. ЦНИИГАиК тяготился не В.Э. Брандтом, а Службой времени, которую счел для себя излишней, но не желая в этом открыто признаться, соглашался на организацию объединенной Службы времени ЦНИИГАиКа и ГАИШ. После того, как мы договорились с ректором о назначении Брандта, еще до конкурса, он перешел к нам с несколькими сотрудниками и с двумя хорошими кварцевыми часами. В ноябре и в декабре на Ученом Совете прошли выборы его на звание старшего научного сотрудника (одновременно с Н.С. Кардашевым и Ю.П. Псковским). Приход В.Э. Брандта значительно поднял Службу времени в ГАИШ, что было требованием времени. Нужно было переходить к решению деликатных задач геофизики.

Заботы доставлял Я.П. Горелов, ст. н. сотрудник, которому было поручено наладить астрометрически надежные наблюдения искусственных спутников Земли. Он не мог ничего сделать фотографическим методом, но и визуально у него ничего не вышло. «А индюк молока дать не может...» —

написал я в дневнике о нем. Я.П. покинул ГАИШ и перешел на пенсию, когда стало очевидным, что он уже не пригоден для научной работы.

22 августа скончался К.Н. Яхонтов, долголетний «хозяин» 15-дюймового астрографа. Он очень любил свой инструмент, очень ревновал ко всем, кто, по его мнению, неумело обращался с астрографом. Собрал, каталогизировал и держал в идеальном порядке негативы, полученные этим инструментом. Возвращаясь ночью домой, он был сбит автомашиной, водитель которой выездом на тротуар хотел избежать столкновения с пьяной компанией, преградившей ему путь на проезжей части. Мы очень горевали по поводу смерти Константина Николаевича, «последнего из могикан» — представителей старых московских астрометристов.

Но шел неуклонный процесс омоложения персонала ГАИШ. Трудолюбивая и настойчивая И.Н. Глушнева уже была научным сотрудником. Защитил диссертацию В.В. Нестеров. Приняты в аспирантуру А.П. Грищук, В.М. Лютый, А.М. Черепашук — ставшие докторами задолго до того, как пишутся эти строки. Приняты на работу А.В. Засов, Е.Е. Лехт, М.Г. Ларионов, занявшие видное место в нашем коллективе».

Здесь же можно привести:

«Уже в начале года (1967) А.М. Черепашук подготовил достаточно богатый материал для диссертации. Уже в январе он делает доклад у математиков на физфаке, у А.Н. Тихонова. А.М. вовлек в круг своих интересов двух дипломников Тихонова — А.Г. Яголу и А.В. Гончарского, которые стали разрабатывать математическую сторону определения элементов затменных двойных систем в общем случае, для любого распределения яркости по диску звезды — именно то, что ему было нужно при изучении звезд Вольфа–Райе. А.Н. Тихонов как раз разработал общий метод решения некорректных задач физики, в центре которого лежало решение интегральных уравнений первого рода, и его дипломники этим воспользовались на пользу себе и А.М. Черепашуку. На состоявшемся обсуждении А.Н. Тихонов очень настойчиво

предупреждал, что решение уравнений I рода в общем таит в себе беспредельную неопределенность, так что лишь другие, иногда совсем качественные, соображения могут помочь выбрать нужное решение. Правда, в интересах своей кафедры А.Н. Тихонов «зажал» разработанный его студентами алгоритм, но Черепашук уже овладел идейно методом и мог идти своим путем. К марту у него было уже более чем достаточно материала для диссертации, а в конце марта кандидатская диссертация на тему: «Исследование системы V444 Лебеда. Интерпретация затменных систем как обратная задача фотометрии» была уже готова. 22 июня он защитил ее на Ученом совете ГАИШ, а 15 сентября ВАК утвердил защиту».

Последующая защита докторской диссертации Анатолием Михайловичем довольно хорошо известна и описана как в его книге, так и недоброжелателями, но время показало, что прав был Д.Я. и Диссовет ГАИШ.

180

«Позже, 12 декабря 1963 г. или около того, я разговаривал с И.Г. Петровским о возможности выдвижения И.С. Шкловского в члены-корр. Академии. Я знал о симпатиях И.Г. к И.С. и потому был удивлен, когда И.Г. ответил мне без всякого энтузиазма, что поговорит с М.В. Келдышем».

В начале книги, в главе о диггерах я писал о нашей безответственности при принятии важных решений. Мы всегда восстаем по любому затронувшему нас поводу. Мы — демократы. Кто-то на этом делает карьеру, кто-то улучшает свое материальное благополучие, а кто-то безумно борется «за идею», не являясь профессионалом, не изучив тщательно вопрос, а просто поддавшись эмоциям.

Например, помните борьбу за сохранение Химкинского леса? Сколько было шума. Что в результате? Две победы. Дорога Москва—Санкт-Петербург построена. Лидерша протестной группы «Движение в защиту Химкинского леса» Евгения Чирикова, помните такую, хорошо устроилась с семьей в Эстонии, как «борец против ненавистного режима». Уж кто-кто, а бывшие советские прибалтийские республики

врагов нашей страны любят. Вот и руководительница фонда борьбы за здоровье детей Чулпан Хаматова в Литве оказалась. Купленное, видимо, на деньги этого фонда поместье (не на зарплату же даже востребованной артистки, не те деньги) перевесило и любовь к больным детям, и к бывшим друзьям и коллегам, и признание страны, давшее ей звание Народной артистки России. Не с ней первой такое случается и не с последней, думаю. Кумир молодежи моего поколения Андрей Макаревич, тоже обласканный Дмитрием Анатольевичем Медведевым во время своего президентства, давно уже льёт помои на страну. После начала спецоперации на Украине к нему присоединился и другой «певец ртом», Гребенщиков. Оба в Израиле. Давно известно, что в тяжелые минуты «крысы» бегут с корабля.

Касаясь астрономов и их «восстаний», о которых я писал в начале, Дмитрий Яковлевич в своих воспоминаниях приводит ряд таких случаев.

— Совместная борьба ГАИШ и КрАО против строительства в Бахчисарайском районе большого цементного завода. Дмитрий Яковлевич пишет: «Мы его так и не заметили в своей наблюдательной работе».

— Борьба ГАИШ со строительством столовой № 8 примерно в 100–150 метрах от здания ГАИШ: «Никаких затруднений нашим наблюдателям она не прибавила, а настойчивость Г.Ф. Ситника ничем не вознаграждалась — наблюдения Солнца на АТБ (в южном углу здания ГАИШ) производились редко, далеко от систематичности. Даже пресловутый бассейн оказался безвреден, — его не эксплуатировали, послужив одно—два лета мальчишкам для купания, он перестал работать».

В противовес этим двум случаям, трем, если считать случай с часовым подвалом, Дмитрий Яковлевич приводит свое вмешательство, закончившееся положительным результатом.

«Когда для Энгельгардтовской обсерватории возникла опасность расширения узловой станции Юдино почти до станции Обсерватория, я, как президент ВАГО, по просьбе

А.А. Нефедьева активно вмешался, писал протест, который был принят во внимание, и расширение станции в сторону обсерватории замедлилось. Но не прекратилось, и к концу 70-х гг. у АОЭ юго-восточная часть неба стала недоступной для светосильных телескопов».

Я уже писал, что когда-то на Астрономическом отделении было аж шесть кафедр, к 1963 г. их стало всего четыре, и со стороны Министерства высшего и среднего образования РСФСР была попытка сделать всего одну. В результате слили только звездную астрономию с астрометрией. Вот свидетельство Дмитрия Яковлевича о его борьбе против этого.

182

«Я очень настойчиво утверждал, что в случае слияния получатся, как две несмешивающиеся жидкости, два отдельных коллектива, и, как показало время, я был прав. Только я устроил нагоняй главным астрометристам К.А. Куликову и В.В. Подобеду за то, что они переваливают свои курсы другим лицам (в данном случае на В.В. Нестерова), что они нисколько не заботятся о привлечении на кафедру студентов. Наступало лето, мы почти успокоились, а 10 сентября Б.В.К. сообщил мне, что 11 июля, т.е. 9 дней спустя после успокоившего нас ректората, министр В.Н. Столетов подписал приказ о слиянии двух кафедр. Очевидно, по представлению ректора. И к этой акции имелся лишь один ключ. 10 июля в разговоре со мной по телефону М.С. Зверев сообщил мне, что он имел беседу с И.Г. Петровским, на вопрос которого он ответил, что между кафедрой звездной астрономии (как она была при П.П. Паренаго) и кафедрой астрометрии много общего. Однако к слиянию кафедр он (Зверев) относится отрицательно. И.Г. Петровский, всегда отдававший предпочтение мнению академиков и чл.-корреспондентов, вооружился мнением М.С. Зверева и тут же реализовал его обращением в Министерство. И никому ничего не сказал. Никому ли? Мне кажется, что Б.В. Кукаркин знал об этом уже летом (я много и подолгу отсутствовал два месяца с 14.VII до 10.IX). Ходил слух, что уже 10 июля Б.В.К. давал ректору согласие возглавить объединенную кафедру, если

на ней не будет В.В. Подобеда — требование, очевидно, невыполнимое. В сентябре мы еще пытались повернуть колесо событий в обратную сторону. Искали защиту у проректора Е.М. Сергеева, который что-то обещал, имея в виду, что дубликации приказа министра в МГУ еще не было. Однако ничего не вышло. И 12 октября партбюро ГАИШ рекомендовало Б.В. Кукаркина на должность заведующего укрупненной кафедрой.

Я рассказал всю эту историю так подробно потому, что сейчас, в июле 1981 г., решается вопрос о дальнейшем сокращении числа астрономических кафедр — передаче звездной астрономии на кафедру астрофизики, а астрометрии — на кафедру небесной механики. На этот раз по инициативе «снизу», т.е. самого ГАИШ и физфака. Кстати сказать, в 1964 астрометристы предлагали кафедру астрометрии слить с кафедрой небесной механики, но по соображениям личного порядка».

Позднее, как известно, уже при Е.П. Аксенове была образована кафедра небесной механики, астрометрии и гравиметрии, существующая и поныне.

183

Поскольку я астрометрист, то для меня интересно свидетельство Дмитрия Яковлевича о первой попытке защиты В.В. Подобедом докторской диссертации в Пулковое. Я знал об этом, но подробности привел Дмитрий Яковлевич.

«Докторская защита В.В. Подобеда в Пулковое прошла неудачно. Он представил в качестве диссертации свой учебник «Фундаментальная астрометрия». На Пулковском Ученом совете к учебнику отнеслись недоброжелательно, и это отношение в форме вопроса выразил В.В. Соболев. По словам А.А. Михайлова, свою роль сыграл также развязно-покровительственный отзыв Ширяева. А М.С. Зверев уже потом говорил мне, что учебник «слабоват» и В.В. Подобед не очень хорошо защищался. И когда после оглашения плохих результатов голосования «народ безмолвствовал», В.В.П. со свойственной ему непосредственностью встал и тяжело протопал из зала».

Мнение Митрофана Степановича, что «учебник слабоват», для меня звучит странно. Зная дело, скажу, что учебник был переиздан как пользующийся спросом и, по моему мнению, хорош. К тому же, первое издание редактировал Альберт Петрович Гуляев, а он очень дотошный редактор, и во многом благодаря ему учебник и спустя двадцать лет являлся основным в области фундаментальной астрометрии. Написан он четко, понятно, и видно, что автор хорошо разбирается в вопросах фундаментальной астрометрии. По моему, вторая защита была снова по этому же учебнику и завершилась успешно.

Может быть, для читателей окажется интересным и такой пассаж в воспоминаниях Дмитрия Яковлевича, и я раздумывал какое-то время, внести ли его в книгу, но раз вы читаете это, то все-таки решил внести.

184

«Немало времени у меня занимали три моих аспиранта: С. Щеглова [Дубкова], А.И. Снежко и А.М. Черепашук, и при том так, что я не был доволен ни одним из них. В сущности, только Щеглова оказалась вполне неудачной. Я полагал, что ей будет помогать ее муж, П.В. Щеглов, в сфере научных интересов которого действовала и она. Вначале он ей помогал, но потом стала заметной ее беспомощность. А при моей занятости я не мог вести ее за ручку. Да если бы я и не был занят, все равно, из аспиранта безынициативного, которого руководитель тянет, научный работник не выйдет. Двое других были способные ребята, но увлекающиеся. А.М. Черепашук занялся вдруг гидродинамикой звезд, не будучи подготовленным к решению этой очень трудной задачи в полном виде, как ему хотелось. А.И. Снежко, воспитанник Свердловского университета, был более способен к теоретическим занятиям, но ему не доставало чисто астрофизической подготовки. Я же задавал им наблюдательную программу по тесным двойным звездам, что у них не выходило. А.М. Черепашук выправился впоследствии, занявшись звездами Вольфа—Райе и как наблюдатель, и как теоретик, воспользовавшись методом А.Н. Тихонова для решения некорректных задач. А Леня Снежко после успеш-

ного начала — теории эволюции тесных двойных звезд — забросил эту тему, не доведя ее до конца, а потом, женившись в Свердловске, вообще забыл об аспирантуре (см. еще дальше)».

Как и Гаврила Сергеевич Хромов, Дмитрий Яковлевич равнодушен к выборам в академию. Хромов описал подоплеку выбора в академики В.Г. Фесенко, а Мартынов — директора Пулковской обсерватории А.А. Михайлова. Не так красочно, но все-таки.

«Довольно неожиданным академическим событием было избрание академиком А.А. Михайлова. Неожиданным оно было потому, что считался самым серьезным кандидатом А.Б. Северный, который, вопреки своей обычной манере, был весьма любезен с М.В. Келдышем, Л.А. Арцимовичем и другими высокостоящими... Однако он встретился с сильной оппозицией со стороны В.Г. Фесенкова и, может быть, других, не столь высокостоящих».

В недавно вышедшей книге с воспоминаниями об И.С. Шкловском [«Разум. Жизнь. Вселенная». М.: 2019] многие авторы описывают свое видение конфликта между Я.Б. Зельдовичем и И.Д. Новиковым. В воспоминаниях Дмитрия Яковлевича тоже этому уделено внимание: «В мае В.А. Амбарцумян организовал в Бюракане конференцию по внеземным цивилизациям. Она была весьма представительна и интересна как первая у нас конференция на эту тему. Труды конференции опубликованы Армянской Академией под названием «Внеземные цивилизации» (Ереван, 1965), и нет смысла излагать ее ход здесь. Мне только по контрасту с сегодняшним днем вспоминается, что на этой конференции Я.Б. Зельдович и И.Д. Новиков были совершенно неразлучны. Это было время, когда они интенсивно и успешно работали по релятивистской астрофизике, и И.Д.Н. обеспечивал астрофизическую сторону их деятельности. Что же касается Я.Б.З., то он остался теоретиком-физиком во все последующие годы, конечно, умело воспринимая все новое, что появлялось в астрофизике. Только за последние пять лет его правой рукой стал Р.А. Сюняев».

Интересно свидетельство Дмитрия Яковлевича о малоизвестной стороне шумного заявления Шкловского об искусственном происхождении спутников Марса. Это «серая» сторона этой истории, и я ее приведу.

«Досадный случай произошел с «Фобосом». Все еще лелея мечту обосновать свою неосторожную сенсацию с Фобосом, И.С. Шкловский задумал высадить на Марсе аппарат, который позволил бы установить аккуратную сферическую форму этого спутника. Разработка конструкции была поручена В.Ф. Есипову, а исполнение — одному «почтовому ящику», с которым ГАИШ заключил формальный договор на большую сумму. Когда прибор был изготовлен, выяснилась его непригодность. Авторы даже не захотели его брать, а «почтовый ящик» не захотел лишаться договоренной суммы и оплаты дополнительных расходов. ГАИШ оказался страдательной стороной. Деньги были сняты с его счета через Госарбитраж. Нетрудно представить себе, в какую ярость я пришел и на Шкловского, и на Солюянова, который ничего не сделал, чтобы предупредить или оспаривать решение Арбитража (думаю, что это не было простой халатностью). И.С. Шкловский, чувствуя себя ответственным за «Фобоса», приложил старания, чтобы убедить Г.А. Скуридина оплатить дополнительные суммы, истребованные «почтовым ящиком» сверх договора (23 тыс. руб.). [В примечании ДЯ: «Г.А. Скуридин — правая рука М.В. Келдыша в ОПМ, по космическим делам в части административной и финансовой — был обязан И.С. Шкловскому в получении докторской степени, так как последний дал ему весьма положительный отзыв о диссертации»]. В конечном счете, ГАИШ ничего не потерял, но государство потеряло, затратив на ненужную затею свыше 100 тыс. руб.

И.С. Шкловский проявлял некоторую активность для обеспечения отдела радиоастрономии ГАИШ наблюдательными средствами. Своих сил было недостаточно (хотя попытки были), и он стремился пристроиться к какой-либо организации, сильной в радиоастрономическом отношении. С ФИАНом ничего не вышло, и он вступил в контакт с

С.Э. Хайкиным, который, имея уже удачный опыт с небольшой антенной переменного профиля в Пулково, стал думать о более крупном телескопе того же типа. И.С. Шкловский его безуспешно переубеждал в пользу 1-мильной системы Крауса и был вынужден уступить («опасаясь инфаркта у С.Э. Хайкина», — говорил он), и они сошлись на большом телескопе с переменным профилем стоимостью 5 млн рублей по предварительной оценке. Не помню, тогда ли или позже, И.С. Шкловский выговорил у И.Г. Петровского 300 тыс. руб. в качестве долевого участия МГУ в этом инструменте. Смешно подумать, что такая сумма осталась без изменений до самого конца строительства: этот телескоп — «ныне благополучно здравствующий» 600-метровый РАТАН-600 — стоил 42 млн. руб. Правда, в организации и проведении его строительства принимал многолетнее безотрывное участие наш сотрудник Л.М. Гиндилис».

В предыдущей книге большое внимание уделено прохождению диссертации А.А. Гурштейна через Ученый совет физфака. Не буду на этом останавливаться и передавать вкратце суть. Можно посмотреть мою книгу или книгу самого Александра Ароновича, из которой мной взят этот фрагмент. Но вот что пишет об этом Дмитрий Яковлевич в ряду защит 1965 года.

«В деятельности Ученого совета ГАИШ по-прежнему видное место занимали защиты диссертаций. Вот далеко не полный перечень защит 1965 года: докторские Н.С. Кардашев, В.И. Мороз; кандидатские — Лившиц, Гурштейн, Козак, Фролов, Обридко, Иошпа, Хромов, Панде, Артемьев, Николай, Латышев. Почти все они — наши сотрудники. Почти все они проходят гладко через Ученый совет физфака, а потом — моими стараниями — через экспертную комиссию ВАК. Небольшая заминка с диссертацией Г.С. Хромова, ученика Б.А. Воронцова-Вельяминова. Последний усмотрел в ней такие достоинства, что считает возможным допустить к защите как докторскую, но И.С. Шкловский и С.Б. Пикельнер считают, что это будет поспешное решение. На том и

останавливаемся, и Г.С. Хромов проходит единогласно кандидатом наук».

Интересный сюжет с послезащитой рассказала мне Тамара Андреевна Бируля. Как всегда, коллектив собрал около 150 руб. на подарок новоиспеченному кандидату.

Спросили:

— Гаврила, что ты хочешь в подарок?

Ответ был краток:

— Деньгами.

188 Тогда искрящийся от жизненных сил молодой Вилен Валентинович Нестеров подговорил других на такую шутку. Все, кто мог, принесли сколько могли пятаков, остальное сумели получить в Банке и сложили этот пуд монет в холщевый мешок. Его торжественно подарили на праздновании защиты при дружном одобрении всеми присутствующими. Надо отдать должное спортивному Гавриле Сергеевичу — он, хоть и хмуро, но поблагодарил, взял мешок, а потом, чертыхаясь, долго обращал преподнесенный подарок в бумажные денежные знаки.

Далее Дмитрий Яковлевич пишет о своем варианте прохождения защиты А.А. Гурштейна. В первой моей книге приведена версия самого Александра Ароновича. Теперь Дмитрий Яковлевич.

«Большая заминка с прохождением диссертации А.А. Гурштейна. Тайным голосованием Ученый совет физфака его проваливает без каких-либо явных оснований. Начинается цепь обсуждений, обжалований, коллективных заявлений (17 членов Ученого совета ГАИШ в ВАК), оскорбленных самолюбий. Защита Гурштейна в ГАИШе была 10 марта, но до конца года «дело Гурштейна» не вышло еще за пределы МГУ». [В примечании ДЯ: «Кажется, скрытым поводом было то, что, докладывая Совету это дело, я нечаянно, без всякой надобности, прочитал из личного листа «национальность — русский» (у него, если не ошибаюсь, мать — русская). И.Г. Петровский (весьма далекий от антисемитизма) назвал результат голосования Совета признаком «серости» факультета, выдавая тем самым свою оценку. А я

в дневнике 10 марта записал: „Серенькая диссертация, но голосовали дружно“».]

Интересно, не правда ли? Тринадцать страниц у А.А. Гурштейна и одна фраза у Дмитрия Яковлевича. Дмитрий Яковлевич все сводит к одной своей оговорке, да и то в сноске.

«Но все завихрения, случившиеся с Гурштейном, сыграли и положительную роль: и декан В.С. Фурсов, и ректор И.Г. Петровский высказались с полной определенностью за предоставление ГАИШу суверенности в присуждении ученых степеней. Как я уже сказал, наши защиты я проводил в экспертной комиссии ВАК без препятствий. Но не только наши. Помимо диссертации Г.М. Никольского, я провел без дополнительного рецензирования диссертацию Железнякова, но встретил большие трудности при прохождении диссертации (монографии) А.Ф. Богородского, на которого И.М. Халатников дал отрицательный отзыв. Я консультировался по этому поводу с Я.Б. Зельдовичем, который, в конце концов, неохотно дал положительное заключение. Этого было достаточно. Довольно долго задержалось кандидатское дело О.И. Бельковича, пока, наконец, не было получено положительное мнение С.Я. Брауде (тоже не восторженное). Немало усилий приходилось прилагать, когда нужно было кого-то зачислить или кого-то с кем-то обменять местами. По ГАИШу предметом забот были Р.С. Ирошников, Г.А. Пономарева, Д.К. Каримова (ст.н.с.), а по астрономическому отделению — запутанный треугольник Ф.А. Цицин, А.П. Гуляев, В.В. Нестеров — который было нелегко привести в порядок у декана из-за неустойчивой позиции заведующего кафедрой Б.В. Кукаркина. Основательно обсуждали предложение Ю.И. Продана сделать выполненную им по договору работу «Процион» основой для кандидатской диссертации. Признали возможным, если он обширные вычисления свои «облагородит» теоретическими рассуждениями. Не закончив аспирантуру, покинул Москву мой аспирант А.Н. Снежко — досадное событие, поскольку у него как раз наметились успехи в разработке вопроса об эволюции

звезд в двойных системах. У него возникли какие-то трудные семейные проблемы».

Наступил 1967 год, и Дмитрия Яковлевича волнуют кадровые вопросы, в частности, положение в гравиметрии.

«В кадрах у нас не произошло никаких изменений, кроме, разве, того, что Н.П. Грушинский, возвратившись из пятимесячной малопродуктивной командировки в Австралию, как-то незаметно оформился в Управлении кадров МГУ профессором с 1 марта. Я не помню (и у меня нигде не отражено), где и как его избирали, но вот в скептических оценках его деятельности недостатка не замечалось, вплоть до того, что мы отвели его кандидатуру в Партком МГУ. А потом, когда в звании профессора он возглавил астросоветскую комиссию по астрономическим кадрам, его деятельность казалась направленной не на интересы дела, а на его личный интерес быть заметным, не оставаться в тени или удовлетворять свою любовь к поездкам, якобы деловым. Когда в конце года разгорелись споры в связи с капризами Г.Д. Марчука, то соглашавшегося занять должность зав. отделом гравиметрии, то заявлявшего об уходе, товарищи уговаривали его остаться, потому, главным образом, что никто из них не хотел, чтобы заведующим отделом стал Н.П. Грушинский.

190

А мне стоило большого труда провести Г.Д. Марчука на эту должность при обсуждении на конкурсной комиссии, так как должность — профессорская, а Марчук всего лишь кандидат наук».

Как ни странно, но подобное дело было и у меня, когда я был председателем месткома ВИНТИ. Тогда директор П.В. Нестеров хотел видеть в качестве заведующего отделом геологии после ухода Р.Б. Сейфуль-Мулюкова доктора наук, но к руководству рвался раньше пресмыкавшийся перед Рустемом Бадриевичем кандидат наук Г.В. Кучерук. Последний и поливал грязью Сейфуль-Мулюкова, и превозносил себя, и агитировал коллектив обещаниями всего и вся. Пришедший на замену П.В. Нестерову новый директор Ю.М. Арский отдал Кучеруку отдел, а закончилось это тем, что Кучерук оказался нервнобольным психом, опустившимся до уровня

бомжа. Приходил он в институт с огромным клетчатым баулом, какие вы наверняка видели у челночников. Перед моими глазами сцена: лифтовый холл, ожидаем прихода лифта, подходит в плаще-болонье воняющий Кучерук. Воняет по-настоящему. Как воняют бомжи, попадаясь в метро. Обычно они любят первый или последний вагон кольцевой линии. Здоровается, все разбегаются в стороны. Приходит лифт, заходит Кучерук, остальные в сторонке. Он один поднимается к себе на 13-й этаж. Кабина лифта после этого еще долго «благоухает». Как позже выяснилось, благосклонность Арского к Кучеруку объяснялась тем, что они учились на одном курсе Геологического факультета МГУ. Академик Арский не забывал свой «родной» факультет и числился там профессором, но лекции за него читали Н.Ф. Чумакова и В.М. Ефременкова. Впрочем, это в традиции многих академиков, не правда ли?

Опять я отвлекся в очередной раз. Далее Дмитрий Яковлевич продолжает.

«Но не только гравиметрия. В начале года такие же трудности встретились у меня с кандидатурами А.И. Рыбакова и П.Н. Холопова — тоже кандидатов. На ученом совете физфака сомнения высказал В.В. Мигулин [академик]. Я отстоял, но потом пришлось возобновить борьбу на Ученом совете университета. Делал я это не из симпатии к названным лицам (хотя и симпатизировал им), но исходя из невозможности найти достойную замену, по крайней мере, быстро. П.Н. Холопов был скромным, очень работоспособным и весьма эрудированным зав. отделом переменных звезд, на котором лежало не менее 50% забот по поддержанию карточного каталога и составлению очередного Каталога переменных звезд. А.И. Рыбаков неустанно трудился над совершенствованием наших вычислительных средств, а кроме того, много лет помогал мне в организации учебной работы Астрономического отделения. Любопытно, что НИИЯФ тоже вынужден был ставить на научно-организационную работу кандидатов наук, и С.Н. Вернов очень остро встречал осуждение этого порядка на Ученом совете факультета.

А что касается наших кандидатов, то П.Н. Холопов, встретив с раздражением рекомендацию факультета поскорее защитить докторскую диссертацию, вскоре переменял свои намерения и довольно быстро диссертацию защитил (...). А.И. Рыбаков не стал этого делать, но к его кандидатству привыкли, а Г.Д. Марчук, все-таки, вскорости оставил ГАИШ, перейдя в какой-то институт на преподавание».

«Немного треволений доставили нам перевыборы Б.В. Кукаркина на очередное пятилетие. По причинам не совсем ясным никто из авторитетных звездников не захотел возглавить комиссию, подготовляющую перевыборы. Даже такой близкий к Б.В. человек, как П.Г. Куликовский. При обсуждении создавшейся обстановки Б.В. под конец заявил, что он не хочет подавать на перевыборы, так как астрометристы его третируют. «Тогда — сказал он, — дело дойдет до ректора» и стал опять поносить В.В. Подобеда и В.В. Нестерова (и зачем он три года назад «присоединил» к себе кафедру астрономии?!). Я разубеждал его в этом, он успокоился и на другой день сменил гнев на милость, а упомянутая ранее комиссия была образована под председательством М.У. Сагитова из Пикельнера и Холопова. Перевыборы на Ученом совете ГАИШ состоялись через три недели (12 апреля) и прошли совершенно гладко при открытом голосовании. Нужно сказать, что Б.В. напрасно нервничал. Он был авторитетным членом университетского Парткома.

Осуществляя свою принципиальную линию, Б.В. Кукаркин заявил мне, что при перевыборах нашего Партбюро он выступит против В.В. Подобеда. Ну и что? Он выступил (это было 6 апреля, до перевыборов Б.В.), но остался в одиночестве. В.В. Подобед получил три голоса черных, но снова стал секретарем Партбюро».

Останавливается Дмитрий Яковлевич и на мелких дрызгах в своей специализации — астрофизике.

«И я был очень удивлен сплетением неудовольствий, зависти и даже злобы у себя на кафедре. Хромов против Щеглова и Кононовича, Щеглов против всех, кто не признает его выдающихся успехов в наблюдательной астрономии. Коно-

новичу инкриминируют, что он все спихивает на других. Так, в частности, когда я уезжал, я просил его заменить по курсу «Общей астрофизики», а он все спихнул на других — Щеглова, Мороза. Злобствуют и в адрес Вахнина, и в адрес Липского. Хромов даже Гурштейна обеляет ...». Почему «даже Гурштейна» — остается только гадать. Последний из персонажей, Гурштейн, ушел в 2020 году, и ни у кого уже не спросишь.

1968 — начало 1969 г.

И вот Дмитрий Яковлевич на своих воспоминаниях сломался. Шел 1987 год, до кончины оставалось два года.

«В конце концов, я пришел к убеждению, что теперь я пишу не воспоминания, а, ограниченный рамками дневника, пишу, подобно римским анналистам, ежегодные сводки событий, так сказать, хронику, летопись советской астрономии, преимущественно московской. Вернуться к свободному рассказу, как это было раньше, я уже не могу. Память часто подводит, и я не могу оторваться от дневников».

Возвращаясь к предыдущему, Дмитрий Яковлевич продолжает.

«Что же касается Г.С. [Хромова, как ученого секретаря ГАИШ того времени], то он отличался распорядительностью, аккуратностью в делах, инициативностью, умением составлять и писать служебные бумаги, т.е. всеми, как будто, возможными достоинствами, но был чрезмерно самоуверен, а это породило его заносчивость в общении с сотрудниками, и даже мои распоряжения он выполнял лишь после обстоятельного оспаривания. В разговорах со мной он обычно начинал так: «Да, но...». И мне не раз приходилось заставлять себя не говорить резкости».

Как точно ДЯ описал Гаврилу Сергеевича! Много было снобистского идиотизма и эстетских глупостей у ГС в жизни. Практически вся жизнь такой была. В нем легко закипала обида, совершенно глупая, несправедливая в большинстве случаев, но от этого не менее горькая. Он винил

всех — коллег, друзей, врагов — всех, кроме самого себя. Сам изменяться он не хотел, даже мысли не допускал. Ему это было трудно и физически, и нравственно. Иногда сам себе говорил: «Может быть, я сам виноват?», но нет, повторяю, «даже мысли не допускал».

Если в предыдущей моей книге вопрос с нелюбовью декана В.С. Фурсова к ГАИШ подробно разобран благодаря свидетельству А.А. Гурштейна, то в своих воспоминаниях Дмитрий Яковлевич предпочитает обойти эту ситуацию молчанием. Не писать же, что ты занял беспринципную позицию в этом вопросе. Позицию соглашательства с всеильным деканом В.С. Фурсовым. Позицию, с которой многие не согласны, в т.ч. и Шкловский. Особенно Иосиф Самуилович, описавший в «Эшелоне» некоторые неблагоприятные поступки Дмитрия Яковлевича.

194

Это касается не только защиты Гурштейна или ранее Аллы Генриховны Масевич, которую я постарался подробно описать. Впрочем, постарался не собственными впечатлениями, а воспоминаниями Г.С. Хромова и рассказом Валентина Федоровича Есипова. Версия от Дмитрия Яковлевича по этому вопросу дальше, а сейчас о новом конфликте с деканом.

«Перед новым учебным годом возник вопрос о замещении вакансии доцента по астрометрии. Единственным наличным кандидатом был В.В. Нестеров, своенравная личность, про которого К.А. Куликов, когда был еще заведующим кафедрой, сказал, что он талантливее всех на кафедре. Но В.В. в роли ассистента чем-то заслужил нерасположение декана, а в более широком плане — и теперешнего заведующего кафедрой Б.В. Кукаркина. [В примечании ДЯ: Так, он [декан] решительно отклонил мое предложение сделать В.В.Н. куратором недавно организованной астрономической группы факультета повышения квалификации. Пришлось просить заняться этим К.А. Куликова, на что он согласился и вел это дело больше десяти лет]. Но что было делать? Пошли к декану втроем — Б.В.К., К.А.К. и я, и уговорили. В декабре В.В. Нестеров прошел конкурсную комиссию факультета,

а в феврале 1970 прошел Ученый Совет Физфака (при семи воздержавшихся)».

И постоянно Дмитрий Яковлевич возвращается к Борису Васильевичу.

«Странное дело — В.С. Фурсов очень неохотно отпускал Б.В.К. в командировку в весенние месяцы, когда Б.В.К. фотографировал области вокруг полюса Галактики, хотя в это время Б.В.К. был уже свободен от лекций. Мне каждый раз приходилось вступаться. Но еще более ярким проявлением неприязни к нему был такой случай 4 марта на Ученом Совете МГУ. Декан делал доклад о работе факультета, но недостаточно выпукло говорил об астрономическом отделении, так что я выступил с вежливым дополнением и призывом отметить в резолюции Совета также и наши «достижения», но едва председательствовавший Е.М. Сергеев услышал в моем перечислении имя Б.В. Кукаркина, как сразу же отклонил мое предложение, заменив его другим: поставить в повестку дня Ученого совета специальный доклад о нашей работе, а попутно рассмотреть вопрос об астрономо-геофизическом факультете, который мы давно носили в наших головах». [В примечании ДЯ: Я уже ранее имел случай заметить признаки неприязни Е.М. Сергеева, имеющие свои корни, по видимому, в большой, но для ректората неприятной, деятельности Б.В. Кукаркина в роли члена Парткома МГУ. Впрочем, спохватившись после резкой реплики в адрес Б.В.К, Е.М.С. сказал: «Но он, безусловно, умный человек...».]

«В сентябре мы занялись выдвижением кандидатов к предстоящим академическим выборам. Мерой веры в ГАИШе в добросовестность С.Б. Пикельнера было поручение ему написать мою научную характеристику, хотя мы были с ним «конкуренты». Его выдвигал коллектив в члены-корреспонденты, так же, как и меня. Г.С. Хромов и М.У. Сагитов уговорили меня согласиться на выдвижение. Я уступил без всякой надежды на успех, хотя и без всяких бумажных хлопот, так как эту сторону целиком взял на себя Г.С. Хромов».

Вот, всё же есть в ГАИШе знаковые фигуры. Я уже писал, да и вы, наверное, согласитесь, что такой фигурой, конечно,

был Ростислав Савич Ирошников. И ясно, почему, будучи доктором наук, он был только научным сотрудником. И удивительно не это, а то, что ему дали защитить докторскую диссертацию.

196 «Наш, ГАИШевский *enfant terrible*, Р.С. Ирошников доставлял нам немало хлопот уже как аспирант. Его руководителем был С.Б. Пикельнер, который тоже не раз оставался в недоумении от поведения своего ученика. Функционально Р.С.И. исполнял роль того мальчика, который воскликнул «а ведь король — голый». Но то был наивный мальчик, Р.С.И. не был ни мальчиком, ни наивным. По-видимому, у него были слабы задерживающие центры, и он спокойно высказывал то, что у него промелькнуло в мыслях. Особенно это проявлялось на собраниях разного рода, иной раз напоминая клоунаду. Другой раз выступавшему В.И. Морозу он подал реплику такую, что тот ответил: «За это бьют по морде» и, кажется, намеревался привести в исполнение, так что пришлось В.И.М. удерживать физически. В октябре Конкурсная комиссия ГАИШ, рассматривая кандидатуры О.Д. Докучаевой и Р.С. Ирошникова на очередное переизбрание, обратила внимание на малое число печатных работ у последнего — две за три года — и обратила на это внимание Ученого совета при рекомендации на переизбрание. Многие члены совета высказались принципиально против упрека о малом числе работ. Это-де несущественно, важно, какие работы. Короткая дискуссия не имела никаких деловых последствий, кроме воспитательных».

Всегда интересны упоминания о хорошо известных тебе людях.

«Подрастала молодежь. Я в дневнике отметил 28 мая, что принимать кандидатский экзамен у Н.Г. Бочкарева доставило мне удовольствие. В декабре на защите дипломных работ особенно выделился Н.И. Шакура, отметил также М.Н. Ломоносова. Несколько хороших ребят из оканчивающих были соблазнены на работу в армию. Впрочем, из этой группы вскоре вернулся в аспирантуру к С.Б. Пикельнеру В. Томозов».

«Соблазнены на работу в армию» — это сильно сказано.

Вообще-то астрономические кадры ГАИШ, а я имею в виду ведущих сотрудников, как-то рождаются кучками. Первое десятилетие 20-го века:

К.А. Куликов (1902), Г.Н. Дубошин (1904), Д.Я. Мартынов (1906), Б.В. Кукаркин (1909). М.С. Зверев (1903), П.П. Паренаго (1906), а за ними «потерянное поколение», по словам социологов и Жени Федосеева, от которого я это и услышал.

Исключение из замеченного мной — И.С. Шкловский (1916) и, может быть, В.В. Подобед (1918), но они лишь подтверждают правило.

Затем третье десятилетие 20-го века:

В.И. Мороз (1931), Э.В. Кононович (1931), Б.Н. Пановкин (1931), Л.М. Гиндилис (1932), Е.А. Гребеников (1932), Н.С. Кардашев (1932), Ю.Н. Парийский (1932), В.Г. Курт (1932), П.В. Щеглов (1932), Н.С. Блинов (1933), Е.П. Аксенов (1933), В.Ф. Есипов (1933), И.Н. Глушнева (1933), Б.В. Комберг (1934), В.В. Нестеров (1935), Л.Н. Бондаренко (1937), Г.С. Хромов (1937), Р.С. Ирошников (1937), Т.А. Лозинская (1937), И.Д. Новиков (1937), О.Б. Длужневская (1937), Ю.Н. Ефремов (1937), В.Н. Обридко (1937), В.М. Чепурова (1938), К.В. Куимов (1939), Г.Б. Шоломицкий (1939).

197

Правда, есть переход на начало 40-х гг. — Л.П. Грищук (1940), Ю.В. Засов (1941), В.М. Лютый (1940), А.М. Черепашук (1941), Е.К. Шеффер (1942).

Дальше пятое десятилетие:

Могучая кучка — Ю.В. Баркин (1951) А.С. Расторгуев (1951), М.В. Сажин (1951), И.А. Герасимов (1952), С.А. Ламзин (1952), В.М. Липунов (1952), А.А. Клыпин (1953), В.Г. Сурдин (1952), В.В. Чазов (1952).

Далее А.В. Токовинин (1954), Ш.А. Эгамбердиев (1954), В.Е. Жаров (1956), К.А. Постнов (1959), ну и так далее.

Это десятилетие имеет свою особенность, шесть человек, начиная с Герасимова и до Чазова, — все они из одной группы.

Ну, это я так, вспомнить нашу историю. Не все в эту последовательность вписываются: Н.Г. Бочкарев, Н.Н. Самусь, Г.М. Рудницкий, Э.В. Эргма, Н.В. Емельянов, Н.И. Шакура. Скорее, моей целью является привлечение Вас к сайту ГАИШ и его «Списку выпускников»: <http://sai.msu.ru/internal/vur.html>. Зайдите, посмотрите, вспомните, уточните и сообщите ведущему этот сайт Сергею Аюкову.

События 1972 года Дмитрий Яковлевич характеризует единственной фразой: «Такой же, как и все другие».

В своих воспоминаниях Дмитрий Яковлевич довольно много внимания уделяет началу строительства Майданакской обсерватории, даже не началу, а процедуре согласования:

- 198
- с ректором МГУ и его структурами,
 - с Академией наук СССР,
 - с Астрономическим институтом Узбекистана, которым в то время руководил В.П. Щеглов,
 - с почтовым ящиком Шаргородского,
 - с ЛОМО (Ленинградское оптико-механическое объединение), на котором заказывался 1,5-м телескоп для будущей высокогорной обсерватории.

Несомненно, что Владимир Петрович Щеглов пользовался в своих отношениях с ГАИШем инсайдерской информацией от своего сына, Петра Владимировича Щеглова, работавшего в ГАИШ, да еще и занимавшегося астроклиматом. Младший Щеглов несколько раз с Д.Я. Мартыновым и В.В. Подобедом ездил посмотреть местность и согласовать с Академией Наук и Астрономическим институтом УзбССР вопросы отвода земли.

В первой книге я приводил примеры, как «по-азиатски» вел себя национальный академик В.П. Щеглов. Так же вел себя и Виктор Данилович Шаргородский, главный представитель от военных. Понятно, что они хотели денег от МГУ без какой-либо помощи в строительстве и, даже, обязательствах. Все договоренности — «на словах», все обговорен-

ные действия саботируются. Поэтому, если сначала ГАИШ думал строиться на основной вершине, куда военные проложили дорогу и уже устанавливали два метровых телескопа, то после визитов к ним на гору от этого «заманчивого предложения» пришлось отказаться. Неустойчивость положения ГАИШ на основной горе, не зависящий от нас военный пропускной режим, что в любой момент могло сказаться на доставке людей, грузов, оборудования, и т.д. Такая полная зависимость не устроила руководство ГАИШ.

В.П. Щеглов, конечно, сильно осложнял получение в Узбекистане разрешения на строительство обсерватории, но Дмитрий Яковлевич давал и «ответку». Приведу такой пример, который имел место в то же время:

«Уже в апреле, в предвидении будущего учебного года у меня зондировали вопрос о привлечении П.В. Щеглова в доцентуру на место Н.Б. Григорьевой, полууходящей на пенсию. Аргументация такова: П.В. Щеглов наладит астрофизический практикум. Я сказал, что за решение такой задачи слишком дорого платить доцентурой, а, кроме того, доцент-доктор для факультета нежелателен, а кроме того, П.В.Щ. неуправляем».

199

Свидетельство неуправляемости Петра Владимировича я нашел в более ранних записях Дмитрия Яковлевича:

«Очень много забот и трудов принес нам Международный фестиваль молодежи 1957 г. Мероприятие это было поставлено с большим размахом. Московскому университету в нем была предназначена большая роль, в которой и ГАИШу было выделено заметное место. И мы стали заниматься подготовкой к нему еще в апреле, хотя фестиваль назначен был на июль—август. Я возложил конкретное исполнение решений нашего «фестивального комитета» (с представителем от ЦК ВЛКСМ) на П.В. Щеглова, и эта совместная работа не всегда проходила гладко вследствие выявленной у Петра Владимировича способности «уходить в кусты» при появлении затруднений».

Так что у Дмитрия Яковлевича были основания сомневаться в Петре Владимировиче как преподавателе. Похоже,

он еще тогда распознал в нем элементы нарциссизма и нежелание заниматься порученной ему работой, если она не входила в сферу его интересов, в его планы. Со своей стороны хочу сказать, что Петр Владимирович любил работать со студентами, но с теми, кто его интересовал, и читать лекции только по вопросам, которые его интересуют. Впоследствии он нашел себя в чтении спецкурса по оптическим телескопам и приемникам изображения, а также стал руководителем дипломных и диссертационных работ выбранных им самим студентов и аспирантов.

Было сопротивление строительству и внутри МГУ, и даже в ГАИШ. Вот опять фрагмент из записей Дмитрия Яковлевича.

200

«20 ноября [1972 г.] на заседании Ученого совета МГУ после моего оптимистического доклада о наших наблюдательных базах ректор И.Г. Петровский очень резко, я бы сказал, яростно, объявил нашу деятельность в этом направлении вредной, ненужной, а в отношении Майданака он не будет оказывать никакой помощи. Он увидел в этом сепаратизм ГАИШ, попытку ставить себя выше университета. Было непонятно, откуда шла эта реакция, каковы были ее скрытые пружины — ведь он разговаривал со мной на эту же тему совсем недавно совсем спокойно, а в июне даже договаривался с Совмином Узбекской ССР? ... В таких случаях ищешь скрытый источник его, и у меня не осталось более сомнения, что кто-то все это время подзуживает, подогревает новыми и старыми аргументами. ... Я вспомнил, что еще в сентябре Б.В. Кукаркин «выражал беспокойство» по этому поводу [что не хватит сил в строительстве на чужой земле] и в разговоре со мной, и на партсобрании. Он был задет тем, что вопрос о выборе места решили без его участия, тогда как он сам считал себя знатоком этого вопроса».

ВСЁ ЭТО БЫЛО...

Позднее было принято решение строиться все-таки не на основной вершине, а на западной, которая на пятьдесят метров ниже, но построить нужно было лишь два километра дороги, а автономность прельщала. Большую и основную часть

дороги в горной местности построили военные. Я бы сказал, что всю дорогу построили военные. Так впоследствии и поступили, хотя и эти два километра не прошли без приключений. Как писал как-то в докладной Сергей Борисович Новиков, — «часть дороги смыло селем».

С юмором Дмитрий Яковлевич в очередной раз описывает поведение университетского начальства:

«Сегодня я захотел посмотреть, что выйдет из запланированного на весь день распорядка. Пришел в ГАИШ в 10 ч. утра, ушел в 18 ч. План пошел вверх тормашками. И всё из-за «низкой телефонной дисциплины». Сперва вам сам запрашиваемый говорит: «Я не представляю себе, как у меня сложится завтрашний день, позвоните в конце дня». А когда я, наконец, дозваниваюсь в 17-30, секретарь отвечает: «Он вышел, позвоните через 10 минут». Через 10 минут тем же безмятежным тоном говорит: «Он уже ушел и больше сегодня не будет».

Дмитрий Яковлевич, видимо, рассказывал это многим, т.к. я это слышал от своего научного руководителя А.П. Гуляева.

201

А вот снова интересная зарисовка в воспоминаниях:

«26 октября мы на Ученом совете у себя отмечали семидесятилетие К.А. Куликова. Еще в сентябре стоял перед нами вопрос о награждении К.А. орденом, но декан отказался подписать представление к этому, «опасаясь попасть в смешное положение» [не отголоски ли это защиты Гурштейна?]. Само заседание совета прошло живо. Приветствия извне, от товарищей, от ректората, от Министерства — все это К.А. перенес спокойно, не волнуясь. Но когда был зачитан приказ по ГАИШ с премированием его 200 рублями, он оживился, вскочил и пожал мне руку. Вечером был банкет в ресторане с В.П. Щегловым в роли тамады. Его голос способен был заглушать эстрадный оркестр.

[Почему В.П. Щеглов? — а он был астрометристом и другом Константина Алексеевича].

В октябре мы выдвигали кандидатов к предстоящим академическим выборам: С.Б. Пикельнера в чл.-корреспон-

денты, а Э.Р. Мустеля — в академики. По предложению Я.Б. Зельдовича поддержали выдвижение в чл.-кор. В.Б. Брагинского».

Еще текущая жизнь. Еще несколько событий в астрономическом мире:

«29 декабря [января у Д.Я.] умер В.В. Виткевич, едва ли не самый «главный» наш радиоастроном. Хоронили его 1 января в Ленинграде, в этот день умер и В.А. Домбровский. Обе потери жестокие — ни тот, ни другой не дожили до 60 лет. 13 марта в возрасте 82 лет скончался В.Г. Фесенков. Панихида прошла в ГАИШ, где он когда-то был директором и профессором. В.Г. Фесенков был директором ГАИШ с 1936 по 1939 годы».

Текущие дела.

202

«М.И. Лавров показал мне рукопись своего учебника по практической астрофизике. Он и похож на мой, и не похож. Существование моего учебника в глазах издательства является препятствием для его напечатания. Я, конечно, несколько не против».

14 декабря Ученый совет ГАИШ отметил 10-летие со дня смерти Н.Д. Моисеева (1955 г.):

«Довольно скучный и слабый доклад А.А. Орлова, немного более живой рассказ М.У. Сагитова и убежденный доклад И.А. Тюлиной, преемницы Николая Дмитриевича в части истории механики. Г.П. Пильник сообщил несколько любопытных фактов из общения Н.Д. с молодежью. Кукаркин ушел, не дождавшись открытия Ученого совета. Дубошин, ЩигOLEV, Куликов, работавшие с Н.Д., в рот воды набрали. Слова в адрес Н.Д. как директора ГАИШ сказал только я, кого Н.Д. не задел своим темпераментом. Я отметил, что он был директором в ту пору, когда ГАИШ и МГУ были в особенно трудных условиях — эвакуации и налаживании работы на новых местах. И он провел это безупречно.

Поделились воспоминаниями другие сотрудники, в частности, напомнили, как Н.Д. сам себе объявил выговор за опоздание на 20 минут (где-то в 1947 году?). Еще несколько сотрудников, иллюстрирующих нашу жизнь в ту пору».

«30 мая в торжественной обстановке Отделение биологии Академии отмечало юбилей теории А.И. Опарина происхождения жизни. Все выступавшие распинаясь в адрес не теории, а ее автора, так что Александр Иванович расчувствовался. Я же, делая доклад «Углеродные соединения во Вселенной», сказал, что доклад тут должен был делать В.Г. Фесенков, который много помогал А.И. и который, увы, не дожил до этого дня. Когда я пишу эти строки (в 1987 г.), межзвездное пространство представляется нам куда более заселенным молекулами с углеродом, но об Опаринской теории потихоньку забывают».

А вот интересный фрагмент, говорящий о том, что Дмитрий Яковлевич не педант и простой служака, как многие его представляли, а гибкий чиновник, находящий неожиданные выходы из создавшейся ситуации. В первой книге я писал о фотографии Рабби Леви в заметке в «Известиях» об изучении поверхности Луны (стр. 228), сейчас приведу другие эпизоды.

«В нашем коридоре на втором этаже звездники устроили выставку картин активного члена ВАГО, главы секции любителей телескопов М.М. Шемякина [того самого Шемякина, который был вынужден под давлением уехать из страны и ставшего на Западе известным художником. М.М. был другом Высоцкого и сохранил для нас многие его песни]. Кто-то донес в I отдел МГУ о ее «идейно недопустимом содержании». По-видимому, малограмотному доносчику не понравилась картина, на которой в обреченной позе сидит перед стаканом с водкой одинокий и немолодой человек [Найти не удалось, и взамен я помещаю картину Пикассо — ВШ]. Другой «безыдейной» картины я не нашел. А наш куратор по I отделу МГУ Тимофеев позвонил мне перед самым концом работы, чтобы я немедленно закрыл выставку, иначе он завтра же доложит о ней Парткому. Я отказался это сделать и предложил Тимофееву завтра же посмотреть самому, что он и сделал. Даже ему стало понятно, что М.М. Шемякин «на высоте», но зато он выложил мне по шпаргалке обвине-

ния в организации выставки Недбайло в конце марта. Требовал найти организаторов и тех лиц, кто с ними связан. На последующем совещании я установил, что это сделала Н.А. Чуйкова от лица Месткома и с ведома секретаря партбюро Е.П. Аксенова, а «наводчиком» была Н. Гусева (б. аспирант Б.В. Кукаркина). Главной же сенсацией этого «дознания» было вскрытие того факта, что выставки Недбайло неоднократно устраивались в самом здании Университета, в частности, на Мехмате. Я сообщил об этом Тимофееву, и больше он к этому вопросу не возвращался».

Многие ли из нас в то время на такое решились бы?

204

Кое-что занимательное из жизни астрономической среды описывается в моей первой книге, в частности, из воспоминаний Дмитрия Яковлевича на стр. 229. Там приводится фрагмент, рассказанный ему И.А. Яковлевым, членом редколлегии «Успехов физических наук» об обстоятельствах ухода Я.Б. Зельдовича из редакции УФН.

Вот еще один такой фрагмент:

«В.А. Лешковцев (от редакции «Кванта»), участвовавший в заседании Комитета по Государственным премиям, рассказал забавную историю обсуждения представления к премии работ Р.Е. Гершберга, П.Ф. Чугайнова и др. по вспыхивающим звездам. На Комитете были астрономы Э.Р. Мустель, О.А. Мельников, кто-то третий. Все они, естественно, защищали эти работы. Голосование дало: 19 — «против», 1 — «за» (из 20). Председатель обращается на ухо к секретарю Лешковцеву: «Ничего не понимаю, я голосовал «за» (sic!)».

Ничего удивительного, конечно, в этом нет. Просто лишний раз подтверждается известное всем выражение: «Против кого дружим?». Приведу еще аналогичный пример из воспоминаний А.А. Гурштейна о Сагдееве.

«Хочу закончить повествование о данном периоде своей жизни поучительной историей. Шефом Серёжи Викторова по ленинградскому Физтеху был Грант Егорович Кочаров (1932–2007), человек суперактивный и пробивной. Ему-то и пришла в голову в общем-то дельная мысль попробовать по-

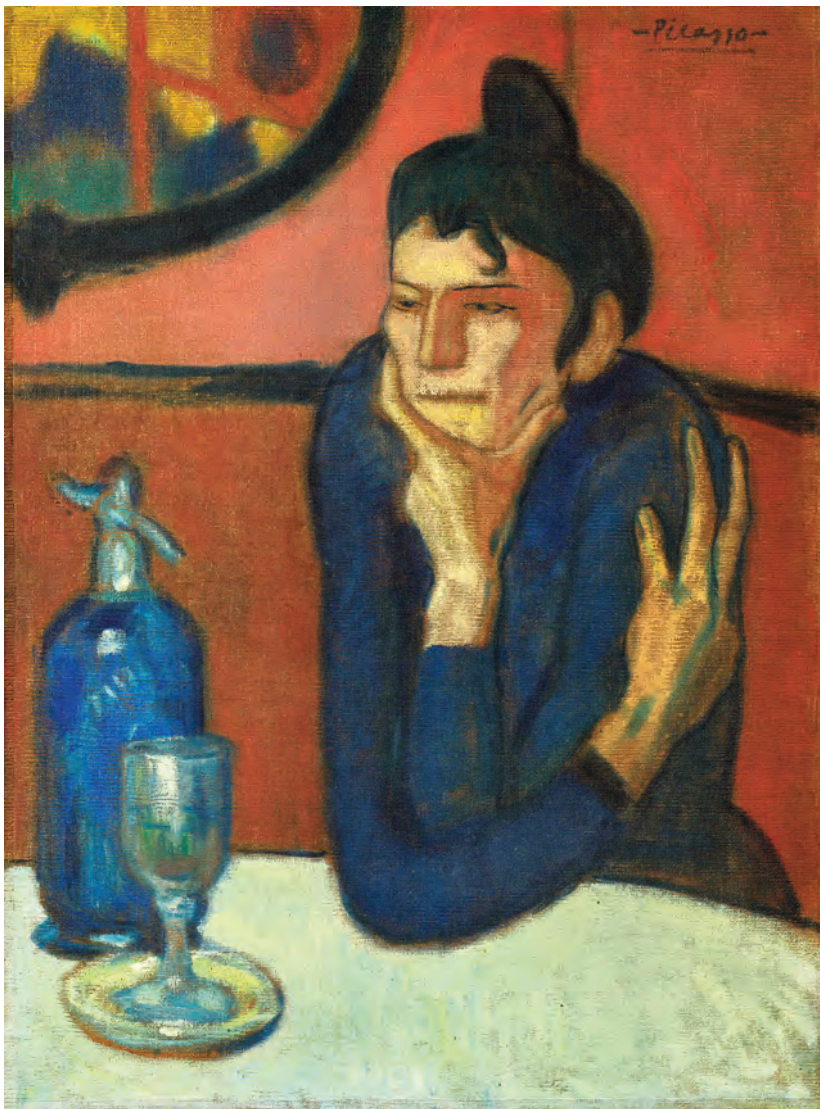
Художник Михаил Шемякин и Владимир Высоцкий с посмертной маской Петра Первого

лучить Государственную премию СССР за осуществление научной программы исследований на «Луноходе-1». Я уже писал, что научные результаты экспериментов на луноходе были невесть какими, но они в понимании начальства были. Черновики документов для выдвижения на госпремию готовил в Ленинграде С.В. Викторов, а я в Москве доводил их до ума, поскольку представление на премию должно было, разумеется, идти от имени профильного института — ИКИ АН СССР.

206

После жарких дебатов мы составили список из 12 кандидатов (больше не полагалось по регламенту), подхалимски поставив на первое место председателя Госкомиссии по луноходу, первого замминистра общего машиностроения генерала Г.А. Тюлина. И того мы не смекнули, что Тюлин был сильно не в ладах со своим министром С.А. Афанасьевым. Министр не мог открыто на глазах у всех вычеркнуть имя своего зама, но он поступил круче — он заблокировал премию целиком как «преждевременную». Дескать, обработка материалов еще не завершена.

Через какое-то время мы повторили попытку (уже без имени Тюлина), когда директором ИКИ успел стать академик Р.З. Сагдеев. Работа шла под заглавием «Разработка методов, подготовка и проведение комплексных научных исследований лунной поверхности с помощью «Лунохода-1» и «Лунохода-2». На этот раз мы оказались много успешнее и прошли мелкое сито нескольких отсевов. Председатель Секции закрытых работ Комитета по Ленинским и Государственным премиям академик М.А. Садовский (директор Института физики Земли АН СССР — специалист по ядерным испытаниям) поспешил поздравить по этому случаю Р.З. Сагдеева. Тот только презрительно фыркнул и сквозь зубы процедил, что его как руководителя института эта премия не волнует. Садовский изумился, но решил не тратить квоту без пользы: лучше дать премию в то учреждение, которому она важна. Причину поведения Сагдеева вы, дорогой читатель, легко поймете из последующих глав.

Пикассо «Любительница абсента»

Шила в мешке не утаишь. Все подробности этой истории я конфиденциально услышал от ученого секретаря Секции Комитета, начальника спецсектора в институте академика Садовского, уникального прибориста-электронщика, специалиста по регистрации атомных испытаний Павла Васильевича Кевлишвили, который был поражен случившимся не менее Садовского: директор отказывается от Госпремии сотрудникам своего института. Такого в его долгой практике ранее вроде бы никогда не бывало. Кевлишвили не считал нужным держать этот вопиющий случай в секрете от жертв.

208

Много лет спустя, в 1989 г., уже после смерти [зав. лабораторией Луны ИКИ] К.П. Флоренского и накануне распада страны, три человека из нашей бывшей ИКИшной лаборатории получили-таки Государственную премию СССР за «создание первых детальных карт поверхности Венеры цифровыми методами и анализ на их основе геологии Венеры». Это было прямым продолжением наших предыдущих космических штудий, однако по форме другая тема, и воплощали ее иные герои. Не было среди лауреатов бывших «луноходцев» — ни Флоренского, ни Кочарова, ни Серёжи Виктора, ни меня. Наши же обе попытки оказались, увы, тщетными. Это называется: по усам текло, а в рот не попало».

Интересна мне была и такая дневниковая запись Дмитрия Яковлевича. Он был не только председателем диссертационного совета ГАИШ, а также работал в ВАКе по утверждению астрономических диссертаций:

«Защиты диссертаций в ГАИШе шли своим чередом. Только докторских защит была лишь одна — Гордона. Кандидатские: Редкобородый, Беянина, Василевский, В.М. Лютый, [М.] Малышев, Валеев, Хлыстов, Ф.А. Цицин, Русев (Болгария), Терещенко, З. Левицкая, Бóрис, В.М. Томозов, Н.И. Шакура, В.Я. Алдусева, Гусева. У последней диссертации [Гусевой] была длинная история. Еще в феврале В.П. Цесевич, которого мы просили быть оппонентом, назвал эту диссертацию бредом и отказался от оппонирования. По-видимому, Гусева еще поработала над диссертацией, и

защита состоялась 16 ноября. Этому предшествовала декларация Б.В. Кукаркина, у которого ранее Гусева была аспиранткой [похоже, что это та самая Гусева, что «настучала» о выставке Недбайло]. Б.В. заявил, что он не отвечает за диссертацию, выполненную без его влияния, но не протестует против указания на титульном листе диссертации на него как руководителя, ибо он был ее руководителем ранее. Гусева получила только два голоса против.

Хорошие диссертации среди перечисленных были Лютого, Цицина, Томозова и Шакуры. Остальные серенькие. Валеев «защитился» несмотря на отрицательный отзыв специалиста — Ш.Т. Хабибуллина. На кафедре проходили предзащиту Терещенко, Жидков (ученик П.В. Щеглова) и, в самом конце года, Н.В. Стешенко (докторская).

В экспертном совете ВАКа по-прежнему в согласии работали Г.М. Никольский и я. Через нас на Пленуме ВАК прошли Гордон, Г. Рубен, А.М. Озерной. На экспертном совете: Холшевников, Извекова, Лоскутов, К.В. Копылев, Вартанян — все доктора. Кандидаты: Шинкарик, Шидковская, Белякина, Зуллиев, Бойко (Владивосток), Манжос (Киев), Лютый, Эргма, Малышев, Валеев, Василевский, Колиберда, Ивановская, Садиков, Цицин, Баканов, Терещенко и еще с десяток.

А.М. Озерной прошел лишь после положительного отзыва Я.Б. Зельдовича. По мелкому поводу председатель Комиссии И.М. Тернов задержал докторскую защиту Марочника. Отправили на дополнительный отзыв С.Б. Пикельнеру диссертацию Гусейнова (был плохой отзыв С.И. Сыроватского), Н.С. Кардашеву — В.А. Разина, Б.Ю. Левину — Ю.В. Евдокимова, по поводу которого доходили неодобрительные слухи. Б.Ю. Левин диссертацию вернул, от рецензирования отказался».

Еще раз повторю, что Борис Васильевич Кукаркин в астрономической среде был незаурядной фигурой. Он помногу раз встречается в «Эшелоне» И.С. Шкловского, в дневниках Г.С. Хромова, в книге А.А. Гурштейна. Моя однокурсница Н тоже много о нем рассказывала, видимо, неровно к Кукар-

кину дышал и Дмитрий Яковлевич. Вот из его записок о Плениуме Астросовета в Свердловске:

«Б.В. Кукаркин взял под свое покровительство ту молодую девушку, которая вчера была гидом в Дворце Пионеров. Он уговорил ее поехать с нами в Коуровку, обещая добиться у ректора переноса ее экзамена. Вчера она отказалась, сегодня (как говорят, посоветовавшись с папой) пришла и поехала с нами. Кажется, с ректором договариваться не пришлось — это была нереализованная отговорка. Борис Васильевич не отступал от нее ни на шаг, мы же все смотрели на нее со всей возможной симпатией. Я размышляю: Зачем Б.В. это делает? Что он, надеется на что-нибудь (ей лет 20) или это просто желание быть интересным для девушки, которая сама по себе (без всяких побочных мыслей, желаний и соображений) была приятна и мила? Наверно, все-таки — так! Может быть, это как у Блока: «Ласки не требую, ласки не надо, лаской ли грубой тебя оскорблю...». Только с опозданием на 30 лет. Простим безумство».

210

Лет десять назад, а может быть и больше, мы с Людмилой Павловной Грибко пришли на 90-летие к Александре Григорьевне Оборневой на Красную Пресню. Она жила в старом-старом доме на втором «барском» этаже на территории обсерватории. Я до 1987 года жил в этом же двухэтажном доме на первом — в «людской», под лестницей на второй этаж, которая как раз и вела в квартиры Александры Григорьевны, Заболотного и двух старушек-астрономов Службы времени Митропольской и Миролюбовой. За все десять лет, что там жил, я ни разу у Александры Григорьевны не был, а тут вот такой случай — ее юбилей пришел. Александра Григорьевна уже плохо видела-слышала и частично потеряла память. Меня она уже не узнала. На стене у нее висела большая фотография Бориса Васильевича Кукаркина. Впрочем, ни для кого не был секретом роман БВ с Александрой Григорьевной в те далекие пятидесятые годы, когда он давал много возможностей Иосифу Самуиловичу Шкловскому, бывшему на десять лет моложе, завидовать ему. Отмечаю это, как крепость взаимоотношений тех лет и, воз-

Александра Григорьевна Оборнева в свои 90 лет.
Справа — Л.П. Грибко

можно, их простоту, наивность и незатейливость. Давно уже нет Бориса Васильевича, он умер в 1977 г. В 2019 г. в возрасте 97 лет ушла и Александра Григорьевна, оставив дочку и внука. Это жизнь, с её поворотами и изломами, и не нам судить, разве что только описывать и тем самым сохранять в истории своих друзей, учителей и коллег и, конечно, факты.

Как бы сверстники ни характеризовали Бориса Васильевича, как бы над ним не злословили, но, как любил спрашивать В.В. Соболев, — «А что он сделал?» — по поводу каждого представляемого ему человека.

212 Так, по гамбургскому счёту, Борис Васильевич сохранил в ГАИШе свою науку Звездную астрономию. При его внимательном отношении к их работам защитились доктора наук: П.Н. Холопов, А.С. Шаров, Е.Д. Павловская, Ю.Н. Ефремов. При нем выросла молодежь, которая после его ухода не потерялась. Его ученики — доктора физ.-мат. наук Н.Н. Самусь и А.С. Расторгуев, кандидаты В.П. Горанский, С.Ю. Шугаров и помоложе — продолжают «пестовать» эту науку.

Звездная астрономия успешно развивается, чего не могу сказать о моей астрометрии. С уходом старшего поколения: К.А. Куликова, В.В. Подобеда, В.В. Нестерова, Н.С. Блинова, Ю.А. Шокина, А.П. Гуляева, смотрите какая плеяда, астрометрия в ГАИШе зачахла, несмотря на ее бурное развитие во всем мире. Да и защищали-то докторские диссертации Подобед, Нестеров, Блинов, Гуляев без системы, сами по себе. Разве что только Подобед, возможно, оказал некоторое влияние на защиту Юры Шокина. Кандидаты — да, у Подобеда их было много, но доктор один. Вилен Валентинович смог заставить защитить сначала кандидатскую диссертацию, а затем и докторскую К.В. Куимова и сделал доктором пришедшего в 1990-е годы в отдел Андрея Кузьмина. Боря Мушаилов стал доктором сам по себе, а скорее, при участии небесного механика Игоря Герасимова. В его удачную защиту Вилен Валентинович не верил, но и мешать не стал. Не его стиль. В чем же дело? Возможно, в невезении астрометристов. Рано ушли А.П. Гуляев и В.В. Нестеров, бывшие при-

знанными лидерами в своих областях астрометрии. Думаю, что они-то такого положения, как сейчас, не допустили бы. Вилен Валентинович уже после ухода Альберта Петровича, т.е. между 1998 и 2000 годами, мне сказал:

— Вот, Володя, не ушли бы, тоже стали бы доктором.

Возможно, хотя в момент ухода из ГАИШ в 1988 г., я ни на физфаке, ни в ГАИШе не видел для себя никаких перспектив. Сложилось, как сложилось, и в ВИНТИ я прожил тоже неплохую жизнь, а уж вернувшись на факультет — просто прекрасную.

А вот что же случилось с гаишевской астрометрией. Дело в обычном рутинном процессе — воспитании кадров, которому, по всей видимости, мы, астрометристы, не уделили достаточного внимания, не было традиции подготовки смены. Но мне трудно судить. Ведь я и сам старался, будучи заместителем заведующего Астрономическим отделением, сохранить прием на специальность. По моему предложению, при поддержке Геннадия Ивановича Ширмина, тогда секретаря Партбюро ГАИШ, Евгений Петрович утвердил квоты распределения по кафедрам и специальностям. Так, 40% студентов отбирала астрофизика, а на остальные специальности: астрометрию, гравиметрию, звездную астрономию и небесную механику — шли по 15%. Недовольство среди студентов и сотрудников-астрофизиков было, но Отделение старалось ежегодно готовить специалистов по всем специальностям. Помнится, что Эрнест Апушевич Дибай объяснял мне, что не надо ограничивать волю студентов. Но он был умный человек, и когда я ему возразил в его же ключе, что почти все студенты-астрофизики хотят быть космологами, но что-то кафедра это не позволяет, то он согласился, что квоты все же необходимы. Ведь студентов надо распределять, а кому нужно такое количество подготовленных космологов? Да и остальные специальности надо поддерживать, ведь мы все-таки астрономическое, а не астрофизическое отделение. Этого же принципа квотирования придерживается и физический факультет, иначе он выпускал бы только теоретиков или специалистов по волновым процессам — такие кафедры

в мое время пользовались большой популярностью. Тем не менее, на факультете есть и много других кафедр, и они успешно ведут обучение студентов.

У нас на астрометрической специальности на каждом курсе были хорошие студенты: Нина Евстигнеева (выпускница 1973 года), Толя Бирюков (1975), Вадик Чазов (1976), Марина Константинова (1982), Оля Гуляева (1983), Коля Симонов (1984), Таня Куликова, Андрей Жаров (1985), диплом которого получил вторую премию на конкурсе дипломных работ факультета, Лена Гуреева и Оля Старцева — выпускницы 1988 года. Тут я скатываюсь в то, что мне не нравится у других — перечисление имен, фамилий, дат, — но прощаю себе и оставляю, потому что это памятные мне студенты, и я хотел бы оставить их в гаишевской истории. Нину Лукашевич, Андрея Жарова, Олю Старцеву, а еще и Олю Филиппову с Олей Батуриной, Свету Шершкину я принял к себе в отдел астрономии ВИНТИ, и мы с ними долго и дружно вместе работали. Остальные все разлетелись, а Володю Жарова, выпускника 1979 года, д.ф.-м.н. мы, астрометристы, отдали небесным механикам, и сейчас он заведующий кафедрой небесной механики, астрометрии и гравиметрии.

214

Как-то в начале 2000-х годов я проходил возле ГАИШа из 8-й столовой, а навстречу мне Людмила Николаевна Бондаренко, бессменный Ученый секретарь ГАИШ. Разговорились, как там, в ВИНТИ, что нового в ГАИШе, и вдруг она говорит:

— У вас в астрометрии кризис, Куимов уже два срока зав. отделом, Ректорат считает, что надо выбирать нового. Может, вернетесь?

— Нет, — говорю, — такую возможность я уже не рассматриваю. И в ВИНТИ мне интересно, и выпал я уже из современной астрометрии.

— Что же это за дело у вас в ВИНТИ?

Отвечаю, что мы делаем интересную поисковую систему для акустиков. Что я давно хотел нечто подобное сделать для астрономии, но акустики проявили большой интерес и даже обеспечили начальное финансирование, и практически

в это же время мы удачно получили грант РФФИ. Возможно, мы сделаем это и для астрономии, но не сейчас.

По своему опыту знаю, что если 4–5 лет не занимаешься активно наукой, то теряешь «хватку». Надо не только следить за чужими работами, читать статьи, как делал я в ВИНТИ, редактируя раздел «Астрометрия», но и активно работать в специальности. А этого не было. Видимо, положение в астрометрии было настолько безнадежное, что Константин Владиславовича избрали и на третий срок.

То же самое происходит, на мой взгляд, и с чтением лекций. Такая же потеря квалификации при перерывах в несколько лет. Правда, не все лекторы будут с этим моим утверждением согласны, но как читать. Ира Егунова, которая два раза не поступила к нам на Отделение, пошла в педагогический вуз.

Приходит и говорит:

— На лекциях по математике нам рассказывают о расчетах на логарифмической линейке.

И это в начале 80-х гг. Видимо, лектор так и остановился в развитии в пятидесятых годах. При таком чтении лекций, конечно, можно о перерывах в чтении лекций, пропущенных годах не беспокоиться. Иру мне всю жизнь жалко, она у нас на Астрономическом отделении работала, и то, что я знаю сейчас, мой опыт работы в приемной комиссии смог бы помочь ей поступить. И это не знание коррупционных схем, ничего подобного. Просто я разобрался в механизме оценок абитуриента, а тогда даже дочка Аксенова поступала без всякого блата.

Ее будущий начальник курса мне говорил:

— Что же ты не предупредил, что дочка директора поступает?

А мне и в голову это не приходило. Святая простота. До меня доходили слухи, что когда мой сын, Никита, поступал на физфак и поступил, то в ГАИШе говорили, что, конечно, у Шамаева сын не мог не поступить, всё с ним ясно. Но я помогал ему только советами, да еще он ходил два года на подготовительные курсы факультета, которыми, кстати, за-

ведовала наша бывшая выпускница Наташа Крылова. Вместе с ним поступил в МГУ и сын Нурии Ашимбаевой, а уж она-то на Астрономическом отделении не работала и, думаю, никаких связей не имела. Да мало ли кто из детей гаишевцев поступал в МГУ, связей не напасешься. Помню, как волновалась работавшая в ВИНТИ Оля Батурина. Её и Володи Батурина сын тоже поступил на физфак, у Оли Дурлевич — на филфак, и еще много других примеров.

Уж до кучи, по учебной работе приведу и такой факт. С дипломной работой Андрея Жарова у меня связаны не только серьезные, но и занятные воспоминания. На факультетском конкурсе дипломных работ он получил вторую премию. Я был его руководителем, и на церемонии награждения был объявлен приказ декана В.С. Фурсова об объявлении благодарности всем руководителям. Когда я пришел в ВИНТИ, то зав. отделом кадров спросил, почему у меня в трудовой книжке никаких поощрений. Я помнил только о благодарности за Жарова и пошел на факультет с желанием вписать себе благодарность Декана в трудовую книжку. Благодарности, должности и звания меня никогда не интересовали, разве что хотелось быть старшим научным сотрудником или доцентом, чтобы получать около 300 рублей, это все-таки не 175, как у младшего научного сотрудника со степенью. Но и белой вороной в ВИНТИ тоже не хотелось выглядеть. Однако никакого приказа в канцелярии физического факультета не нашли. Видимо, и Василий Степанович четко отслеживал только то, что его заинтересовало, как, например, диссертацию Гурштейна, а текучка шла мимо его внимания.

216

Интересная защита двух докторских диссертаций

В предыдущей книге я писал о защите докторской диссертации Аллой Генриховной Масевич. В своих воспоминаниях Дмитрий Яковлевич, естественно, тоже излагает свою версию. Но сначала опишу такой небольшой эпизод.

Меня как-то встретил на пути с физфака домой Анатолий Михайлович Черепашук. Видно, написанное в книге его взволновало, и он начал объяснять мне, что в этом вопросе [защите Масевич] Иосиф Самуилович Шкловский был неправ. Приведу и мнение Дмитрия Яковлевича, ведь эта тема до сих пор на слуху. Дмитрий Яковлевич написал:

«В июне 1956 г. защищала докторскую диссертацию (там же, на Ученом совете мехмата) А.Г. Масевич. Сперва она докладывала ее (еще в январе) на кафедре астрофизики, а потом на Ученом совете ГАИШ. Я был в числе ее официальных оппонентов, а П.П. Паренаго выступал как руководитель, хотя у докторанта руководитель необязателен. Совет был очень длинный, почти до полуночи, так как А.М. Лебединский и И.С. Шкловский устроили соискательнице obstruction. В диссертации рассматривалась эволюция звезд, конечно, на уровне середины 50-х гг., когда еще многие вопросы строения звезд не были еще так детально рассмотрены, как впоследствии. Но А.Г. в сообществе с П.П. Паренаго (по неудачному выражению которого они «взаимно оплодотворяли друг друга») много занималась эмпирическим материалом, накоплением получаемых звездных характеристик, и достаточно умело ими воспользовалась совместно с теоретическими построениями. И.С. Шкловский на нее обрушился за то, что она всерьез рассматривала звездную эволюцию с потерей массы. По форме, Шкловский был прав, так, А.Г. неловко акцентировала свою аргументацию на потере массы через лучеиспускание, что, как известно, не может унести больше 1% массы. Но, по существу, он нападал на то, что спустя немного лет стало одной из самых боевых тем в астрофизике — на эволюцию вследствие корпускулярного уноса вещества с поверхности звезды, особенно эффективного в двойных системах. Нападки И.С. Шкловского и А.И. Лебединского не привели к отклонению защиты Советом, хотя и помешали единодушному решению.

По существовавшему тогда правилу, докторские диссертации, защищенные в МГУ, перед отправлением в ВАК проходили еще утверждение ученых советов естественного или

гуманитарного цикла, по принадлежности. В данном случае этот процесс — прохождение диссертации в университете — продолжался свыше полутора лет, и в него было мной вовлечено множество людей — И.Г. Петровский, А.Н. Колмогоров (как декан) и многие другие. Диссертация А.Г. Масевич пришла в Ученый совет естественных факультетов под председательством Г.Д. Вовченко. Но тут появлялся неизвестно как осведомленный И.С. Шкловский и повторял свое выступление на защите. Я возражал ему, а Г.Д. Вовченко, опасаясь дурного голосования, откладывал рассмотрение. То же самое повторилось еще раз или два. Наконец, в феврале 1958 г. мне удалось реализовать приглашение Ученого совета В.А. Амбарцумяну высказаться о диссертации Масевич. На этот раз И.С. Шкловский, по неведению или по чему-либо другому, не присутствовал. Виктор Амазаспович подчеркнул, что он придерживается другого направления, чем А.Г. Масевич, но это не мешает ему высказаться о ее работе положительно. Ученый совет естественных факультетов проголосовал «за», после чего, но не очень скоро, ВАК утвердил это решение, а всего от защиты прошло три года. Бывает...

Я остановился на этой защите так долго, потому что А.Г. Масевич была вполне «своей», ГАИШевский докторант, и потому, что в свое время то была шумная история».

Тем не менее, история до сих пор время от времени дискутируется, хотя я ее привел не более как исторический факт, характеризующий то время и тех персонажей. Алла Генриховна прожила долгую жизнь, пережив на много лет своих оппонентов. Как говорил 11-й чемпион мира по шахматам Роберт Фишер: «Каждый может стать гроссмейстером, но не каждому для этого хватает жизни!». Алле Генриховне хватило.

А вот еще из воспоминаний Дмитрия Яковлевича Мартынова, характеризующая его с лучшей стороны, по моему мнению.

Защита докторской диссертации В.А. Анучиным «Теоретические проблемы географии» на Совете МГУ по естествен-

ным наукам. Не на геофаке. Проходила по инстанциям два года. Была в Актовом зале МГУ на двух заседаниях 16 и 23 марта в 1964 году. Была методологической и затрагивала самые принципиальные вопросы географии. Пять официальных оппонентов. Ранее, в 1960 году под этим названием была опубликована в издательстве МГУ монография.

«Еще одно научное обсуждение, получившее глубокий резонанс в МГУ, произошло в марте — докторская защита В.А. Анучиным на тему «Теоретические проблемы географии». Защита проходила на заседаниях Ученого совета не географического факультета, а Совета МГУ по естественным наукам. Диссертация Анучина ходила два года по разным инстанциям, ходила и не проходила, и потому обсуждение ее поставили на более высоком и беспристрастном уровне. Первоначально назначенное в аудитории № 002 (на 400 человек) обсуждение диссертации было перенесено в Актовый зал (!) университета. Диспут не уложился в одно заседание 16 марта и был продолжен 23 марта.

В сущности, диссертация Анучина была методологической и затрагивала самые принципиальные проблемы географии. Она не могла не породить споры, горячие споры, не могла не задеть самолюбие корифеев, если противоречила их взглядам. По этим причинам она вызвала широкий интерес, широкую аудиторию при защите и участие в диспуте представителей общественных наук и бурные эмоции как у сражавшихся, так и у зрителей, состоявших преимущественно из молодежи с разных факультетов. Вся обстановка защиты ярко характеризует «общественную мысль» того времени, и потому я беру на себя смелость просто воспроизвести записи дневника в те два дня:

«16 марта, от 15 ч. до 20 ч. ... Молодежь настроена в пользу диссертанта. Часто аплодирует ему. Смеется над неуклюжими высказываниями философского рода. Чувствуется к ним пренебрежительное отношение. Между тем, диссертация Анучина наполовину философская, с позиций диалектического материализма, но смелая. Автор рискует высказывать такие вещи, за которые 10 лет назад сняли бы

голову. А неприятели цепляются за все это, вплоть до того, что хотят считать человеческое общество свободным от биологических законов, возмущаются идеей автора о том, что человек — часть географического ландшафта, воздействующего на него обратно. Есть даже такие высказывания: «Анучин срывает аплодисменты у буржуазных ученых». За 5 часов успели заслушать справку ученого секретаря, речь диссертанта, его ответы на вопросы и пятерых официальных оппонентов.

23 марта. Всю вторую половину дня с 15 до 21 часа провел в актовом зале на защите Анучина. Ажиотаж зашел уже так далеко, что обе стороны применяли «запрещенные приемы». Аплодисментами провожали и тех, и других, но за Анучина — больше. Сам Анучин не гнушается демагогии, но смело держится своих взглядов, даже если представители общественных наук их клеймят.

220 «Безмерно уставшие голосовали члены Ученого совета: из 34 было 22+, 7 против и 1 воздержался, т.е. Анучин прошел „на острие“».

«Вся сегодняшняя дискуссия ничего не прибавила к моему первому впечатлению в прошлый понедельник. Хотя впечатления о личности Анучина сегодня были скорее отрицательны, я подумал, что ажиотаж, возможно, вызван плохим характером Анучина, и решил, что нужно стать выше этого. Оттого я был «за». Вероятно, многие думали так же. Студенты закричали «ура», и толпа кинулась поздравлять».

Об Иване Георгиевиче Петровском

Иван Георгиевич Петровский был ректором Московского университета им. М.В. Ломоносова с 1951 по 1973 гг. Герой Социалистического Труда, награжден пятью орденами Ленина, тремя орденами Трудового Красного Знамени. Он лауреат двух Сталинских премий, награжден орденами Болгарии, Венгрии, ГДР и является кавалером ордена Почетного легиона (Франция).

Ректор МГУ акад. И.Г. Петровский, 1970 г.

Из высказываний И.Г. Петровского, которые приводит А.А. Кириллин:

— На административную работу можно назначать лишь того, кто её ненавидит.

— Я не спрашиваю вас, кто занимается этим вопросом. Мне нужен тот, кто его решает.

Дмитрий Яковлевич был на отдыхе в доме отдыха Красновидово Московского университета. Дом отдыха расположен в 120 километрах от Москвы по Минскому шоссе. Это экологически чистый район на берегу Можайского водохранилища. Сам пансионат на сегодня его постояльцы характеризуют по-разному: от «совок совком» до «всем довольны», но это сейчас, а Дмитрий Яковлевич был там в 1973 году и, как высшее руководство университета, был поселен в люксовый номер и остался отдыхом доволен.

Там-то до него и дошла весть о смерти ректора.

222 «Как рассказывают, — вспоминает Дмитрий Яковлевич, — он умер от приступа стенокардии в вестибюле одного из корпусов ЦК Партии. Он приехал в ЦК, чтобы договориться о своем выступлении на совещании ректоров. Поехал он из своего кабинета, где его надолго настойчиво задержал А.Д. Сахаров, и, по-видимому, покидая кабинет, забыл захватить нитроглицерин, с которым он обычно не расставался. Разговор в ЦК был, как будто, спокойный, но, спустившись вниз, где его дожидался шофер, он почувствовал себя плохо. Сперва повторял: «ничего, ничего, пройдет». Однако вскоре пришлось искать врача, а когда тот отыскался и приступил к измерениям давления и частоты пульса, Иван Георгиевич скончался. Это было утром 15 января 1973 г.».

Дату похорон долго не сообщали, и Дмитрий Яковлевич остался в пансионате, а не поехал в Москву. Однако отмечает, что в этом не раскаивался, так как вся траурная церемония (19 января) была организована плохо и прошла, по его словам, беспорядочно. Поэтому эта сторона им в воспоминаниях не отражается никак, но он написал довольно большое эссе. В нем он пишет о своих наблюдениях, которые

сформировались у него о ректоре на основании «фактов и впечатлений, порожденных частыми деловыми встречами с ним и рассказами других о нем».

Вот что Дмитрий Яковлевич вспоминает.

«Иван Георгиевич очень хорошо зарекомендовал себя как декан мехмата (не говоря уж, как ученый). Организация строительства нового здания Московского университета на Ленинских горах легла на плечи ректора А.Н. Несмеянова. Однако в 1951 г., когда строительство уже развернулось, А.Н. Несмеянов был избран президентом Академии наук, и ему на смену был выдвинут И.Г. Петровский. Он мне рассказывал, что долго сопротивлялся, но однажды ночью ему позвонили, и некто спокойным голосом сказал: «Только что товарищ Сталин утвердил Вашу кандидатуру на пост ректора МГУ». Тут уж возражать не станешь. 21 год [21 год, 7 месяцев, 28 дней], с 1951 до начала 1973 Иван Георгиевич руководил Московским Университетом».

Вот так работала «исполнительная власть» в то время. Подтверждение тому, что И.В. Сталин вникал во все вопросы, мы находим у Константина Симонова в его «Глазами человека моего поколения», когда он описывает заседания по выдвижению литераторов на Сталинские премии, и у авиаконструктора Александра Яковлева «Цель жизни». Из последней приведу такой эпизод.

«Летом, в конце июля 1939 года, позвонил Сталин, поинтересовался, как идут дела с истребителем.

— У меня сейчас летчик Денисов, воевал в Испании и в Монголии, может дать полезные советы по вашей машине. Повидайтесь с ним.

Через полчаса в мой кабинет уже входил высокий, стройный брюнет в кителе с петлицами комбрига и Золотой Звездой Героя Советского Союза на груди.

Встреча с командиром группы истребителей И-16 в Испании Сергеем Прокофьевичем Денисовым оказалась действительно весьма интересной и полезной для меня, конструктора, не только потому, что он рассказал много интересного как очевидец и участник воздушных боев с немец-

кими и японскими летчиками, но также и потому, что он с исключительным знанием дела посвятил меня в сущность современной воздушной войны.

Сергей Прокофьевич рассказал о своем разговоре со Сталиным, который удивил его своей осведомленностью. В вопросах авиации Сталин, по словам Денисова, оказался даже в курсе таких деталей, как вооружение английских истребителей «Спитфайр», у которых пулеметы (в отличие от немецких «Мессершмиттов» с одной центральной авиапушкой и двумя синхронными пулеметами, стреляющими через плоскость вращающегося винта), далеко разнесены от оси самолета и установлены по размаху крыльев. Особенно Сталин интересовался тем, как целесообразнее вооружать истребители — пушками или пулеметами, и какой огонь действеннее — прицельный из одной крупнокалиберной пушки или рассеянный, из нескольких пулеметных стволов.

224

Оказывается, по этому и другим подобным вопросам Денисов еще в 1937 году, учитывая опыт первого периода гражданской войны в Испании, по личной инициативе написал докладную записку руководителям Военно-Воздушных Сил и авиапромышленности. Но записку оставили без внимания, никаких мер принято не было, и спустя два года в боях на Халхин-Голе недостатки наших И-16 и «Чаек» оставались прежними, в чем еще раз убедился Денисов. Тогда-то, вернувшись из Монголии, Сергей Прокофьевич и обратился к Сталину, который сразу же вызвал его к себе. Сталин очень рассердился, узнав от Денисова, что по его первой записке не было принято никаких мер. Он с большим вниманием выслушал Денисова и предложил все замечания изложить письменно и материал прислать ему.

Такую записку Денисов написал и вновь был принят Сталиным. На этот раз Сталин вызвал также наркома авиапромышленности М.М. Кагановича и дал нагоняй за равнодушное отношение к первым, двухгодичной давности сигналам Денисова.

Каганович оправдывался, но спорить по специальным вопросам с таким знатоком, как Денисов, ему было не под силу.

В конце концов, Сталин буквально выгнал наркома из кабинета и рекомендовал Денисову связаться непосредственно с конструкторами Лавочкиным, Микояном и со мной».

«Сталин любил кино, много смотрел его, сам давал задания некоторым из режиссеров, в числе которых были Чиаурели, Довженко, Эйзенштейн, причем последние два писали сценарии для своих фильмов и сами, без чужой помощи». Это уже из книги Константина Симонова «Глазами человека моего поколения».

Можно и дальше приводить примеры, но ведь книга не об этом. Продолжим из воспоминаний Дмитрия Яковлевича о ректоре Петровском.

«Внешность Ивана Георгиевича не содержала в себе ничего примечательного, так же, как и одежда, — мне кажется, что я никогда не видал на нем выутюженных брюк. Но обращало на себя внимание очень интеллектуальное лицо академика — живые глаза, тщательно выбритые лицо и голова. Одна из лучших его фотографий воспроизведена в газете «Московский университет» от 19 января 1973 г. при некрологе. Он был невысокого роста. Но это как-то не замечалось его сотрудниками и товарищами. А в глазах милиции это был недостаток: как-то, дожидаясь прибытия какого-то высокого гостя (не то Дж. Неру, не то И. Тито), у главного входа в университет под колоннами, человек пять из руководства вели оживленную беседу между собой, а рядом стоявший немолодой милицейский чин — от скуки, что ли, — отторгнул И.Г. от группы, по-видимому, сочтя его недостойным для столь высокого общества. Мы дружно захохотали, и старший лейтенант, почувствовав ошибку, неловко отступил. По-видимому, И.Г. был самым скромным в группе.

И в обращении с людьми он был прост, избегал начальственного тона, на бумаге, поданной ему, писал обычно «согласен» или не писал ничего. Он был бесконечно далек от бюрократизма и если не разбирался сам с вопросом, поднятым посетителем, то тут же брал телефонную трубку и спрашивал у соответствующего работника аппарата или у

заместителей своих, а порой, не желая информировать присутствующего о деталях вопроса, уходил из кабинета, чтобы переговорить с помощником непосредственно. Тут, конечно, содержался элемент своеобразной тактики — не раскрываться перед собеседником до конца. Как ректор, руководитель университета, он был прост. Мне вспоминается такой случай. Утром сообщают мне, что И.Г. просит зайти к нему. Я это делаю незамедлительно, но И.Г., встретив меня в приемной, извиняющимся тоном просит подождать, потом делает это еще раз. Наконец, выходит с секретарем Парткома МГУ Е.М. Чехариным и приглашает меня присоединиться к ним. [В примечании ДЯ: «Вероятно, дело происходило в конце 1950-х гг.». Чехарин Евгений Михайлович преподавал в МГУ в 1954–1959 гг., а затем находился на партийной работе. В 1962–1972 гг. он работал в ЦК КПСС, был заместителем заведующего, заведующим отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС. Далее, в 1972–1978 гг. Е.М. Чехарин занимал пост ректора Высшей партийной школы при ЦК КПСС, в 1978–1983 гг. был заместителем министра культуры СССР, в 1983–1989 гг. — заместителем председателя Совета Министров РСФСР, в 1986–1990 гг. — кандидатом в члены ЦК КПСС. В 1976 г. был избран членом-корреспондентом АН СССР.»] Выходим из здания, садимся в автомашину и едем в Кучино. Я понял, что в Парткоме родилась мысль как-то использовать «наше» Кучино для каких-то общеуниверситетских нужд. А меня не поставили в известность, чтобы помешать возможной моей попытке предупредить обитателей Кучино о нашей поездке. Так оно и произошло. Мы нагрянули неожиданно, наши постройки не соблазнили ни ректора, ни секретаря ПК, и поездка наша обошлась для Кучино без последствий. Впрочем, — нет, я был обижен недоверием ко мне.

Если И.Г. доверял собеседнику, он не замыкался на себя и слегка раскрывался в разговоре. Так, он немножко хвастался то появившейся его новой математической разработкой, то приветствием, которое он произнес на встрече Н.С. Хрущева, вернувшегося из какой-то поездки, или

(полушутливо) тем, что на экзамене у С.Н. Блажко по астрономии он еле-еле натянул на тройку. К людям он питал уважение тем большее, чем больше тот имел успехов в науке, и, наоборот, относился с пренебрежением к дутой научной репутации, не стесняясь высказывать свое мнение и в адрес академика-карьериста. Я уже рассказывал, как он дважды менял отношение свое к ученым (проф. А.В. Власову и ст. н. сотруднику А.А. Зельманову), в пользу которых я приводил ему веские аргументы».

[1968 год]

По А.В. Власову Дмитрий Яковлевич в 1968 году рассказал И.Г. Петровскому, что во время пребывания в ФРГ в институте Макса Планка [Max Planck Institute fur Physik und Astrophysik] на обеде, который дал директор института проф. Л. Бирман, он с интересом и удовлетворением за Московский университет услышал, что уравнения Власова рассматриваются там, как совершенно фундаментальные. У них в институте есть даже такое тематическое подразделение «Уравнения Власова». Вот фрагмент из его воспоминаний:

227

«Когда я вернулся из Мюнхена, я делился впечатлениями с коллективом в ГАИШе и с ректором. В ГАИШе зал был полон, особенным успехом пользовались диапозитивы красавиц из Нимфенбурга. Более продуктивна была беседа с И.Г.Петровским. Он с особым вниманием отнесся к моим словам об отделе «Уравнения Власова» в Институте физики плазмы. До последнего времени, может быть, индуцированный Л.Д. Ландау, И.Г.П. относился к А.А. Власову весьма сдержанно, и это тем более понятно, что А.А. Власов обладал неустойчивым и взрывчатым характером».

Далее Дмитрий Яковлевич вспоминает: «Я довольно широко рассказывал на факультете об отделе «Уравнения Власова» в Мюнхене, в том числе, и декану, и вот президиум Ученого совета физфака, начиная очередной тур выдвижения на Государственную премию, выдвинул (9.Х) А.А. Власова. И А.А. Власов получил ее. [«Видимо, выдвижение было на Ленинскую премию, которую Анатолий Александрович Власов получил в 1970 г. за цикл работ по теории плазмы, со-

державших фундаментальный метод исследования ее свойств. Государственной премии у А.А. Власова не было» — ВШ]. Я приписываю себе известную долю этого успеха, потому что в это же время А.А. Власов перестал смотреть на меня недружелюбно при наших редких встречах».

Исходя из этого и других прецедентов, Дмитрий Яковлевич делится своими умозаключениями по поводу Ректора.

«Может быть, в поисках таких аргументов он слишком часто обращался к своим коллегам по академии за оценкой научного значения того или иного университетского работника. Звание же академика или члена-корреспондента было для него, в большинстве случаев, гарантией высоких научных заслуг».

228

«Кроме того, — пишет Дмитрий Яковлевич, — он [ректор] питал некоторую слабость к евреям-ученым. Как-то он обронил такую фразу: «Чем они виноваты, что они в науке сильнее нас?» Это проявлялось, в частности, в его неизменном покровительстве И.С. Шкловскому, за что И.С. отблагодарил Ивана Георгиевича, посвятив ему очередную свою книгу «Звезды...». Он [И.Г. Петровский] как-то мимоходом похвалил меня за то, что я «перетащил» С.Б. Пикельнера в Московский университет. Были и другие, более тяжелые для него «кадровые вопросы» подобного рода. Но он не уступал».

Далее Дмитрий Яковлевич пишет:

«Несколько лет спустя, в 1981 г., отдыхая в Красновидово, в разговоре со старыми членами партии в МГУ — В.В. Москвитиным и Г.Л. Фурмановым — я узнал от них один небезынтересный эпизод из жизни Московского университета:

В.В. Москвитин был членом Парткома в 1955 г., когда разыгрались бурные события около И.Г. Петровского. Бучу подняли физики во главе с деканом А.А. Соколовым и его помощником Ф.А. Королевым при сверхактивном участии Акулова и Ноздрева [не нашел, кто они такие — ВШ]. Все они нападали на И.Г.П. за его уважительное отношение к академическим физикам, предпочтение, которое он оказывал физикам-академикам, постоянно советуясь с ними, в

ущерб физикам из университета (среди которых крупных ученых не было). Атака была настолько энергичной, что была собрана партконференция, вынесшая решение об «укреплении руководства университетом», что в переводе на обычный язык означало требование сменить ректора. Это решение пошло вверх, не встречая решительного сопротивления нигде, но когда оно дошло до Н.С. Хрущева, тот поинтересовался — партийный или беспартийный И.Г.П.? Получив ответ, сказал: «беспартийный ректор МГУ это хорошо, зачем же применять к нему решение партийной конференции?» Тем дело и кончилось, если не считать, что декана и его помощника сняли, посадили В.С. Фурсова, а Акулова и Ноздрева вовсе удалили из университета. [В примечании ДЯ: «А.М. Ковалев вносит сюда поправку: Акулов и Ноздрев еще раньше покинули университет, причем Ноздрев сперва успешно работал в Пединституте, но, в конце концов, чуть было не был исключен из партии».]

Я и раньше слышал о фронде на физфаке. Говорили о том, что мягкий Соколов был игрушкой в руках профессора Ф.А. Королева. Но что дело зашло так далеко, я не слышал ни от кого.

Да, еще одним следствием фронды было усиление штатов академиков на физфаке. Многие из них заняли 1/2 ставки, но участвовали в жизни факультета крайне слабо, лишь изредка посещая Ученый совет. Впрочем, на филиале физфака в Дубне они были более результативны».

Далее Дмитрий Яковлевич пишет:

«В описываемое время я уже жил в Москве, но ничего не слышал об этой истории. Видно, ее дирижеры стремились не предавать ее широкой гласности даже среди членов партии. Правда, мы тогда принадлежали механико-математическому факультету и его парторганизации.

Позиция, занятая Н.С. Хрущевым, немало помогала Ивану Георгиевичу в его ректорской жизни. Он был без сомнения подлинным беспартийным большевиком и в важных делах, конечно, принимал решения, согласованные с Парткомом МГУ или с ЦК, если на первом уровне согласие не

достигалось. Но в массе других университетских дел он был свободен от таких согласований и действовал самостоятельно, что сберегало часть его сил. Как академик и член Президиума Верховного Совета СССР, он пользовался огромным авторитетом, поддерживаемый званием Героя Социалистического труда и лауреата Государственных премий, что избавляло его от мелочной опеки Министерства и городских властей. И позволило ему достигнуть выдающихся успехов в развитии университета с его многочисленными станциями, лабораториями и, конечно, кафедрами, в которых он видел главных участников воспитания молодых научных кадров. Он как-то высказал мне такую свою идею: «От аспирантов не нужно требовать больших научных заслуг, запечатленных в диссертации. Важнее воспитать ученого широко образованного, способного работать в разных областях своей науки. Поэтому важнее всего для него будет хорошо подготовиться и хорошо сдать кандидатские экзамены». (К сожалению, мы очень часто либеральничаем при приеме кандидатских экзаменов!) Что же касается развития науки в университете, он очень внимательно следил за ним и широко шел навстречу всему новому.

Работал он очень много, не совмещая ни в каких других организациях. Он регулярно посещал заседания Президиума Академии Наук по пятницам, но в большинстве случаев там не задерживался и уезжал в университет. Несмотря на отмеченную выше относительную свободу действий, ему приходилось преодолевать самолюбия и неоправданные желания сотрудников, а сотрудников были тысячи! Нередки были и трения с партийной организацией, правда, не в таком масштабе, как описано выше. Так, на всех отчетно-выборных партийных конференциях университета его неизменно приглашали в президиум, а вдруг однажды секретарь Парткома проф. К.А. Салищев не делает этого и на недоуменный вопрос из зала холодно отвечает: «А почему мы должны приглашать на нашу партийную конференцию беспартийного товарища?» Старым сотрудникам университета известно, что К.А. Салищев в бытность свою проректором сильно «не

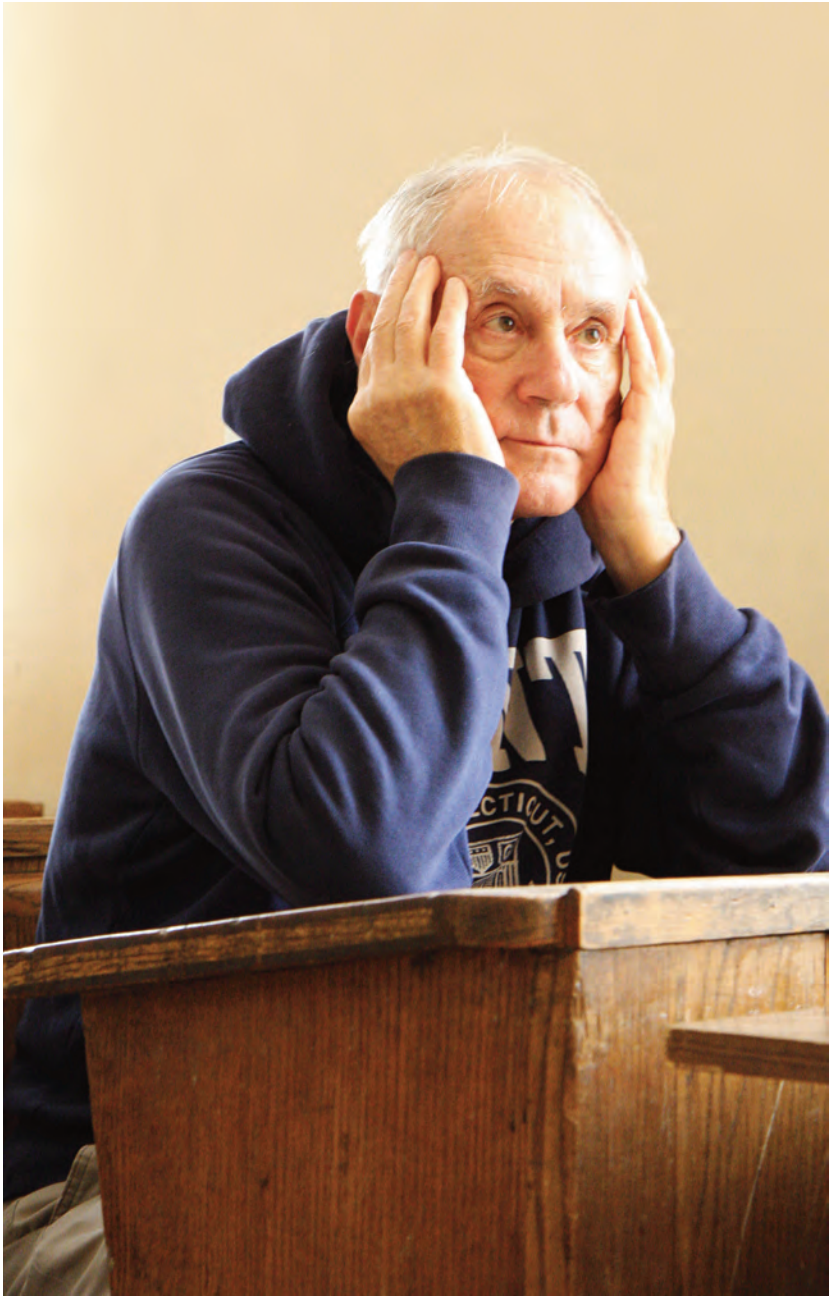
сработался» с И.Г. Петровским, но большинство на конференции этого не знало и расценивало отсутствие ректора в президиуме как удар по его авторитету. А нелады с главным своим проректором Г.Д. Вовченко, который убежденно считал себя представителем Партии при беспартийном ректоре! Не знаю, как расценивал все это сам И.Г., но в последнее десятилетие своей жизни он дважды заболел надолго (по-видимому, инфарктом). Это отражено в моих дневниках. Я и закончу свой очерк дневниковой записью по свежей памяти 3 февраля 1973:

«Как угадать, когда уходить на покой?! С пользой для себя и для дела?»

Вот И.Г. Петровскому следовало сделать это, когда ему исполнилось 70 лет (перед вторым заболеванием). Но ему, как и многим другим, не хотелось умирать пенсионером. И он был убежден, что в Университете его никто не заменит. Он говорил, правда, на партактиве: «Университет без меня проживет, а я без университета — нет». А на самом деле многое шло уже мимо него, он забывал, что сказал, и забывал прочно, если ему не напоминали. Зато «гневался» сильно, если напоминали, а не сделано. Был старчески подозрителен и неравнодушен к почестям и проявлениям пиетета. А ведь раньше, до 1970 г., ничего этого не было и в помине. Кроме мелкого тщеславия, редко и в умеренных дозах.

А в траурном номере газеты «Московский университет» ничего теплого, кроме отдельных высказываний отдельных академиков да некролога ...».

Грустно и печально звучат слова Дмитрия Яковлевича. Но так зачастую и бывает. И на уровне Правительства, да и на уровне ГАИШа.

СРЕДА ОБИТАНИЯ. ЖИТЬ ЗДОРОВО И ИНТЕРЕСНО

Перед этой книгой я опубликовал небольшую монографию по своей научной специальности. А поскольку одна из сторон специальности связана с информатикой, то посчитал нужным выразиться и по популярному нынче течению — использованию наукометрии в оценке всего и всех в научной деятельности. От применения ее при оценке работы научных коллективов и учреждений: вузов, научных институтов и до аттестации и конкурсных избраний научных сотрудников. В припадке рвения дошли даже до ранжирования научных журналов по «импакт-фактору» и квартилям. Не в первый раз, случалось это и ранее. Помните соцсоревнование на физфаке 1980-х гг., когда нобелевская премия приравнивалась к сдаче на первую ступень ГТО, выезду на картошку, выпуску стенгазеты или что-то в этом роде? Я присутствовал на факультетском собрании представителей подразделений, посвященном обсуждению критериев. Вот на этом собрании зав. кафедрой низких температур Н.Б. Брандт резко выступил против такой профанации идеи соцсоревнования. Да и современное внедрение ЕГЭ из этой же колоды нововведений. Всё поменять и пере-

строить в угоду мировым тенденциям — это нам пытались привить «троечники», пришедшие во власть в начале 1990-х годов. И это не Ельцин, это его окружение из бывших преподавателей марксизма-ленинизма, отделов ЦК КПСС и газеты «Правда» вместе с журналами типа «Вопросы мира и социализма».

Сейчас никто, наверное, не помнит, но был такой персонаж Аркадий Мурашёв, младший научный сотрудник, которого представляли как физика-теплотехника. Был он младшим научным сотрудником, а стал народным депутатом СССР, сопредседателем «Демократической России», секретарем Межрегиональной депутатской группы.

Вот фрагмент из интервью, характеризующий этого «попаданца», которого Гаврила Попов назначил на должность руководителем ГУВД Москвы и Московской области:

— А скажите, Аркадий... до вашего назначения какое отношение Вы имели к милиции?

234

— Я с милицией в жизни дела не имел! У меня даже приводов не было!

— Ага. И сразу на должность Начальника Главного Управления Внутренних Дел Москвы и Московской области?

Ничтоже сумняшеся, Мурашёв отвечал с обычным апломбом:

— Это политическое назначение!

Не проявил себя никак Мурашёв и по-тихому был уволен. Впоследствии, как и многие из них, нашел себе тепленькое местечко в компании «ЭППА — европейские консультанты». На 2020 год — председатель.

Или Сергей Станкевич, член КПСС, бывший старший научный сотрудник Института истории АН СССР, а впоследствии взлет:

— Народный депутат СССР, член Верховного Совета СССР.

— С марта 1990 года — также депутат Моссовета, в 1990–1992 — первый заместитель председателя Моссовета Г.Х. Попова.

Получив взятку, а за ней и уголовное дело, он бежал за границу и был объявлен в международный розыск, скры-

вался в Польше. Сейчас его представляют как российского политика, историка и политолога.

По этому же пути последовал автор «Хождения во власть» А. Собчак, сбежавший во Францию. И всё это «романтические» лица демократии, «сходившие во власть». Без меня вы знаете и других. И все они учили нас, как жить, эти хромые утки. Сейчас учат другие. Учили в СССР, учат в «новой России».

Увлёкся, достаточно об этом, можно скатиться в болото популизма и демагогии, но вот что я хотел представить вашему вниманию.

Заметка А.А. Гурштейна о Р.З. Сагдееве в «Sky and Telescope»

Не помню, как на это вышел наш разговор, но Александр Аронович сказал.

«Глаза на личность Сагдеева раскрылись у меня отнюдь не вчера. Сразу после выхода в свет его автобиографии [Sagdeev R.Z. The Making of a Soviet Scientist: My Adventures In Nuclear Fusion and Space — From Stalin to Star Wars. N.Y., 1994] американский журнал «Sky and Telescope» обратился ко мне с просьбой написать рецензию. Я написал, и она была опубликована в декабре 1994 г. Не могу удержаться, чтобы не привести ее вам полностью без купюр в обратном переводе с английского на русский (русского оригинала не было: я писал сразу по-английски)».

Вот текст этой рецензии.

Самый знаменитый татарин со времени Улугбека

В роли заместителя заведующего отделом в советском Институте космических исследований (ИКИ) весной 1973 г. я и мои коллеги по работе, затаив дыхание, ждали нашего нового босса — Роальда З. Сагдеева. Мы отвечали за разработку научной программы планировавшейся (но так никогда

и не осуществленной) пилотируемой экспедиции на Луну, однако, героический этап советских космических исследований был к этому времени уже завершен. Требовалось найти новые подходы и влить новую кровь. Я знал кремлевские возражения против назначения Сагдеева. В возрасте 41 года он был слишком юн, чтобы стать частью геронтократии Леонида Брежнева. Он не был членом коммунистической партии и принадлежал к татарскому меньшинству. Наконец, он не имел опыта в научном менеджменте: он работал в области ядерного синтеза и был самым молодым полным членом «Палаты лордов» — престижной советской Академии наук. Сагдеев никоим образом не был исследователем в области космоса. То был Мстислав В. Келдыш, Президент Академии наук и могущественный член коммунистического ареопага, кто вслед за академиком Львом А. Арцимовичем потребовал и силою преодолел возражения [против назначения Сагдеева директором ИКИ]. В результате домашних «академических игр» Сагдеев был назначен космическим лидером высшего ранга — позиция, которая стала стартовой площадкой для его последующей небывалой карьеры. По воле Сагдеева я оставался сотрудником института на протяжении половины его директорства, работая с ним ежедневно бок о бок. Вот почему я снова затаил дыхание, когда решил заняться рецензией на его воспоминания, написанные не на закате жизни, а скорее в ее полдень: я отлично знал его и его окружение.

Нет секрета в том, что мемуары не могут быть строгим историческим документом. И книга Сагдеева не исключение. Хотя он и называет себя на встрече в верхах в Женеве «политической проституткой по вызову» (он был членом «банды четырех» академических советников Михаила Горбачева), читатель не найдет в его воспоминаниях стриптиза. Вместо этого вы обнаружите автора джентльменом в превосходном белом костюме, мужественного борца за новое научное мышление, ученика великих учителей, которые были «хранителями огня». Никаких сомнений, никакого раскаяния — эти чувства вне авторского репертуара. В своем прошлом он вращался среди окружения Горбачева, академических лиде-

ров и боссов военно-промышленного комплекса. В своей книге он не жалеет сарказма и яда по отношению к ним ко всем. Приходится думать, что он лишь один без греха — трудности были только у других.

Повсюду память Сагдеева очень гибка и избирательна. В то время как некоторые неточности просты (имя сотрудника ИКИ Истомина — Вадим, а вовсе не Глеб), другие демонстрируют малые и большие моральные подчистки. Например, автор описывает свои отношения с полковником Георгием П. Чернышевым, его заместителем, который служил в ИКИ политическим комиссаром от КГБ, но ни разу не упоминает, как часто он приказывал Чернышеву дискредитировать своих оппонентов. Сагдеев напрочь забыл о своем членстве в Коммунистической партии, куда он вступил будучи директором ИКИ — символе преданности режиму в то время, когда в этом уже не было суровой необходимости.

Сагдеев тщится создать образ моралиста в костюме, чистом от грязи. Все негативные события выпадают из его памяти. Но, как научный феодал из «Палаты лордов», он разрушил сотни судеб и уничтожил десятки научных направлений. И не все из них были негодными. В силу отсутствия у него опыта в менеджменте, его экспериментирование выполнялось на других людях. Конечно, это закон джунглей, и подобные подробности можно игнорировать. Но вы можете обнаружить незначительные следы коллизий в этой книге. Есть странная параллель между Сагдеевым и Горбачевым — оба чрезвычайно популярны за рубежом и не столь популярны у себя дома. В этой книге невозможно найти ответы на многие простые вопросы. Почему Келдыш предложил Сагдееву пост директора ИКИ? Не чудо ли, отправляясь спать специалистом по термоядерному синтезу, проснуться специалистом по космическим исследованиям?

Тем не менее, без колебаний я сердечно рекомендую эту книгу-самооправдание западным читателям. Карл Саган в своем панегирическом предисловии поясняет, что «текст проливает свет на малоизвестные и важные закоулки бывшего Советского Союза». Это абсолютная правда. Многие

годы Сагдеев — очень талантливый теоретик в области физики плазмы и своего рода восточный Макиавелли — был бароном среди высшей аристократии советского научного, промышленного и политического истеблишмента. Он знал людей и секреты королевского двора. Написанные им откровения в широком смысле отражают атмосферу его прошлой советской жизни. Если вы хотите приобщиться к этому опыту, книга станет вам очень интересной. Если же вы нуждаетесь в аналитическом обзоре развития советской науки, особенно космических исследований, вам придется еще подождать.

238

Александр Аронович также указал мне на статью в «Природе», в которой Яков Львович Альперт ссылается на его рецензию для *Sky and Telescope*. До этого я много читал о Сагдееве и его деятельности в ИКИ. Наиболее ярко эту деятельность описал, конечно, Гурштейн, но на меня свалилось и много других свидетельств от людей, знавших академика не понаслышке. Оказалось, что сотрудники ИКИ активно писали и печатали свои воспоминания. В большинстве случаев деятельность академика Сагдеева оценивалась негативно, хотя были и положительные свидетельства. Сам я встречался с ним два раза на заседаниях редколлегии Реферативного журнала, когда он был Главным редактором, а я штатным редактором раздела «Астрометрия». Инна Сергеевна Щербина-Самойлова проводила Редколлегию неформально, но со всеми атрибутами официальности. Помню заседание в ИКИ в кабинете Сагдеева. Он казался мне приятным и доступным человеком без всякой чопорности. Сейчас я вспоминаю и первое впечатление о нем Гаврилы Сергеевича Хромова:

— Сагдеев — с виду, а, наверное, и по сути — милый парень. Без всякой надутости. ... Он мне понравился и, видимо, я ему тоже.

Так что, мне показалось интересным прочитать статью Альперта. Я нашел эту статью. Она меня заинтересовала своей бескомпромиссностью, и мы начали обсуждать ее.

Вряд ли вы читали эту статью. Приведу для вас небольшие выдержки, относящиеся к личности академика Р.З. Сагдеева.

Заметка Я. Альперта в «Природе»

Журнал «Природа». 1995. № 4. С. 120–128.

Я.Л. Альперт. Гарвард Смитсоновский астрофизический центр, Кембридж, США.

Времена и нравы (К выходу книги Р.З. Сагдеева «Становление советского ученого» [Sagdeev R.Z. The Making of a Soviet Scientist: My Adventures In Nuclear Fusion and Space — From Stalin to Star Wars. N.Y., 1994].

У каждого свои отношения с прошлым: одни это прошлое в упор не видят, другие в него плюют, третьи стараются свое прошлое понять, а четвертые его... меняют на свой вкус.

Можно по-разному воспринимать патетическую фразу из книги Сагдеева: «Многие, несмотря на давление повседневной жизни, оставались непреклонны в своем самоотверженном служении науке. Помогите им Бог делать это столь же искусно, с той же настойчивостью и честностью, которые отличали особую породу ученых — «хранителей огня», — какими были Капица и Ландау, Леонтович и Сахаров». Американский физик Р. Гарвин в рецензии, опубликованной в *Physics Today*, процитировав эту фразу, приходит к заключению: «У меня нет сомнений, что и Сагдеев принадлежит к этому перечню».

Яков Альперт пишет, что это его шокировало, и он решил прояснить реальное лицо Р.З. Сагдеева. «Наивное заключение уважаемого американского физика», — говорит он, — «результат искаженной информации о моральном облике, судьбах и роли различных индивидуумов в истории советской физики». И здесь он ссылается на рецензию той же книги, опубликованную Александром Гурштейном в *Sky and*

Telescope [Gurshtein A.A. The Most Famous Tartar Since Ulugh Beg // Sky and Telescope. December 1994. P. 54–55]. Рецензию, характеризующую Сагдеева совсем по-другому. Яков Львович приводит цитату из этой рецензии: «Сагдеев стремится создать образ моралиста [себя] в одежде без единого пятна. Всё негативное — вне его памяти. Однако, будучи научным «феодалом» и «членом палаты лордов» [цитаты из книги Сагдеева], он разрушил сотни научных судеб <...> Автор [Сагдеев] описывает свои взаимоотношения со своим заместителем полковником Г.П. Чернышевым, который был комиссаром безопасности КГБ в ИКИ, но ни словом не упоминает, как часто он предписывал Чернышеву дискредитировать своих оппонентов. <...> Никаких сомнений, никакого раскаяния — эти чувства вне авторского репертуара».

240

Полностью рецензию с переводом А.А. Гурштейна вы прочитали перед этим. Как сказал мне Александр Аронович, статья-рецензия сразу писалась на английском языке, и он прислал мне авторский перевод. Отсюда небольшие расхождения между приведенным ранее текстом и переводом Якова Львовича.

Я.Л. Альперт, являясь «отказником» [думаю, что этот термин знаком моим читателям] и активным участником их неофициального научного семинара, возмущен: «Поставить Сагдеева рядом с Сахаровым — оскорбление памяти Сахарова. Поставить Сагдеева рядом с такими выдающимися физиками и личностями, как Ландау, Капица, Леонтович, — грубейшее искажение исторической реальности, девальвация моральных ценностей».

О Сагдееве можно много говорить. Но вот что пишет о статье Альперта и о своем видении академика Р.З. Сагдеева профессор В.Б. Баранов. Привожу выдержки из его воспоминаний в его же книге «Из XX в XXI век. История одной жизни». М.: Финита. 2009. 930 с. Обратите внимание на объем книги. Владимир Борисович написал ее по своим дневникам, которые вёл на протяжении 40 лет!, т.е. с конца 1970-х

годов Почти как Г.С. Хромов, основной герой моей предыдущей книги.

В части 1, гл. 5 «Записки из советского подполья» он пишет: «Сам Сагдеев, по-моему, занимается в основном интригами в высших эшелонах академической власти, создавая у сотрудников вверенного ему института [ИКИ] чувство страха за свою судьбу. А вверху намечаются большие перемены. Нынешний президент АН СССР академик А.П. Александров, заменивший на этом посту Келдыша, уже стар. Ему 76 лет. На смену рвется молодая академическая поросль: недавно ставший вице-президентом академик Е. Велихов, академик-биолог Ю. Овчинников и другие. Думаю, что приглаждается к креслу президента и Сагдеев. Стремительная карьера Велихова уникальна. Почти всех своих столь высоких титулов он добился путем одних обещаний: он обещал построить магнетогидродинамический генератор, обещал решить проблему управляемого термоядерного синтеза и пр. Под обещания ему давали деньги, власть, звания. Кроме того, удачно женившись, он стал родственником А.Н. Косыгина [председатель Совета министров СССР], получив мощную поддержку уже в высших эшелонах власти».

241

«Занятость директора [Сагдеева] активными интригами вне стен ИКИ отражалась самым непосредственным образом на работе самого института. Главной силой ИКИ стал партком, секретарем которого под бдительным оком Роальда Зиннуровича избран доктор физико-математических наук Валентин Иванович Шевченко. «Выписанный» Сагдеевым из Харькова вместе со своим учителем, доктором физико-математических наук В.А. Шапиро, он сделал все, чтобы выслужиться перед своим благодетелем. ... Кроме секретаря парткома Шевченко в него [Партком] вошел сам Сагдеев, его ученик Галеев, а также разные подхалимы и несостоявшиеся в науке люди. ... Институтское инакомыслие было полностью подавлено».

«... В дневниках этого периода моей жизни большое место занимает анализ событий, происходивших в Институте космических исследований, и, в частности, анализ поведения его

нового директора Р.З. Сагдеева. И это вполне естественно, поскольку, во-первых, непосредственно касалось моей научной судьбы и, во-вторых, с приходом в ИКИ моим хобби стал анализ мотивации тех или иных поступков окружающих меня людей. А ИКИ в период смены руководства представлял собой великолепный полигон для такого анализа. Перечитывая свои дневники, прихожу к выводу, что довольно правильно оценивал личность Сагдеева. В этом я окончательно убедился гораздо позже, когда он уже жил в США, убедился по статье Я.Л. Альперта, опубликованной в американском журнале «Physics Today» (июль 1995 года) и в журнале «Природа» (№ 4, 1995 г.). Хотя я не очень ценю Якова Альперта как физика, работавшего когда-то в ФИАНе АН СССР и эмигрировавшего сначала в Израиль, а затем в США, тем не менее, его отклик на вранье Роальда Зиннуровича в автобиографической книге «Становление советского ученого», изданной в США, кажется, в 1994 году, впечатляет».

242

А.А. Гурштейн говорил мне [ВШ], и я думаю, имел на это основание, что он лишил Сагдеева Нобелевской премии мира. «По физике он понимал, что не получит. Ролик делал всё, чтобы создать впечатление, что он лучший ученик Сахарова. Выпустил для этого книгу. Я написал положительную рецензию в Sky and Telescope, которая хуже отрицательной. Мне передавали, что Сагдеев хотел судиться, но зацепиться было не за чего. У меня жена, Оля, хороший юрист».

Можно констатировать, что и Александр Аронович, и Я.Л. Альперт своей принципиальностью смогли предотвратить несправедливость, которая и вправду могла состояться. «Точно в цель, и судно тонет».

А.С. Шаров и другие

Ранее я привел фрагмент из воспоминаний Хромова о Шкловском: «[В.В.] Подобед передал мне слух, циркулирующий в ГАИШе, о том, что именно я внес вклад в провал

Александр Сергеевич Шаров и Анна Борисовна Делоне

Шкловского на выборах... Впрочем, мы с [А.С.] Шаровым, кажется, расшифровали во время докладов в прошлом году имена наиболее отличившихся, когда говорили о возрастном эффекте. В конце концов, ну и что?»... Гаврила Сергеевич в результате приобрел в лице Шкловского мощнейшего врага, который своим участием в деле Солпитера оказал решающее воздействие на дальнейшую его научную, да и околону научную жизнь. Иосиф Самуилович болезненно относился к своему постоянному неизбранию в академики, считая, и, наверное, заслуженно, что он достоин этого звания. Но почему-то гнев Шкловского был направлен только на ГС, а второй участник оказался в стороне.

244

Надо сказать, что Александр Сергеевич Шаров после смерти Бориса Васильевича Кукаркина возложил на себя обязанности «совести ГАИШа». Благодатная почва для этого, естественно, была. Это совпало с началом периода директорства Евгения Петровича Аксенова и оппозицией, которую устроили ему астрофизики и звездники. Хорошо помню многочисленные заседания Ученого совета ГАИШ, которые проходили по одному сценарию. На заседание А.С. Шаров приходил в окружении поддерживающих его женщин-звездниц и, конечно, своей жены Анны Борисовны Делоне. Эта, с компанией уже солнечников с Г.Ф. Ситником во главе. В окружении АС были: Вера Петровна Архипова (Верочка), Раиса Ивановна Носкова (Раиса), Е.Б. Костякова, Е.Д. Павловская (Лиза) и, конечно, экзальтированная Наталия Липаева, старший лаборант его рабочей группы (с удивлением обнаружил, что и она закончила в середине 1960-х гг. Астрономическое отделение). Звездники садились, как правило, во втором—третьем ряду конференц-зала, с конца слева, Анна Борисовна со своей группой справа, а Григорий Федорович всегда в первом ряду с аппаратом для усиления слуха. Он давно уже плохо слышал в силу своего преклонного возраста. Время от времени по конференц-залу разносился противный писк — это приборчик Григория Федоровича сообщал, что надо его подстроить.

Все в этих двух группах ждали наступления удобного момента. Когда он случался, вставала «совесть ГАИШ», и его лицо от белого быстро принимало багровый оттенок. Нападение начиналось. Создавалось впечатление, что АС хватит апоплексический удар. Но, похоже, это было просто то, что актеры называют «вхождением в образ». Говорил он тихим голосом, придававшим значительности выступлению, при этом окружение согласно кивало. Заканчивалась сцена демагогическим предложением Дирекции выполнить невыполнимое. Например, после смерти Бориса Васильевича Кукаркина и.о. зав. кафедрой был назначен П.Г. Куликовский. АС потребовал сделать всё, чтобы Петру Григорьевичу, доценту, кандидату наук, присвоили звание профессора. Ни в то время, ни до, ни после и даже в разгульные 90-е годы это было невыполнимо. ВАК такое не утверждал, но АС это не смущало — главное попытаться в очередной раз пнуть директора.

Только авторитет Евгения Петровича среди других подразделений ГАИШа и на физфаке, да и умелые действия Геннадия Ивановича Ширмина, который в то время был секретарем партбюро ГАИШ, не позволили Александру Сергеевичу «отвязаться» полностью. Если бы ЕП остался директором ГАИШ после «демократической революции» 1991 года, то неизвестно, устоял бы сам ГАИШ в его нынешнем состоянии. И причина тому то, что сейчас называют «пятой колонной» — скандальной оппозицией руководству, а в то время — «демшизой». При Анатолии Михайловиче Черепашуке — астрофизике, директоре и, к тому времени, заместителе председателя астрономического отделения РАН, — А.С. Шарову уже ничего не светило — пропал объект критики, в котором он был бы поддержан астрофизиками. А так — доктор наук, не бывший членом партии, при поддержке экзальтированной части ГАИШ он мог бы наделать дел, да еще каких.

Даже физический факультет не избежал демократического порыва, избрав деканом Анатолия Петровича Сухорукова под лозунгом — «настоящего ученого в деканы». Там,

правда, смогли купировать «демократический пыл», быстро переизбрав ничего не понимающего в управлении такой большой структурой, но, действительно, настоящего ученого. Пробыл он на этом посту всего три года, а предыдущий декан, Василий Иванович Фурсов — тридцать пять лет, да и последующий, Владимир Ильич Трухин, — почти двадцать. Все-таки административная деятельность — это тоже наука, поприще, на котором нужен свой талант.

Кстати, о странном выборе книг для списания из библиотеки ГАИШ, о котором я написал ранее по поводу списания подаренных и надписанными авторами книг (стр. 68). Александр Сергеевич Шаров был бессменным председателем библиотечной комиссии ГАИШ, и именно она утверждала поданный библиотекой список. Так что подаренная библиотеке ГАИШ книга Коли Нестерова была списана с его согласия.

246 Хорошим подтверждением сложившегося у меня суждения об А.С. Шарове как непримиримом борце за правду, к тому времени уже давно доктору физ.-мат. наук, послужили малоизвестные факты его биографии, которые я прочел в воспоминаниях Д.Я. Мартынова. Кстати, именно эти воспоминания открыли мне другого Дмитрия Яковлевича. Он предстал живым человеком с его сомнениями по поводу принятых решений, мучительными размышлениями о возникших проблемах и вариантами их решения, внимательным анализом событий и принятием в результате правильных решений. Лишний раз убеждаюсь, что наше сложившееся представление о человеке и сам человек — это не всегда одно и то же.

Так вот, Дмитрий Яковлевич в своих воспоминаниях за 1967 год записал:

«Иначе дело развернулось в Пулковое в связи с докторской диссертацией Мирзояна [Мирзоян Людвик Васильевич (1923–1999) — академик АН Республики Армения]. От ГАИШ попросили дать официальный отзыв. И вот началась мышиная возня у наших звёздников. А.С. Шаров и Е.Б. Костякова составили о диссертации отрицательный отзыв, поддержанный Б.В. Кукаркиным, но требовали, чтобы их имена

были тщательно законспирированы. Сошлись на том, Б.В.К. подписывает отзыв как зав. кафедрой, а я как директор. В таком виде отзыв был послан в Пулково, а накануне защиты из Пулково пришла к нам просьба Мирзояна о приезде кого-либо из ГАИШа. Когда я стал искать «желающих», встретил резкий отказ. А.С. Шаров и Е.Б. Костякова (оба — кандидаты) заявили, что на докторской защите представителю нужно быть доктором, а доктор — Б.В. Кукаркин — исчез, найти его не удалось. Защита прошла у Мирзояна вполне успешно: 20-0-3».

«Начатое еще в прошлом году докторское дело Л.В. Мирзояна все еще тянулось весь 1968 год. Г.М. Никольский послал его диссертацию на отзыв А.Б. Северному. Тот продержал ее полгода и вернул, не говоря ни слова. Новый «черный рецензент», Г.М. Идлис, сравнительно быстро дал положительный, но достаточно кислый отзыв, который давал основание экспертному Совету рекомендовать Пленум утвердить Л.В. Мирзояна доктором. Однако я [видимо, по этическим соображениям — ВШ] отказался писать заключение, предоставив это сделать Г.М. Никольскому».

247

Далее Дмитрий Яковлевич пишет, что на пленуме Астровета, последовавшем после защиты и, конечно, не связанном с ней, у него произошла беседа с В.А. Амбарцумяном. Видимо, он чувствовал свою вину за отрицательный отзыв как директор ГАИШ и председатель его диссертационного совета:

«Я разговорился с В.А. Амбарцумяном о защите Мирзояна. Виктор Амазаспович не видит ничего дурного в «синтетической ассоциации» Мирзояна. Еще раньше в разговоре с К.Ф. Огородниковым и В.В. Соболевым я заподозрил, что наш отзыв был ошибкой. Теперь я в этом убедился: не нужно было братья за него совсем, а если уж взялись, то не следовало говорить только о недостатках диссертации». Сам Мирзоян смотрел на меня зло в первый день и вполне зверем — в последующие (после того, как Б.В. Кукаркин «объяснился» с ним). [Видимо, Борис Васильевич «перевел стрелки» на Дмитрия Яковлевича — ВШ].

В то же время Александр Сергеевич Шаров был гибок в случаях, не касающихся его эго. Так, будучи членом семьи Делоне, он написал хорошую книгу о роде Делоне, начав ее от похода Наполеона на Россию и пленения французского солдата Делоне, оставшегося после этого в России. Вообще, будучи слабовольным человеком, по моему мнению, он попал под влияние Анны Борисовны, крутой женщины, в вопросах жизненного поведения полностью подавившей его. В этом я смог убедиться, издавая эту его книгу. Он показался мне мягким человеком с обычными человеческими слабостями.

248

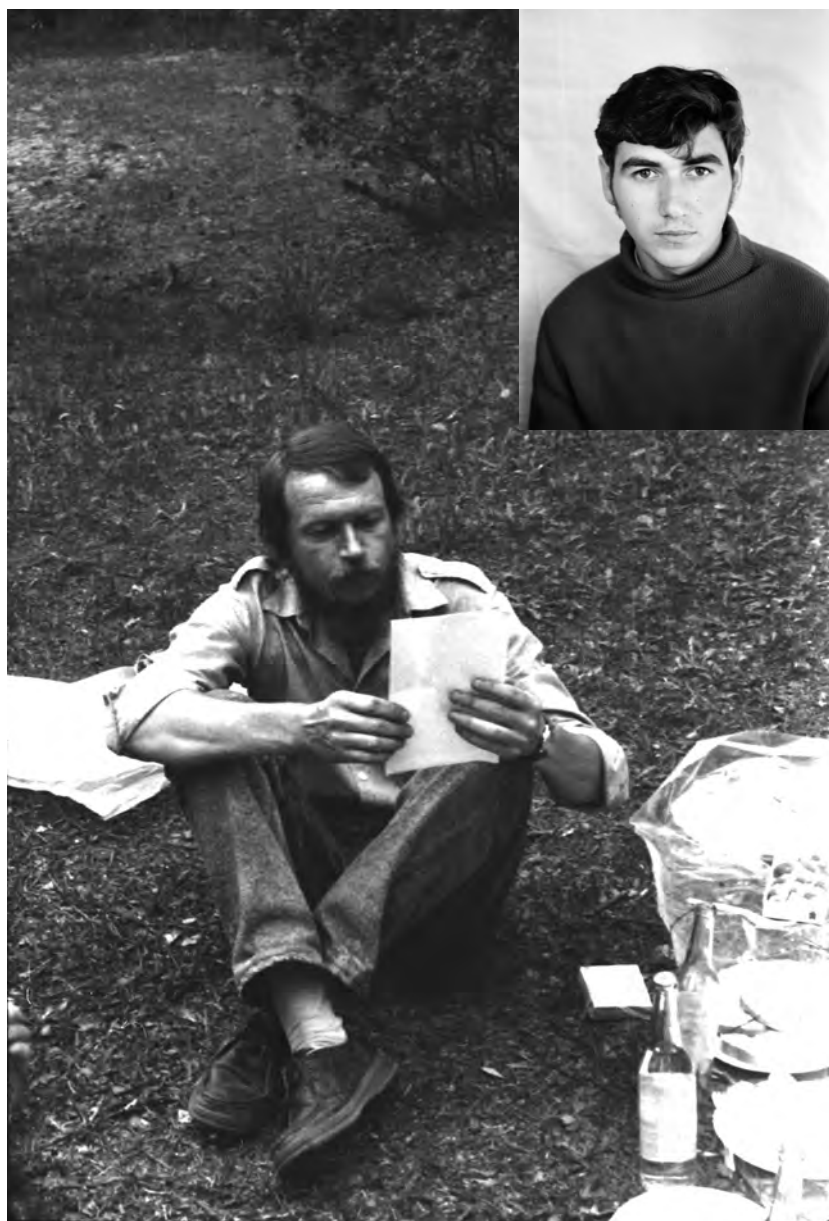
Еще одним борцом с директором Аксеновым был Григорий Федорович Ситник, но тот преследовал только интересы своего слабенького в то время отдела физики Солнца. ГФ был членом КПСС, заслуженным ветераном Великой Отечественной войны, окончившим ее в звании майора, и, конечно, имел большой вес. В его же отделе работала Анна Борисовна Делоне. Она тоже «возникла», когда дела касались их отдела. Часто можно было видеть бегущую по второму этажу со стороны своего отдела к директорской двери толпу возбужденных солнечниц во главе с массивной и энергичной Анной Борисовной, громко оповещающей всех случайно или по делу находящихся на втором этаже в директорской зоне, чем недоволен отдел и что директор должен немедленно исправить, отменить или наоборот сделать в пользу отдела. В отличие от Александра Сергеевича, АБ была громогласна и своими высказываниями привлекала внимание всех сотрудников этой части второго этажа. Там, как и сейчас, были помещения дирекции: канцелярия, кадры, первый отдел, кабинеты зам. директоров Ю.П. Псковского с ученым секретарем Л.Н. Бондаренко и Ю.В. Боброва. Это нарушало обычно спокойную жизнь ГАИШ, особенно подразделений небесных механиков, комнаты которых как раз находятся в той же части этажа. Гравиметристы и астрометристы, базирующиеся на первом и цокольном этажах, обычно узнавали об этом из красочных рассказов присутствовавших при сём сотрудников. Отделы астрометрии, гравиметрии и службы

времени всегда были спокойны и демаршей не устраивали, предпочитали решать вопросы в рабочем порядке.

К месту, я вспоминаю случай, который мне рассказал Саша Бугаевский: Как-то Анна Борисовна, в пору, когда ей было около пятидесяти, громогласно заявила, что как только наступит ее возраст выхода на пенсию, она тут же освободит свое место для какого-нибудь молодого выпускника астрономического отделения. Я с определенным интересом стал ждать этого момента, т.к. с приемом на работу молодых специалистов всегда была напряженка. Ну, вы догадываетесь, а может быть, и знаете, что место освободилось только с уходом АБ в мир иной на 84 году жизни, т.е. спустя почти тридцать лет от оговоренного срока.

Поймите меня правильно, я был и тогда, тем более, сейчас, совсем не против, чтобы работать пока хватает сил, хоть до гробовой доски, как говорится. Мне просто было интересно, как принципиальная в своих оценках, высказываниях и критике Анна Борисовна выполнит свое опрометчивое заявление, тем более приправленное заботой о молодежи. Не случилось, принципиальность и поучения у нее оказались для других, а она (мы) вне правил. Повторюсь, мне кажется, АБ сильно влияла на своего мужа — Александра Сергеевича Шарова, хотя он и пользовался другими методами доведения своего «правильного» мнения до начальства.

Ничего не сделали ни Александр Сергеевич, ни Анна Борисовна и чтобы помочь своему студенту-выпускнику Грише Пустовойту при поступлении в аспирантуру. А случай был как раз подходящий для проявления своей гражданской позиции. На одном из комсомольских собраний в конце 1973 года, а может быть, и в начале 1974-го, обсуждалось персональное дело одного из наших студентов, Тихонова Юрия, и Гриша, уже рекомендованный в аспирантуру, прошедший все инстанции (группа, кафедра, бюро ВЛКСМ ГАИШ, комитет ВЛКСМ физфака, партком физфака, деканат — возможно, что-то пропустил), решил выступить в его защиту. Юра был из его группы и, естественно, он и хорошо его знал, и проступок был ему известен из первых рук. Персональное дело

Гриша Пустовойт в походе, справа сверху — Юра Тихонов

состояло в том, что ребята группы решили отметить завершение обучения и сдачу госэкзамена. Пошли в «Пекин» и, кажется, хорошо выпили. В метро Юру задержали и сообщили на факультет. На собрании присутствовал и выступал представитель комитета комсомола физфака В. Розанов. Он огласил негативное отношение к фигуранту факультетского комитета комсомола. Предполагалось решение с осуждением поступка, а получилось наоборот. Собрание поддержало Гришу, и осуждение не состоялось. Всё-таки ГАИШ в таких случаях зачастую был справедлив и старался разобраться в сути дела. Для Гриши же дело закончилось плохо — отзывом комсомольской характеристики с рекомендацией в аспирантуру и сломанной судьбой. Впоследствии он был принят на работу на геологический факультет и стал кандидатом геолого-минералогических наук. Может быть, сейчас и доктором, не знаю, с тех пор его не видел. Тихонов же тоже не пропал, защитил кандидатскую диссертацию по техническим наукам и стал ведущим специалистом Газпрома по прокачке нефти. К сожалению, Юра умер в 1996 году, а то, по словам учившегося в той же группе Алексея Расторгуева, наверняка занял бы в компании одну из крупных должностей. Кстати, также в Газпроме до последнего времени работал уже мой сокурсник Толя Арабский и занимал должность заместителя главного инженера по научно-технической работе и экологии ООО «Газпром добыча Ямбург». Опять же, как пересекаются наши пути, как мы близки друг другу.

251

Но вернусь в институт: а где же была «совесть ГАИШ»? Ее это не тронуло. Студент шестого курса и получивший рекомендацию в аспирантуру, Гриша Пустовойт не входил в сферу их интересов, хоть он и был из отдела Солнца Григория Федоровича Ситника, где работала и Анна Борисовна Делоне.

Где была моя совесть? Да там же, где у тех, кто отказывал Гавриилу Сергеевичу Хромову в поддержке при его «борьбе» с академиками и Академией, не разделял его видения развития астрономии в нашей стране и мире, и в других случаях его «заносов».

Я сказал Грише:

— Дурак! Думать надо было перед тем, как бросаться в борьбу с заведомо известным концом. Отчислить его бы не отчислили, так как и диплом защищен, и госэкзамен сдан, а дали бы выговор, и, кстати, умнее будет. А тебе будет, похоже, плохо.

Так и случилось.

Я употребил выше фразу «отказывал в поддержке». Да нет, пожалуй. Сейчас мне пришла аналогия с действиями Вооруженных сил Украины (ВСУ) в нашей спецоперации на Украине, использующих мирное население в качестве «живого щита». По крайней мере, в случае Гавриила Сергеевича так было, когда он организовал письмо с критикой действий Астросовета по развитию космической геодезии, выставив своим щитом или взяв в заложники, как кому нравится, Аксенова, Буланже и Яцкива.

252 ВСУ же взяли такую тактику на вооружение, видимо, от ближневосточных террористов, использовавших в подобных случаях оружие женщин с детьми. Прагматичнее в подобных случаях в Ираке или в Афганистане поступали несущие всем демократию американцы. Они формально предупреждали мирное население о бомбардировке, и «кто не спрятался, я не виноват».

А теперь вспомните, как по-другому поступил Иосиф Самуилович, когда А.Д. Сахаров подsunул ему письмо в поддержку диссидента Любарского, кстати, тоже нашего выпускника 1956 г., и чем это закончилось. Помочь подпись не могла, это Сахаров понимал, но ему самому важно было «светиться». А что Шкловский — он надолго получил статус невыездного, подписав письмо. Шкловский был тем самым подвернувшимся расходным материалом, который можно было, не задумываясь, потратить.

ГАИШ с А.М. Черепашуком счастливо избежал «демократических реформ», но могло случиться и по-другому. Такой несчастный случай произошел в моем институте — ВИНТИ, где я проработал ровно 24 года, когда действительно хорошего директора Петра Владимировича Несте-

рова «демократическая шиза», обвинив его в поддержке ГКЧП, сменила на члена-корреспондента по отделению геологии Ю.М. Арского, пришедшего из Госплана. Возможно, и неплохой администратор, он наломал немало дров в чуждой ему отрасли информатики. Ныне бывший флагман информационного обеспечения в СССР, когда-то национальное достояние, говорю без иронии, влачит жалкое существование при формальном директорстве бывшей сотрудницы планового отдела, т.е. бухгалтера того же ВИНТИ. Министерство науки и образования ломает голову, что с институтом делать — и финансировать не хочется, и закрыть боязно. Сейчас вот собираются объединить с такой же хромой уткой — ИНИОМом, который, в свою очередь, довел до такого же безнадежного состояния другой член академии — академик Ю.С. Пивоваров. Впрочем, не только довел, но и здание института при нем сгорело.

253

Три Нестерова

Первый — Петр Владимирович Нестеров, директор ВИНТИ в 1987–1993 гг. Он был избран директором Института за год до моего прихода. Именно избран, а не назначен, как ранее, во времена советского периода нашей истории. Было начало горбачевской «перестройки», и директоров повсеместно начали избирать. Чем это кончилось — развалом страны. Но подкуп и популистские обещания — это, пожалуй, после прихода Ельцина. До 1990-х гг. все-таки партия еще присматривала за назначением руководителей. Я сам, придя в ВИНТИ и будучи избранным на Ученом совете, ходил потом на «показ» в райком партии Ленинградского района, что в парке на «Речном вокзале». Конечно, страха уже никакого не было, но система худо-бедно всё ещё работала.

Петр Владимирович, получив такой институт, был полон планов и хотел необыкновенных свершений. Но, в отличие от популистов ельцинского «демократического» периода, он знал, что и как делать. Первым делом прошло избрание за-

местителей директора и всех заведующих отделами. Кто-то не прошел, в частности, зам. директора по научной работе к.т.н. Виктор Александрович Быков, который всё же остался заведующим отделом Электротехники. На это его авторитета хватило. К моему приходу Быков был известен как бывший кандидат в директора, не справившийся с ворохом принятых на себя обязательств по руководству Институтом. При нем была введена новая система оплаты нештатных сотрудников, которую все проклинали, но, на мой взгляд, она была неплоха. Вместо подсчета знаков в рефератах были введены три градации: большой реферат, средний и маленький. Тем самым было высвобождено много ставок экономистов отделов, которые занимались до этого подсчетом знаков в рефератах. Помню, что многие стали писать рефераты ни о чем, но с огромным количеством «воды», — это пресекалось понижением оплаты, вплоть до «маленькой».

254 Второй зам. по науке проф. Владимир Владимирович Бондарь прошел переизбрание. Человек он был умный, в конфликты не вступал и сильно курил. Неразбериха у него в кабинете была несусветная, так что, когда Инна Сергеевна привела меня к нему «на показ», правда, уже после вступления в должность, я был изумлен всем этим. Курить Владимир Владимирович бросил после второго инфаркта, что, видимо, все-таки помогло, и он дожил до 88 лет. В какой-то мере он и опекал меня, но и, бывало, подставлял. Без этого трудно было выжить при директорстве Ю.М. Арского. Я описывал один такой случай ранее. Были и другие. Например, в конце 2000-х годов я написал несколько статей с критикой благостного отношения в ВИНТИ к наполнению «Реферативного журнала». Вместо того, чтобы обращать внимание на почти поголовное падение числа статей в выпусках, директор просто каждый год уменьшал план, и, таким образом, выполнение всегда было на уровне 100%. Я даже написал две статьи в «Троицкий вариант», стараясь привлечь внимание научной общественности. Резонанс был огромный, статьи получили более 150 тыс. просмотров и пару сотен комментариев. Не только меня, получается, заботило информационное обес-

печение нашей науки. Не помогло, хотя и были выступления даже на Президиуме ООФИА. Поняв, что плетью обуха не перешибешь, в 2012 году я ушел из ВИНТИ в никуда. Однако, оказалось, что Редколлегия «Акустического журнала» только этого и ждала. Я был принят кафедрой акустики физического факультета МГУ, и начался мой ренессанс. Были начаты работы по внедрению нашей технологии подготовки информационных продуктов для информационного обеспечения акустики, а в дальнейшем и астрономии. Но об этом мною с Алексеем Горшковым написано несколько монографий.

Почуввав неладное с приходом нового директора, третий зам по науке Рустем Бадриевич Сейфуль-Мулюков сам ушел из заместителей директора на руководство иностранным отделом ВИНТИ, оставшись, тем не менее, зав. отделом геологии. А побывав с Арским в заграничной командировке, и вовсе ушел из ВИНТИ. Помню, как он сказал мне: «Неважный человек, я с ним близко пообщался, имей это в виду, если останешься. Кашу с ним не сваришь». Я не отнесся к предостережению серьезно, т.к. и сам Рустем Бадриевич был еще тем соратником, но спустя какое-то время в правильности его предупреждения убедился.

Редкая фамилия у Рустема Бадриевича — Сейфуль-Мулюков, как и другая такая же — Кара-Мурза. Носящие их люди тесно связаны между собой, как говорил один из них: «мы все друг друга знаем».

Я был избран по конкурсу на отдел астрономии в апреле, а осенью началась дополнительная работа по подготовке РЖ Geophysics на английском языке. Оказывается, Петр Владимирович организовал в ужасно сжатые сроки совместное предприятие с английским медиамагнатом Робертом Максвеллом. Был создан редакционный совет, в который вошли нобелевские лауреаты со всего света, т.е., в основном из США, и прошло заседание, на котором было принято решение срочно начать выпускать на английском языке два реферативных журнала — по геофизике и сверхпроводимости. Туда должны были входить рефераты русскоязычных ста-

тей, переведенные на английский язык. Я был назначен обеспечивать выпуск геофизической части проекта, «Сверхпроводимость» была поручена Владимиру Ервандовичу Асрибекову, и.о. зав. отделом физики, совместно с его сотрудником Евгением Пинхасовичем Лихтманом. Интересно проходило мое назначение, интересно со всех сторон. Во-первых, еще до моего прихода проектом «Геофизика» вызвался руководить Р.Б. Сейфуль-Мулюков, во-вторых, меня еще никто не знал, кроме сотрудников моего отдела, в-третьих, я был кандидатом физ.-мат. наук, астрономом, а Сейфуль-Мулюков доктором и, к тому же, геолого-минералогических наук, что казалось ближе к теме.

256

После пары месяцев работы, моей критики технологического процесса подготовки информационных изданий в ВИНТИ на одном из проводившихся совещаний, а также стиля работы как Сейфуль-Мулюкова, так и отдела кадров вместе с плановым отделом и бухгалтерией, меня вызвал П.В. Нестеров и с ходу спросил: «Сумеете руководить проектом?». Это напомнило мне ранние годы установления советской власти, когда руководитель лично и головой отвечал за порученное дело. Можно было отказаться, но я подумал, что это будет лучше, чем выполнять команды человека, который не знает и, главное, не хочет знать, что надо делать, и всегда ищет виноватых вокруг себя. Такое мнение у меня сложилось о Сейфуль-Мулюкове. Впоследствии это подтвердилось и не только уходом его из зам. директоров и с руководства отделом геологии, но и развалом работы иностранного отдела. Я ответил, что согласен.

Свалилась уйма организационной работы. Надо было найти хороших переводчиков по теме, выбирать нужные статьи из потока, поступающего в отделы астрономии, географии и геофизики, геологии и горного дела. Причем здесь астрономия? А отдел выпускал кроме РЖ «Астрономия» еще три журнала: «Геодезия и аэрофотосъемка», «Исследование космического пространства» и «Исследование Земли из космоса». Где искать переводчиков? Тут помогали все: Инна Сергеевна Щербина-Самойлова, знавшая многих, в том

числе и сотрудников Института космических исследований, а там было специальное подразделение отличных переводчиков. Я поговорил с Георгием Михайловичем Рудницким, который свободно разговаривал на английском и французском. Ким Семенович Лосев, зав. отделом географии и геофизики, привел своих. В общем, искали везде и нашли. Нашли еще и потому, что совместное предприятие неплохо платило. Кстати, тут я и познакомился с Тамарой Константиновной Бреус, фрагменты книги которой «Институт» я часто цитирую в книге. В то время эта книга еще не была написана, и я не мог и предположить, что будет такое пересечение. Порекомендовала ее Инна Сергеевна, она же дала «координаты», и я остался доволен и качеством и, что для нас было важно, оперативностью работы. Одной из моих задач было выбивать из неторопливой финансовой структуры ВИНТИ своевременную оплату переводчиков. Своим же сотрудникам Институт обещал оплатить работу после начала функционирования совместного предприятия. Надо же, из головы вылетело, как оно называлось. Мое рвение было связано с желанием оправдать своё «согласие», да и интересом к этому живому делу. А еще Максвелл закупил и передал ВИНТИ огромное количество персональных компьютеров 286-й серии с цветными дисплеями VGA, сканеры и лазерные принтеры. Для 1988 года это был царский подарок. Кроме того, в ВИНТИ было организовано подразделение из программистов, руководимое Александром Викторовичем Башниным, которое должно было обеспечить электронное сопровождение проекта. Именно Башниным было положено начало цифровизации подготовки информационных продуктов ВИНТИ и, в первую очередь, Реферативного журнала.

В результате мы выпустили электронную и печатную версии шести номеров «Geophysics», в то время как опытный и неторопливый Владимир Ервандович с Евгением Пинхасовичем — только один номер «Superconductivity». Проект как начался в быстром темпе, так и закончился.

ВИНТИ меня узнал, и, по-моему, в 1990-м году, помню, что еще до августовских событий 1991 года, я был

избран председателем Месткома ВИНТИ и поддерживал директора.

258 Как произошло это избрание, тоже интересно. На заседании Ученого совета обсуждался вопрос о сокращении сроков подготовки Реферативного журнала. Присутствовал куратор из ГКНТ, а Комитет вместе с Академией наук был руководителем работы ВИНТИ. Я, как человек неопытный в закулисных и чиновничьих делах, что видно по моей работе в ГАИШ, выступил с резкой и конкретной критикой работы администрации. Тут мне помог и мой опыт работы с Максвеллом с его четкой организацией работы в совместном предприятии. В общем, через небольшой срок Наталья Федоровна Чумакова, занимавшая тогда пост председателя Месткома, предложила его мне. Затем был разговор с тогдашним секретарем Парткома Л.Ф. Борисовой. Почему-то я согласился. Меня избрали, меня, всего два года проработавшего в ВИНТИ. Сейчас бы отказался, но тогда казалось, что я новый человек и надо оправдывать принятие на работу в ВИНТИ. Повторилась история с заведованием Астрономическим отделением. Так уж, видимо, я был воспитан своими прежними руководителями, комсомолом и партией — нельзя отказываться от поручений. А в это время «демократическая общественность нашей страны» добилась своего. Грянул август 1991 года, СССР, несмотря на проведенный весной референдум о его сохранении, рухнул, начались гонения на неугодных «демократической» части коллектива, и, поскольку Петр Владимирович поддержал ГКЧП, то те, кого он отстранил от руководства, но оставил в Институте, ему всё припомнили. Радостно ушел из секретарей Парткома ВИНТИ Миловидов, распустив перед этим саму парторганизацию, выплыли наверх деятели департии, и началась травля П.В. Нестерова. В вину ему ставили и выполнение распоряжений ГКЧП, и совместное предприятие, и записываемое в минус увольнение «неугодных», а точнее, неизбранных своим же коллективом. Жалкий и пресмыкавшийся перед Сейфуль-Мулюковым его зам. по отделу геологии Г.В. Кучерук вдруг стал главным крику-

ном и глашатаем. Дело дошло до Президиума Академии наук, которому мы напрямую подчинялись. Состоялось заседание, приглашена была научная общественность в лице наших «демократов» и «обиженных», вел заседание вице-президент академии А.Д. Некипелов. Выступил П.В. Нестеров, дали слово крикунам, и неожиданно для Президиума попросил слова я. Председатель, похоже, был удивлен, и, в отличие от прежних выступавших, которые представляли себя сами, спросил, кто я. Ответил: «Председатель Месткома ВИНТИ и не согласен с односторонним рассмотрением вопроса». В то время все, в том числе и руководство академии, боялись за себя, свои места и обвинений в зажиме гласности. Горбачев еще не ушел, хотя и с ним всё уже было ясно, но... В общем, слово мне дали. Я сказал, что считаю П.В. Нестерова хорошим, требовательным руководителем, наведшим порядок в ВИНТИ, находившемся несколько лет без настоящего руководства. Что выступают «обиженные» им, и обсуждение идет только в одну сторону. Сторонники другого мнения не были приглашены, и я о заседании получил, как сейчас говорят, инсайдерскую информацию. В общем, просил назначить независимую комиссию по проверке работы, а не принимать решение на основании односторонней информации. В одном негативном ключе по отношению к ВИНТИ выступили несколько академиков, и среди них, к моему великому удивлению, А.А. Боярчук. Он в то время был уже главным редактором нашей Объединенной редколлегии после укатившего за границу Р.З. Сагдеева. Александр Алексеевич начал говорить, что хотел бы видеть Реферативный журнал похожим на *Astronomical and Astrophysics Abstracts* и что-то еще несущественное. С чего, почему, ни на одном заседании редколлегии он у нас не был, и проводил их я, как заместитель главного редактора. Инна Сергеевна, бывшая зав. отделом астрономии передо мной, тоже была сильно удивлена, ведь интереса АА к работе отдела никогда не проявлял. Когда я ей это рассказал, её словами были:

— Что это с Сашей, видимо, кто-то его попросил.

Ответа до сих пор нет и, наверное, уже не будет. Я у него об этом не спрашивал, хотя понял, что с ним надо встречаться и не пускать дело его информирования на самотёк. А то найдутся другие советчики.

Президиум решил освободить П.В. Нестерова. Впоследствии вопрос решился подачей заявления по освобождению от директорства по собственному желанию. Травля имела значение для Петра Владимировича не только как директора, но и как человека, который еще за полгода до заседания получил инфаркт. Всё из-за нападок ущемленных, по их мнению, «демократов». Оставили Петра Владимировича главным научным сотрудником, но ставший заместителем директора Семен Моисеевич Резер по требованию нового директора Ю.М. Арского вызвал Петра Владимировича и сказал, что ему лучше уйти, т.к. иначе его уволят по статье как прогульщика — известный «демократический» способ избавляться от неугодных.

260

Через год закончилось мое совмещение заведования отделом с работой на общественных началах председателем Месткома, и я оставил эту должность. Попытка освободить меня от должности председателя досрочно, провалилась, тут уж я уперся и почитал профсоюзный устав. Но сразу же после, на очередной отчетно-выборной конференции не стал переизбираться и вышел из профсоюза, о чем ничуть не жалею, видя, как им руководит Шмаков. Новое руководство российского профсоюза, как и зюгановская коммунистическая партия легко приспособились к изменившимся условиям.

Директором ВИНТИ стал академик Юрий Михайлович Арский, в ту пору член-корреспондент. Он работал зам. министра Салтыкова в правительстве Гайдара, а еще ранее — в Госплане СССР, и некоторое время совмещал обе должности. Я хотел написать о его директорстве, но не могу побороть своего отвращения к этому мерзкому чиновнику. Так что, пока это останется при мне.

Второй Нестеров — это Вилен Валентинович. Он сопровождает меня всю жизнь, начиная с руководства моей кур-

совой работой в пятом-шестом семестрах. Сопровождает не как руководитель, а как пример поведения по жизни, как старший товарищ. Между нами 23 года, он умер в 2000 году, и к моменту выхода этой книги пройдут почти те же 23 года. Я никогда не видел его в особом гневе, никогда не испытывал к нему раздражения, никогда за него не было стыдно. Сам я не такой, бывает, на кого-то сильно злюсь, зачастую раздражаюсь, чего-то не хочу, но делаю. Как пишет Гаврила Сергеевич Хромов в своих дневниках: «Вот ведь вампир истеричный [это я, В. Шамаев] — будь он неладен! Сколько крови он мне попортил, истерик несчастный...». Или: «Бедный Шамаев перетрусил и вообще не явился, хотя и обещал», «В. Шамаев, ..., разочарованный и пришибленный удрал в Среднюю Азию на Майданак. Думаю, что если бы не я, он совсем сложил бы лапки». Но бывало и такое: «Отрадно — время, проведенное с Володей Шамаевым [в Кацивели на РТ-22, где мы пересеклись на отдыхе]. Тот-то хоть чего-то хочет и стремится сделать. ... Сводил его вверх на Кошку, через могилу Шайна».

261

Вилен Валентинович для меня был неформальный руководитель. В то время, когда он стал руководителем отдела астрометрии, я уже перешел на работу в ВИНТИ. Как говорят, ученым секретарем ГАИШ при Мартынове Вилен Валентинович был безалаберным, но в научной работе был четким, обязательным, выполняющим все свои обещания. Невольным образом я ему помог с защитой докторской диссертации. А дело было так. Мы с Николаем Сергеевичем Блиновым через В.В. Подобеда и при его редакторстве договорились с Инной Сергеевной Щербиной-Самойловой об издании 23-го тома «Итогов науки и техники» в серии «Астрономия». Договориться-то договорились, но написали не семь листов, а пять. Это была моя первая большая публикация, и оценить ее объем точно не удалось, да и Николай Сергеевич недобрал до заявленных при заказе листов. Не мне, В.В. Подобеду пришла в голову «гениальная мысль» — отдать «сэкономленный» объем Вилену Валентиновичу, которому эта публикация очень была нужна для защиты докторской диссертации.

Так что, том вышел с тремя авторами, а Вилен Валентинович вскоре защитил диссертацию.

Третий Нестеров — мой однокурсник Коля Нестеров. О нем, как и о Вилене Валентиновиче, я сделал отдельное эссе в первой книге. Коля умер почти сразу за «вторым Нестеровым», т.е. Виленом Валентиновичем. Ему было 55 лет, и он первый, кто умер из нашей группы 1965-го года. Коля был поэт, и я приведу несколько стихотворений, которые вошли во второй сборник его стихов «Звездопад» (первый Коля назвал «Настроение») и не были приведены в моей книге 2019 года. В подборке его стихов я напечатал его описание своей жизни в стихотворении «Монолог попутчика» на стр. 423.

262

Приведу интересный эпизод, случившийся после выхода этого второго сборника. Как-то вечером, уже после смерти Коли, у меня раздается междугородний звонок, и заплетающийся женский голос говорит:

— Какое право вы имели издать книгу моего мужа?

Сначала я не понял, кто это. Пытаюсь выяснить, о какой книге идет речь. Наше издательство к тому времени выпустило довольно много книг. Всегда заключались договора, и вроде бы всё было в порядке.

В ответ:

— Книгу моего мужа Нестерова Николая. Немедленно заплатите мне гонорар, иначе подам в суд, — тут я понял и попытался объяснить, что издательство подготовило и выпустило книгу за свой счет, и у нас есть предоставленная самим автором рукопись книги. Книга распространяется бесплатно по списку, составленному самим Колей. Так что вопрос о гонораре не стоит.

— Нет, я буду подавать в суд.

На том и порешили. Что еще скажешь пьяной вдрызг женщине?

Стихи Коли Нестерова

Пожелание

Чирикать могут все,
Смешные воробьи
Чирикают весной в предчувствии любви.
Петь могут лишь скворцы и соловьи —
Природой это им заложено в крови.
Жить можно триста лет крикливою вороной,
А можно день прожить веселым мотыльком.
Определись, какую коронован ты короной,
И так живи всю жизнь свою потом.

1999.12.24

Руб 1

Вино созрело вновь у нас в громадной бочке.
Вкусив его, мы вновь дойдем до высшей точки.
Когда ты в мой стакан нальешь святую влагу,
Я вновь, как великан, почувствую отвагу.

263

2001.09.25

Антимолитва

О, Господи, за что меня караешь?
Зачем моими чувствами играешь?
Зачем меня в красивых ты влюбляешь.
Затем потом навеки разлучаешь?
И боль моих кровоточащих ран
Ты распалаяешь солью, злой тиран!
Что должен я, бесценное, тебе?
Что ценного ты дал моей судьбе!
Ведь знаем оба мы с тобой прекрасно,
Как часто жизни тратятся напрасно.

06.07.1996

Практикум по астрометрии, 1950 г. В центре — Владимир Владимирович Подобед, слева от него сверху — Кира Сергеевна Мансурова, справа от него сверху — Евгений Александрович Гребеников, ниже — Галина Ивановна Медведева

Вспоминая В.В. Подобеда

Первые впечатления о Владимире Владимировиче мы получили на первом курсе от пришедшего в нашу группу из академического отпуска Юры Дегтярева. Опытный наш товарищ, который научил нас говорить астро́ном, а не астроном, сразу же, в первый же день занятий. Общежитских еще раньше, в общежитии на Ломоносовском, 31, куда мы вселились за несколько дней до 1 сентября. А только после него об этом известила нас Наталья Борисовна Григорьева, читавшая нам по Струве «Общую астрономию». Она же сообщила, что Дмитрия Яковлевича Мартынова все называют ДЯМой. А вот В.В. Подобедом наш Юра пугал группу перед экзаменом по «Сферической астрономии»:

— Вот придет доцент Подобед на экзамен, и всех, кто ему попадется, вынесет. Страшный человек.

Ничего похожего на эту и другие байки нашего условно «старшего» товарища не происходило. На экзамене были лектор дядя Костя и Вилен Валентинович Нестеров. Экзамен мы все сдали хорошо и даже очень хорошо. Да и при Николае Сергеевиче Блинове, сменившем дядю Костю, а потом и при мне, принявшем эту своеобразную эстафету, особых проблем с экзаменом по «Сферической астрономии» никогда не было. Но Юра не сдавался, продолжал стращать, и только Наталья Борисовна Григорьева, почему-то его невзлюбившая, сбила с него весь гонор. Распределившись на астрофизику к В.И. Морозу и не справившись с этим тандемом преподавателей-руководителей, Юра вынужден был уйти на гравиметрию. С этого момента его словно подменили, он стал искать поддержки у других членов группы и даже заискивать. После окончания о его судьбе нам ничего не известно. Правда, недавно Олег Иванов сказал, что ему написала его дочь и даже прислала фотографию полысевшего, но всё же легко узнаваемого нашего товарища-сокурсника. Вроде бы сейчас он где-то в Краснодарском крае. А был Юра из деревушки под Волгоградом — городом, из которого вышли наши известные

выпускники Астрономического отделения Сергей Ламзин и Володя Сурдин.

Впоследствии, распределившись на астрометрию, я ближе познакомился с Владимиром Владимировичем, подружился, и в последние мои годы в ГАИШе мы сидели с ним вместе в 22-й комнате. Нашими соседями были дядя Костя и Николай Пантелеймонович Грушинский. Оба приходили редко. Так что с ВВ мы сидели практически одни и разговаривали на разные темы. Помню, что после того, как я выступил на аттестационной комиссии в защиту Хромова, Владимир Владимирович мне сказал:

— Володя, будьте осторожней, ему не помочь. Он стал персоной нон-грата для ГАИША.

А я думал — как же так. Ведь председатель комиссии Юрий Павлович Псковский. Они же дружили. Выяснилось, что даже для пропитанного духом демократии ГАИША тоже есть пределы, за которые не стоит ходить.

266

Еще один случай о пределах я вспомнил, читая воспоминания Дмитрия Яковлевича. Скорее, Д.Я. мне напомнил и объяснил, что рассказывал сам Подобед и что ему осталось неизвестным.

Как-то мы с ним разговорились о хозработках в ГАИШ, которыми он руководил. Среди участников были И.Н. Глушнев и А.С. Шаров. Вот, говорит, Шаров, инфантильный человек. Я с ним поговорил об определенном участке работы, который относится как раз к тому, чем он занимается. Но нужно было заниматься обработкой наблюдений. Он мне наотрез отказал, не объясняясь. Мол, это его не интересует. Я говорю Мартынову, что единственный подходящий исполнитель категорически отказывается — он, видите ли, занимается чистой наукой. Мартынов мне ответил, что Шаров будет работать, и через несколько дней вызывает меня и говорит, что всё в порядке и можно начинать. Что произошло, так мне и осталось неизвестно, сказал Подобед.

В записях Дмитрия Яковлевича этот случай описывается так. А.С. Шаров ему тоже отказал, пояснив, что это его не интересует, т.к. он такого рода практикой заниматься не собирается и это вне сферы его интересов. Тогда Мартынов

сказал: «Правительство поручило мне эту работу и часть ее я поручаю вам. Будьте добры исполнять. Идите...». Вышел Александр Сергеевич уже исполнителем хоздоговорной работы. Конечно, какие уж тут принципы. Принципы возродились с приходом Е.П. Аксенова на директорство.

Читал ли Владимир Владимирович воспоминания Дмитрия Яковлевича, не знаю, возможно, читал. Он ведь был в хороших отношениях с Ириной Николаевной Глушневой, которая занималась разбором бумаг Дмитрия Яковлевича.

Интересную характеристику В.В. Подобеда дал Альберт Петрович:

— Подобед подобен пушке, которая вращается по кругу, и неизвестно, когда и куда выстрелит.

Со своей стороны я вспоминаю Владимира Владимировича как очень умного, доброго и внимательного ко мне человека, который всегда и советом, и делом приходил при нужде на помощь. Мне очень жалко, что этот большой и сильный человек покинул нас в 73 года, так рано. Подкосила его, конечно, смерть Маргариты Петровны. При ней он мог оставаться большим мальчиком, который всегда найдет и понимание, и утешение, и защиту в своем доме.

267

Астрометристы моего времени

Я также хочу вспомнить гаишевских астрометристов и сотрудников Службы времени, с кем я работал в 1968–1988 гг., когда уже осознавал себя астрометристом.

Д.ф.-м.н. К.А. Куликов — среди студентов 1960–70-х гг. дядя Костя.

Д.ф.-м.н. В.В. Подобед, зав отделом астрометрии.

Д.ф.-м.н. В.В. Нестеров, устроивший мемориал на стене 25-й комнаты из бывших до него заведующих отделом и кафедрой. В какой-то мере это сдвинуло меня на написание серии книг-воспоминаний.

В уже упоминавшейся книге В.Б. Баранова, который, как оказалось, учился вместе с Виленом Валентиновичем на

одном курсе мехмата, я обнаружил вот такой фрагмент, который и привожу.

«На 16 апреля в 13 часов назначена очередная встреча нашего курса. Место встречи стало традиционным: Государственный астрономический институт им. Штернберга (ГАИШ). 43 года со дня окончания МГУ. Из-за простуды опаздываю на два часа. Вход на территорию ГАИШа уже закрыт. Пытаюсь привлечь внимание охраны. Вдоль Университетского проспекта со стороны проспекта Вернадского движется какой-то старец. По мере его приближения узнаю Женю Лефферова, когда-то нашего лучшего вратаря. Уже несколько лет он не играет, поскольку перенес инсульт.

— Привет, Женя. Как здоровье?

— Неважно, — грустно отвечает он — не вылезаю из больницы. У меня обнаружили рак крови...

Ошарашенный, пытаюсь как-то приободрить. Получается неловко... Нас заметили и пропускают на территорию ГАИШа. Поднимаемся на второй этаж к конференц-залу. Неожиданно передо мной появляется Дима Курт.

— Тебе известна ужасная новость, что сегодня ночью скончался Вилен Нестеров? — выпаливает он.

Из конференц-зала доносятся звуки расстроенного фортепиано, голоса поющих туристические песни однокурсников...

С Виленом меня связывают самые теплые воспоминания. Познакомились мы с ним на первом курсе во время шахматных баталий. Вместе с романтиком от шахмат и кристально честной личностью Володей Смирновым он учился в одной группе астрономов, которая тогда была на механико-математическом факультет. Они дружили, а я всегда с большим уважением относился к студентам-астрономам, поскольку уже с первого курса астрономы были влюблены в свою будущую профессию. Мы вместе выступали за сборную мехмата по шахматам, после лекций «гоняли» в блиц, а в перерывах между лекциями, сидя на подоконнике старого здания МГУ на Манежной, играли в шахматы вслепую. Володя трагически погиб на втором курсе (утонул в реке Ли-

лупе), а мы с Виленом продолжали дружить студенческой дружбой. Два раза выступили в самодеятельности (он аккомпанировал мне «Романс» Бетховена для скрипки). Вилен блестяще играл в преферанс и был одним из лучших игроков по бриджу. К сожалению, последние годы мы с ним встречались редко. Он был заведующим отделом астрометрии ГАИШ».

Продолжаю перечисление: д.ф.-м.н. Л.В. Рыхлова, д.ф.-м.н. Н.С. Сидоренков, д.ф.-м.н. Г.П. Пильник, д.ф.-м.н. Н.С. Блинов, д.ф.-м.н. А.П. Гуляев, д.ф.-м.н. К.В. Куимов, д.ф.-м.н. Ю.А. Шокин, к.ф.-м.н. Л.М. Хоммик, к.ф.-м.н. Ю.И. Продан, к.ф.-м.н. Н.Н. Кабаева, О.Д. Козина, к.ф.-м.н. А.Г. Оборнева, к.ф.-м.н. В.Г. Таубер, к.ф.-м.н. В.Э. Брандт, к.ф.-м.н. Е.Н. Федосеев, Н.П. Ефремова, К.Г. Белелин, К.Г. Ситник, к.ф.-м.н. И.М. Калинина, к.ф.-м.н. Г.В. Романова, к.ф.-м.н. Л.П. Грибко, к.ф.-м.н. Д.Н. Пономарев, к.ф.-м.н. М.И. Малышев, к.ф.-м.н. Б.А. Головкин, О.Д. Соловьева, Е.А. Турова, к.ф.-м.н. А.А. Волчков, с женой Галей Гуцало, Костя Щиголев, Н.М. Евстигнеева, к.ф.-м.н. Б.С. Воздвиженский, Володя Елисеев, и на Пресне ст. лаборантка Вера Коробова.

«Возлюби ближнего». **Из бесед с А.А. Гурштейном**

Разговор по Скайпу.

ГАИШ, по словам Александра Ароновича, дал послевоенному Пулкову двух великолепнейших астрометристов: академика А.А. Михайлова и чл.-корр. М.С. Зверева. На астрометрии остался В.В. Подобед, который, несмотря на то, что был заместителем тогдашнего директора ГАИШ профессора Б.В. Кукаркина, не стал лидером, который бы ее [астрометрию] поддерживал на высоком уровне.

Я ему ответил, что в борьбе Кукаркина с Подобедом или Подобеда с Кукаркиным, кому как нравится, проиграли оба. Он согласился и сказал, что В.В. Подобед в результате был «подстрелен» и уже не смог играть ведущую роль — стал

осторожен даже в своих высказываниях. Да, как и Хромов, в борьбу Подобед вошел, будучи кандидатом наук. В результате потом долго не мог защититься. Защитился, конечно, но в ГАИШе побоялся, а в Пулково был провален, и лишь со второй попытки, с великодушной помощью того же Б.В. Кукаркина, защита прошла удачно. В сущности, это было изложение монографии Владимира Владимировича «Фундаментальная астрометрия». После защиты вышло второе издание. Замечательная книга, редактором которой был мой будущий руководитель Альберт Петрович Гуляев. Завоевать минутное расположение Б.В. Кукаркина Владимиру Владимировичу помогла Маргарита Петровна, профессиональный психолог и жена Владимира Владимировича. Выбрав удобный момент, Владимир Владимирович попросил у Кукаркина помощи в этом деле, т.е. защите по книге, и тот положительно переговорил с Елютиным, в то время министром науки.

270 Говорили мы с Александром Ароновичем и о фрагменте из его книги, который я привел в своей. Он касался утверждения результатов защиты его кандидатской диссертации на физфаке, что было в 60-е годы. Собственно, после этого сражения физфак и передал полномочия утверждения диссертаций самому ГАИШу. Чего только не бывает, если недооцениваешь противника. А ведь здесь против могучего факультета и его еще более могучего декана Василия Степановича Фурсова выступал только-только защитившийся и попавший на утверждение Ученому совету факультета кандидат в кандидаты наук А.А. Гурштейн. И физфак, и Василий Степанович лично проиграли. Мнение Дмитрия Яковлевича Мартынова и на защиту, и на дискуссию на Ученом совете физфака вы уже прочитали.

Подобное случилось и с директором ИКИ АН СССР академиком Р.З. Сагдеевым. Этот эпизод тоже подробно описан Александром Ароновичем Гурштейном в его нашумевших воспоминаниях. ААГ сумел не только защитить докторскую диссертацию, не только на своих условиях перейти из Института космических исследований в Институт истории ес-

Однокурсники Василий Степанович Фурсов и Сергей Павлович Стрелков, конец 1950-х гг.

тествознания и техники АН СССР (ИИЕиТ), но и, перебравшись в Америку, остановить Роальда Зиннуровича на пути к престижной международной премии. Он в журнале *Sky & Telescope* в нужный момент дал нестандартную, но вполне объективную характеристику бывшему своему руководителю. Статья приведена мною ранее, и вы ее, наверное, уже прочитали. Из тех уже немногих, кто знал Р.З. Сагдеева и которым я ее показал, несогласных с данной характеристикой не было.

Ну а третий случай произошел уже со мной. Директор ВИНТИ академик Ю.М. Арский на седьмом десятке, да, кажется, чуть раньше, в общем — «седина в бороду, а бес в ребро» — влюбился в относительно молодую сотрудницу института. Как у Н.В. Гоголя в «Мертвых душах», сыграл «мышинного жеребчика». Не он первый, не он и последний, надеюсь. На память сразу приходят академики Несмеянов и Семенов. Сначала он катал ее по заграницам, а потом решил сделать доктором наук — и сделал же. Однако, на этом, обирая идеи и наработки с научной части института, не учел, что не все с этим согласны. В результате оба потеряли работу. Он перестал на старости лет быть директором, а она была уволена по окончании трудового договора. Помнящих эти и другие события последней четверти века в ВИНТИ при Ю.М. Арском, конечно больше. Это и директор ПИК ВИНТИ Родионов, зам. директора Яшукова, Быков, Татаринов и Фрид, живы, надеюсь, ещё и Потапов с Дудиным, с кем я тогда работал; вернулся снова в институт Сюнтюренко. Если надумают, то пусть расскажут сами, но я пока об этом рассказывать не буду. Как говорит Николай Николаевич Самусь — «не пришло еще время».

Давно уже нет Василия Степановича Фурсова, давно нет и Дмитрия Яковлевича, недавно ушел из жизни и Александр Аронович Гурштейн. Нет и многих других участников тех драматических событий с физфака и Института космических исследований, но память о тех событиях жива. Роальд Зиннурович Сагдеев и Юрий Михайлович Арский пока живы. Роальду Зиннуровичу на сегодня 89 лет. Он обосновался в

США, у него всё в порядке, обрел третью родину. Счастливы ли? Наверное, для него это уже не столь важно. Юрий Михайлович тоже пока жив, и заботы у него теперь совсем другие, ему 85 лет. Академики живут долго, и слава богу. Не замечали?

Возвращаясь к защите Гурштейна. Оказывается, Владимир Владимирович Подобед не только из доброго отношения к Александру Ароновичу так активно включился в борьбу за утверждение его защиты на физфаке. Он был и сильно заинтересован в ее успешном завершении. Именно Владимир Владимирович был руководителем ААГ по диссертации, а успешная защита была ему нужна еще и для получения профессорского звания. В дальнейшем у Подобеда было много защитившихся, т.к. только К.А. Куликов и он имели соответствующее разрешение на руководство аспирантами и соискателями. Уже сильно позднее к ним присоединились двое других — А.П. Гуляев с В.В. Нестеровым.

273

В переписке с А.А. Гурштейном.

«Насчет совместной книги. Я сейчас читаю воспоминания Г. Хромова (его жена дала их мне), чтобы погрузиться в то время и, может быть, повспоминаю сам что-нибудь. Думаю, что за лето это удастся выполнить, Осенью же, если Вы не возражаете, вернемся к Проекту. Книга может быть удачной, т.к. мы на одни и те же события смотрим всё-таки разновозрастными глазами».

Это из нашей с ним переписки 2019 года. Совместной книги не получилось. Я не стал ждать, когда же у Александра Ароновича появится время и появится ли, учитывая его возраст. Свою же книгу он выпустил, а мою успел-таки прочитать и выразить свое мнение, которое приведено ранее.

Александр Аронович Гурштейн скончался 3 апреля 2020 года в возрасте 83 лет.

Основные сооружения главной вершины Майданака

МАЙДАНАК

О тдушиной для меня в годы работы заместителем заведующего Астрономическим отделением были поездки на наблюдения в Высокогорную Среднеазиатскую экспедицию ГАИШ на Майданак, куда мы с Альбертом Петровичем Гуляевым сначала перевезли меридианный круг Репсольда Краснопресненской обсерватории, а затем и установили. Альберту Петровичу было пятьдесят лет, а Репсольду — 150. Целая эпопея вместилась в эти несколько строк.

С этим меридианным кругом связано у меня много впечатлений, но и мороки. Выбор места установки его на Майданак, разборка инструмента в Москве и перевозка по железной дороге (три дня) в Китаб, а затем на гору. Перевоска на машине мраморной плиты основания инструмента и его столбов также в Китаб и на гору. Рытье трехметровой глубины котлована под фундамент инструмента. Заливка фундамента павильона, выкладка кирпичом фундамента самого меридианного круга и коллиматорных столбов. Укладка плиты на свинцовые диски (по предложению В.В. Подобеда). Установка двух столбов северной и южной

Я, Альберт Петрович Гуляев и однокурсник С.Б., 1978 г.

мир (метр в основании и два метра в длину каждый) на сто-метровом расстоянии от инструмента. Переговоры о нанесении новых делений на разделенный круг инструмента взамен почти стершихся с Николаевской обсерваторией, где ГАО АН СССР было организовано единственное место в Союзе по нанесению делений на астрономические разделенные круги, снятие разделенного круга с Репсольда и перевоз его в Николаев для обновления штрихов на полоске из серебра примерно в сантиметр по всей окружности, возврат в Москву. Перевозка в Кишинев павильона для инструмента, изготовленного в мастерской на Красной Пресне под руководством зав. Краснопресненской мастерской Леонида Андреевича Зубова, сборка павильона и инструмента вместе с ним же на Майданаке и многое-многое другое. Леониду Андреевичу было в то время сильно за шестьдесят, но он ездил и установил с нами свой павильон на Майданаке. Попутно он рассказывал, как был в экспедиции на Шпицбергене, откуда привез «Волгу» в люксовом исполнении с хромированными молдингами и оленем.

277

На следующий год после установки, когда начали наблюдения, Боря Головкич вдруг заметил, что на серебряном ободе разделенного круга по всей поверхности появилось множество различного размера точек, которые возникли неизвестным образом уже после деления и шлифовки круга в Николаеве и которые мешали автоматическому считыванию показаний. А ведь именно для автоматизации Борей была разработана и создана «в металле» измерительная машина. Опять сняли разделенный круг, привезли уже на самолете его в Москву, договорились с Николаевым, двинулись с Альбертом Петровичем Гуляевым поездом на Николаевскую обсерваторию. Отшлифовали. Что произошло за год — непонятно, возможно, появление «точечек» связано с асфальтированием проходящей метраж в пятидесяти от инструмента дороги на гору или сваркой, которую активно использовали при установке подставок для коллиматоров. Опять перевезли поездом в Москву, опять самолетом в Среднюю Азию, опять установка на инструмент. В течение не-

скольких последующих лет разделенный круг вел себя стабильно, шлифовать больше не понадобилось. Боря провел наблюдения склонений в высокогорных условиях, защитился. В 2015 году, увы, Бориса Анатольевича Головки, моего однокурсника, не стало. Еще раньше не стало и Вити Таубера, также помогавшего в установке инструмента. О Вите я писал в первой книге.

278 Время, связанное с Майданакон, оставило много впечатлений. Вспомню руководителя экспедиции Сергея Борисовича Новикова, его московских заместителей: Бориса Павловича Артамонова и Сашу Овчинникова, заместителей по Китабу Шамяля Юсуповича Абдулхайрова, Женю Москаленко, Александра Ивановича Кудинова, Валеру Кравцова, Сережу Гладышева, Васю Бруевича, Валеру Попова, Володю Шульгу, Олега Митина, Марину Широкову, Олега Илларионовича Бугаенко. С теплотой вспоминаю лунника из отдела В.В. Шевченко Сергея Иванова, с которым мы часто вместе летали туда. Руководителей стройотрядов Витю Корнилова вместе с Валерой Сидоренковым и Сашу Барабанова, механиков из ГАИШ Виктора Васильевича Волкова и Гену Малышева, который однажды зимовал на Горе один, сохранял строения и оборудование, и сумел после зимовки оставить гору грязных тарелок, т.к. каждый день «кушал» из новой тарелки. Эстет!

Помню визуально местных сварщиков, водителей, рабочих, помню, как часто менялись повара. Да и повара-то они были с неизменной приставкой «горе-». ГАИШ первый установил на горе Цейсс-600 (60-см) в самодельном павильоне, литовцы чуть позже — Цейсс-600 и Цейсс-1000, уже в настоящем павильоне с вращающейся башней. Они, в отличие от нас, закрепили в Узбекской ССР за собой землю и всё оборудование на ней. Пользуются до сих пор, а наши ребята, которые, в сущности, и выстроили эту обсерваторию, теперь ездят как гости на совместные наблюдения с сотрудниками узбекского Астрономического института, директором которого стал наш выпускник 1977 года Шухрат Эгамбердиев.

Боря Головки и Витя Таубер

Литовская обсерватория

Помню, что привозил много книг из командировок в Экспедицию. В книжных магазинах Самарканда, Китаба было много классики на русском языке местных издательств — из узбекского народа эти книги мало кто покупал. Там же в тридцать лет перечитал «Анну Каренину» и поразился таланту Льва Толстого. Не «проходить» в школе, а в зрелом возрасте надо его читать. Помню, как мы с Сергеем Ивановым и несколькими студентами, которые были на производственной практике, ходили в мае под гору на луг за грибами, возле узбекского селения из нескольких домов. Луг был усеян шампиньонами, которых местные не употребляли, не знаю уж почему. Усеян не только грибами, а и ноздреватыми камнями, похожими на взеземные. Набрали и грибов прорву, и камней. Один, кажется, у меня сохранился, а несколько раздал, сказав, что метеориты. А может, и правда?

Руками ловили рыбу в зарослях травы в речке по пути на Гору. Ходили купаться в ручье, протекающем в ущелье под нашей горой, и на озеро под основной вершиной. Вода холоднющая-холоднющая и чистая-чистая. Дорога длинная-длинная, пока вернешься к себе, хоть снова иди. Перепад высот будь здоров!

С Альбертом Петровичем ходили на противоположный край ущелья, где протекал тот самый ручей, устанавливали лазерную мишу из уголкового отражателя. Ночью подсвечивали её (мишу) мощным лазером, пытались ввести новую методику контроля нашего Репсольда. Ходил я туда и один — и ставить, и снимать её. Одному было страшно, но красиво. Минимализм природы: синее-синее небо, яркое солнце, выжженная земля с колючей травой, заросли арчи, ручей с порогами и чистой водой и огромный перепад высот в ущелье с крутыми-крутыми склонами, все в огромных камнях. На всё про всё около пяти часов времени. Без остановок и передышки. Новикова или Овчинникова уведомял похода. Олега Митина ругал за нарушение техники безопасности, а самому, значит, можно было. Питались, в основном, так себе. Иногда, при отсутствии повара, готовили сами на всех. Был как-то осенью

Высокогорное озеро под основной вершиной Майданака.
Купаться спустились военнослужащие

такой период, мы готовили на переменку с Наташей Ахундовой (Липуновой).

Помню, как приезжали на Гору Эдвард Владимирович Кононович со своей сотрудницей Олей Смирновой — искали место для установки солнечных инструментов, Коля Шакура со своей дипломницей Олей Медведевой — посмотреть на объекты, физику которых он объяснял в своих теориях. Как-то зимой внезапно для нас, но не для Новикова, прилетел космонавт В. Джанибеков. Дали ему потом валенки, когда ходили по горе. А так, сначала он был просто в своей лётной форме. В голубой шинели. Интересно бы послушать об этом Бориса Павловича Артамонова.

Помню десант из ГАИШа, руководимый Сашей Овчинниковым. Рыли котлован под АЗТ-22 и варили целый лес арматуры для фундамента. На горе был развернут бетонный узел, чтобы не возить бетон издалека. Саша Овчинников говорил, мои слова подтвердят те, кто его знает:

— Наш бетонный узел — лучший в Узбекистане. Уж мне поверьте.

Пафос он любил и умел вовремя «завернуть».

Зачастую он употреблял фразы из военного лексикона, типа:

— Я эту идею разработал.

Или:

— Мы проделали это в «оперативном режиме», — хорошо и убедительно звучит. Живо представляю его в разработке концепции и конструкции ИСЗ «Ломоносов».

Параллельно с отрядом приехал Лёва Савров. Мне казалось, что ему, гравиметристу, тут делать? — гравиметров-то нет.

— Лев, а вы что здесь делаете?

— Да в отряд записался мой сын, а мне интересно, что он тут будет делать, но и тревожно. Ты же знаешь Овчину. Он на всё способен. Надо подстраховать.

Действительно, Сашка Овчинников, который был командиром отряда, способен на самые неожиданные и рискованные действия. Например, как-то он решил забетонировать

Космонавт Джанибеков (в центре) в Майданакской высокогорной экспедиции ГАИШ

Закладка фундамента АЗТ-22

дорожку от жилого домика до павильона — метров пятьдесят. На самом деле, безлунной ночью, прыгая по камням, ходить было неудобно, и кто-то подвернул ногу. Решено, надо сделать. Убрали камни, выровняли землю и начали засыпать гравием. Метров на десять не хватило. Саша принял решение — колоть камни, чтобы этот гравий получить. Ругались, кололи, дорожку забетонировали, а по краям провели широкие белые полосы, чтобы ночью было не свалиться. Блеск! Но не всегда было так удачно. Я уже описывал, как перевозили людей просто стоя, и это три часа. Ужас! А вот еще. В зимнее время решили утеплить кузов под тентом ГАЗ-66. Сварили трубу по периметру кузова и подсоединили ее к выхлопной трубе. Поехали, все хорошо, труба греет, в кузове нормально, обсуждаем хорошую идею, но начинаем чувствовать газы. Хорошо, вовремя спохватились, а то бы привезли нас как узников камер Дахау.

286 Немного отвлекся. Будем считать, что ранее нажал на гиперссылку. Вернусь в основное русло и дополню рассказ фотографиями. О Майданаке можно говорить долго, но я там не основное действующее лицо.

Александр Овчинников (справа)

Майданакская экспедиция в начальный период

АЗТ-22, начало строительства

Установка купола на АЗТ-22

Меридианный круг Репсоляда на Майданаке

Разгрузка столбов меридианного круга Репсольда

Павильон меридианного круга Репсольда и домик наблюдателей

Универсальный инструмент для летней практики студентов
на Майданаке

Космонавт Джанибеков с сотрудниками экспедиции

Отдел астрономии ВИНТИ, 1970-е гг.

Слева направо в 1-м ряду:

Сосонкина Маргарита, Щербина-Самойлова Инна Сергеевна,
Радлова Лидия Николаевна, Ефанов Лев Гаврилович.

Слева направо во 2-м ряду:

?, ? Анита Васильевна, Рукавишникова Наталья Алексеевна,
Сенцова Юлия, Козлова Инна, Запольская Татьяна, Залкин
Татьяна Арьевна, Садовская Татьяна, Бучнева Людмила, ?,
Седякина Анна, Крудышева Татьяна

ВИНИТИ РАН

297

В первой книге в названии присутствуют два института — ГАИШ и ИНАСАН, который в описываемые моменты назывался Астросоветом АН СССР. В этой книге есть раздел о ВИНТИ, но его нет в названии. Оплошности здесь никакой нет. Я пишу об этом институте в основном в связи с ГАИШ и его сотрудниками, а также с физфаком и его выпускниками, которые работали в ВИНТИ как штатно, так и нештатно. Многих из них приняла на работу Инна Сергеевна, многих и я, ведь история ВИНТИ долгая, и суммарно мы с ней проработали в ВИНТИ АН СССР, а потом РАН — полвека, разделив этот промежуток руководства отделом астрономии поровну.

Во Всесоюзном институте научной и технической информации я проработал с 1978 по 2012 годы. Сначала нештатным сотрудником — редактором раздела «Астрометрия», а с 1988 года пришел после ГАИШа на заведование отделом астрономии, который по возрасту покидала И.С. Щербина-Самойлова. Она не ушла, осталась ведущим научным сотрудником, и все время мне помогала. В 1992 году ВИНТИ стал

Всероссийским. СССР прекратил свое существование — Союз развалили. Кто? Горбачев, Ельцин, американцы, коллективный Запад — это для историков и политологов. Мне — жаль!

298 Таким образом, с ВИНТИ у меня связано полжизни в работе. Было и хорошее, и плохое. К лучшему отношу работу в отделе астрономии с его прекрасными сотрудниками, большую часть которых я же и принимал на работу. Когда я уходил, только Анна Николаевна Седякина не была принята мной. Она из моей астрономической группы физфака, но пришла в ВИНТИ в 1971 г. сразу после окончания МГУ, и этому способствовал Петр Григорьевич Куликовский. Он просил Инну Сергеевну принять ее как молодого специалиста по распределению. В разное время в отделе работали выпускники астрономического отделения: Лидия Николаевна Радлова, Юлия Евгеньевна Сенцова, Нина (Инна) Алексеевна Козлова, Таня Запольская, Женя Ермаков, Андрей Жаров, Лена Ерохина, Женя Трунковский, Оля Дурлевич, Ира Розгачева, Оля Гуляева, Оля Батурина, Оля Старцева, Света Шершкина, Оля Филиппова. Надеюсь, что вспомнил всех.

В «до мою» эпоху Инна Сергеевна устраивала банкеты по поводу очередного пятилетия существования отдела Астрономии, геодезии и космических исследований. Штатным и нештатным сотрудникам раздавались цветные бейджики: красные — астрономам, т.е. участвующим в работе РЖ 51 «Астрономия», синие — геодезистам (РЖ 52 «Геодезия и аэросъемка»), зеленые — космическим исследованиям (РЖ 62 «Исследование космического пространства»). Несколько человек получают двухцветные бейджики, один — трехцветный — вручен А.А. Гурштейну. Он отметил во всех трех выпусках.

При мне ежегодно мы устраивали встречу со всеми нашими сотрудниками штатного и нештатного состава на Старый Новый год. Обычно это происходило в комнате 1222 за длинным столом. Собиралось человек двадцать. Любила приходить Валентина Михайловна Чепурова, принося атмосферу ГАИШ. Как я помню, без Валентины Михайловны не

Банкет в ресторане гостиницы «Москва» по случаю четверть-векового юбилея отдела астрономии ВИНТИ. Слева направо: Алла Генриховна Масевич, Ян Львович Зиман, Лидия Николаевна Радлова, Кирилл Федорович Огородников и Инна Сергеевна Щербина-Самойлова

проходило ни одно празднование и в ГАИШе. Она была и есть чем-то вроде символа незыбленности традиции любых встреч. Отмечали ли в ГАИШе праздники, дни рождения, поминки, помолвки, женитьбы — всегда можно было увидеть слегка озабоченную Валентину Михайловну. Когда я параллельно руководил и отделом физики, то часть их сотрудников — Саша Бакулев, Таня Гарденина, Инна Михайловна Брисова — тоже любили приходить к нам. Говорили: «у астрономов всегда весело и празднично». К Старому Новому году всегда готовились, составляли план торжества, готовили конкурсы и викторины. Особенно любили этим заниматься Оля Гуляева, Аня Седякина, Оля Старцева. Другие тоже старались их поддерживать чем могли: выступлениями, шутками, тостами, да и просто присутствием. Насколько я помню, все старались не пропускать этого события, а нештатники заранее спрашивали: «будет ли?». «Будет, конечно, будет», — отвечали мы. И ни разу не обманули ожиданий.

Возвращаясь ко всему ВИНТИ, могу вспомнить и с удовольствием перечислить сотрудников, которые, на мой взгляд, внесли значительный вклад в его становление как центра научно-информационной работы СССР. Я постарался всех их внести на страницу ВИНТИ в Википедии и с удовольствием приведу здесь. Были и другие, но я ограничусь списком, который нравится мне и, соответственно, отражает мои предпочтения. Эти предпочтения связаны с физико-математическими науками, но и не только.

Алфимов, Михаил Владимирович — академик-химик, после ВИНТИ президент РФФИ;

Белоногов, Герольд Георгиевич — лингвист, создатель переводчика RETRANS;

Богораз, Лариса Иосифовна — просто известная фигура;

Бондарь, Владимир Владимирович — химик, зам. директора ВИНТИ в мое время;

Борщев, Владимир Борисович — лингвист;

Боярчук, Александр Алексеевич — академик, главный редактор РЖ «Астрономия»;

Буковский, Владимир Константинович — просто известная фигура;

Бункин, Фёдор Васильевич — академик, зав. отделом физики;

Гамкрелидзе, Реваз Валерианович — академик, главный редактор РЖ «Математика»;

Гиляревский, Руджеро Сергеевич — лингвист, информатик, профессор факультета журналистики МГУ, один из авторов культовой монографии «Основы информатики»;

Голубева, Валентина Алексеевна — сотрудница отдела математики, профессор;

Гуляев, Альберт Петрович — штатный сотрудник отдела астрономии, ГАИШ;

Дорфман, Яков Григорьевич — академик, штатный сотрудник отдела математики;

Есенин-Вольпин, Александр Сергеевич — просто известная фигура;

Кадомцев, Борис Борисович — академик, главный редактор РЖ «Физика»;

Крашенинникова Наталья Леонидовна — зав. отделом механики;

Куликовский, Пётр Григорьевич — штатный сотрудник отдела астрономии, ГАИШ;

Лосев, Ким Семёнович — зав. отделом геофизики;

Михайлов Александр Иванович — директор ВИНТИ 1956–1986 гг., один из авторов культовой монографии «Основы информатики»;

Михайлов, Глеб Константинович — зав. отделом механики;

Нестеров Петр Владимирович — директор ВИНТИ 1987–1993 гг.;

Огородников, Кирилл Фёдорович — главный редактор РЖ «Астрономия» с 1953 года;

Панов Дмитрий Юрьевич — директор ВИНТИ 1952–1956 гг.;

- 302
- Пеллинен, Леонард Павлович — научный редактор РЖ «Геодезия и аэрофотосъемка»;
- Полюсук, Юлий Андреевич — лингвист, компьютерщик;
- Радлова, Лидия Николаевна — ученый секретарь РЖ «Астрономия», старейший сотрудник;
- Рахилина, Екатерина Владимировна — лингвист;
- Сагдеев, Роальд Зиннурович — академик, главный редактор РЖ «Астрономия»;
- Седякина Анна Николаевна — старейший на сегодня сотрудник отдела астрономии ВИНТИ, с 1971 г.;
- Стругацкий, Аркадий Натанович — старший из Братьев Стругацких;
- Трибуц, Владимир Филиппович — зам. директора, адмирал;
- Финн, Виктор Константинович — лингвист;
- Хромов, Гавриил Сергеевич — зав. отделом астрономии;
- Чёрный, Аркадий Иванович — информатик, один из авторов культовой монографии «Основы информатики»;
- Шевченко, Владислав Владимирович — нештатный сотрудник отдела астрономии, ГАИШ;
- Шингарева, Кира Борисовна — нештатный сотрудник отдела астрономии, МИИГАиК;
- Шпольский, Эдуард Владимирович — академик, главный редактор РЖ «Физика»;
- Шустов Борис Михайлович — член-корреспондент, главный редактор РЖ «Астрономия»;
- Щербина-Самойлова, Инна Сергеевна — зав. отделом астрономии с 1953 г.

По случаю 90-летия Руджеро Сергеевича Гиляревского в 2019 году, по просьбе директора ВИНТИ Щуко Юлии Николаовны, не будучи уже много лет сотрудником ВИНТИ, я сделал доклад на юбилейном заседании Ученого совета ВИНТИ. Пожалуй, приведу его здесь. Руджеро Сергеевич — очень интересная фигура, впрочем, почитайте сами.

Руджеро Сергеевич Гиляревский

**Гиляревский Руджеро Сергеевич
(к 90-летию со дня рождения)**

304

31 августа 2019 г. исполнилось 90 лет Руджеро Сергеевичу Гиляревскому — выдающемуся ученому, одному из основоположников информатики в нашей стране. Руджеро Гиляревскому повезло. Он родился в 1929 г., в семье интересных людей, в прекрасном, многонациональном и приветливом городе Москве. Конечно, каждый, кто с ним знакомится, про себя думает — какое необычное имя, кто же его родители, интересно, какой он национальности, отчего природа наделила его таким большим талантом, а вместе с ним доброжелательностью и способностью легко увлекать собой людей. Гены произошли от отца-итальянца Этторе Макки, военного атташе при итальянском посольстве в Москве, и мамы Екатерины Владимировны Крылаевой (встречается Крыловой), балерины Казанского оперного театра. Вот так появился Руджеро Макки. Крестным отцом был Сергей Александрович Гиляревский, профессор Первого медицинского института г. Москвы.

Чем еще интересен 1929 год: выслан Лев Троцкий, вышел роман Эриха Марии Ремарка «На западном фронте без перемен», родилось социалистическое соревнование, прошла чистка в партии, чистка аппарата АН СССР, первая церемония награждения кинопремией «Оскар», первый слет пионеров СССР, установление дипотношений между СССР и Великобританией, начало «Великой депрессии», обвинение Бухарина, Рыкова и Томского в «правом уклоне», 50-летие И. Сталина, начало сплошной коллективизации, астроном Эдвин Хаббл обнаруживает зависимость между красным смещением галактик и расстоянием до них (Закон Хаббла), в США проведена первая телевизионная передача в цвете. А в истории КПСС 1929 г. считался годом «великого перелома».

Далее почти сразу после рождения Руджеро Сергеевич Гиляревский воспитывался только мамой, отца отозвали из страны в том же 1929 г. В 1937 г. маму посадили, оставив

семилетнего ребенка совсем без родителей. Вышла мама из Гулага после хрущевской реабилитации в 1954 г.

В 1943 г. Руджеро Сергеевича усыновили его крестный отец, Сергей Александрович Гиляревский, со своей женой Зинаидой Владимировной Гиляревской, школьной учительницей. Имя и фамилию Сергея Александровича РС взял себе, став Руджеро Сергеевичем Гиляревским.

Окончив школу, Руджеро Сергеевич поступил в Московский энергетический институт, но через два года сменил его на испанское отделение филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Дипломная работа русско-итальянца Руджеро Сергеевича была посвящена испанскому драматургу, поэту и прозаику Лопе де Вега (1562–1635), выдающемуся представителю Золотого века Испании. С ее защитой в 1953 г. и было завершено университетское образование. Вот что сказал в 2017 г. по случаю 65-летия журфака МГУ им. М.В. Ломоносова о своем факультете Руджеро Сергеевич, выпускник филологического факультета МГУ 1953 года, профессор кафедры новых медиа и теории коммуникаций, доктор филологических наук: «Чтобы журфак держал эту атмосферу много-много лет после нас, а это, в общем, атмосфера честности, благородства, ну и желания, вообще, сделать [что-то полезное] для страны». Эту атмосферу вместе со справедливостью, добротой и гордостью за факультет Руджеро Сергеевич пронес через всю жизнь, что могут подтвердить многие соприкасавшиеся с ним.

В 1953 г. после окончания МГУ им. М.В. Ломоносова Руджеро Сергеевич был распределен в Ленинку, но туда его не взяли по анкетным данным, и до ноября он нигде не работал. В каком-то смысле случайная встреча с З.А. Шварцман, бывшей тогда зам. директора, привела Руджеро Сергеевича во Всесоюзную государственную библиотеку иностранной литературы (ВГБИЛ). В первые же дни работы она пригласила Руджеро Сергеевича на совещание в числе специалистов библиотеки, где каждому определила его роль, а про него сказала: «А Вас я пригласила просто как умного человека». Там Руджеро Сергеевич прошел должности старшего

библиотекаря, зав. отделом каталогизации, зам. директора по научной работе. Параллельно в 1954–1958 гг. без отрыва от производства Руджеро Сергеевич учился в заочной аспирантуре Московского государственного библиотечного института (МГБИ) им. В.М. Молотова (ныне Московский государственный институт культуры) и в 1958 г. защитил диссертацию «Вопросы описания книг на иностранных языках для каталогов советских библиотек» на звание кандидата филологических наук.

В 1962 г. Руджеро Сергеевич перешел из ВГБИЛ в МГБИ старшим преподавателем, т.е. поменял должность заместителя директора на преподавательскую работу. Причина состояла в том, что библиотекарям не платили за степень. Получается, что в ВГБИЛ Руджеро Сергеевич проработал около девяти лет и, как он сам считает, «расставляя библиотечные карточки по алфавиту фамилий авторов, понял важность этого процесса».

306

В 1962–1964 гг. Руджеро Сергеевич работал старшим преподавателем кафедры библиотековедения в том же МГБИ, где ранее заочно учился в аспирантуре. С 1964 по 1966 г. он — доцент кафедры научной информации факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, с которым с тех пор не порывает отношений. В настоящее время Руджеро Сергеевич читает лекции на факультете журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. Руджеро Сергеевич также читает лекции в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики».

В 1966 г. Руджеро Сергеевич приходит в ВИНТИ. Вот тут начинается этап биографии, который меня заинтересовал, и я попросил Руджеро Сергеевича рассказать, как происходила работа над основополагающей книгой «Основы научной информации». Что было известно: в 1971 г. директор А.И. Михайлов назначает его своим заместителем по научной работе. Вот как пишет сам Руджеро Сергеевич: «Шёл 1972 год и первый год моей работы заместителем директора во Всесоюзном институте научной и технической информации (ВИНТИ). Директором был Александр Ива-

нович Михайлов, занимавший до этого много министерских постов. Ранее, с 1942 по 1945 годы, он был директором Московского авиационного института, а затем был заместителем Министра оборонной промышленности, заместителем Министра авиационной промышленности, заместителем Министра высшего образования, заместителем Министра среднего машиностроения и Председателем Комитета по изобретениям. Научную деятельность института тогда возглавлял Аркадий Иванович Чёрный, реферативной деятельностью руководил я, а международными связями — Феликс Александрович Свиридов». Интересна характеристика, данная Руджеро Сергеевичем А.И. Михайлову. «Михайлов был очень крупным человеком, как личность. Он обладал большим тактом в общении и внутренней интеллигентностью. Никогда ни в чем не отказывал прямо, но в случае невозможности или нежелания выполнить просьбу говорил: «Это можно себе представить» или что-то такое неопределенное. Никогда не делал замечаний подчиненным в присутствии других людей. Мое появление в его поле зрения произошло следующим образом. Ректор МГУ И.Г. Петровский, вернувшись из поездки в Кембридж, организовал в университете межфакультетскую кафедру научной информации, пригласив в заведующие А.И. Михайлова, который тогда курировал строительство нового здания в качестве замминистра высшего образования. Михайлову понадобились преподаватели на кафедру, и он обратился к В.А. Успенскому порекомендовать кого-либо. Успенский вместе с В.В. Ивановым только что провел в МГУ конференцию по научной информации, в которой я выступил с докладом «Библиография как элемент информации» и понравился им обоим. С Ивановым я учился в школе, а Успенский знал меня по Библиотеке иностранной литературы. Я, правда, к тому времени (1961 г.) уже работал в Московском библиотечном институте и легко перешел доцентом на кафедру к Михайлову. Поскольку он появлялся там редко, я все время проводил около него в ВИНТИ, и он взял меня в 1964 г. по совместительству на полставки в Научно-мето-

дический отдел к В.И. Горьковой, в сектор А.И. Черного, а в 1966 г. я стал заведовать Отделом предварительной научной обработки информации вместо А.Х. Вахитова, который ушел на пенсию.

Михайлов оценил Аркадия Ивановича Черного в совместной поездке в Вашингтон на конференцию, где Аркадий проявил свои способности ученого и переводчика и выручил шефа, которого подвел ученый секретарь, который должен был ехать с ним. Случайности всегда дают шанс, но не каждый ими пользуется».

Удивительна история создания книги «Основы научной информации» (1965 г.) Михайлова, Черного, Гиляревского. Три, в общем-то, разных человека. Первый — директор ВИНТИ, человек с уже состоявшейся карьерой, с большим опытом работы руководителем. Второй и третий — одноклассники и уже состоявшиеся ученые. А. Черный — видный сотрудник ВИНТИ, в котором и проработает всю жизнь, и Р. Гиляревский, в то время еще преподаватель МГУ, пришедший в ВИНТИ в 1966 г., уже после издания книги. Оба кандидаты наук. И вот эти трое соединились для написания книги, которая взорвала информационный мир не только нашей страны.

308

Продолжим рассказ Руджеро Сергеевича: «Михайлов был человеком государственным и понимал, что для создания научной дисциплины нужна крупная монография, и пытался подойти к ней при помощи так называемой проблемной записки. Двадцать сотрудников Института писали разные тексты, потом зам. по науке Д.И. Воскобойник уединился в санатории Узкое, и через месяц появлялся некий чудосочный текст. У меня к тому времени уже была книга «Современные принципы книгоописания», которую я переиздал в 2008 г. Я сказал Михайлову, что книгу пишут, как пекут бублик. Он удивился. Надо взять дырку и обмазать тестом, поставить в печь, и будет бублик. У вас, сказал я, много теста (Аркадий только что вернулся из стажировки по Европе), а у меня есть дырка (я уже понял, как создается монография). И у нас все получилось.

Работали мы с Аркадием так. Я определял общий план, мы распределяли куски, потом каждый писал свое, мы менялись написанными текстами и редактировали другу друга. Каждую неделю Михайлов закрывался с нами в своем кабинете и обсуждал то, что предстояло написать. Мы выпивали много крепкого сладкого чаю и затем писали от имени Михайлова то, что никогда бы не решились написать от себя, да нам никто бы и не позволил это опубликовать. А он был научным руководителем государственной системы научно-технической информации страны».

Вышедшая в 1965 году книга «Основы научной информации» — первое систематическое изложение науки, которая и получила название информатики.

Зам. директора ВИНТИ Руджеро Сергеевич стал в 1971 году, после ухода Ю.Н. Сорокина в директора Международного центра НТИ. Комментарии Руджеро Сергеевича: «Я нашел его хозяйство (он отвечал за технологию РЖ) в полном порядке и старался ничего не изменять. Тогдашняя заведующая отделом механики Н.А. Крашенинникова говорила: „Руджеро Сергеевич, Ваши обязанности очень простые — Вы должны сидеть в кабинете и подписывать бумаги, которые мы приносим“». Кто помнит Наталью Леонидовну, тот скажет, что это типично для нее. Именно такой четкой, безапелляционной, принципиальной, но и гибкой она и была.

309

Далее все хорошо известно, и в настоящее время Р.С. Гиляревский заведует Отделом теоретических и прикладных проблем информатики и Отделением научных исследований по проблемам информатики ВИНТИ.

Руджеро Сергеевич является главным редактором сборника «Научно-техническая информация», издаваемого в двух сериях — «Организация и методика информационно-рабочей деятельности» и «Информационные процессы и системы». Также он зам. главного редактора журнала «Международный форум по информации». Руджеро Сергеевич входит в состав редколлегии ряда журналов, состоит членом нескольких

ученых и диссертационных советов. Отметим, что в 1989 г. Руджеро Сергеевич защитил докторскую диссертацию по теме «Общие закономерности дисциплин научной информации и коммуникации».

Руджеро Сергеевич — автор свыше трехсот печатных работ. Под его руководством защитили диссертации около двадцати аспирантов и соискателей. Число оппонированных им кандидатских и докторских диссертаций больше ста.

Основные области научных исследований: научные и массовые коммуникации; философия и методология информатики и библиотековедения; новые информационные технологии; электронные тексты; гипертекст и гипермедиа, алгоритмическая идентификация, транскрипция и транслитерация естественных языков; информационный менеджмент.

310

Среди своих многочисленных книг по моей просьбе Руджеро Сергеевич выделил три: «Развитие принципов книгоописания: краткий очерк». 2-е изд., доп. — СПб.: Профессия, 2008, «Информационный менеджмент: управление информацией, знанием, технологией»: учебное пособие. — СПб.: Профессия, 2009 и краткий энциклопедический словарь «Информационная сфера: краткий энциклопедический словарь» — СПб.: Профессия, 2016.

Я же заочно встретился с Руджеро Сергеевичем, купив в далеком 1978 году книжку «Иностранные имена и названия в русском тексте». Она понадобилась мне для работы в отделе астрономии ВИНТИ, где в то время я был штатным редактором раздела «Астрометрия» и, в нагрузку от Лидии Николаевны Радловой, «Общего раздела» после Петра Григорьевича Куликовского. Вот в этом-то втором разделе было много англоязычных статей с названиями мест и обсерваторий, которым надо было дать русскоязычную транскрипцию. Это особенно касалось обсерваторий при американских университетах, но были и другие. Так, например, 18-я Генеральная ассамблея МАС проходила в городе Patras, который в наших СМИ транскрибировали незатейливо — «съезд МАС в Патрасах», а на самом деле город в географических изда-

ниях имеет устойчивую транскрипцию как Патры. Помоему, только у Георгия Михайловича Рудницкого в «Астрономическом журнале» я встретил правильное написание.

Альберт Петрович Гуляев, которого я, как и многих, привел на штатную работу в отдел астрономии ВИНТИ, вдруг загорелся этой проблемой, проблемой транскрипции географических названий. Он даже ходил советоваться с сотрудниками на факультет географии МГУ, серьезно изучил книгу Руджеро Сергеевича и составил огромный список по транскрипции географических и прочих названий, связанных с астрономией. Этим толстенным фолиантом мы пользовались на протяжении трех десятилетий. Именно по этой теме и поступила в аспирантуру к Александру Ароновичу Гурштейну Оля Гуляева.

Проблема могла быть решена в ВИНТИ еще в 1955 году, что я увидел в записях Дмитрия Яковлевича Мартынова. Приведу фрагмент из них: «В апреле—мае 1955 г. мы несколько раз собирались в обсерватории на Пресне (чтобы на заседаниях мог присутствовать С.Н. Блажко) и довольно дружно определили употребление и транскрипцию большого числа терминов (из списка Комиссии № 5 Международного астрономического союза), издали плод наших трудов брошюрой, распространили ее для обсуждения, а потом, спустя некоторое время, издали вторично. К сожалению, по неловкости секретаря терминологической комиссии, возглавляемой акад. Тернигоревым, почти весь тираж этой брошюры был разослан по академическим учреждениям, несколько в астрономии не заинтересованным. Нам же досталось немного экземпляров, и эффективность наших трудов была сильно снижена.

Еще один научно-организационный вопрос занимал меня в эту пору, как председателя Комиссии № 5 МАС по библиографии. Дело в том, что в конце столетия образовался провал в библиографической регистрации астрономической литературы. Вся литература до 1825 г. [м.б. 1875] была описана в широко известном справочнике Houzeau-Lancaster, изданном в Брюсселе, а текущая регистрация и реферирова-

ние астрономических печатных работ начались лишь в 1899 году изданием *Astronomischer Jahresbericht*. Покрыть четвертьвековой перерыв было желательно по многим причинам, и эта задача была поставлена перед Комиссией № 5 Съездом МАС. Нужно было провести библиографическую работу и найти издателя. Что касается астрономической литературы на русском языке, то ее учла и зарегистрировала сотрудник библиотеки ГАИШ Н.Б. Лаврова. Но для международного издания ее нужно было перевести на один из официальных языков МАС — французский или английский. Отыскать переводчиков оказалось трудным делом. Институт Научной Информации (ИНИ — впоследствии ВИНТИ) не захотел нам помочь. Больше помощи ждать было неоткуда, и его пришлось «заморозить» до очередного съезда МАС». Так ВИНТИ пренебрег важной работой по созданию правил транскрипционной передачи имен и названий с иностранных языков на русский язык. Работой по своему профилю и необходимой библиографам, референтам и редакторам самого института, а также переводчикам, журналистам, дипломатам и лицам других профессий, сталкивающимся с необходимостью применять такую транскрипцию в своей практике.

Я не буду повторяться в перечислении заслуг Руджеро Сергеевича в научной области. Эти заслуги хорошо известны по статьям к предыдущим юбилеям: В.В. Скворцов «Провидец информационного общества» к 70-летнему юбилею РС, Ю.Н. Столяров «Собратья по научной школе. К 85-летию Руджеро Сергеевича Гиляревского». Они есть в Интернете. Отметим лишь, что с 1999 г. Руджеро Сергеевич написал еще полтора десятка книг и множество статей.

Кстати, вернусь немного назад: как-то в академической больнице мы проводили время в беседах с профессором В.В. Бондарем. Он мне рассказывал, что попасть к нему [А.И. Михайлову] для решения текущих вопросов можно было только в промежутке между приходом его самого и подходом двух остальных участников «тройки». Далее не-

сколько часов продолжалась работа над книгой и никакого приема по институтским и другим делам. Как выяснилось, на самом деле такие встречи были раз в неделю. Пожалуй, из всех директоров ВИНТИ, а было их с начала его создания и по сегодняшнее время семь, только А.И. Михайлов, да П.В. Нестеров, пришедший после него, старались развивать институт. Именно при них был расцвет ВИНТИ. Шли процессы по разработке новых технологий, проводились теоретические исследования, приходила талантливая и амбициозная молодежь, плодотворно работали известные в информационной области специалисты. Посмотрите на их количество в Википедии на страничке ВИНТИ. Было очень интересно. В Интернете есть воспоминания Т. и М. Аветисовых, Т. Борщевской, В. Борщева, О. Кисляковой, В. Стеллецкой, Е. Стоцкой, А. Шайкевича и других о работе в ВИНТИ во время директорства А.И. Михайлова. Не о каждом учреждении есть неформальные воспоминания в Сети, а о ВИНТИ их много. Авторы с теплотой вспоминают и о том времени, и о творческой атмосфере, и о своих коллегах-сослуживцах, многие из которых становились друзьями. Вспоминают с ностальгией — как будто это было лучшее время в их жизни.

Первая книга трех авторов имела оглушительный успех, но они не остановились, и интенсивная работа продолжилась. В 1968 г. вышло второе издание под названием «Основы информатики», далее пошли другие книги под тем же авторством. Недавно я перечитал книгу «Научные коммуникации и информатика» (1976) этих же авторов и был удивлен ее актуальностью и сейчас.

И в свои 90 лет Руджеро Сергеевич отличается в своих книгах, статьях, выступлениях той же восприимчивостью, здравостью суждений и предложений и отсутствием высокопарности и использования псевдонаучных терминов, которые зачастую применяют для прикрытия отсутствия мыслей выдохшиеся прежние «властители дум». А Руджеро Сергеевич продолжает выпускать свои интересные монографии. Вот пример таких книг: «Книга в паутине» (2003 г.),

«Информатика как наука об информации» (2006), «Основы информационных технологий» (2012), «Введение в программные системы и их разработку» (2012), Энциклопедический словарь «Информационная сфера» (2016). Мне, например, понравилась своей цельностью и недавняя статья Руджеро Сергеевича в НТИ Сер. 1 «О разработке концепции государственной наукометрической системы и методики ее функционирования» (2018. №9). В ней делается, на мой взгляд, абсолютно правильный вывод: «Наукометрический анализ нельзя строить на базах данных только двух—трех мировых корпораций, владеющих системами индексирования и цитирования. Это может привести к полной монополизации мирового рынка научно-информационных услуг и искажению результирующей информации в интересах монополиста». Чтобы сохранить знание и противостоять хаосу, привносимому в науку многочисленными статьями для поднятия «хирша» и поощряемому наукометрическими центрами, использованием наукометрических показателей при оценке научной деятельности, полезно публиковать книги, содержащие ценную, а главное — систематизированную информацию. Это Руджеро Сергеевич постоянно и делает.

Развитие далеко не каждой науки происходит на наших глазах, и информатика здесь почти исключение. Значительная часть ее развития происходила в стенах ВИНТИ. Свои воспоминания нам оставил Аркадий Иванович Черный в книге «Всероссийский институт научной и технической информации: 50 лет служения науке» (2005), и здесь, в качестве пожелания, я предлагаю Руджеро Сергеевичу написать свои воспоминания. Предвкушаю — какое интересное нас ждет чтение.

Необходимое мужское качество — это надежность. Этим качеством в полной мере обладает Руджеро Сергеевич. Как отмечают многие, он не подведет в сложной ситуации. При всей горячности в защите своей точки зрения, и, вместе с тем, доброжелательности, интеллигентности, готовности и умения сглаживать намечающиеся научные разногласия

и даже конфликты Руджеро Сергеевич проявляет истинно бойцовские качества и высокую гражданственность, когда дело касается принципов.

Общение с Руджеро Сергеевичем доставляет удовольствие и даже в скептиков вселяет оптимизм и веру в светлое будущее, за что его ценят друзья, коллеги и просто знакомые. Руджеро Сергеевич с теплотой в своих воспоминаниях отмечает работу с А.И. Михайловым. В частности, что они с Аркадием Ивановичем Черным могли выразить в статьях, книгах мысли, которые сами бы побоялись опубликовать. Но под его шапкой такое удавалось сделать. Мне тоже везло с редакторами, среди которых Руджеро Сергеевич, Олег Владимирович Руденко в «Акустическом журнале», Галина Александровна Заикина в «Вестнике Российской академии наук». И это очень важно, когда ты сам решаешь, что публиковать, ну и, конечно, сам отвечаешь, но, в то же время, чувствуешь поддержку и доброжелательное отношение.

Сегодня у Руджеро Сергеевича много учеников, именно тех, кто считает его своим учителем, кто воспринял его идеи и продолжает их развивать. Он «Заслуженный деятель науки Российской Федерации».

Будем готовиться к столетнему юбилею Руджеро Сергеевича, который, хоть и нескоро, но, мы верим, будет. Будем также надеяться, что и присутствующие здесь смогут в этом поучаствовать.

А вот в заключение я хотел бы сказать, что Руджеро Сергеевич — безусловно, одна из важнейших фигур в информатике, но я не могу сказать, что так бы случилось при любом стечении обстоятельств его жизни. Ему повезло, что он пришелся ко двору А.И. Михайлова, самого значимого из директоров ВИНТИ. От него Руджеро Сергеевич перенял основное — не говорить людям «нет!». А второе — вовремя бросать «хромую лошадь».

Приведу такой пример из американской жизни.

Уолтер Кронкайт, американский журналист и телеведущий, после поездки на вьетнамскую войну снял о ней документальный фильм и выступил за ее прекращение. Фильм

был показан по телевидению, и президент Линдон Джонсон, по свидетельству очевидцев, сказал: «Потеряв Кронкайта, я потерял средних американцев».

Так вот, Руджеро Сергеевич покорно сотрудничал со всеми директорами ВИНТИ и после Михайлова, посмотрите хотя бы их совместные статьи, которые, конечно, писал он. И каждый раз по одному ему известным критериям определял их скорое падение, после чего прилюдно выступал против них. Так было и с Нестеровым, и с Арским, и с будущей претенденткой на пост директора И.Ю. Никольской. Удивительный нюх.

Ранее в разделе «Три Нестерова» есть мои заметки о Петре Владимировиче Нестерове, директоре ВИНТИ, при котором я пришел в этот институт.

ВЫЖИВУТ НЕ ВСЕ. ВПЕЧАТЛЕНИЯ ПЕРВЫХ КУРСОВ

Дмитрий Яковлевич в своих воспоминаниях написал: 317
«Первый курс на физфаке с 15 сентября 1956 года, остальные курсы заканчивают на мехмате». Мартынов, глава 13. Получается, что мы поступили всего через девять лет после перехода Астрономического отделения с мехмата на физфак, т.е. наш курс десятый, который уже на физфаке. Занятно или удивительно? В 2015 году прошло пятьдесят лет как мы поступили, в 2021 году мы отметили 50-летие после окончания физфака, в 2022 году большинство из нас отмечает 75-летие. Магия цифр. Следующий интересный цикл уже начался в 2020 году и связан с числом 55. Но сейчас о впечатлениях первых курсов.

Всё связанное с этим периодом моей жизни — первыми двумя курсами, а точнее с первыми пятью семестрами, пока мы не распределились по кафедрам, — воспринимается нежно и трогательно теперь, по прошествии более полувека. События и друзья видятся как через стекло — прописанные тонкими штрихами и покрытые легкой пеленой. Может быть, потому, что самые близкие отношения, бывшие тогда со многими, сохранились надолго, на всю жизнь, но память иногда

подводит. И хоть мы прожили, прошли по жизни по-разному, но на пятилетних встречах курса мы всё те же. Не всегда узнаем друг друга, но для этого есть бейджики, а посмотрев на них, сразу начинаем видеть знакомые черты с того самого, счастливого времени. Вспоминать события, случаи и отношения нашей ранней юности. По-моему, в 2011 году, точно не помню, может и в 2006-м, на очередной пятилетней встрече после окончания оргсовет подготовил нам сюрприз. Все участвовавшие получили флешку с базой данных выпускников нашего курса. Она включала Ф.И.О., дату рождения, фотографию из личного дела первокурсника, откуда приехал, какую школу закончил, есть ли и какая медаль по окончании школы и т.д. И, конечно, на сегодня дизайн представления информации слегка устарел, но с каким удовольствием мы с Володей Якименко смотрим на наших однокурсников! «Этого помню, этого помню, а вот какая у него, значится, фамилия, а этого не помню, забыл». Но если я не помню, то помнит Володя, с которым мы рассматриваем эти фотографии каждый раз при его приезде ко мне из своего Тюменского университета. Ничего похожего на сайте выпускников физфака нет, встречаются лишь разрозненные фрагменты у нескольких других курсов. Постараюсь приложить CD с этой базой к книгам, которые предназначены для моих друзей-однокурсников.

Подобные же чувства вызывает у меня и страничка сайта ГИАИШ (<http://sai.msu.ru>) со списком закончивших Астрономическое отделение физфака за все годы, начиная с 1921-го. С некоторых пор у меня проявилось желание участвовать в его уточнении, что я и делаю, сначала с Ирой Мироновой, а сейчас с Сережей Аюковым. Две странички сайта: «Новости» и «Список выпускников» — вызывают у меня чувство большой благодарности создателям и модераторам сайта. Еще, если уж говорить о сайте ГИАИШ, то интересны странички с фотографиями сотрудников отделов, но пока они слишком фрагментарны, и многих известных членов нашей среды там нет. Нет там и меня. Почему, не знаю. Это скорее наша вина, попробую поучаствовать и в этом, хотя бы своими

Володя Юдин и Женя Щукина

книгами. А их, надеюсь, будет три, и в них я стараюсь поместить много фотографий. Вот снова Марина Борисовна Щербина-Самойлова позвонила, что нашла еще старые фотографии, Ира Есипова дала много фотографий, оставшихся в архиве Валентина Федоровича Есипова. Есть и оставленные им воспоминания, которые, надеюсь, тоже войдут в эту книгу. [К моему сожалению, Валентин Федорович, как оказалось, только начал работу по упорядочиванию своего архива, но начал с лошадей. Какие лошади у него были, как участвовали в забегах, какие призы получили. Ту же часть, которая меня интересовала, он только-только обозначил названием: «Моя жизнь в науке» и успел наполнить только фотографиями.]

Первый курс

320

В трех потоковых аудиториях физфака: Центральной физической аудитории, Северной физической аудитории и Южной физической аудитории — доска представляет собой несложный механизм с покрытием в виде сплошной черной ленты для записи мелом, как на транспортере, только вертикальном. Перемещается она снизу вверх или сверху вниз в зависимости от того, куда лектор ее двигает. На физфаке в движение лента приводится моторчиком. Подобная доска есть и в гаишевском конференц-зале, только привод ручной.

Володя Юдин вспоминает: «На лекции по матанализу на первом ряду сидела студенточка и все писала, писала, писала. Одним словом, непрерывно строчила за лектором. Как-то Владимир Маркович Волосов, профессор математики и хороший лектор, записал очередную формулу и продвинул доску так, что ранняя запись, которую студентка не успела, отвлекшись, записать, ушла.

Студентка закричала:

— Владимир Маркович, вы уже спустили, а я еще не кончила.

Хохот по аудитории».

Я не помню этот случай, но и не верить Володе нет оснований. Просто многие из нас, в том числе и я, были как цыплята, что только что вылупились из яйца и ничего не знают кроме своей матери-несушки. Пищат вокруг нее, тычутся в нее клювиками, а она их учит клевать просо, зелень, в общем, объясняет все, что съедобное вокруг. Так и мы были, родительский дом, родная школа — и больше ничего. Ведь мы, общежитские, часто были из маленьких городков и сел — примерно половина, если не большая часть курса. На курсе моего сына Никиты — точно за половину. Кстати, больше всего на первых двух курсах у него было отчислено именно москвичей. У нас — не знаю, столько времени прошло. Впрочем, согласно Списку выпускников на сайте ГАИШ, среди окончивших у нас только сорок процентов москвичей, а начинали примерно поровну.

Уже позже, когда служил в армии, я часто приезжал в Москву. Обычно ночевал в общежитии у кого придется. Часто у Жели Бънзарова, т.к. у нас были общие интересы, а точнее, развлечения. Как-то Жели не было, и я попросился к Саше Белику, который всё учился, придя после перерыва в обучении. В то время он встречался с девушкой с юридического факультета, и я услышал анекдот, подобный тому, что рассказал Володя Юдин, однако со спецификой юридического факультета. Приведу и его.

«Весьма преклонного возраста профессор на экзамене задает экзаменуемой девушке коварный вопрос:

— Представьте, что я собираюсь вас изнасиловать. Как вы это квалифицируете с точки зрения Уголовного кодекса?

Девушка задумалась, судорожно перебирая варианты, и вдруг выпалила:

— Мне кажется, профессор, что это можно квалифицировать как покушение с негодными средствами».

Тоже неплохо, ведь верно? И направленность сохраняется.

На каждом курсе есть какое-то количество ребят, которые выделяются из общей массы. В основном это касается первых двух курсов. Выделяются вовсе не своими успехами в учебе,

хотя бывает и так, но больше своим поведением. Я жалею тех, кто не жил в общежитии, т.е. москвичей. Они потеряли большой кусок студенческой жизни. Некоторые восполняли это поездкой в стройотряды, другие участием в самодеятельности, например, или в спорте. Культовых лиц на нашем курсе было много. Приведу особенно запомнившихся.

Как выяснилось, многие из моих друзей ходили на гимнастику, например, Володя Якименко, а мы с Олегом Руденко и Геной Гуциным — на легкую атлетику. Валера Семенов был боксером, и в секции у него был свой круг знакомых.

Общежитие давало знакомства со многими и в течение довольно длительного срока, которые продолжались потом и довольно длительное время, нередко всю жизнь. Особенно тесные взаимоотношения были на первых двух курсах, поэтому я их и выделяю. После, мы все-таки разошлись по кафедрам, а кафедры — это уже свой маленький мирок.

322 Из воспоминаний разных лиц об еще одной культовой фигуре общежития. Толя Феник на первом курсе на спор прошел по пятому, женскому, этажу голым. На лестнице Феника ждала с бутылкой коньяка грустная команда подначивавших его на этот «подвиг». Навстречу, как рассказал сам Феник, ему попалась только одна девушка, которая не обратила на Феника никакого внимания. Возможно, из-за его уникальной худобы, не знаю.

Тот же Желю Бънзаров любил вспоминать о Фенике таким рассказом: «Феник пьет водку только в двух случаях: когда нет дождя, и когда дождь идет».

Из наших талантливейших предшественников приведу строки, написанные по этому случаю.

«Мы приняли, и сразу отпустило, Как будто бы оттаяло внутри».

В. Миляев

Толя Феник почему-то ходил на «Научный атеизм», посещал не только лекции, но и семинары. И вот, на госзачете, а атеизм входил оценкой в диплом, его спрашивают:

— Где находится Ватикан?

Недолго думая, он выпалил:

— Мадрид.

Нашего Феника отчислили за неуспеваемость, он отслужил в стройбате, вернулся, восстановился и все-таки закончил физфак.

Ну, уж раз я начал описывать такие случаи, то вот еще. На нашем курсе был уникальный наш товарищ Саша Езубченко. Он имел странную привычку занимать деньги, но так делали многие, перехватывая до стипендии или просто так. Обычно деньги отдавали. Так вот, Саша, когда занимал деньги, то записывал это в свой блокнотик с обещанием отдать. Никогда не отдавал, и вдруг на шестом курсе он начал приходить к каждому из своего списка и возвращать долг. По-моему, стоит отметить такую щепетильность.

Когда мы были на первом курсе, как-то сразу все начали употреблять нецензурную (абсцентную) лексику, к месту и не к месту. У некоторых получалось через слово произносить паразитное слово «бля», например. В каждом поколении появляется своя паразитная лексика. Сейчас — «как-то», к месту и не к месту, до этого «блин». Впрочем, до сегодняшней ситуации, когда матерятся и девушки, мы не доходили и при них не ругались, но между собой, да еще и в общежитии — ну это сплошь и рядом. Хочу привести некоторые экземпляры нашей поэтической жизни, которая процветала на первых курсах, но затрудняюсь, что делать с ненормативной лексикой. Пожалуй, отмечу звездочками. На первом курсе многое писалось в Журнале происшествий дежурного по этажу. Он был превращен в «Живой журнал», по-нынешнему. Делать было нечего, сидеть за столом в холле скучно, всего-то надо было следить за порядком и звать к этажному телефону. Вот и упражнялись наши «поэты».

Романтическая студенческая поэмка, 1966 год

Однажды, в студеную зимнюю пору
 Из комнаты вышел я ночью по***ть.
 Гляжу — пробирается по коридору
 Начкебия Важа, *** его мать!
 Он шел ко мне задом, не видя меня,
 Походкой неверной в нужник семени.
 Но дверь отворилась, и вышел оттуда
 Детина, похожий во тьме на верблюда.
 Он Важу рукою куда-то манит,
 Он Важе на ухо чего-то твердит.
 И долго я слушал, как Важу просили
 О том, чтоб раздвинул он ж**у пошире.
 А дале не в силах писать моя лира
 О том, что я видел за дверью сортира.
 Говорят, что ночью черной
 Он онанирует в уборной.
 Но, друзья, уверю вас,
 Важа — честный пидорас.

324

Важа Начкебия был нашим старостой по этажу. Такой здоровый, добродушный кавказский парень. К сожалению, после первого курса он был отчислен.

Как-то в разговоре с Желю я сказал:

— Жаль, потерялся этот журнал дежурств. Там ведь было много смешных историй, пародий, анекдотов, интересных наблюдений.

Желю вдруг говорит:

— А журнал я стянул в конце года. Он у меня.

На этом разговор закончился. А спустя много лет, когда я начал задумываться о книге нашей юности, то предложил Желю написать вместе. Мы подготовили довольно подробный план книги, и я сказал:

— Давай возьмем каждый себе ту часть, которую он хочет описать.

— Нет, — ответил Желю.

— Твоя идея, ты пиши, а я потом поредактирую и дополню.

Володя Черкезян может подтвердить, т.к. я и с ним разговаривал на эту тему. Из нашего с Желю плана ничего не получилось. Он умер на Рождество 7 января 2018 года.

Желю Бънзаров

Разговаривая по Скайпу с Желей, жалуюсь:

— Сегодня голова болит. Наверно, от погоды. Раньше болела наутро после хорошо проведенного вечера, а теперь от погоды.

Он в ответ говорит:

— Да, если голова без кайфа болит, зря.

Вспоминается еще такой эпизод. Желю никогда не стоял на лыжах, ни разу. Однако и на занятия по физкультуре не ходил. Во втором же семестре надо было сдать зачет по бегу на лыжах на дистанции десять километров. Мы помогли, договорились, что вместо него побежит под его номером Валера Семенов. Всё прошло удачно, но Валера умудрился пробежать на первый разряд, что давало Желю возможность войти в сборную МГУ. Желю, с одной стороны, снял с себя головную боль о зачете, но с другой картинно возмущался, что Валера так его подвел.

Ну а когда мы оба были в аспирантуре, то наши встречи были часто и по разным поводам. Тут я вспоминаю заповедь Вилена Валентиновича Нестерова. То ли на первом курсе, подменяя на «Сферической астрономии» Дядю Костю, то ли уже позднее, он с этой заповедью наблюдателя нас познакомил. Звучит она так: «Выходя из павильона во время наблюдений даже на секундочку, выключай всё и закрывай на все замки. Может случиться так, что и не вернешься». Заповедь много раз подтверждалась. Нахожусь в павильоне, посматриваю на небо — будут ли наблюдения. Решаю сходить в комнату позвонить. Только вхожу, звонок от Жели:

— Пасмурно, пошли в «Голливуд», — беру 20-копеечные монеты и сразу на Мосфильмовскую в пивной автомат.

Желю уже там, ему с физфака ближе. Почему пивную называли «Голливуд»? А потому, что рядом киностудия «Мосфильм». На улице Дружбы возле китайского посольства пивная «стекляшка» называлась «Шанхай», на Дмитрия Ульянова — «У брата», а близ метро «Динамо», где в одно место сходилась несколько проездов — «У семи дорог». Как-то я посчитал — действительно, семь.

Второй курс

326

В общем-то, ко второму курсу мы уже слегка обтесались и не были так напуганы, как на первом. Кто-то перестал ходить на лекции и занимался самостоятельно, кто-то уже выделился как очень умный. Такие были в каждой группе и, естественно, они пользовались уважением. Многие из них были из спецшкол, но встречались и самородки. Не все из них выдержали высокую планку на всё время обучения, и то, что давалось легко на первом курсе, т.к. это они уже прошли в школе, расхолаживало и не приучило к самостоятельной работе. Помните — «ну это тривиально» или «чего тут решать, это же табличный интеграл». В общем, всё им было просто.

Олег Руденко («Алик»)

25 сентября 2022 г. исполнилось 75 лет моему однокурснику и другу Олегу Владимировичу Руденко — выдающемуся физику, академику Российской академии наук, профессору Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, лауреату Государственных премий, заместителю главного редактора журнала «Успехи физических наук» и главному редактору «Акустического журнала» на протяжении двух десятков лет. Олег Владимирович внес всемирно

признанный вклад в развитие нелинейной физики, акустики и ряда связанных с ними прикладных направлений; он обогатил науку значительными результатами в области физики нелинейных волн, лазерной физики, механики, геофизики, биомедицинской и подводной акустики.

Олегу Руденко или Алику, как мы его называли в нашем студенчестве, в чем-то повезло. Он родился в 1947 г. в теплом и многонациональном городе Тбилиси советской Грузии в окружении жизнерадостных и веселых людей. С такой характеристикой у меня ассоциируется Грузия и Тбилиси. Его отец, Владимир Григорьевич, тоже родился в Тбилиси и прожил там всю свою жизнь. Потеряв родителей, ВГ с двух лет воспитывался в детском доме, участвовал в Великой Отечественной войне, а затем работал до конца жизни на инженерных должностях в промышленности. Мать, Александра Петровна, родилась в Харькове, работала бухгалтером и прожила длинную жизнь, застав все успехи своего сына.

Я нигде не упоминал о своих родителях, напишу здесь. Мой отец, Григорий Никитович, родился в Саратовской области на берегах Волги. Он тоже участвовал в Великой Отечественной войне авиатором, был ранен, награжден орденами. Мама, Анна Петровна, родом с Краснодарского края. Училась в Саратовском зоотехническом институте. Там они и встретились с папой. В 1948 году родился я.

Продолжу об Алике. Окончив школу с золотой медалью и выиграв республиканскую олимпиаду по физике, Олег уехал в Москву и поступил вне конкурса на физфак МГУ. Здесь ему снова повезло. На третьем курсе его взял к себе член-корреспондент АН СССР Рем Викторович Хохлов. Перед окончанием физфака в 1971 г. О.В. Руденко имел уже десять публикаций.

Здесь тоже мое небольшое отвлечение от описания жизненного пути друга. Я тоже, как и Алик, был рекомендован после окончания физфака в аспирантуру. Каково же было мое удивление, когда я узнал, что у него десять печатных работ, когда у меня всего стандартная — одна. Я спрашивал у него:

Руденко Олег Владимирович

— Как так могло получиться?

В ответ я услышал:

— С третьего курса меня увлекла задача, поставленная Ремом Викторовичем, и я начал интенсивно над ней работать. А большой прорыв я сделал, когда простыл, и несколько дней у меня была высокая температура. Тогда-то я и решил одно «нерешаемое» нелинейное уравнение.

Так вот бывает.

Его дипломная работа была признана лучшей в МГУ, а затем удостоена 1-й премии на Всесоюзном конкурсе и медали Минвуза СССР.

В аспирантуре О.В. Руденко занимался теорией нелинейных волн, лазерной фотохимией, проблемой создания гамма-лазеров. Досрочно в 1973 г. защитил диссертацию «Смежные проблемы нелинейной акустики и гидродинамики», руководителем которой также был Р.В. Хохлов.

В кандидатской диссертации, основанной на еще студенческих публикациях, были приведены результаты, затронувшие основы современной нелинейной акустики. Создана, в частности, нестационарная теория течений типа Эккарта. Предложена теория «акустического ветра», формируемого под действием волновой и гидродинамической нелинейностей. Эта теория объяснила наблюдавшиеся зависимости скорости потока от времени и от интенсивности волны и появление крутого фронта течения на определенном расстоянии от источника. Было показано, что решение Ландау о затопленной струе (с нулевым потоком жидкости, бьющей из точечного отверстия) хорошо соответствует эксперименту по возбуждению «ветра», в котором жидкость приводится в движение радиационным давлением. Было предсказано явление самоотражения, заключающееся в том, что после появления ударных фронтов волна расщепляется на две, бегущие в противоположные стороны. Этот эффект позднее наблюдался в эксперименте и был положен в основу одной из схем нелинейной диагностики. Были получены точные автомодельные решения уравнений типа Бюргерса для волн плоской и цилиндрической симметрии, которые сейчас

приводятся во многих справочниках по дифференциальным уравнениям.

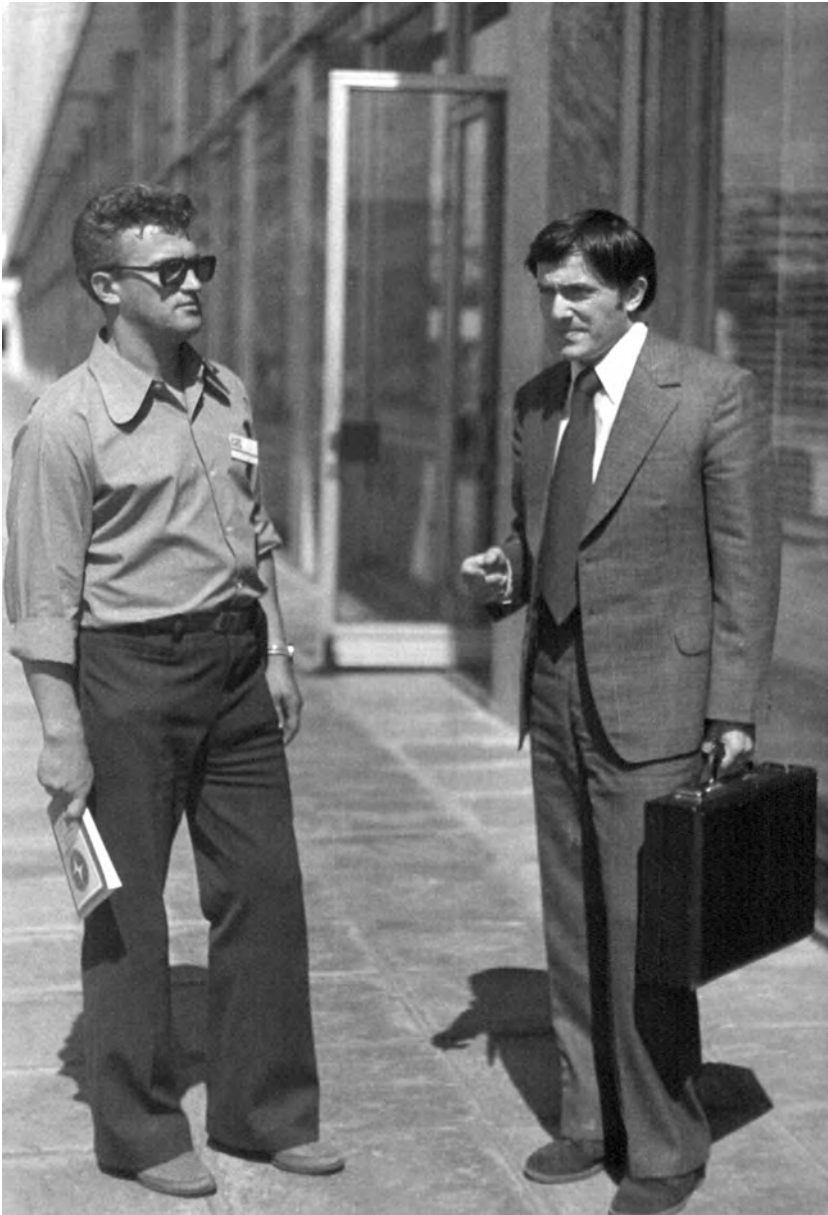
В том же году О.В. Руденко вместе с С.И. Солюяном, еще одной знаковой фигурой на физфаке и в акустике, написал монографию «Теоретические основы нелинейной акустики», которая в 1975 г. была опубликована на русском, а в 1977 г. вышла в США.

Степан Солюян был не только отличным физиком, но и одним из основателей «Архимеда», физфаковского праздника. Это меня заинтересовало, и я захотел узнать, какова была его роль. Об этом же я много слышал от Олега Владимировича. Ведь он был соавтором в его работах 1970–1980-х годов и другом, а еще, наверное, можно сказать — старшим товарищем. Когда я спросил Олега обо всех людях «Дня Архимеда», то он сказал, что многих знает, но только о Степане Солюяне (и, кстати, Валерии Канере) может рассказывать часами. Поэтому я здесь его и упоминаю. Такие слова просто так не говорятся.

330

Пришлось повозиться, но для себя я неожиданно обнаружил новую, неизвестную страницу жизни Натальи Николаевны Кабаевой, с которой я просидел и проработал в 25-й комнате ГАИШ десять лет. Милая, спокойная, душевная. Десять лет, и я никогда не знал, что именно она была такой заводилой своего курса, как написано в книге воспоминаний о Валерии Милаеве: https://www.inr.ac.ru/~pnlab/milyaev/book_about_milyaev.pdf (дата обращения 31.07.2022).

А. Замятин: «Авторами идеи праздника „Архимед“ были культорги факультета Наталья Кабаева и Марина Артеменко. Вновь избранному на конференции секретарю физфака Валерию Кандидову пришлось исполнять это постановление. Он действовал весьма решительно, вызвал в комсомольское бюро второкурсника Валерия Канера и пятикурсника Валерия Милаева и приказал им в двухмесячный срок подготовить программу праздника. В результате такого насилия родилась опера „Архимед“, которая за 40 лет существования ставилась около 300 раз». Один из авторов оперы Валерий Канер был аспирантом Р.В. Хохлова, а после его ги-

Степан Солуян (слева) и Олег Руденко

бели защитил диссертацию под руководством Олега Руденко. Мир тесен.

Вот, оказалось, какой была тихая и спокойная Наталья Николаевна, и вот почему в первой книге мистически на стр. 496–497 появились фотографии ее и их курса. Фотографию курса мне тогда прокомментировала Галина Владимировна Романова. Как выяснилось — ее однокурсница. А я и не знал во время работы в ГАИШ, что Миша Лившиц, Валера Захаров, Наташа Кабаева и Галина Романова учились в одной группе. Кто сейчас вспомнит.

Вообще-то, у праздника «Архимеда» оказалось много родителей, если почитать воспоминания «старых бойцов». Так, например, А. Кессених пишет:

332

«Если вспоминать о том, как придумали и начали сочинять первые оперы, то могу свидетельствовать, что эта идея перед выпускным вечером нашего курса пришла в голову Балашову Всеволоду... (ныне профессор физфака). Все присутствовавшие оценили её. В 1957 году идея оперы попала на зуб прирождённому режиссёру и тогда студенту 3-го курса Степану Солуяну (см. его «Записки режиссёра»). Солуян заставил одного из авторов «Дубинушки», а именно меня, сочинить ещё почти столько же текста, сколько было в первом исполнении. Само по себе рождение оперы на высшем уровне потребовало режиссёра (Солуяна), отличных солистов (Беспалова Люда, Полев Николай — тот же курс) плюс неограниченный энтузиазм масс. Действительно, «Дубинушка» шла в рамках всесоюзного фестиваля к Всемирному фестивалю молодёжи».

Не мне добираться до исторической правды. Они сами разберутся или уже разобрались, но в приведенном отрывке из Кессениха меня заинтересовал Степан Солуян. Вторая версия от того же А. Кессениха — на сайте физфака.

«Дубинушка (1954–1957). Народно-музыкальная драма (первая опера физфака МГУ).

Краткое содержание оперы: герой оторвался от коллектива, но коллектив поставил его на место.

Слева направо: Ю. Гапонов, С. Солуян, А. Кессених,
В. Письменный, Ю. Днестровский

Краткая история оперы.

Первый вариант оперы сложен по замыслу Всеволода Балашова (композитор и инициатор) коллективом Научно-исследовательской артели «Красный сапог» в лице: Фаюм Измайлов (старшина артели); Александр Кессених (поэт-песенник); Игорь Трофименко (хормейстер); Борис Курьянов (герой-любовник); Неон Арманд (главный отрицательный герой) и другие члены артели при участии Глафиры Пронкиной (возлюбленная героя) и других студентов-выпускников физфака МГУ 1954 года. Опера впервые была дана 3 января 1955 года в Доме культуры МГУ на выпускном вечере курса (Новые здания на Ленинских горах).

334

Опера возобновлена к фестивалю молодежи и студентов весной 1957 года под руководством режиссера Степана Солюяна и при участии А. Кессениха, Ю. Гапонова, Л. Беспаловой, Н. Полева и многочисленного коллектива самодеятельности физического факультета. Была дана на смотре художественной самодеятельности МГУ 1957 года к известному Московскому фестивалю молодежи и студентов, в Дубне и на сцене Дома культуры МГУ по просьбе трудящихся и учащихся».

Другая опера — «Опера „Серый камень“ — возникла как продолжение оперной традиции физического факультета МГУ по инициативе творческого коллектива в составе А. Кессених (эксперт по сюжетам и текстам); С. Солюян (эксперт по сценарию и режиссер), Ю. Гапонов (эксперт по музыкальному оформлению, предложивший наибольшее число мелодий для пародий), И. Трофименко (хормейстер), В. Курочкин (концертмейстер), В.Н. Иванов (эксперт по разговорному жанру), А. Перекальский (эксперт по буги-вуги) и другие. Сочинялась и ставилась в период с ноября 1957 по апрель 1958 г. Была впервые дана на смотре сатирических обзоров факультетов МГУ в апреле 1958 года на сцене Дома культуры МГУ, где получила первое место».

А вот и «Архимед» (1960).

Древнегреческая музыкальная оптимистическая трагедия.

Авторы либретто Валерий Канер и Валерий Миляев.

Краткая история оперы (по В.В. Канеру, см. «Шизики футят» М.: Фонд Байтик. Интерпринт 1994, и С.К. Ковалёвой, см. «Ты помнишь физфак?» М.: Поматур, 2003, и др.)

«После первого курса физфака [1959 г.] едем на Целину, чувства переполняют... Осенью комсомольская конференция физфака по предложению Наташи Кабаевой принимает решение: провести весной 1960 г. «День рождения Архимеда». Начальник штаба праздника — реликт нравственности Толя Широков. «Будешь писать оперу» — в присущем ему лапидарном стиле заявил Серёжа Литвиненко, командир первого Строительного студенческого отряда физиков. «Мой друг Киса [Кессених] — продолжал благословлять отец родной Серёжа — написал со товарищи «Дубинушку» и «Серый камень», ты же напишешь третью...». Не обошлось без насилия, как заметил мой друг и соавтор Валерий Миляев. Комсомольское бюро официально поручило нам с Миляевым писать оперу «Архимед». Написали.

Народ нам помог. Опытный режиссер Степан Солуян учил нас, как должны ходить, сидеть и беседовать боги и другие персонажи. Дима Гальцов стал аккомпаниатором, Валя Руденко исполнял танец жертвоприношения богам. Киса (Саша Кессених) читал наш, шибко им же подправленный, текст краткого содержания оперы. Виталий Михайлин рисовал картинки для проекции (декорации). Толя Широков руководил хором и бурил скважину в четвёртом действии. Мощь очаровательного коллектива была замечена. Солировали «староста курса» Витя Дубинчук, «божий отпрыск» Юра Косичкин...

На следующий год, когда на оперу приехал Нильс Бор, мой дипломный руководитель Рем Викторович Хохлов, стоявший по партийному поручению с красной повязкой у дверей клубной части, жаловался: «Да вот, вышибалой стою на вашей опере...».

Перед оперным спектаклем (второй праздник Архимеда в 1961 г.) те же знакомые лица на ступенях физфака. Мы видим здесь Е.М. Лифшица, Маргарет Бор, Нильса Бора, Л.Д. Ландау. Во втором ряду заметен И.Е. Тамм, Кора Ландау. Все они будут и на опере.

В 1963 г. мы давали «Архимеда» в Доме писателей. Нас слушали гости — композиторы — и встречали хозяева во главе с Константином Симоновым, который поставил артистам ящик коньяку и провозгласил: «Отдам трёх „Аид“ за одного „Архимеда“», а потом сбацал чарльстон с будущим режиссёром студии «Архимед» Светланой Ковалёвой.

Мы с Миляевым почилы на лаврах, но эстафету принял Юра Гапонов, который организовал и поныне действующую студию «Архимед», с 1969 г. при Институте атомной энергии им. И.В. Курчатова. Постановки продолжались, коллектив обновлялся. Выявлялись всё новые звёзды...».

336

Продолжаю об Алике. Книга в соавторстве с С. Солюяном появилась в те годы, когда физика мощных акустических волн быстро превращалась из любопытного академического направления в область прикладной физики. Она оказалась востребованной и собрала тысячи ссылок. В книге был впервые систематически изложен математический аппарат нелинейной акустики, развитый Р.В. Хохловым и его учениками, проанализированы основные идеи и результаты этой области физики. В частности, впервые дана теория интенсивных дифрагирующих пучков на основе уравнения, которое О.В. Руденко предложил назвать уравнением Хохлова—Заболотской. Сейчас термин $X-3$ общепринят и не нуждается в комментариях. Было предложено нелинейное интегро-дифференциальное уравнение для волн в средах с памятью, ядро которого вырождается в экспоненциальное для простых релаксирующих сред типа Мандельштама и Леонтовича. Сформировано общее представление о взаимодействиях недиспергирующих волн и волн в искусственных средах со слабой дисперсией. При описании параметрических взаимодействий впервые был использован подход, ос-

нованный на комбинированном частотно-временном описании волновых полей, оказавшийся очень эффективным для сильно искаженных волн, содержащих разрывы. Глава по статистическим явлениям в нелинейной акустике, изучение которых было начато по инициативе О.В. Руденко, появилась раньше соответствующих журнальных статей.

В 1974 г. Р.В. Хохлову удалось взять О.В. Руденко на работу в МГУ младшим научным сотрудником. [По себе знаю, как это способствует творческому подъему — ВШ]. В середине 1970-х О.В. Руденко смог построить теорию нелинейной трансформации спектров и вероятностных распределений случайных волновых полей, решить ряд задач лазерной генерации нелинейного звука, а также разработать теорию и принципы конструирования параметрических приборов для подводных приложений. Эти работы легли в основу направлений, известных теперь как «статистическая нелинейная акустика», «лазерная оптоакустика» и «нелинейная гидроакустика».

Незадолго до своей гибели в 1977 г. Р.В. Хохлов привлек О.В. Руденко к преподаванию в МГУ. С этого момента Олег Владимирович читал лекции по общим курсам — «Электродинамика», «Теория волн», «Динамика сплошных сред», а также по ряду оригинальных спецкурсов, вел семинарские занятия по всем основным курсам радиофизического направления. Этот опыт был им использован при написании учебных пособий «Теория волн» (вместе с М.Б. Виноградовой и А.П. Сухоруковым), «Акустика в задачах» (вместе с С.Н. Гурбатовым и др.), «Нелинейная акустика в задачах и примерах» (вместе с С.Н. Гурбатовым и К.М. Хедбергом). Читал Олег Владимирович лекции по «Общей физике» и на мехмате.

Наш факультет не очень-то в то время обращал внимание на поощрение преподавателей, а студенты мехмата признали его лучшим лектором. Вроде бы сейчас положение изменилось. Ломоносовскую премию получили А.А. Шишкин, В.Н. Прудников, да и, наконец, ей же оценены и педагогические успехи Олега Владимировича.

В том же 1977 г. Р.В. Хохлов поручил О.В. Руденко организовать экспериментальную лабораторию нелинейной и лазерной акустики. С оснащением лаборатории, расположенной в Корпусе нелинейной оптики МГУ, помогли партнеры — промышленные организации. Здесь сформировался коллектив талантливых молодых учеников О.В. Руденко. Удалось впервые наблюдать тепловое самовоздействие ультразвука в вязких жидкостях, подавление нелинейного поглощения введением искусственных линейных потерь, бистабильность резонаторов, несимметричное искажение ударно-волновых профилей в дифрагирующих пучках. Были развиты методы лазерно-акустической диагностики. Впервые наблюдалось искажение профиля волны и формирование ударного фронта в твердом теле. За эти работы четыре аспиранта Олега Владимировича в 1983–1985 гг. были удостоены премий Ленинского комсомола.

338

В 1981 году результаты работ по прикладной подводной акустике, проводившиеся в содружестве с Таганрогским радиотехническим институтом, были оформлены в виде монографии «Нелинейная гидроакустика» (совместно с Б.К. Новиковым и В.И. Тимошенко); в 1987 г. она издана в США. Эта книга, посвященная основам проектирования гидролокаторов и приемников нового типа, до сих пор пользуется популярностью в мире и широко цитируется, несмотря на ее «инженерную» направленность.

В том же 1981 г. Олег защитил докторскую диссертацию «Взаимодействия модулированных слабо диспергирующих волн большой интенсивности». В 1985 г. коллектив авторов с участием О.В. Руденко был награжден Государственной премией СССР. В цикл работ «Создание основ нелинейной акустики и ее приложений» вошли работы О.В. Руденко, в которых был развит математический аппарат нелинейной акустики. В 1987 г. О.В. Руденко пришлось оставить своих сотрудников и лабораторию на кафедре волновых процессов, которой после смерти Р.В. Хохлова руководил С.А. Ахманов, и взять на себя заведование кафедрой акустики. С 1990 г. по 1997 г. О.В. Руденко совмещал эту должность с

руководством Отделением радиофизики и электроники МГУ. В 1990 г. на кафедре акустики была создана новая экспериментальная группа из числа защитившихся аспирантов, обнаружившая принципиальное для нелинейных волн явление — тепловую самофокусировку пилообразных волн в среде без поглощения. Был найден физический предел, ограничивающий импульсные поля в фокальной области мощных концентраторов. Создан первый лазерно-акустический литотриптер — прибор для бесконтактного разрушения почечных камней. В 1991 г. эти работы были удостоены премии имени М.В. Ломоносова. К этому времени завершилась работа по созданию пакетов прикладных программ NACSI. Это был итог многолетнего сотрудничества физиков и математиков в области численного решения нелинейных задач волновой физики, начатого в 1974 г. по инициативе академиков Н.С. Бахвалова и Р.В. Хохлова. Развитые асимптотические и численные методы частично описаны О.В. Руденко в книге «Взаимодействие одномерных волн в средах без дисперсии» (совместно с О.А. Васильевой, А.А. Карабутовым, Е.А. Лапшиным). Эти программы позволяли численно решать широкий круг нелинейных задач на первых персональных компьютерах за считанные минуты.

339

В 1991–1995 гг. по предложению О.В. Руденко (совместно с математиками, механиками, биологами и промышленностью) был выполнен цикл теоретических и экспериментальных работ, посвященных проблеме предсказания уровней звукового удара на местности и экологических последствий от эксплуатации проектируемых сверхзвуковых пассажирских самолетов нового поколения.

В 1997 г. Олег был избран членом-корреспондентом РАН. В том же году ему с коллегами была присуждена Государственная премия РФ за цикл «Динамика интенсивных шумовых волн и нелинейных структур в средах без дисперсии», в который вошли работы О.В. Руденко по статистической физике нелинейных волн.

В 1998 г. О.В. Руденко с сотрудниками опубликовали статью (удостоенную премии издательства МАИК/Наука)

о наблюдении дистанционной генерации сдвиговых волн радиационным давлением модулированного ультразвука. На основе этого явления были созданы и запатентованы приборы для диагностики мягких биотканей, в том числе для визуализации опухолей. Впоследствии О.В. Руденко серьезно занимался и другими биомедицинскими приложениями. Так, анализируя ранее неизвестные результаты 1952–1957 гг. по воздействию мощного ультразвука на злокачественные опухоли (Лаборатория анизотропных структур АН СССР, А.К. Буров) и данные клинических испытаний (Институт экспериментальной патологии и терапии рака, Н.Н. Блохин), удалось понять механизм стимуляции иммунной реакции на раковые клетки, приводящей к исчезновению метастазов. Недавно удалось объяснить уникальную способность напряженной скелетной мышцы «затягивать» и демпфировать удары.

340 Весом вклад О.В. Руденко и в прикладную геофизику. Им объяснен механизм появления добротных резонансов, наблюдавшихся при регистрации отклика вулкана Эльбрус на сейсмические сигналы удаленных источников. Показано, что резонансы возможны лишь при наличии загазованных расплавленных пород в магматической камере, что свидетельствует о подготовке к извержению. Развита теория нелинейности гранулированных сред, насыщенных флюидами; предсказано резонансное возбуждение и волноводное распространение звука в дне океана. Результаты по диагностике буронабивных свай при строительстве Третьего транспортного кольца в Москве использованы для развития теории волн в пластически деформируемых средах; построена теория релаксации гистерезисной нелинейности. Развита теория «гигантских» нелинейностей структурно-неоднородных сред, рассчитаны предельные значения нелинейностей. Не бросает О.В. Руденко своих занятий математической физикой и теорией волн. Он предложил новый принцип анализа нелинейных задач, основанный на разумном усложнении математической модели. Этот подход (связанный, в частности, с теоремой Н.Х. Ибрагимова о проекциях групп эквивалентности) по смыслу противоположен обычным методам упро-

щения, однако он выявляет новые симметрии, генерирующие точные решения. Предложено и решено нелинейное уравнение 4-го порядка для волн в рассеивающей среде, продолжающее «знаменитую цепочку» уравнений Бюргерса (2-й) и Кортевега—де Фриза (3-й порядок). Некоторые математики считают О.В. Руденко одним из «лидеров» в нахождении точных решений нелинейных задач, часть из которых приведена в справочниках и на соответствующих сайтах в Интернете (см., например, книгу «Нелинейные волны — 2006», М.: Изд. ИПФ РАН, 2007). Старый опыт удалось использовать для того, чтобы сделать «параметрические громкоговорители» — мощные излучатели направленного ультразвука в воздух, которые «обманывают» явление дифракции. С помощью фазированных решеток сформированы поля в фокальной области с уровнями до 160 дБ, позволяющие наблюдать сильные нелинейные эффекты — акустическую левитацию, селективную передачу сигналов (в том числе сквозь твердые препятствия), провести дистанционную диагностику дефектов. Этот опыт использован также для консультаций, которые не без пользы давались ряду известных фирм Германии, Франции, США, Ю. Кореи и Швеции.

341

Далее остановлюсь на информации, относящейся к последним десяти—пятнадцати годам. Многие из нас, достигнув 60–65 лет, снижают свою научно-преподавательскую активность. Я, например, сейчас читаю только один курс для аспирантов, а за последний год написал только одну статью, да издал две монографии. Другое дело Алик. Он не снижает свою активную научную деятельность. Все эти годы Олег Владимирович продолжал заведовать кафедрой акустики МГУ. По совместительству он работает в Институте общей физики имени А.М. Прохорова, Институте физики Земли имени О.Ю. Шмидта, а также время от времени — в Нижегородском государственном университете имени Н.В. Лобачевского и в некоторых других местах.

Длительное время Олег Владимирович был председателем Экспертного совета по физике Высшей аттестационной комиссии (ВАК), членом Президиума ВАК и членом Совета

Российского фонда фундаментальных исследований. Много внимания он уделял и уделяет издательской деятельности. Наряду с многолетней большой работой по журналу УФН, он также на протяжении почти двадцати лет являлся главным редактором «Акустического журнала» и его английской версии, выходящей под названием «Acoustical Physics». Он также был главным редактором журнала «Доклады академии наук. Физика, технические науки».

Публикуется Олег Владимирович и сам. Всего за десять последних лет в журналах, индексируемых в библиографической базе данных Web of Science (WoS), им опубликовано около сотни работ, заметная часть которых написана без соавторов.

342

Наблюдаемое усиление активности О.В. Руденко и немногих других настоящих ученых, да еще и в таком солидном возрасте, только на первый взгляд нам кажется парадоксальным. Этот феномен сегодня чаще всего связан с необходимостью выигрывать гранты и отчитываться по ним. Ведь в конкурсной борьбе за научные гранты (т.е. просто за возможность заниматься наукой) приходится учитывать современные реалии. Вот и Олег Владимирович руководит большим коллективом акустиков как на своей кафедре, так и в других местах.

Отметим, что О.В. Руденко был единственным живущим в России победителем конкурса мегагрантов Правительства РФ в 2011 г. Полученный грант финансировался в течение пяти лет, в результате чего в Нижегородском университете появилась «Лаборатория биомедицинских технологий, медицинского приборостроения и акустической диагностики» (руководитель лаборатории — Сергей Николаевич Гурбатов).

Сегодня это одна из самых оснащённых акустическим оборудованием лаборатория в мире. Получен ряд патентов, создано несколько приборов, два из которых уже выпускаются малыми сериями.

После этого коллективу сотрудников нескольких кафедр МГУ под руководством Олега Владимировича удалось выиграть грант Российского научного фонда, посвящённый

Виталий Лазаревич Гинзбург, нобелевский лауреат. Фото Сергея Савкина

Главный редактор журнала «Успехи физических наук» Виталий Лазаревич Гинзбург с женой Ниной Ивановной (слева), справа дочь Ирина Витальевна с мужем Львом Исаковичем Дорфманом

В.А. Гинзбург на физическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова. Слева — декан физфака профессор В.И. Трухин, справа — зав. кафедрой акустики академик О.В. Руденко

новым акусто-оптическим метаматериалам и наблюдаемым в них физическим явлениям. Среди них акустические аналоги дважды отрицательных «сред Веселаго» и структурно неоднородные материалы с гигантской нелинейностью. [По поводу «среды Веселаго» см. приведенный мной фрагмент из книги А.А. Рухадзе, стр. 542–543 — ВШ].

Немало внимания Олегом Владимировичем было уделено встречам с медиками, как по личным, так и по научно-методическим проблемам. Многие совместные с медиками дела связаны с эластографией — новым методом диагностики мягких тканей и внутренних органов (см. патент США А.Р. Sarvazyan and О.В. Rudenko, «Method and apparatus for elasticity imaging using remotely induced shear wave», US Patent 5,810,731).

346

Сегодня зарубежными корпорациями налажен массовый выпуск эластографов, но в России их пока немного. Потребовалось написать несколько статей в медицинские журналы для популярного объяснения явлений, лежащих в основе их работы. Клинические результаты обсуждались на конференциях «Союз физиков и медиков», проведённых на базе Приволжского областного медицинского центра в Нижнем Новгороде (С.В. Романов, П.И. Рыхтик), и отражены в книге «Эластография сдвиговой волны: анализ клинических примеров» (под ред. А.В. Борсукова, 2017), написанной медиками с участием Олега Владимировича.

Работы по инженерным приложениям к биологии и медицине за рубежом хорошо цитируются. Например, основополагающая работа по эластографии (А.П. Сарвазян, О.В. Руденко и др., опубликованная в журнале *Ultrasound in Medicine and Biology*, 1998, v. 36, 1379–1394), процитирована более тысячи раз. А.П. Сарвазян известен многим из нас как автор знаменитого физфаковского значка — «корень из факториала».

Интересно отметить, что теория этого явления, опубликованная Олегом Владимировичем за два года до этого в России, процитирована всего лишь три раза. О чем это говорит? А о том, что информационная работа в нашей стране

Олег Владимирович Руденко с академиком Федором Васильевичем Бункиным

Олег Руденко со значком-эмблемой Физического факультета МГУ

Олег Руденко в гостях у автора эмблемы физфака А. Сарвазяна в Америке, 1996 г.

с начала 1990-х гг. начала разваливаться, и не без участия ВИНТИ РАН и самой Академии. Научные журналы, а вместе с ними и Реферативный журнал ВИНТИ, стали малодоступны из-за высокой цены и мизерных тиражей. Кажется, я приводил ранее, что тираж выпуска Реферативного журнала «Физика» опустился до 14 экземпляров в настоящее время.

Биомедицинские патенты Олега Владимировича, полученные после 2008 г., посвящены определению вязкости крови в процессе венопункции (2014 г.), с использованием капиллярных трубок (2014 г.), способу определения аполипротеинов в сыворотке крови (2015 г.). Кроме того, придуманы устройства для группировки наночастиц (2011 г.) и способы получения упорядоченных наноструктур на подложке (2011 г.).

350

По результатам прикладных работ по гидроакустике также оформлены патенты, среди которых: «Способ поиска углеводородов на шельфе Северных морей» (2014 г.), «Подводная автономная сейсмогидроакустическая станция на акватории Арктического шельфа» (2014 г.).

В статьях ОВР последних 10–15 лет изложены следующие результаты:

1. Работы по математической физике посвящены нелинейным интегро-дифференциальным уравнениям и уравнениям с неаналитическими нелинейностями, обобщающим уравнения Бюргерса, Кортевега—де Фриза, Хохлова—Заболотской, Островского—Вахненко и ряд других.

2. Сконструированы точно решаемые модели, описывающие интересные нелинейные структуры и явления. Среди них — устойчивые ударные волны разрежения, модульные солитоны, трапецевидные пилообразные волны.

3. Выяснен смысл решения Ландау—Слэзкина для затопленной струи и получено его обобщение, нужное для описания нелинейных акустических течений и оптимизации работы струйных гидрорезательных машин. Указан резонансный режим для технологии «линейной» сварки трением.

4. Изучены явления, связанные с акустомикрофлюидикой. Созданы сильно нелинейные элементы для включения в

структуру искусственных метаматериалов и устройств для звукопоглощения и преобразования частоты.

5. Решён ряд статистических задач. Изучено распространение интенсивных шумовых волн в наследственных средах типа биотканей и геоструктур. Найдены новые точные решения уравнений Колмогорова—Феллера и Фоккера—Планка.

6. Иницированы работы по решению нелинейных обратных задач. В частности, восстановлена пространственно-временная структура поля на излучателе для максимального теплового и радиационного воздействия фокусированного ультразвука.

7. Описаны принципиальные различия между сильно нелинейными волнами и слабо нелинейными волнами с сильно выраженной нелинейностью. Проведена классификация истинно сильных волн. Построены математические модели, даны примеры.

8. Выдвинута гипотеза о том, что наряду с основной функцией скелетной мышцы преобразовывать химическую энергию в механическую она обладает способностью защищать кости и суставы от травм при ударных нагрузках. Построены модели реакции напряжённой мышцы на удар, а также модель анизотропии её упругих и диссипативных свойств. Результаты подтверждены экспериментально.

9. Построена теория нелинейностей твёрдых тел с дефектами. Обнаружена связь между электрическими и механическими характеристиками в области перехода жидкость—твёрдое тело, полезная при дистанционном зондировании замерзающих природных сред и оценки прочности грунтов в зоне вечной мерзлоты. Экспериментальные работы по нелинейностям структурно неоднородных сред ведутся в Центре нелинейной диагностики МГУ (руководитель — А.И. Коробов).

Олег Владимирович неоднократно при мне говорил, что написание серии статей должно завершаться изданием монографии, а чтение курса лекций — учебным пособием. Даже

яркий результат, представленный в статье, со временем «зашумляется» набегающим потоком информации.

Чтобы сохранить знание и противостоять хаосу, поощряемому наукометрическими центрами и использованием наукометрических показателей при оценке научной деятельности, полезно публиковать книги, содержащие ценную, а главное — систематизированную научную информацию.

352 Когда нужно вникнуть в новую для себя область, учёные обычно начинают именно с хороших книг и обзоров, а уже только после этого переходят к сайтам научных журналов в Интернете и использованию их встроенного поискового аппарата в виде авторского указателя, рубрикатора и простого или развёрнутого поиска по ключевым словам. Можно с большой вероятностью утверждать, что вряд ли появилась бы наша отечественная школа блестящих универсальных физиков-теоретиков, не будь в своё время создан замечательный курс Л.Д. Ландау и Е.М. Лифшица. Классики науки положили на создание книг много сил, которые могли бы отдать удовлетворению своих личных научных интересов. Всё это послужило основанием для написания мной раздела в своей монографии, выдержку из которой под названием «Проблема эффективных менеджеров» я привожу в этой книге.

Действуя в духе сказанного выше, Олег Владимирович написал свою первую монографию ещё в аспирантуре, около пятидесяти лет назад. Её английский перевод тут же издали в США. Потом были и другие книги, среди которых — и инженерные, и учебные. К этой коллекции за последние пятнадцать лет Олег Владимирович добавил следующие книги:

1. «Волны и структуры в нелинейных средах без дисперсии» (написана совместно с Гурбатовым С.Н. и Саичевым А.И.). Издана в Москве (2008), а её перевод на английский язык издан в Китае (2011) и в Европе (2011).

2. «Нелинейная акустика в задачах и примерах» (написана совместно с Гурбатовым С.Н. и Хедбергом К.М., 2009), переведена на английский язык в Канаде (2010).

3. «Противолодочные подводные ракеты. Физические проблемы и история создания акустических систем наведения» (написана совместно с Минаевым А.В. и Романовским Ю.М., 2011).

Первая из перечисленных монографий удостоена Главной премии издательства МАИК/Наука за книжное издание.

Кроме того, в 2009 г. вышло 2-е издание учебного пособия «Акустика в задачах», а в 2015 г. — 3-е издание пособия «Теория волн» (эта книга также была переведена на китайский язык).

Сегодня появляется множество новых научных журналов, сборников, трудов конференций. В них публикуется, к сожалению, немало «мусорной» информации, а также авторских повторов и откровенных заимствований. Чтобы как-то противостоять этому «мутному потоку» и улучшать качество статей, публикуемых в академических журналах, способствовать повышению их цитируемости, постараться исключить утрату ценных результатов прошлых лет, Олег Владимирович инициировал работу по созданию архива «Акустического журнала» и системы поиска нужных статей по акустике.

В настоящее время такой архив создан группой под моим [ВШ] руководством и размещён на сайте <http://www.akzh.ru> (см. УФН 185 1235–1240 (2015) на сайте <https://ufn.ru/ru/articles/2015/11/i/>). Возможно, что именно в этом направлении имеет смысл двигаться отечественным научным журналам.

За последние годы Олег Владимирович написал несколько обзорных статей в отечественные и зарубежные журналы, в том числе три статьи для нашего самого рейтингового физического журнала «Успехи физических наук» — УФН. Сомневаюсь, что кто-нибудь не знает этого сокращения.

Научные и организационные усилия Олега Владимировича были оценены его коллегами. В 2015 г. «За заслуги в области развития образования, научной и педагогической деятельности, большой вклад в подготовку квалифицированных специалистов» (из Указа о награждении) Олег Владимирович получил орден Дружбы, а в 2016 г. он был удостоен

звания «Почётный профессор Нижегородского университета», в 2018 г. он получил звание «Заслуженный профессор Московского университета им. М.В. Ломоносова», а в 2020 г. получил премию им. М.В. Ломоносова за педагогическую деятельность.

354 На втором курсе я жил с моими однокурсниками Олегом Руденко, Володей Черкезяном, крупным, красивым парнем из Тбилиси, и первокурсником Володей Анисимкиным. Черкезян сразу стал его называть «наш юный друг». Жили дружно, а Володе Анисимкину так просто повезло, т.к. мы уже прошли все препятствия первого курса и заранее предупредили его о возможных трудностях или поджидающих неприятностях. На лекции надо ходить, задачи физпрактикума регулярно сдавать, семинарские задания выполнять, быть активным на них, гражданской обороной и физкультурой не пренебрегать, работы Владимира Ильича переписывать в тетрадь по «Истории КПСС», не задумываясь, и стараться получать зачеты-автоматы.

Как-то разговариваем с Володей Якименко о студенческих годах. Он вдруг вспоминает, что на втором курсе у Алика был семинаристом по дифференциальным уравнениям будущий академик Виктор Павлович Маслов, тогда доцент кафедры математики, любимый ученик академика А.Н. Тихонова.

С именем В.П. Маслова связано множество научных понятий и не только.

Как пишет Википедия, существуют:

индекс Маслова,
 канонический оператор Маслова,
 лагранжево подмногообразиие — введено Масловым,
 класс Маслова,
 метод Маслова,
 цикл и коцикл Маслова,
 фаза Маслова,
 форма Маслова,
 расслоение Маслова,
 деквантование Маслова,

число Маслова,
 квантование Маслова,
 интеграл Маслова,
 цепочка Гюгонио—Маслова,
 поправка Маслова,
 сейсмограмма Маслова, Чапмана—Маслова,
 Кирхгофа—Маслова и др.,
 представление Маслова,
 комплексный росток Маслова.

Мне особенно нравится последнее — «комплексный росток Маслова». Что это такое и где у Маслова росток — не знаю. Пожалуй, не буду и смотреть, чтобы сохранить очарование.

Судьба самого Виктора Павловича и его семьи чрезвычайно интересна. Он был женат на своей аспирантке-вьетнамке по имени Ань и пережил бурные события, связанные с тем, что она была не просто вьетнамской девушкой, а еще и дочкой Генерального секретаря компартии Вьетнама Ле Зуана. Перипетии их жизни он описал в повести «Безоружная любовь» сначала под псевдонимом, т.к. был еще жив Советский Союз (1989 г.), а потом переиздал уже под своим именем. Сейчас она доступна в Интернете по адресу: http://pn.triumph.ru/files/TU8E7CNSSXT_book.pdf (дата обращения 21.07.2022). Как пишет сам Виктор Павлович, Булат Окуджава по поводу этой повести написал: «Я начал читать повесть Виктора Маслова как частную бытовую историю, а когда прочел, понял, что это, выражаясь несколько высокопарно, документ нашего недавнего времени — точный, пронзительный и трагический. Я прочел и вздрогнул, ибо ощутил себя участником этой печальной битвы и не за житейские блага, не за абстрактную справедливость, а за утраченное нами человеческое достоинство» («Известия», № 200, 20 октября 1993 г. «Двое против двух государств»).

Я немного отвлекся. Так вот, Володя рассказывал, что Алик был у Маслова лучшим учеником, которого тот выделял. Я засомневался — не в том, что этого не могло быть, очень даже могло, но на втором курсе я с Аликом жил в

одной комнате в общежитии и ничего об этом не слышал. При случае спросил Олега Владимировича. Оказалось, всё совсем не так. Действительно, В.П. Маслов был у него семинаристом. Обычным преподавателем, кажется, доцентом, но уже сознающим свою значимость, по крайней мере, для себя. Как всегда, на занятия студенты ходили через пень-колоду — это бывает, если преподаватель не блещет харизмой, в смысле, особой одаренностью в преподавании или не сумел как следует запугать их, как делал Сан Саныч Шишкин. Так вот, спустя несколько занятий Маслов сказал:

— Если вы не хотите ко мне ходить, то и я не буду, — и прислал свою аспирантку, которая дальше и вела семинары.

356

Вела плохо, как и многие аспиранты, которым «этого еще и не хватало». Приближалось время зачета, и Маслов через нее объявил, что все студенты будут сдавать зачет, но троих он выделил, дав диффур, решение которого, по словам Алика, было Маслову нужно для своих целей. Обещан был зачет-«автомат». Все трое это сделали, и «автомат» был получен. Однако на экзамене снова была аспирантка, и я помню слова Алика после экзамена (сочные ругательства не привожу):

— Поставила четвертку, сказав, что на все вопросы ответил правильно, но, мол, отвечал не бойко, долго думал (раздумывал).

Хотел бы я сейчас посмотреть на эту аспирантку. Где она, как она устроена. Довольна ли жизнью и запомнила ли тот случай. Это единственная четверка у Олега за все время обучения. К сожалению, имя ее он не помнит, а мне было бы интересно. Занятный феномен наблюдается: студент-первокурсник считает себя богом для абитуриентов, студент третьего курса — бог для первокурсников, а аспирант — бог для студентов-младшекурсников. Прекрасно.

Подобный случай был и у меня, и у Володи Якименко на втором курсе с семинаристом по матанализу. Звали его тоже Владимир и как-то по бабушке, не помню. Был он также аспирант. Поведение на его семинарах было у нас с Володей разное. Я после хорошей первой и второй сессии и, сделав

выводы из садизма Сан Саныча Шишкина, решил, что надо вынимать из преподавателя всё, что можно. На занятиях постоянно задавал вопросы, если что не понимал; выходил к доске, если он вызывал желающих, и, наверное, был неудобным студентом. Володя же, по своему обыкновению, на глаза не лез. В результате я получил «автомат», а Володя был отправлен на комиссию. Собственно, там он и познакомился с Толей Козарем, будущим профессором и заместителем декана. Как вы понимаете, комиссию оба сдали.

В последние пару десятилетий академик Маслов живет на даче, не выезжая. По словам Алика Руденко, который в свою очередь передает слова самого Маслова, у того в организме сидит какой-то сильно заразный вирус. Ему он не причиняет никаких неприятностей, но для других очень заразен, и поэтому он вынужден ни с кем близко не общаться, только по телефону. Вот так и не иначе. Вообще, научная жизнь академика Виктора Павловича Маслова очень интересна. Он много чего в науке сделал.

А возвращаясь к Степану Солуяну, я хочу рассказать случай, который для кого-то может показаться интересным, а для кого-то показать его оптимизм последнего года жизни.

Пришел как-то к нему доктор, осмотрел, померил давление и говорит:

- Степан Иванович, что вы от давления принимаете?
- Пью коньяк, доктор, он расширяет сосуды.
- Да, но потом они резко сужаются. Это не метод.
- Доктор, а я не даю им сужаться.

Я ничего не сказал о Сергее Николаевиче Гурбатове, ведущем физике Нижегородского государственного университета, соавторе и друге Олега. На моё: «Мне кажется, что наступает старость», Алик привел шуточные слова Гурбатова в духе Степана Солуяна:

- Казалось, нам пи***ц пришел. Оказалось — не казалось.

На 65-летиі С. Гурбатова (стоит в центре в рубашке). Справа от него — академик О. Руденко, крайний справа — президент РАН академик А. Сергеев

На выставке. В центре — академик О. Руденко, справа — С. Гурбатов, слева — Л. Собисевич

О.В. Руденко — почетный доктор Нижегородского государственного университета

В мемориальном кабинете академика А.Н. Крылова. В кресле — академик О. Руденко, справа — Л. Собисевич

Володя Черкезян

362 Перехожу ко второму своему соседу по нашей комнате в общежитии на Ломоносовском проспекте. Чтобы знать, каков Володя Черкезян, приведу эпизод из его юности. В последние школьные годы все мы участвовали в олимпиадах по физике или математике — районных, городских, областных, республиканских и т.д. Кто останавливался в самом начале, будучи непривычным к такого рода испытаниям, а кто и побеждал. Цель участия была не только в самоутверждении, но и гораздо прозаичнее. Победители республиканских и всесоюзных олимпиад получали право внеконкурсного поступления в вузы. Я лично об этом мало знал, но даже меня как-то уговорили принять участие в городской олимпиаде по математике, которую проводил наш местный Балашовский пединститут. Никакого первого места я не занял, но какую-то грамоту дали. Гораздо больше меня интересовали спортивные соревнования по легкой атлетике, где я неоднократно был чемпионом Саратовской области.

Опять отвлекся, а рассказать я хотел о Черкезяне. Итак, городская олимпиада Тбилиси по физике. Все сидят, ждут заданий. Вдруг входит высокий, стройный парень в модном тогда плаще-болонье. Сейчас у нас принята Болонская система образования, а тогда не менее, а может быть, и более популярными были плащи-болоньи. Купить их было невозможно, только «доставали». Володя Черкезян, а это был он, картинно бросает свой плащ на первую парту и садится. Раздали листки с заданиями, определили время — три часа. Где-то через полчаса встает Черкезян и со словами:

— Ну что это за задачки, детский сад, — бросает свои листки на стол комиссии и при полном удивленном молчании всех остальных выходит, хлопнув дверью.

— На республиканской олимпиаде я его уже не видел, — сказал мой собеседник, рассказавший мне об этом эпизоде из далекого прошлого, когда мы в очередной раз говорили о Володе.

Володя незабываем, мы общаемся с ним всю жизнь, и этот эпизод точно характеризует его. Вот и другой. Желю Бънзаров рассказывал мне, что как-то они сидели с Черкезяном в компании двух девушек, болтали, выпивали, имели виды на дальнейшее продолжение, и вдруг девушки решили уходить. Желю думает, как бы у них взять телефончик, а Володя в свою очередь говорит:

— Ну вот, подруги, мой телефон. Звоните.

Или другой эпизод, тоже с Желиного рассказа:

— Купил я в гастрономе в зоне «В» полкило голландского сыра, иду к себе из магазина, навстречу Черкезян. Остановились поболтать, тот рассказывает, что худеет и сейчас совсем не ест. Зашли ко мне попить чайку. Я нарезал немного сыра, т.к. я не худею и хочу поужинать. Черкезян с неохотой взял кусочек, скривился, опять начал говорить о своей диете и под этот разговорчик умял весь сыр.

Не знаю, как у вас, а у меня сразу перед глазами Володя, с его снобистским характером, независимостью и, в то же время, крайней ранимостью, которая у него была.

Бывали периоды в жизни, когда мы часто встречались, и я завидовал его умению «решать вопросы». Например, он легко стал москвичом, купил кооператив, когда я и мечтать об этом не мог, черную «Волгу», которая была мечтой всех автомобилистов в то время, работал в Академии в престижном институте кристаллографии, ходил как к себе домой в Дом ученых на Пречистенке, и многое-многое другое. С черной «Волгой» был у нас с ним такой эпизод. Я тогда жил в обсерватории на Красной Пресне, переулок Павлика Морозова, 5, в квартире 13. Место удобное, недалеко от центра, рядом большой гастроном в высотке на площади Восстания. Это я к тому, что у меня скопились мешка два пустых бутылки из-под водки, шампанского, пива. В этот раз денег у меня особенно не было, а Володя приехал на своей только что купленной «Волге». Несмотря на «Волгу», денег у него тоже не оказалось. Взяли эти два мешка, загрузили в багажник и поехали в пункт приема стеклотары, который находился тут же, при гастрономе. Если кто помнит, это рядом с кинотеат-

Саша Зосимов, Володя Черкезян и Володя Петров на встрече курса (слева направо), 1996 г.

ром «Пламя», который находился с задней цокольной стороны высотки. На вырученные деньги купили что надо и поехали кататься, сначала по Серебряному бору, а затем к Володе домой на Соловьиный проезд в Ясенево. Утром я уезжал уже на метро.

Бывали также у нас с Володей периоды, когда мы долго не встречались. Потом я купил кооператив в Коньково, а Володя жил в Ясенево со стороны Севастопольского проспекта, так что я ходил к нему в гости через санаторий «Узкое» пешком, а он нет, не любил ходить, и приезжал на такси. Тогда это было недорого для такого расстояния — рубль, проблема была поймать такси. Разное бывало. Сейчас он сидит в Тбилиси, где купил квартиру. Разговариваем мы по Скайпу. Уже несколько лет он не может приехать в Москву, где у него тоже квартира, там же, на Соловьином проезде, да и гражданство российское, но сначала закрыли воздушное сообщение между нашими странами, затем ковид, сейчас сообщение по-прежнему закрыто и надо лететь через Ереван или Турцию. У него же большие проблемы со здоровьем, и совершать такие вояжи трудновато. Если бы снова прямой рейс... Надеюсь, будет. Увидимся.

365

Третий наш «сожитель», Володя Анисимкин, был на курсе младше и старался впитывать наши «наставления» и «поучения». Впитал, став доктором наук и главным научным сотрудником ИРЭ РАН. Недавно после долгого перерыва я с ним встретился и сразу узнал. Володя совсем не изменился, тот же, каким я его помню.

В сущности, через 55 лет мы снова вместе. Алик — мой зав. кафедрой, Володя Анисимкин был оппонентом на моей защите, с Володей Черкезяном мы часто разговариваем по Скайпу. Володя Якименко тоже мой скайпособеседник. Жизнь ведь продолжается, и мы отмечаем каждый своё 75-летие и вместе — 55-летие нашей дружбы. Такие вот дела, парни.

Третий курс

Эту часть я не собирался писать, но всплыли воспоминания. На третьем курсе нас переселили в Главное здание — ГЗ, на 13-й этаж зоны «Б». По легенде, которая похожа на правду, зонами корпуса ГЗ называли из-за того, что все неквалифицированные, да и не только, работы на строительстве здания выполняли заключенные. Их территории разделялись по зонам. Впрочем, применялись и военно-строительные части. Контроль над возведением нового здания университета осуществлял Лаврентий Павлович Берия. Только ему удавалось доводить до ума такие проекты. Будь то атомный проект, депортация народов или строительство высотного здания Университета.

366

Зона «А» — главный ствол здания. В нем находятся аудитории и кафедры трех факультетов: геологического, механико-математического и географического. На 7 этаже в мое время был абонемент центральной библиотеки МГУ. На 9–10 этажах — ректорат с парткомом и профкомом, в общем, администрация МГУ, на 24–31 этажах — музей землеведения, а далее шпиль с его подсобными помещениями. В «крыльях» от основного ствола ГЗ находятся общежития студентов и аспирантов — зоны «Б», «В», «Г», «Д», «Е», «Ж», «З». Первоначально внутри здания можно было по переходам попасть из одной зоны в другую и в ствол ГЗ, но в мое время двери уже были закрыты большими висячими замками, и только математики сохранили еще переход со своих этажей общежития на 14-й этаж ГЗ. Широко об этом они не распространялись, и я узнал об этом случайно. В корпусах «И», «К», «Л», «М» находятся квартиры профессорско-преподавательского состава. В корпусе «М» жил Гаврила Сергеевич Хромов на одном этаже с профессором Лёвшиным Леонидом Владимировичем. Отсюда и встречающиеся в предыдущей книге записи Гаврилы Сергеевича о беседах между ними. Помните: «По словам Лёвшина, он [Гребеников] тем самым совершенно закрыл себе путь в ГАИШ [имеется в виду, в директора]» или как:

«Своего соседа по квартире на этаже профессора Лёвшина, члена парткома МГУ, ГС просит передать секретарю парткома физического факультета Б.С. Ишханову, „... чтобы тот на сей раз не вздумал шутить со мной, как 1,5 года назад“». Но, как известно, произнесенные угрозы — это лишь «поднять шерсть дыбом и сделать грозный оскал», за которыми, как правило, если угроза не подействует, ничего не следует. Профессор Борис Саркисович Ишханов умер в 2020 году, на 82-м году жизни. Уходя из ГАИШа, я имел с ним беседу. С моим решением уйти он согласился, на прощание сказав, что надо было придти раньше. Сын профессора Лёвшина был моим однокурсником. Вот как тесно переплетается всё в жизни.

Возвращаюсь к краткому описанию ГЗ. Жили мы по двое в комнате и четверо в блоке. Блок состоит из двух комнат, и справа от входной двери туалет, а слева душ и умывальник. Все работает, а если ломается что-то, то к дежурной по этажу. Она вызовет мастеров. Обычно дежурные — женщины, да мужчин я и не встречал. Как правило, пожилые женщины. Дежурили они днем, а вечером по этажам ходили ночные дежурные. Обычно они нам не досаждали, разве что кто после 24 часов никак не уgomонится. Еще был оперотряд из студентов. Его боялись, т.к. встреча с ними не обещала ничего хорошего. «Санитары леса». Так, на четвертом курсе мы с Олегом Ивановым с ними встретились. Весна, сидим, пьем вечерком чай, болтаем, окно открыто. (На самом деле чай, не подумайте, что «рюмку чая»). Вдруг в дверь блока сильный, по-хозяйски, стук в дверь. Открываем. Заходят несколько человек.

- Документы! — Показываем пропуска в общежитие.
- Пройдемте в оперштаб.

Идем в цокольный этаж зоны «Б», где они располагались. Я пишу «идем», как будто мы знали, где он находится. На самом деле нас туда повели. Там дали бумагу и приказали писать, чем мы занимались. Пишем, что пили чай. Вдруг забегает еще один оперотрядовец и кричит:

- Не эти, этажом выше.

Витя Бычков, Володя Степанов и Володя Аникеев на переднем плане на встрече курса (слева направо), 1996 г.

Нас отпускают без объяснений и, конечно, без извинений. Потом выяснилось, что они из соседнего корпуса наблюдали, кто выкидывает бутылки во двор. Была у некоторых такая забава — бросать пустые бутылки из окна. Вечером часто раздавался грохот разбивающихся внизу пустых бутылок из под молока-кефира или вина-пива. А здесь весна, май, многие окна открыты, вот они и перепутали. Но мы с Олегом не скажу что сильно струхнули, но напуганы были, так как такие дела могли закончиться и отчислением. Наше слово против свидетельства оперотрядовца было ничтожно. Примерно так же, как слова водителя против гаишника. Я знаю, что сейчас гибддешники, но мне нравится по-старому — гаишники. Вот и Word не подчеркивает.

Третий курс еще хорошо известен тем, что в конце пятого семестра есть экзамен по «Методам математической физики».

В мое время в политехнических институтах была такая заповедь: «Сопромат сдал — и можно жениться». Для моего физфака я бы ее сформулировал так: «Методы матфизики сдал, значит, уже не отчислят». Заповедь подтверждена студентами многих поколений. У нас в группе астрономов отчислили пять человек. Кто-то потом, отслужив «срочную», снова вернулся, кто-то не вернулся. Жаль ребят.

369

Но не всё на третьем курсе было так страшно. Были и веселые моменты.

Володя Анিকেев повесил у лифта объявление:

«Господа Черкезян и Руденко открывают кавказский ресторан. По вечерам меблированные номера в Б-1329 для господ офицеров».

О мести Жени Видюкова за друзей рассказал Володя Черкезян.

Володя Черкезян:

— Вот вспомнил, что Женя Видюков написал в ответ на объявление о том, что в нашем блоке что-то там насчёт шашлыков и люля-кебабов.

Гей, студенты, Всем-всем-всем!
В Б-1327 будут в пользовании вашем
Все доступные парашаи.
Для господ и для лакеев.
Председатель — Аникеев.

Видюкову же принадлежит и такой стих:

Гей, студенты!
В день воскресный
Ждёт вас диспут интересный!
Вам расскажет Полулях
О своих больших му**х!
Приходите смело, люди
Лишний раз не вредно будет
Бросить трезвый взгляд на м**и!

370 Примерно так было.

— Где сам Видюков и что с ним, — говорит Володя Черкезян, — я не знаю. Последний раз я его видел где-то в конце 1989 года.

Женя, откликнись!

Лев Савров и его рассказы

С Львом Александровичем Савровым я знаком давно. Он закончил факультет в 1963 году и, как и многие в ГАИШе, проработал в нем всю жизнь, хотя работал и интересно — полгода—год в Москве, затем два—три года в Африке. Лев гравиметрист, а я со многими гравиметристами дружил: Вадим Милюков, Боря Михайлов, Витя Назаренко, Хайдар Таджидинов, Гена Монахов, Пал Сергеич Строев — все были отличные ребята. Да и их начальник, Марат Усманович Сагитов, тоже мне был хорошо известен, входили в одну партячейку. Еще он был при Д.Я. Мартынове его заместителем по

научной работе. Вообще, в группе гравиметристов не нравились мне только двое: Юрий Васильевич Бобров и Владимир Иванович Коржев. Ну, Бобров-то понятно, я описывал в первой книге, каким он был на административной работе. А Коржев — своим барским поведением. Ну, бывает ведь антипатия к людям на уровне флюидов. Здесь у меня, видимо, было то самое.

А Льва я вспоминаю всегда с теплом. С ним было приятно поговорить за жизнь.

В то время, когда еще работал в ВИНТИ, я переехал жить на Ленинский проспект и нередко ходил обедать в 8-ю столовую. Как-то иду от метро, а навстречу мне Лев, видимо, время было что-то после 15 часов. Он уже шел к метро из ГАИШа. Остановились, начали болтать и как-то скатились на недавно написанную им книгу «Тренер людоеда». Он потом подарил мне её. Рассказывая, как писал, Лев с восторгом начал говорить о французском писателе Ромене Гари. Мне он был неизвестен.

— Как же так? — изумился Лев. — Это же французский классик, дважды лауреат Гонкуровской премии, а это тебе не Нобелевская по литературе. Тех, нобелевских лауреатов, читать невозможно, а этим зачитаешься.

Я сказал, что Франсуаза Саган тоже получала эту премию, а это лучшая рекомендация. На самом деле я ошибся, и она получила «Премия князя Монако» за вклад в литературу, как нам сообщает Википедия. Тем хуже для Гонкуровской премии.

Спасибо Лёве, с тех пор я прочитал много повестей и рассказов Ромена Гари. Если вы с ним незнакомы, то непременно почитайте. Например, «Леди А.» или «Дальше ваш билет недействителен». Чем-то Гари мне напоминает любимого мною Богомила Райнова.

В общем, расстались мы около 17 часов, и я еле-еле успел в столовую до закрытия.

Почему Лев Александрович в этом месте книги — а потому, что я хочу привести вам в сокращенном виде один из его рассказов о поступлении на физфак. Полностью —

http://www.sai.msu.su/EAAS/rus/doc/ent_MSU.htm (дата обращения 01.08.2022).

Лев Савров. «Как я поступал в МГУ»
(фантазмагорическая, сугубо правдивая история)

Как известно, торжественное открытие нового комплекса МГУ на Ленинских горах состоялось 1 сентября 1953 года. В достославном городе Брянске, где я тогда жил, это событие заранее широко освещалось местной прессой, в кинотеатрах перед каждым сеансом крутили хронику, и этот сюжет занимал своё достойное пропагандистское место. Я стал подумывать о том, что, пожалуй, было бы неплохо попасть в лучший университет страны. И именно тем летом родители решили переехать в Башкирию из-за более перспективной работы.

372

На вокзале мои смутные желания о будущей, достаточно отдалённой учёбе (я тогда закончил восьмой класс) были подкреплены весьма необычной церемонией. Когда мы всей семьёй и с кучей вещей ввалились, отдуваясь, на перрон, грянул военный оркестр, и огромная толпа разразилась аплодисментами.

— Мам, с чего это нас так провожают? — спросил я, желая немного повыпендриваться.

— Не знаю, сынок, — отрешённо ответила она, потому что была слишком занята моими младшими братом и сестрёнкой.

— Брянск так рад от тебя избавиться, что готов на любые церемонии, — ядовито заметил отчим, который никогда не давал мне спуску.

К моему полному удивлению, всё это торжество имело место по случаю отъезда на собеседование в МГУ первой золотой медалистки лучшей школы города. Пресса, местная киностудия, партийные и советские работники, учителя, одноклассники, родственники и зеваки — все были тут. Речи, напутствия, цветы, объятия и прочее, сама девочка совершенно ошалела от такого праздника. Я мысленно пожелал

ей удачи, представив, что будет, если ей придется возвращаться не солоно хлебавши.

На новом месте, в небольшом башкирском городке, меня, прежде всего, поразило ночное тёмное августовское небо с огромными звёздами в безлунные ночи. Взяв в библиотеке книгу Перельмана «Занимательная астрономия», в которой была карта созвездий, я стал по ночам, вооружившись фонариком и биноклем, лазать с этой книжкой на крышу нашей трёхэтажки, чтобы отождествлять карту с реальным небом. После этих ночных бдений и чтения ещё нескольких книг по астрономической тематике учебник «Астрономия» Воронцова-Вельяминова, по которому мы учились в десятом классе, показался мне просто детской сказкой. Но я и предполагать тогда не мог, что через несколько лет буду учиться у самого Бориса Александровича, а затем работать рядом с ним до самого конца его долгой жизни.

По семейным обстоятельствам мне пришлось забыть о своей мечте, я оказался в Ленинграде (Питере, как всегда его называли коренные жители) в секретной военно-морской инженерной академии. Проучившись там два года из шести, я окончательно понял, что с нашими доблестными Вооружёнными силами мне, увы, не по пути. Как удалось вырваться из этой системы — это отдельная песня, но 1 августа 1957 года я бодро вскочил в купейный вагон «Красной стрелы» и, как чеховские героини, с криком «в Москву, в Москву!» покатил в столицу. Паспорта у меня, а значит, и прописки, естественно, не было, документы состояли из комсомольского билета и курсантской книжки. Аттестат зрелости и академическая справка проходили в тот момент инстанции в недрах огромного здания в центре Москвы, в котором располагалось Управление Высших Военно-учебных заведений СССР. Поселился я в своём любимом московском месте у тётки: ул. Горького, 15, рядом с Моссоветом.

В Москве бушевал седьмой Международный Фестиваль Молодёжи и Студентов. И я разбушевался вместе с ним тоже. Позабыв все благие намерения, кинулся в водоворот этого удивительного события. Улица Горького в те дни пред-

ставляла из себя экзотический майдан, на котором разноразовая и разноцветно одетая толпа клубилась водоворотами, возникающими вокруг отдельных представителей иностранных делегаций, рискнувших на минуту оторваться от своих.

Удачно присоединившись к румынской делегации, я две недели колесил с нею по городу, посещая все официальные встречи, концерты, спортивные состязания и участвуя в вечерних неофициальных сборищах и танцах, возникающих по вечерам около гостиниц на ВДНХ. Немудрено, что ни о каком поступлении куда-либо учиться уже не шло и речи.

И вот отгремел потрясающий заключительный фейерверк, устроенный с помощью китайских друзей. Мы с дядей сидели вечером числа двадцатого на кухне и заедали рюмку водки дымящейся картошкой и солёными огурчиками.

— Что ты теперь собираешься делать? — спросил дядя, кстати, замечательный человек и, действительно, «самых честных правил».

374 — Не знаю, — искренне ответил я. — Все сроки пропущены, к тому же до сих пор мои документы в неизвестных мне инстанциях.

— А где бы ты мечтал учиться, мечтал по-настоящему?

— По-настоящему, в МГУ на астронома, — ответил я.

До этого я не заикался ни единой душе о своих планах, но дядю уважал, к тому же, вопрос попал под настроение, так что рассказал я ему и про Брянск, и про крышу дома, карту неба, фонарик и бинокль.

— Я скажу тебе банальную вещь, но она проверена мною лично во время войны. Если у тебя есть мечта, делай всё, чтобы её осуществить, не оглядываясь назад и не отвлекаясь на запасные варианты.

— Но ведь уже поздно.

— Никогда не бывает поздно, если хочешь по-настоящему. Действуй, — сказал дядя, как припечатал.

И я начал действовать. Потребовалась неделя телеграмм, телефонных звонков в Питер, хлопоты питерской родни, собственная настырность в поисках недоступных для населения телефонных номеров, но в результате некий одутло-

вато-одышливый полковник, презрительно и криво улыбаясь, вынес-таки в проходную Управления мой аттестат зрелости и академическую справку за два курса.

27 августа в девять утра я доехал на 111-м автобусе до клубной части МГУ. Большой щит со сведениями о приёмной университетской комиссии стоял на своём, как потом выяснилось, обычном месте справа от ступеней ДК (сторона физфака). Председателем комиссии значился проректор Кузьма Иванович Иванов. «К нему-то мне и надо», — подумал я, памятуя о том, что большие начальники любят под настроение решать положительно незначительные дела. Зная, естественно, о пропускной системе, решил сначала обойти небоскрёб вокруг, изучая обстановку.

Я стоял на ступенях лестницы перед главным входом, любясь фонтанами, когда на площади остановились два автобуса, и добрая сотня американцев, вывалившись из них, направилась к зданию, горланя, фотографируя статуи и огромные дубовые двери (кстати, они декорированы названиями специальностей, получаемых в МГУ, и на центральной из трёх дверей в самой середине навечно красуется надпись «астрономия» с соответствующим изображением). «Это мой шанс», — подумал я, и врезался в самый центр американской толпы.

Оказавшись внутри, я не торопясь сориентировался и добрался до девятого этажа, где находился ректорат. В прямоугольном холле слева висела табличка: «проректор К.И. Иванов». «Вперёд, на приступ», — скомандовал я сам себе и открыл тяжёлую дверь. За дверью, конечно, оказалась приёмная со скучающей секретаршей. После обмена дежурными фразами выяснилось, что проректора нет на месте, и неизвестно, когда он будет. Я понял, что всё зависит от моего обаяния и умения контактировать, потому что женщине, к счастью, явно было скучно. Нужно было подать свою историю красиво, весело и душевно.

Беседовали мы часа два. В конце концов она сообщила: «Он обещал зайти в четыре часа подписать текущие бумаги. Будь здесь без четверти, я попробую что-нибудь сделать.

А пока иди, погуляй и обязательно поешь». Последовав совету, я стал изучать главное здание, а заодно и пообедал в профессорской столовой на втором этаже, завязав знакомство с официантками, благодаря которому много лет питался там без очереди, особенно в годы аспирантуры.

Ровно без четверти четыре я скромно сидел на мягком кожаном диване в приёмной проректора. В шестнадцать ноль пять отворилась дверь, и, приветливо поздоровавшись с секретаршей, человек, от которого, казалось, зависела моя судьба, быстро прошёл в кабинет. На самом же деле судьба зависела от этой обычной женщины средних лет, от её характера, настроения в этот день, состояния здоровья, наконец. Конечно, утром, увидя, что, в принципе, мне с ней повезло, с первых же слов возникла обратная связь, и кое-что зависит уже от моих способностей убеждения, я приободрился, но всё же вероятность удачи была пока ничтожная.

376 — Ну, с богом, — сказала секретарша, — сиди тихо и жди, я постараюсь ему подать тебя в выгодном свете.

Я послушно кивнул головой, подумав про себя: «Уж постарайся, голубушка, я ведь, можно сказать, вывернулся наизнанку, пересказав всю свою короткую жизнь». Она взяла папку с документами и исчезла за дверью кабинета. Минут через десять дверь моей надежды приотворилась, женщина выскользнула с удовлетворённой улыбкой и быстро прошептала, сопроводив свои слова приглашающим жестом: «Иди, у тебя всего пять минут».

Благодетель Кузьма Иванович пребывал в хорошем настроении. Я по-военному чётко и кратко изложил ему своё положение и желание поступить в МГУ на второй курс обучения, а затем положил перед ним аттестат зрелости и академическую справку. Отметки в документах ему понравились.

— Что ж, — сказал он, — не вижу причин, почему бы вам не попробовать. Только учтите, через три дня — последнее заседание приёмной комиссии МГУ. Вы на какой факультет собрались?

— Точно не знаю, — ответил я. — На тот, где есть астрономия.

— Тогда вам на мехмат, — сказал он. — Недалеко идти, поднимитесь на двенадцатый этаж к замдекана по учебной части, скажите, что были у меня. Желаю удачи, до свидания.

Ни он, ни я не думали, что свидание совсем не за горами. Я поблагодарил, попрощался и пулей взлетел на двенадцатый этаж. Фамилия замдекана в моей памяти утратилась, то ли Ширшов, то ли Шишов, но то, что он редкостный прохиндей, я понял сразу. Тридцать секунд он потратил на то, чтобы выяснить, насколько заинтересован во мне проректор, и, как я ни изворачивался, понял, что я так, сбоку припёку. Поведение его сразу стало вальняжным и двусмысленным.

— Значит, собрались сразу на второй курс. А вы отдаёте себе отчёт, как вам будет трудно? У нас очень сложная программа, это вам не инженерные дела. Кстати, приёмные экзамены закончились, а абитура в этом году такая слабая. Представляете, не могут решить вот такую простую задачу.

377

Он быстро набросал что-то и подтолкнул листочек ко мне. Листочек легко заскользил по лакированной дубовой поверхности огромного овального стола и остановился точно передо мной.

— Я, вообще-то, не предполагал, что сразу придётся экзаменоваться, да и, насколько понял Кузьму Ивановича, для поступления на второй курс приёмных экзаменов сдавать не надо, хотя, в принципе, эту задачу можно попробовать решить следующим способом.

Набросав несколько линий и пару уравнений, я подтолкнул листочек к нему. В подобном духе наша беседа длилась минут пятнадцать. В конце концов, с явным сожалением он просмотрел мои документы и вяло поинтересовался:

— И какие же у вас конкретные интересы?

— Астрономия, — ответил я, слегка торжествуя про себя.

Столь мгновенное полное перевоплощение мне приходилось видеть только у великих театральных и киноактёров.

— Дорогой мой, — воскликнул он, радостно сверкая взором. — Так вам не к нам, не к нам, вам надо на физфак, астрономическое отделение уже год как перевели туда. Желаю удачи, счастливо, рад был познакомиться.

Он буквально всунул мне в руки документы и чуть ли не вытолкал в коридор. «Ни фиги себе», — ошеломлённо подумал я. Помыслив минуту, поскакал вниз по лестнице на три этажа. В голове билась лишь одна мысль: «Только бы не ушёл Кузьма Иванович».

В приёмной никого не было. Сердце бухнуло, затряслись руки. Храбро без стука толкнул дверь кабинета, и — о чудо! — она открылась. Кузьма Иванович сидел за столом и что-то просматривал.

— Вы? — удивился он.

378

— Я, — ответствовал я и, захлёбываясь словами, торопливо изложил ситуацию.

Он подумал буквально минуту, потом протянул руку к телефону. На другом конце провода, к счастью, тут же ответили. Кузьма Иванович произнёс фразу, которая останется у меня в памяти на всю жизнь.

— Игорь Иванович, здравствуйте, это Кузьма Иванович. Тут у меня сидит молодой человек, фамилия Савров, он сейчас подойдёт к вам, его надо принять.

И положил трубку. Вот это да!

— Бегите на физфак к замдекана Ольховскому. Надеюсь, опять возвращаться не придётся, — напутствовал он меня с определённой долей иронии, смысла которой я тогда не уловил.

Побежал я на физфак, чуть не потеряв пиджак. Нашел дверь в кабинет с табличкой «И.И. Ольховский», постучался и вошёл. У стола сидели двое. Тощий и полноватый. Злой и добрый. Как выяснилось, замдекана Ольховский и председатель приёмной комиссии физфака профессор Леонид Вадимович Лёвшин. «Неужели злыдень — это Ольховский?» — промелькнула мысль. Оказалось, так и есть.

— Это вы Савров? — скрипуче поинтересовался он. — И что это вам так приспичило? У нас приёмные экзамены практически закончились.

Я уже заученно и быстро изложил свою историю и протянул документы.

— Не знаю, не знаю, — продолжал он. — Вот у вас в справке указаны учебные часы по математике и физике, объём значительно меньше, придётся досдавать в процессе учёбы, другие предметы тоже набегут.

— Когда и сколько? — коротко спросил я, понимая, что тут уже не до сантиментов.

— Месяца за два, предметов пять или шесть.

— Сдам, — получил он резкий ответ.

— Позвольте высказать предложение, Игорь Иванович? — вмешался Лёвшин. И после разрешительного междометия продолжал, обращаясь ко мне: — Знаете, это очень трудное дело, вам придётся втягиваться в нашу программу, астрономическое отделение начинает свои предметы сразу с первого курса, досдача отнимет много сил. Я ведь сам пришел на физфак не сразу, а после первого семестра, поучившись в другом вузе, поэтому говорю не понаслышке. Вы ещё совсем молодой человек, не так страшно потерять два года учёбы, они не пропадут. Я рекомендую вам поступить на первый курс, и вопрос о досдаче не возникнет. Вы согласны?

— Конечно, согласен, — мгновенно ответил я.

— Вот и хорошо. Как вы, Игорь Иванович?

— Ну не знаю. Порядок есть порядок, он должен сдать вступительные.

— Да зачем же вступительные? — продолжал Лёвшин. — У него медальный аттестат, отличная академическая справка. Давайте примем.

— Нет, — жёстко отреагировал Ольховский. — Для порядка он должен сдавать.

— Сколько? — спросил я.

— Как положено, пять, — был ответ.

— Я готов, — заявил я, хотя внутри всё оборвалось, но одновременно в душе закипала дикая злость, и, зная

свой характер, я в самом деле был готов начать прямо сейчас.

— Ну, Игорь Иванович, это не серьёзно, у нас завтра последний день, а послезавтра уже заседание комиссии, он физически не успеет, — мягко заметил Лёвшин. — К тому же, всё-таки, у него есть привилегии по отметкам.

— Тогда два, — упорствовал Ольховский. — Мало ли, что медаль и отличник. Мы всё равно должны проверить сами.

— Какие предметы? — спросил я, уже значительно заведённый.

— Математика, письменно и устно, — ответил Ольховский.

Тут мне опять стало совсем не по себе. Два года заниматься высшей математикой, а теперь возвращаться к сугубо школьному курсу — ничего себе.

— Да зачем же математику? — опять вежливо вмешался Лёвшин. — Мы ведь на физфаке, уж если вы настаиваете, пусть сдаёт физику, один экзамен устно.

380

— Хорошо, — вдруг согласился Ольховский, — но не один, а два: письменно задачи и устно по билетам. Я пишу записку в комиссию, оформляйтесь, явка завтра в девять утра.

— Игорь Иванович, дадим ему хотя бы сутки. Пусть будет послезавтра, ведь комиссия у нас вечером, — предложил Лёвшин.

— Ладно, так и быть, пусть подготовится, — сменил Ольховский гнев на милость.

«Он убеждён, что мне не пробиться», — думал я, идя по второму этажу физфака в комнату приёмной комиссии, где, как оказалось, оформителями подрабатывали три красивых девчонки, третьекурсницы. У нас, конечно, сразу возник хороший контакт, ведь у меня в запасе была куча занимательных историй из жизни военного моряка. И вот в процессе беседы и оформления вдруг выяснилось, что без медицинской справки документы мои принять никак невозможно.

— Девочки, а конкретно, какого типа справка должна быть? — спросил я.

— Или типовая форма 286 для школьников, или медсправка из нашей университетской поликлиники, — сообщили девочки. — Она, кстати, работает до восьми вечера, беги туда и постарайся прорваться. Завтра донесёшь нам справку, и всё будет формально в порядке.

В секторе «Е» главного здания, где находилась поликлиника, было не протолкнуться уже на входе. Оказывается, огромное количество абитуриентов, то ли принятых медалистов, то ли ещё по каким-то причинам, срочно проходили полный медосмотр. Ну, народ-то молодой, в основном, а у меня к тому времени накопился большой опыт общения с медперсоналом, так что, не раскрывая всех тонкостей, скажу только, что через часик я оказался в очередном кабинете у невропатолога, который и должен был дать заключение для заведующей отделением. Невропатолог — весьма приятная женщина — дала его на основе изучения медицинского обоснования моего комиссования из Вооружённых сил, которое значилось у меня в курсантской книжке. Что написано пером, того не вырубишь топором: «По состоянию здоровья годен к обучению на гуманитарных факультетах».

381

— Приехали, — вяло подумал я, забираясь в сто одиннадцатый автобус, чтобы ехать к себе на Горького. — Стоило проходить такую мясорубку и оказаться у разбитого корыта.

— Ничего, — сказал дядя вечером на кухне. — Утро вечера мудренее. Куда ты завтра?

— На вокзал, — и, отвечая на невысказанное недоумение, продолжил, — отчима встречать, он в восемь утра проездом в санаторий.

Поезд утром пришёл вовремя, я тоже, так что randevу состоялось. Выслушав мои злоключения, отчим, вопреки обыкновению, не стал иронизировать, а коротко и веско объявил:

— Поехали-ка к брату Володе в Звенигород.

Оказывается, его брат попал в больницу. Работал он тогда главным лесничим района и был весьма известной личностью на звенигородчине, поэтому лежал в отдельной палате районной больницы, которая оказалась длинным одноэтажным рубленным баракком на окраине городка; боль-

ница занимала половину барака, а во второй половине находилась поликлиника.

Узнав о моей беде, брат Володя позвал уборщицу тётю Зину, типичную пожилую женщину, привыкшую к тяжёлой и грязной работе, внешне резкую и озлобленную, но, по сути, конечно, добрую и отзывчивую на ласковое слово. «Тётя Зина, — сказал брат Володя, — вот мой племянник, ему нужна форма 286 через полчаса». «Пошли», — кратко сказала тётя Зина. Мы вышли с торца тихой и чистой больницы половины барака, прошли вдоль него до противоположного торца, открыли наружную дверь и оказались в лагере беженцев гражданского населения времён Великой Отечественной войны.

382

Во всяком случае, это была моя первая мысль, когда мы оказались в длинном коридоре, битком заполненном старушками, женщинами с детьми разных возрастов, инвалидами на костылях и без, мужичками запойного вида и прочим колоритным людом. Плотность населения на один квадратный метр резко возрастала около каждой двери, ведущей в кабинет соответствующего врача. Мы с тётёй Зиной прорывались, как из окружения, в дальний конец коридора, где на двери значилась табличка «Зав. отделением».

— Стой тут, — сказала тётя Зина, исчезая за дверью.

Через несколько минут она появилась из кабинета, держа в руках форменный листочек, но пока ещё незаполненный. Взяв за руку, она с неожиданной силой потащила меня сквозь толпу до двери ближайшего кабинета.

— Стой тут, — опять сказала она и вошла в кабинет.

Буквально через тридцать секунд она вывинтилась обратно, молча толкнула меня внутрь, захлопнула за мной дверь и заслонила её собой, как амбразуру. Врачу, оказывается, нужно было удостовериться, что я реальная фигура, а не фантом. Подпись на листочке была немедленно поставлена, и я снова оказался в коридоре, где тётя Зина яростно отбивалась от разъярённого женского сообщества.

Эта картина с убийственной точностью повторялась возле каждого кабинета, в котором мне было положено побывать.

Через полчаса я оказался в тихой больничной палате, где отчим и брат Володя степенно беседовали на политические темы.

— Ну что, готово? — спросил брат Володя.

Я только и мог кивнуть головой в ответ, мне всё ещё казалось, что я чудом выскочил из-под бомбёжки вражеских самолётов, налетевших на железнодорожную станцию в момент эвакуации.

— Эту тётю Зину буду помнить, пока жив, — сказал я.

— Правильно, — заметил отчим. — А пока беги на вокзал, электричка-то ходит раз в час, и езды до Москвы тоже больше часа.

Он был прав, времени оставалось всё меньше и меньше.

Часов в семь вечера я ворвался к девчонкам в приёмную комиссию. Пока они составляли папку, я живописал свои приключения с невероятным воодушевлением, потому что наступила временная релаксация.

— Ой, девочки! — вдруг сказала Лена.

— Что-нибудь ещё? — осведомился я, стараясь подавить возникающую тревогу.

— Так надо же две фотокарточки, — чуть не плача, ответила она, — а где ты сейчас сфотографируешься, через полчаса мы официально закрываемся насовсем.

Девчонки замерли с расстроенным видом: они уже успели проникнуться моими удивительными пертурбациями. У меня же голова работала холодно и ясно.

— Так, — сказал я. — Прорвёмся, только, чур, со смеху не падать.

Я вынул из внутреннего кармана комсомольский билет и бумажник. Сначала взял в руки билет в красной обложке.

— Ты что, с ума сошел? — закричала Света. — Это под-судное дело!

— Не бойся и держись крепче, — ответил я, снимая обложку и доставая из-под неё потёртое фото размером три на четыре. — Нам меняли билеты в системе, но я отклеил её со старого школьного билета и сохранил на память. Держите.

Лена взяла прямоугольный клочок и залилась истерическим смехом. Когда она передала фото Инге и Свете, реакция была такая же.

— Сколько тебе здесь, лет десять? — спросила Инга.

— А ты, случайно, не сидел тогда в колонии, кто тебя постриг наголо? — поддержала её Света.

— Нет, мне на ней четырнадцать, а стричься наголо заставлял отчим, полубокс я отвоевал только в десятом классе, — объяснил я.

— Ладно, мы её пристроим внутрь, — сказала Лена, — но нужна ещё одна, чтобы наклеить на лист личного дела.

— Сейчас продолжим, — заявил я, — только вы поспокойнее, я, можно сказать, от сердца отнимаю, вот видите, подарочная, шесть на девять, с зубчиками по краям, хотел знакомой подарить в Питере, да времени на прощальное свидание не хватило.

384 Мы дружно, давясь от хохота, начали уменьшать размеры фото с помощью ножниц, чтобы можно было наклеить. Получилось здорово: одно ухо, полтора глаза и нос, но при желании можно было увидеть сходство с оригиналом. Оформив, наконец, всё официально, мы заперли двери и вышли на ступеньки физфака.

— Мы в общагу, в зону «Б», на четвёртый этаж, а ты куда? — спросили девчонки.

— У меня судьбоносный звонок, — объяснил я, — три года назад с одной девочкой играли в волейбол на волжских пляжах, она в этом году окончила школу, если повезёт, возьму у неё школьный учебник Пёрышкина по физике.

На том мы пока и расстались. Я позвонил, и, на счастье, девочка оказалась дома, и учебники у неё были. И вот, нагруженный тремя томами Пёрышкина и задачником по физике Зубова и Шальнова, я в девять вечера сел в маленьком дядином кабинете грызть школьную физику. До шести утра одолел три тома и перерешал чуть не все задачи; время знал точно, потому что бой часов на Спасской башне создавал ощущение, будто эти часы у тебя прямо под окном. Поспал два часа и ровно в девять стоял у дверей указанной

аудитории, вот только на каком этаже — хоть убейте, не помню.

— Здравствуйте, — сказал подошедший высокий человек. — Меня зовут Василий Васильевич Керженцов. Я принёс вам для решения пять задач. Входите, располагайтесь, у вас есть три часа.

Я сел на средний ряд где-то посредине, он устроился за преподавательским столом, и время пошло. Четыре из пяти задач я решил, а вместо решения пятой нарисовал художественный рисунок, поскольку понял, что решение мне не даётся. Кстати, в моём личном деле так и красуется с тех пор этот рисунок — держал-таки однажды я в руках свою папку. Ровно через три часа В.В. забрал мои листки.

— Отдохните минут пятнадцать, — приветливо сказал он. — Мы их сейчас проверим, а потом с коллегой примем у вас устный экзамен.

Через четверть часа они вернулись уже вдвоём и с пачкой билетов в руках. Фамилию второго я уже не помню, он прихрамывал (не Белянкин), потом мы пересекались в физпрактикуме, и он тоже всегда вёл себя приветливо и доброжелательно.

— Выбирайте, — весело объявил В.В., разложив на столе билеты.

Я выбрал билет и пошёл на своё место. Сел, приготовил лист бумаги и ручку и, перевернув билет, посмотрел содержание. Так, два вопроса и задача. Думается, что задача мне не нужна, поскольку уже нарешался. Первый вопрос... знаю. Второй вопрос. Второй. А что же это такое?

Тут я понял, что мозги схлопнулись, видимо, напряжение предыдущих дней всё же сказалось. Во втором вопросе стояло «конденсатор: устройство и принципы работы». Я не только не знал устройства и принципов, а с ужасом понял, что впервые вижу слово «конденсатор», просто я его никогда вообще не слышал, а уж с чем его едят — и представления не имею. Мысли заматались, организм начинала охватывать паника. «Спокойно, — приказал сам себе, — ведь начинать-то с первого вопроса, там, глядишь, что-нибудь и выскочит.

А уж если сразу придётся перескочить на этот, как его, слово какое чудное, конденсатор, то начну рассказывать про установку кондиционирования воздуха, вроде бы филологически похоже, а потом посмотрим. А может, подсмотреть? Как там мои экзаменаторы? Ага, сидят вполоборота, тихо беседуют, в общем, обстановка душевная. Ну, будь что будет!»

Я залез на ощупь в стол, потянул на колени, не глядя, лежащую сверху книжку, это, как потом оказалось, был задачник Зубова и Шальнова, пальцем раскрыл его наугад и, скосив глаза, бросил единственный взгляд на полуоткрытую страницу. Бывают же чудеса на свете! Хотите верьте, хотите нет, на странице вырисовалась электросхема с конденсатором в виде главного элемента. В голове щёлкнуло, мозги встали на место.

— Готов, — бодро заявил я.

— Как, без подготовки? — удивился В.В.

386 — Готов без подготовки, — засмеялся я, не удержавшись, вероятно, это была реакция на происшедшее.

— Ну посмотрим, — сказал, потирая руки, второй экзаменатор.

И они посмотрели. Четыре часа подряд. Спрашивали по всему курсу школьной физики вдоль, поперёк и по диагонали. Мне, конечно, помогло то, что я два года изучал в системе курс общей физики для инженерных вузов.

Когда они решили остановиться, я был практически на пределе выносливости.

— Вы погуляйте в коридоре, — сказал В.В., — а мы сходим в приёмную комиссию, посоветуемся и сообщим вам результат.

Дело в том, что никакой ведомости у них на столе не было и ничего они себе не записывали. Листка с моей письменной работой они тоже с собой не прихватили. Что ж, полчаса я гулял по холлу второго этажа с пульсом спринтера на стайерской дистанции.

Через полчаса В.В. вышел ко мне в холл.

— Ну, дорогой мой, мы отдали ваши оценки в комиссию, которая начинает заседание через час, а когда оно закон-

чится — кто его знает, наверняка за полночь. За задачи мы вам поставили четвёрочку, сами понимаете, последнюю-то вы не сделали, а вот устно вы отвечали практически на отлично, но у нас есть правило уравнивания с отметкой за письменную работу, поэтому и за устный экзамен вам тоже «хорошо». Итого, восемь баллов. Кажется, вам это не столь важно, потому что на вас распространяется правило людей со стажем, то есть, вам главное было сдать без троек. Впрочем, окончательное решение принимает комиссия. Желаю удачи, надеюсь увидеть вас в сентябре на факультете.

На том мы и расстались.

Сказать, что я крепко спал в ту ночь, это погрешить против истины. Не сон, а какое-то забытьё.

На следующий день в десять утра я пришёл в тот же холл второго этажа, где всё кипело и бурлило. Толпа абитуриентов водоворотилась и волновалась, многие были с родителями. Целая куча народа клубилась вокруг Леонида Вадимовича, к доске с вывешенными списками было не протиснуться.

Хаотическим движением меня всё же поднесло на расстояние метров двух от Лёвшина, которого, можно сказать, рвали на части. Но меня он почему-то разглядел сразу.

— А, моряк, — поднял он в приветствии руку. — Поздравляю, вас приняли, дали стипендию и общежитие. Приходите завтра оформляться.

Я молча благодарил его взглядом, хотя хотелось заорать на всю ивановскую. Он прекрасно меня понял и сделал жест «иди, иди», потому что ему предстояло, наверное, несколько часов объясняться с абитуриентами и некоторыми родителями.

К доске со списками принятых я, конечно, пробился, чтобы убедиться, а убедившись, вышел на ступеньки физфака и, глубоко дыша, уже по-хозяйски начал воспринимать мгновенно ставший родным сквер с памятником Ломоносову.

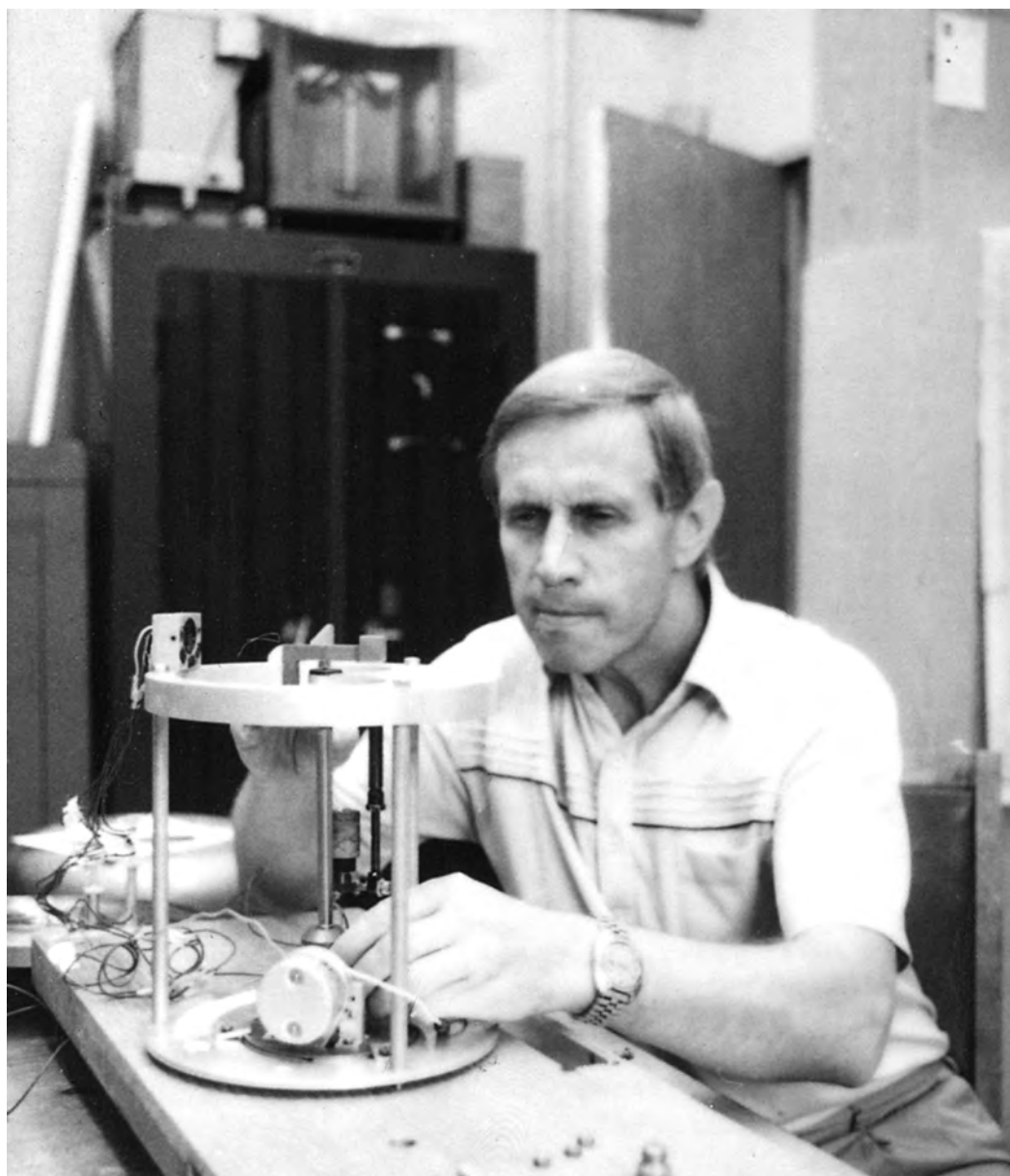
В груди ширилось и крепло убеждение, что отныне я останусь навсегда в этом замечательном учебно-научном заведе-

нии под названием МГУ. Так оно и получилось, но, естественно, после длинной цепи невероятных смешных и серьезных приключений, без которых, по-видимому, мне не суждено жить.

Но это совсем другие истории, о которых, может быть, я расскажу в другой раз.

07.10.2017
МГУ, ГАИШ

Почти уверен, что раньше не читали. Это мой вам подарок.

Лев Савров

На дне рождения Нины Лукашевич

НАША АСТРОНОМИЧЕСКАЯ ГРУППА

Встречаясь с Володей Якименко, Олегом Ивановым, Лешей Зайцевым, Валерой Семеновым, на встречах с другими своими однокурсниками, мы каждый раз вспоминаем свои студенческие годы, пожалуй, одни из самых счастливых в нашей жизни. По крайней мере, я так могу сказать о себе.

Как сказал по случаю Желю Бънзаров:

— Много чего было, только детям рассказать нечего.

Но и пишу я не для детей, впрочем, и опасные моменты не трогаю. Здесь не будет ни тонких тем взаимоотношений с девушками, ни гусарских походов, ни легкого хулиганства друг перед другом, которые, конечно, присутствовали, но это не тема моей книги, да и интересны они нам сейчас только при встречах друг с другом. Это я оставляю для себя. А сейчас мне интересно возвратиться в то время, славное время 60–70-х годов, и описать дух времени, дать его в воспоминаниях моих друзей и знакомых. Вспомнить то, что знаю из рассказов наших предшественников, и по-возможности рассказать, как мы прожили жизнь. Последнее — биографиями знакомых, выбранных мною. Дать не последо-

вательным описанием типа повестей или даже романов, а фрагментами, короткими рассказами.

Нравящийся мне Геннадий Шпаликов написал по этому случаю пронзительные стихи, которые я привел в начале книги:

*По несчастью или к счастью, истина проста,
Никогда не возвращайся в прежние места.*

...

392

Нам с Володей Якименко всё же кажется, что наше нежелание согласиться с этим стихотворением Геннадия Шпаликова имеет своё объяснение. Иначе бы моих книг не было, не было бы и мемуарной литературы и литературы воспоминаний. Всё дело в слове «пепелище». Ведь его нет в наших воспоминаниях, сознание сохранило много хорошего: яркие впечатления студенческой жизни, везение или невезение на экзаменах, жизнь в общежитии, ребята там, однокурсники. И именно с ними, однокурсниками, в своем большинстве и сохранились дружеские отношения на всю жизнь: учеба, поездки, походы, стройотряды, наша летняя практика и отдых в спортивных лагерях. Помню, как после третьего курса мы с Валерой Семеновым были посланы на практику в Пулково. Он к радиоастрономам, я — к астрометристам. Ни много, ни мало мной занимался Митрофан Степанович Зверев. Вот и еще один выпускник Астрономического отделения ГАИШ далекого 1932 года. Вслед за ним закончили Петр Григорьевич Куликовский и Григорий Федорович Ситник, оба выпускники 1934 года. Митрофан Степанович — выдающийся человек, сделавший поразительные работы в астрометрии и закончивший не только МГУ, но и Московскую консерваторию. Наука победила, а он, в свою очередь, очень много ей дал. Митрофан Степанович ушел из ГАИШ в Пулковскую обсерваторию, когда ее отстроили после войны. Был зам. директора, а в ту пору, о которой я пишу, — зав. отделом астрометрии и, конечно, наблюдателем на классическом меридианном круге Тепфера, привезенном по репарации из

побежденной Германии. Он же был одним из авторов идеи горизонтального меридианного круга, который был построен в ЛОМО в двух экземплярах: один для Пулково, а другой для отделения Пулковской обсерватории в Николаеве.

Я ходил к Митрофану Степановичу на меридианный круг, когда по графику были ночи его наблюдений. Митрофан Степанович выглядел, как дореволюционный наблюдатель на старых фотоснимках и был домашним, в свободной, как мне представлялось, совсем домашней одежде. Видимо, так он чувствовал себя комфортно во время этих многочасовых наблюдений. Он рассказывал истории из жизни Московской обсерватории на Красной Пресне, ее сотрудников, среди которых часто упоминалась Александра Григорьевна Оборнева. Я, конечно, тогда ее не знал, но впоследствии познакомился, и она даже меня наставляла при каждом удобном случае, ведь мы оба жили на Красной Пресне. Она всю жизнь, а я лет десять после окончания аспирантуры. Митрофан Степанович к концу месячной практики пригласил нас с Валерой к себе в гости на ужин. Много рассказывал о сотрудниках ГАИШ, что именно — сейчас уже и не вспомню. Показал обширную библиотеку и, указав на полку с Реферативным журналом ВИНТИ, с видимым огорчением пожаловался, что ВИНТИ изменил размер журнала в большую сторону, и теперь он не будет его выписывать, т.к. книжные полки заказаны под прежний размер. Конечно, продолжал выписывать, но огорчение было явным. Неведомо мне тогда было, что я в течение 25 лет буду издавать как раз этот Реферативный журнал «Астрономия». В советское время у журнала было примерно половина индивидуальных подписчиков, стоил он недорого. Последним индивидуальным подписчиком был Гавриил Сергеевич Хромов, но и он в начале 90-х годов не выдюжил запрашиваемую ВИНТИ сумму годовой подписки.

Позднее я узнал, что у Митрофана Степановича всё же было и материальное имущество, оставшееся в ГАИШе. Опишу это в виде курьезного случая, случившегося в начале 1980-х годов, на Краснопресненской обсерватории. Лето,

жара, я почему-то в Москве, впрочем, в Москве я оставался на лето часто, не любил отпуска, да и сейчас не люблю и отдыхать не умею. За границей был всего один раз в 1981 году, в Югославии, в командировке на астрометрическую конференцию. Так вот, сижу дома, вдруг сирена, въезжает пожарная машина. Выбегаю, за зданием обсерватории горит железный гараж, который всегда там стоял, и я никогда не видел, чтобы кто-то оттуда выезжал или хотя бы находился, копался, как положено, в машине или, как принято, компашкой выпивали. То есть: гараж на замке, дым коромыслом, «пожарка» туда проехать не может, бегают вокруг. Нас с пожарниками несколько человек, командир кричит, взламывай. Быстро лом, сломали замок, а там «Волга» Газ-24 серого цвета. Пытаемся вытащить, на ручнике. Потом уж подумал, надо было разбить стекло двери и снять ручник. Не сообразили. Волоком, на «раз-два потянули» вытащили. К этому времени от пожарной машины притащили шланг и начали заливать. Вот до сих пор не могу забыть. Как же быстро распространяется огонь! Еле успели вытащить машину, сгорела бы мгновенно, замешкайся бы мы на минуту. Оказалось, что гараж принадлежал Митрофану Степановичу. Приехал его сын, но всё уже было сделано и машина спасена, остального не жалко.

А возвращаясь к практике — было Митрофану Степановичу тогда 65 лет. Сейчас бы я сказал, что молодой человек. Неужели и мы с Валерой Семеновым сейчас выглядим, как он тогда, т.е. пожилыми людьми? Как же меняется человек со временем, как изменяется его ощущение возраста! Себя-то нет, а вот других — да. Жизнь — экспедиция, и у кого-то дольше, а у кого и нет, как говорил, хитро улыбаясь, Саша Овчинников. Уже давно нет Сережи Новикова, который мог бы подтвердить эти слова. А Митрофан Степанович скончался в 1991 году в возрасте 88 лет.

Меридианным кругом моя практика не ограничилась. О фотографической астрометрии мне рассказывал Александр Николаевич Дейч. Помню, он показывал мне листы с Маунт-Паломарским фотографическим обзором неба и говорил:

— Вот откуда ваш Воронцов-Вельяминов черпает с лупой материал для своей классификации галактик.

Был я и на наблюдениях на новом тогда инструменте — астролябии Данжона, показали мне и Пулковский меридианный автоматический горизонтальный круг Сухарева, был на наблюдениях с Н.Н. Павловым на пассажном инструменте Службы времени. Все — старейшие сотрудники Пулковской обсерватории, которые, несмотря на возраст и заслуги, с удовольствием общались с московским студентом.

Интересна история с предлогом в комбинации с «наблюдением НА пассажном инструменте» и «наблюдения С пассажным инструментом» или меридианным кругом. Альберт Петрович Гуляев заинтересовался таким дуализмом и провел небольшое исследование, чтобы принять точку зрения большинства. А если и не принять, то понять. Выяснилось, что примерно половина астрометристов пишут и говорят «НА», а другая половина «С». Но, копнув глубже, он обнаружил, что только пулковчане пишут «С», все остальные «НА». Петербургская школа остается верной себе. «Порезбрик», «булка хлеба», «северная столица» и, конечно, «С» в наблюдениях на астрометрическом инструменте. В своих статьях я всегда писал «НА», как и большинство астрометристов-непулковчан. И вовсе не из духа противоречия, а просто принял это, как астрометрист московской школы.

На первом курсе кто-то из нас занимался в спортивных секциях, которых в МГУ было много, и преподавателями были видные спортсмены. В моей легкой атлетике вспоминаю чемпионов СССР Юрия Башлыкова (спринт) и Василия Кузнецова, известного десятиборца, да еще и рекордсмена Советского Союза. При поступлении я обратил внимание на Генку Гущина, который постоянно ходил в сопровождении компании из Володи (мы звали Жора) Пшеничникова и крупного парня, также Володи по фамилии Проскурня. Как потом выяснилось, они все трое учились в одной школе в Брянске. А Генку я еще помнил с первенства России по лег-

Гена Гуцин готовится к старту, 1966 г.

кой атлетике в Орле, где мы оба выступали, я за Саратов, а он за свой Брянск. Организация первенства России была никудышная, спали в спортзале на полу, да и стадион был так себе, с плохим покрытием беговых гаревых дорожек. Я точно ничего не выиграл, а про Генку не знаю. После мы об этом говорили всего один раз, когда уже познакомились, и я ему рассказал, что помню его на тех соревнованиях. Он же вспомнил только, что там у него украли кроссовки, о чем ему напомнили мои — тоже красные. Генка попросил их для выступления на соревнованиях в самом начале наших легкоатлетических тренировок. Дальше нужда в этом отпала. Гена стал чемпионом и рекордсменом МГУ, а затем и установил всесоюзный рекорд на 50-метровой дистанции в залах — 5,6 секунды, кажется. Впрочем, в цифрах могу и ошибиться. Несмотря на выдающиеся спринтерские данные, Гена особенно не тренировался и вскоре полностью ушел в учебу, распределившись на кафедру математики.

На следующей странице — еще одна из немногих у меня фотографий Гены. Это первенство МГУ, эстафета 4×100 метров, и он передает эстафетную палочку Славе [Святославу] Сауляку. Еще одному выпускнику физфака курса на два старше нас. Святослава хорошо помню по тренировкам. Он выделялся мощными ногами прыгуна в длину, мускулистым торсом и добродушным характером. Подготавливая эту книгу я, конечно, заинтересовался судьбой и того, и другого. Гена всю жизнь преподавал в Брянском университете, был и зав. кафедрой. Умер в 2018 году в возрасте семидесяти лет сильно пополнившимся. В общем, физически его постигла судьба многих больших спортсменов, резко прекративших тренировки. Вспомните олимпийского чемпиона на дистанциях пять и десять тысяч метров Владимира Куца. Уже в аспирантуре, в которую Гена поступил сразу после окончания, видно было, что он начал полнеть и как-то не обращает на это внимание. Семейная жизнь, а у Гены трое детей — двое, мальчик и девочка, родившихся еще при учебе в МГУ, а другая дочка уже после, — часто снижает требовательность к своему внешнему виду. Знаю по себе.

Эстафета 4×100 м, четвертый этап. Г. Гущин передает эстафету
С. Сауляку

Гущин Геннадий Васильевич, зав. кафедрой математики
Брянского государственного университета

Второй же «эстафетчик», Слава Сауляк, бывший мастером спорта по прыжкам в длину, тренировки не бросил и таки стал многократным чемпионом мира и Европы в этом виде легкой атлетики, но уже в своей возрастной группе. Это есть в Интернете. Он чемпион и рекордсмен мира среди 60, 70-летних прыгунов в длину, ездит на соревнования. Еще из интересных ребят, ходивших на тренировки, помню невысокого, но импульсивного Женю Шкловского, сына Иосифа Самуиловича, тоже физика. Он был спринтер. Редко приходил на тренировки Борис Зубов, член легкоатлетической сборной Союза в спринте. Он выступал за «Буревестник». Участвовал в летних Олимпийских играх в Токио, где в составе нашей эстафетной команды на дистанции 4×100 м занял пятое место.

400

В легкоатлетической секции было много ребят с экономического факультета, да это и неудивительно. Во-первых, факультет старался принимать на учебу хороших спортсменов, давая им некоторое преимущество при поступлении, а во-вторых, легко переводил к себе спортсменов, не справлявшихся с учебой на других факультетах, как правило, естественных. С нами иногда тренировался Николай Дудкин, занявший шестое место на соревнованиях в тройном прыжке на Олимпиаде в Мехико, преодолев знаковый для этого вида спорта 17-метровый рубеж.

И небольшой манеж, и уютный университетский стадион были хороши в мое время, и обстановка в секции давала некоторую отдушину от учебы, но на 3 курсе серьезные тренировки пришлось закончить. Я еще эпизодически ходил до пятого курса, и даже в эстафетной команде мы на первенстве вузов Москвы выполнили норматив кандидата в мастера спорта, но это уже было не то. Учеба стала поглощать всё время. На серьезные тренировки его не оставалось. И жаль было тренера Юрия Башлыкова, который видел, как рушатся наши спортивные карьеры и ничего нельзя сделать, МГУ не спортивный вуз, а тем более физфак не спортивный факультет.

Среди ребят нашего курса был и мастер спорта по плаванию Слава Панченко. Он тоже входил в сборную МГУ, был

Свадьба Гены Гущина и Люды Рой (в центре). Второй слева — Гамлет Сагян, рядом — Володя Бушуев

строен, мускулист, подвижен. Вместе с ним, Толиком Шелаевым и «Бочкарицкими» мы отдыхали в Пицунде в августе 1968 года, когда как раз и произошли события того года в Чехословакии. Помню, никакого интереса у нас это не вызвало. Мы наслаждались отдыхом, а я даже поучаствовал в километровом кроссе на приз лагеря. Занял второе место и, конечно, огорчился. Всегда обидно проигрывать доли секунды, особенно на длинных дистанциях. Владислав Панченко же стал академиком, одним из троих на нашем курсе, и, как и Гена Гушин, сильно увеличился в размерах. Он еще один пример удачливости среди многих моих не подававших большие надежды сокурсников.

Академиками же с нашего курса также стали Олег Руденко и Женя Моисеев.

О некоторых моих одноклассниках

402

Хочу написать о тех, кто помнится особо, впрочем, сначала напишу, с кем начинал и с кем из них закончил. Нас было двадцать семь человек, включая несколько иностранцев — юноша и девушка из Монголии, с никаким русским, красивый парень венгр и венесуэлец, длинный, худощивый, оказавшийся коммуникабельным и приятным парнем. Оба монгола после зимней сессии ушли из нашей группы, венесуэлец остался до третьего курса, венгр Бодри Берталан окончил с нами. Из первоначального состава к выпуску осталось только девятнадцать человек. До сих пор жалко многих, да, впрочем, всех отчисленных: Валера Гришаев, Гена Шапкин, Володя Соловов, Володя Вировец, друг Валеры Семенова, они еще долго встречались, пока Володя не умер лет сорок назад. Еще был Володя Ильин, сделавший, учась в школе, собственный телескоп и объяснявший мне, как надо шлифовать зеркало. Жалко и отчисленного на третьем курсе венесуэльца Хосе Вилла Лопеса (Jose Villa Lopez), мы к нему привыкли, он незаметно влился в группу и начал сносно говорить по-русски.

На первом курсе нас, иногородних, поселили в общежитие МГУ на Ломоносовском проспекте, 31, на 4 этаже, меня в 417 комнату. Нас было четверо. Соседями были одногруппник-астроном Коля Чеченин и два физика, из них помню только Желю Бънзарова — болгарина, с которым мы потом дружили всю жизнь. Второй был хороший парень, отслуживший в армии и, к сожалению, по-моему, позже отчисленный. Он нас, «домашних мальчиков», учил, как заправлять постель и, ненавязчиво, жизни. Армия в то время была другой, не то, что мы получили в 80–90-е, да и нулевые годы, с дедовщиной, издевательствами, поборами, ужасным питанием и плохой выучкой. Тогда это была армия-наставление, армия-гордость. Служили не год, как сейчас, а три, и мальчики становились мужчинами, защитниками Отечества. В фонтанах не купались и драки по случаю Дня десантника или моряка не устраивали.

На четвертом этаже жил почти весь наш первый курс — мальчики, девочки все и первого, и второго курсов жили на пятом этаже, им хватало комнат. На физфаке же девочек примерно четверть, и только в нашей группе — половина, может, еще у геофизиков. Представьте этаж — длинный коридор, 44 комнаты, каждая на четверых. По концам этажа туалетные комнаты. В середине — вестибюль со столиком и телефоном для дежурного по этажу. Душ в подвале.

Никогда не жившие вне дома, мы начали притираться друг к другу. Такой эпизод: примерно месяц мы жили втроем, четвертая койка пустовала, но комендантша сказала, что жилец есть. Где-то к концу сентября появляется Желю Бънзаров, это было его место. Легко представляется и говорит, что еще какое-то время поживет вне общежития у знакомых, а сейчас оставит свои вещи: чемодан, зачем-то две гантели и продукты. Не было случая, чтобы я видел его с этими гантелями. Зато помню сырокопченую колбасу, плоскую, сантиметров двадцать длиной, пару штук. Было что-то еще, но запомнилось это. Никогда в жизни не видел плоской колбасы. Желю отрезал каждому по кусочку, запах — необыкновенный, вкус... ну сами понимаете. Мы заварили чай. Попили, Желю сообщил, что он из 111 группы, куда почему-то набрали

ребят с хорошим знанием английского языка, рассказал несколько анекдотов и ушел. Ну а мы продолжали каждый день покупать себе батон нарезного хлеба, сто граммов любительской или отдельной колбасы, 50 г сливочного масла и бутылку молока, ряженки или кефира, кому как нравилось. Как-то вечером к нам в комнату заявился Володя Якименко, а мы уже всё съели и пили чай. Решили удивить его Желиной колбаской и отрезали ему небольшой кусочек, ну и себе тоже. Ему понравилось. Володя заодно рассказал, что у них в комнате, в отличие от нас, единоличников, коммуна. И он видел в шкафу у себя, что кто-то купил пастилу. Вот он пойдет сейчас к себе пить чай и всё съест. Вот как надо — всё общее. Видимо, это засело у нас с Колей Чечениным в подкорку, и мы стали время от времени отрезать от Желиной колбасы по тонюсенькому кусочку. Через какое-то время снова появился Желю, уже жить, грустно посмотрел на жалкие остатки своей колбасы и сказал фразу, которую я часто по случаю и без цитирую:

— Приходится самому не есть, чтобы больше оставалось, — и всё это без всяких эмоций, кроме легкой грусти, обыденно.

Русским языком Желю владел в совершенстве и лишь изредка ошибался в ударениях. При подготовке к экзамену по физике во втором семестре, когда Колю Чеченина чуть не отчислили, интересно было смотреть на Желину систему подготовки к сессии.

Так вот, он на больших, свернутых в трубочку листах, где он их только достал, писал шпаргалки. Мы ему говорим:

— Желю, надо мелким почерком на маленьких клочочках писать, чтобы незаметно пользоваться.

Он отвечает:

— Это не шпаргалки, так я лучше запоминаю, включается зрительная и моторная память, — память у него, действительно, была великолепная. Чего только он не знал.

И вот приходит день экзамена по молекулярной физике. Желю с утра уходит на экзамен. Нет его и нет. Приходит поздно вечером:

— Ну как?

Желю отвечает замысловато.

— Оценки имеют три градации: «отлично», «хорошо» и ... «удачно». Я получил «удачно», и мы с ребятами из группы сходили в пивбар, отметили.

Тоже, как видите, надолго запомнилось. Это я к тому, как хорошо он знал русский язык. А уж анекдотов — тьму, и главное, еще и умел их рассказывать. Если кавказские, то с кавказским акцентом, еврейские — с еврейским. Всё к нему как бы прилипало. Но это же и сыграло с ним злую шутку. В пятом семестре, т.е. на третьем курсе, мы сдавали госэкзамен по иностранному языку. Желю еще на первом курсе записался на французский, думал получить третий язык, но на занятия почти не ходил. Говорил, перевожу «тыщи» наугад, если есть какое-то совпадение с английским. В общем, на «госсах» решил сдать русский. С экзамена пришел страшно расстроенным, да и немудрено. При его-то знании русского он получил четверку. Выяснилось, что незадолго до этого он часто общался с Суриком, кажется, Меликяном из Еревана и Борей Чкадуа, из Сухуми. Они-то невольно и подпортили его русский язык, особенно Сурик. Желю преподавателю сказал: «Мы пошли НА магазин». Перепутал предлоги. И Сурик, и Боря хорошо говорили по-русски, но старались придать себе особенности и часто употребляли выражения своих аульских соплеменников, коверкая русский язык. Так, как сейчас говорят приехавшие на заработки люди из среднеазиатских республик. Недавно подхожу к своему дому, а перед ним куча пыли в воздухе — дворник-таджик метет дорожку во двор. Говорю, что надо смывать пыль, а не мести.

— Вода нет! Двор пыль был. Начальник ругался, — был мне ответ.

Из интересного в общежитской жизни еще помню, как дежурю по этажу на втором уже курсе, и вдруг из комнаты напротив, 218 или 219, вываливаются длинный, худой Леша Мальгин с рыжим и тоже худым Колей Безъязычным. Последний в зимних черных кожаных перчатках. Оказывается,

поспорили, можно ли повиснуть, держась за плоскую потолочную балку в вестибюльном проеме. Эксперимент показал, что нет, не удержаться даже на мгновение. Вес легко преодолевает трение. Не встречал в задачниках такой задачи, а ведь интересная. А Коля Безъязычный в результате проиграл.

В конце семидесятых — ранних восьмидесятых вдруг пошла мода на дубленки, и Коля где-то приобрел себе такую роскошную красно-коричневую «шубу». Желю Бънзаров, увидев его, ошарашенно сказал:

— Ну, барин, что велишь подать, сани или возок? — и действительно, Коля был похож на барина, каким мы его представляли по книгам классиков и картинам живописцев XIX века. Рыжий, с красными щеками, в огромной распахнутой дубленке. Настоящий барин с картин дореволюционных художников. Такое же впечатление на меня сейчас производит Паша Росницкий с нашей кафедры. Огромный, белый, с большой рыжей бородой и типично русским лицом. Тоже сразу возникают перед глазами картины старых мастеров XIX века.

406

В дальнейшем Коля как-то приклеился вслед к другому Коле — Коротееву. Они вместе работали, да и дружили. Коля Безъязычный рано ушел, оказывается, у него было большое сердце, чего я бы никогда не сказал по его спортивному виду, сухой ладной фигуре, да и в стройотряды он ездил. А случилось это, кажется, тоже в стройотряде, но уже сильно после окончания нами факультета. В жаркий летний день после работы они пошли купаться, и сердце у него не выдержало. Коля Коротеев поехал и привез гроб друга в Москву.

Помнится, так же скончался Виктор Васильевич Волков, механик из ГАИШ, которого Сергей Новиков уговорил поехать в экспедицию на Майданак. Спускались с горы по жаре и решили искупаться (освежиться) в горном озере. На моей памяти и Витя Таубер из ГАИШ так же погиб от жары и купания, о чем я написал в первой книге. Слава богу, когда он один раз со мной был на горе, то купаться мы не ходили. Некогда.

Помню, как мы тоже с нашей вершины Майданака пошли на озеро под основной вершиной. Путь неблизкий — часа на два, и всё по жаре. Дошли и сразу купаться, нырять с берега, плавать. Вода чистая-чистая, прямо прозрачная, как на Байкале, и такая же холоднящая. Получили неземное блаженство и, как теперь я понимаю, могли в этом блаженстве и утонуть, скончаться. Туда шли веселые, синее-синее безоблачное небо, прозрачный воздух, смотрели кругом, видели большую змею, переползшую перед нами дорогу. Обрато шли посвежевшие, но грустные. Понимали, что не скоро выберемся снова на озеро. И действительно, был там я только один раз, но фотографии сделал. Одна есть в разделе «Майданак».

На втором же курсе был такой интересный случай, это мне рассказал участник действия Леша Зайцев, с которым мы дружим до сих пор. Жил он тогда с Виталием Жинкиным, пришедшим из армии, Олегом Ивановым и Юрой Дегтяревым. Олег и Юра из нашей группы астрономов. Политика физфака в то время была такой, что один из живущих в комнате был постарше, чтобы направлять молодых ребят после школы. Не всегда это работало в одну сторону, т.е. в сторону положительного влияния. Иногда старший товарищ учил пить спиртное, как правило, водку. И, опять же, не всегда это заканчивалось хорошо, молодой, несозревший организм быстро воспринимал всё отрицательное. Так вот. Лютая зима, мороз за двадцать градусов, комната решила проветриться перед сном. Но после проветривания они никак не могли решить, кому закрывать окно. Дело дошло до того, что для скорейшего выявления слабейшего легли спать ещё и с открытой дверью. Проходящие по коридору мешали «эксперименту» на морозостойкость — захлопывали время от времени дверь, тогда Олег Иванов, участник эксперимента, чтобы из коридора дверь никто не мог закрыть, привязал дверь за ручку к своей койке. В результате выдержали испытание все. Утром комната была в снегу, бойцы не выспались, но все доказали свою негибаемость. Слабаков не оказалось. Леша, кровать которого была у окна, проснулся в полностью заснеженной

постели. Недавно, когда мы вчетвером (еще приехавший в Москву Володя Якименко) встретились на даче у Леши Зайцева, Олег Иванов подтвердил правдивость истории в деталях, но отметил, что к утру дверь все же оказалось закрытой, однако утверждает, что сделали это не они, т.е. не аборигены комнаты. Вот такие были забавы у обитателей общежития физфака на Ломоносовском проспекте, 31 — будущих физиков.

Наш курс был замечателен еще и тем, что у нас учились Зиновьев, Каменев, Пятаков и Рыков, кто изучал историю КПСС, тот знает, почему я отмечаю эти фамилии. Их знал весь курс.

В самом начале мы в группе еще как-то делились по набранным баллам:

— У тебя сколько? А у тебя? — но потом быстро всё закончилось. Значение стали иметь черты характера и насколько «сечёшь».

Коля Бочкарев тихо гордился, что он серебряный медалист, пока не узнал, что почти четверть группы с золотыми медалями.

Сан Саныч Шишкин же быстро свел всех со школьных пьедесталов на грешную землю своим напуганием:

— Всех отчислю, никого не пропущу, — даже Коля Бочкарев, окончивший физфак без единой четверки, боялся.

Кое-кого Сан Саныч действительно отчислил, но это, как оказалось, были семечки по сравнению с тихим доцентом Михаилом Михайловичем Хапаевым, который вел у нас на третьем курсе семинары по «Методам математической физики», короче, ММФ. Он отчислил пятерых, спокойно, не пугая, обыденно. Ужасно! До сих пор жалею этих ребят и понимаю тех, кто выбрасывался из окна общежития высотного здания МГУ. Каждый год выбрасывались несколько человек, и не только с физфака. С нашего курса, кажется, никто. Но уже в зрелом возрасте, по до сих пор нам не известной причине, выбросился Коля Коротеев. И тем более мудрено поверить в его поступок на фоне успешной карьеры. Коля был

заведующим кафедрой общей физики и волновых процессов физического факультета и директором международного учебно-научного лазерного центра МГУ, одно время даже проректором МГУ.

Свою 118 группу я, конечно, быстро узнал. Годы рождения: с 1945 — Володя Якименко, по 1948 — мы с Таней Фетисовой. Правда, на третьем курсе к нам пришли из академических отпусков «ветераны»: Владимир Ткач, 1938 года рождения, Юрий Егоркин — 1941, Володя Малый — 1942. Ничего не знаю про первых двух, но Володя Малый регулярно бывает на встречах курса, когда мы отмечаем очередное пятилетие, прошедшее со дня окончания нами в 1971 году физфака. Володя пропустил только последнюю встречу 2021 года, но Наташа Грешнякова говорит, что звонил, передавал всем привет и, конечно, огорчился, что из-за болезни его не будет. Володя Малый отметил в 2022 году свое 80-летие. Да, годы идут.

По общежитию, из тех, кто закончил физфак. Худенький, молоденький, с белесым чубчиком Володя Якименко из Салехарда. Сейчас, видя его солидную фигуру старшего преподавателя Тюменского гос. университета, мало кто поверит, что он таким был, но я-то помню. Володя в юности был великолепный гимнаст. Коля Чеченин, который с ним ходил в гимнастическую секцию, говорил:

— Якименко так работает на коне, что мне и не снилось.

Наш одноклассник в первом семестре Коля Чеченин, как оказалось, поступал на астрономию из-за, как ему казалось, меньшего проходного балла. Ничего не выиграл, т.к. проходной балл был практически одинаков с физиками, но нажил себе проблем. Коля поступил и сразу же начал переводиться на физику. Физфак, в лице могущественного декана Василия Степановича Фурсова, этого не любил, но ему как-то удалось. Уникальный случай, чуть было не закончившийся отчислением во втором семестре — попал на комиссию по физике и еле-еле выплыл. В связи с этим мне вспомнилась история с моей слабо знакомой девушкой из нашего города

Балашова. Не помню, как и где я с ней познакомился, возможно, уже при поступлении отметил знакомое лицо, училась она в 1-й школе, а я в 12-й, но из одного города — это уже близкие люди. Я — на астрономию, она на физику. Немного недобрала и на следующий год решила, как и Коля Чеченин годом ранее, поступать на астрономию. Снова не повезло, на астрономию проходной балл был выше. Больше я ее не видел.

Валера Семенов из Оренбурга, боксер, и по виду соответствовал, да и сейчас соответствует своему спортивному увлечению. Был подвижен, с большими кулаками, а вообще, как многие сильные люди, добродушен и весел. О нем я написал в отдельном эссе.

410

Олег Иванов из Копейска Челябинской области, один из золотых медалистов; сколько его помню, всегда в хорошем настроении: незлоблив, медлителен и слегка расслаблен. Хотя на язычок ему попасть не хотелось. Но всё было беззлобно. Много знал из разных областей, многим интересовался. Сейчас бы сказали — мальчик с политематическими знаниями.

Володя Тарасов из Калуги, из школы № 5. Посмотрите раздел о гаишевском Юрии Иванове, выпускнике 1959 года, там, обратите внимание, есть ссылка на страничку с сообщением о его кончине, и на ней об этой школе тоже есть. О выпуске 1959 года, на котором учились Г.С. Хромов, И.Д. Новиков, Т.А. Лозинская, А.Н. Бондаренко и другие известные в ГАИШе люди, я написал в предыдущей книге. Как я помню, а я два последние года жил с ним в одной комнате, Володя был всегда себе на уме, впрочем, все мы были о себе высокого мнения, но физфак, Сан Саныч Шишкин, физпрактикум быстро сняли с нас нанос гонора. Поскольку мы с Володей жили вместе, то мне запомнилось его исследование по заварке чая. Делал он это в поллитровой бутылке из-под кефира или молока (у них было широкое горлышко). Насыпал туда несколько ложек чая и пару ложек сахара.

— Сахар-то зачем? — спрашивали мы.

— Сахар, — отвечал он, — придает чаю мягкость.

Действительно, чай у него получался отличный, и хотя он особенно не угощал, но всё же давал попробовать и оценить. А может быть, всё дело в количестве заварки. Вопрос остался неисследованным.

На пятом курсе мы жили с ним в блоке с Женей Мироненко, который только-только женился. Девушка попалась домовитая и постоянно занимала душ с умывальником. Мыла посуду, стирала, принимала душ и не знаю что еще, но эта секция нашего блока постоянно была занята. Пришлось говорить с Мироненко и разделить время пользования умывальником. Мы с Володей имели на него право по четным часам, а семья — по нечетным. Правда, девушка все равно наш «железный уговор» зачастую нарушала.

Продолжу о нашей группе 1965 года поступления.

Коля Нестеров из поселка Бавлинского района Татарской АССР. Очень талантливый, и еще на первом курсе выяснилось, что с гуманитарной жилкой тоже всё в порядке, пишет стихи. Интересно, как поступал Коля и каково было то время, время середины 1960-х годов. Как в сказке. Послал он свои документы на физфак почтой, а приглашения нет и нет. Забеспокоился Коля, что-то не так, приезжает в Москву и сразу на факультет. А ему говорят — экзамены уже закончились. Он к председателю комиссии, не пришел вызов на экзамены. И для него одного(!) были проведены все пять экзаменов. Коля поступил. И это был не случай, нечто подобное описывает Лев Савров в своей новелле «Как я поступал в МГУ», которую я привел раньше, а в оригинале можно найти на сайте ГАИШ. С ним похожая ситуация случилась в середине, но не 1960-х, а 1950-х годов, на нашем же физическом факультете, но на восемь лет раньше.

Какое же славное было время. Мы застали интереснейших преподавателей тех лет, и рассказы Льва Александровича Саврова возвращают нас в его и наше романтическое время, когда наши преподаватели, которых уже с нами нет, были еще молоды.

Саша Белик, по-моему, из Краснодарского края. Поступил как производственник, т.е. по особому конкурсу, но

сумел удержаться на факультете, несмотря на извивы судьбы. Добрый и хороший парень, но в чем-то невезучий. Однако, свою невезучесть он создавал себе сам. Саша влюбился во француженку, которая была в МГУ на стажировке, и она тоже в него влюбилась. Помню, красивая девушка, похожая на русскую красавицу, невысокая, плотненькая, с косой. Она с Сашей подтянула свой русский язык, ну а Саша стал бегло говорить по-английски. Они поженились. На четвертом курсе, кажется, весной, Саша пошел с другом на смотровую площадку МГУ, людей посмотреть и себя показать. Показал, подрался с капитаном милиции. Осудили, хотя мы группой брали его на поруки, но милицию, хоть и в неслужебное время, да и подшофе, и тогда нельзя было трогать. Правда, получил Саша только два года или полтора, не помню, но тогда это было много, обычно решали дело по договоренности и не за деньги, а за извинения с выпивкой. После досрочного освобождения Саша, поработав годик учителем в деревенской школе, вернулся на факультет с хорошей характеристикой. Восстановили, но пришлось развестись.

412

Еще среди нас, общежитских, была Эмма Соколова, тихая, спокойная, как будто заторможенная девочка. Девушка в себе, но в общении приятна и отзывчива и, как выяснилось позднее, с большим внутренним вулканом. На пятом курсе она вышла замуж и осталась в Москве. О ее жизни приходили только отрывочные сведения. Говорят, что недолго работала в ВИНТИ, но там я ее уже не застал, а затем следы снова потерялись.

С конца 1980-х гг. я жил в купленной мной кооперативной квартире в Коньково, и однажды в метро на одноименной станции видел девушку, похожую на Эмму, но она была настолько сосредоточена в себе, что я, боясь обознаться, не подошел. Сейчас жалею. Эмма снова потерялась. Может, что-то о ней знает Лариса Миронова, с которой они во время учебы дружили, но разговора с Ларисой о ней у меня не было, да и сама Лариса исчезла и по e-мейлу не отвечает. Страничка ее на Proza.ru есть и, похоже, поддерживается.

Из девушек в общежитии жили Лариса Миронова из Витебска с подружкой Женей Щукиной из Пинска, тоже Белоруссия. Обе красивые девушки, но с разной судьбой. Лариса первой из наших на втором курсе вышла замуж за нашего же однокурсника Юру Владимирова и сразу родила двух девочек-погодков. Ушла в академический отпуск на пятом курсе и закончила, соответственно, в 1972 г., но считает себя нашей однокурсницей, что, по-моему, правильно. Она и ходила почти на все встречи нашего курса, не говоря уж о группе. На двух последних её почему-то не было. Как и Коля Нестеров, Лариса оказалась с гуманитарной жилкой и такой же шальной судьбой. Закончила еще и психологический факультет, а потом вроде бы училась на философском факультете (это с ее слов, не проверял, да и к чему это мне). Устроилась на работу воспитателем в детдом и написала великолепную книжку под таким же названием, как и место работы — «Детский дом». Это была вторая половина 80-х годов, время горбачевской «перестройки» и «Взгляда». Я читал книгу в рукописи, которую дала мне Женя Щукина. Обалдел, никогда не думал, что Лариса настолько талантлива. Правда, после пошли, на мой взгляд, заумные книги, и их она написала много. После «Детского дома» стала членом Союза писателей, еще РСФСР.

413

Женя закончила звездную астрономию и распределилась на Красногорский оптико-механический завод. Вышла замуж, родила дочь и умерла в 2012 году, второй из нашей группы после Коли Нестерова. О Жене я написал отдельное эссе. Вы его прочитаете, надеюсь. Женя того стоит.

Зураб Тодрия, с одной стороны яркий, красивый грузин, брюнет до синевы, но в моей памяти о нем почти ничего не осталось. Настолько ничего, что я до последнего времени считал, что он был отчислен где-то на третьем курсе, но Володя Якименко меня разубедил. Пришел он к нам, кажется, с предыдущего курса, надо бы спросить Наташу Кирееву. Был призван в армию и как теплолюбивый грузин был послан служить, конечно, на север. Затем, говорят, работал в Абстуманской обсерватории.

Встреча группы у А. Седякиной, 1990-е гг. Слева направо:
Н. Бочкарев, В. Осипенко (стоит), Л. Миронова, Т. Фетисова,
А. Седякина, Е. Щукина, А.М. Черепашук, М. Кацова,
Н. Лукашевич, В. Семенов (стоит), О. Иванов, Е. Беленькая

Юра Дегтярев — еще один «подарок» из академического отпуска, 1945 года рождения. Тоже немного впечатлений оставил, распределился на астрофизику. Но Университет не только демократичен, но и бывает жесток. Юру почему-то невзлюбила Наталья Борисовна Григорьева, наша «астрономическая мама». Объединившись с Василием Ивановичем Морозом, у которого Юра начал выполнять курсовую работу, интересуясь планетными ИК-наблюдениями, они стали внушать ему, что он не годится для кафедры астрофизики. Одна постоянно демонстрировала ему свою неприязнь, а другой пинал по научной линии. После мучительных размышлений и поиска нового руководителя, Юра вынужденно перевелся на гравиметрию, которую успешно закончил вместе с Олегом Ивановым и венгром Бодри Берталаном. Оба последних пошли на гравиметрию по желанию. Где-то на пятом—шестом курсе Берталан женился на Луизе Цветковой, старосте нашего курса, и после окончания увез ее в Венгрию. Луиза была слегка странной девушкой, и я с ней не только не дружил, но, кажется, за всё время обучения перемолвился всего парой—тройкой фраз. И дело не во мне. Со всеми остальными девушками, кроме Тани Фетисовой, у меня были довольно близкие отношения, включая и нелюдимую Эмму Соколову.

415

Такова была общежитская часть нашей первоначальной группы 1965 года без тех ребят, которых, к сожалению, отчислили. Жаль, мы и сейчас о многих из них вспоминаем.

Москвичей, пожалуй, я буду описывать позднее по мере их возникновения в сюжетах. Например, после второго курса я, Валера Семенов, Аня Седякина, Нина Лукашевич, Лариса Миронова были в спортивном лагере в Джемете под Анапой. Две москвички, трое из общежития. Море, солнце, ежевечерние танцы, домашнее вино — залейся, по 60 копеек за поллитровую банку, песни Высоцкого из лагерного радио. Тут наши девочки пристрастились к картишкам. Но не в простого дурака, а в преферанс. Настолько очумели, что по приезду в Москву зачастили к нам в общагу, резались по черному. Мы тоже не отставали. Потом вдруг все закончилось. Началась следующая летняя сессия.

В спортивном лагере Джемете, слева направо: Лариса Миронова, ее племянница, я, Нина Лукашевич, 1967 г.

Писать о нашей группе в 2022 году легко. Большинство празднует 75-летний юбилей, много встреч и еще больше воспоминаний. 19 мая был юбилей у Коли Бочкарева. На Ученом совете ГАИШ отметили это 1 июня. Одновременно такой же юбилей был и у доктора физ.-мат. наук Леонида Николаевича Бердникова, обстановка праздничная, объясняемая еще и тем, что директор Постнов Константин Александрович только что избран в членкоры. Все на подъеме. Я почему-то считал, что Бердников — наш студент с «около моего» курса. Почему, не знаю. Оказывается, он закончил Саратовский гос. университет, куда бы пошел поступать и я, если бы не приняли на физфак. Получается, учились бы в одной группе. Как тесен мир. Выступил директор — Костя Постнов с формально-научной стороны. Юбиляр, Коля Бочкарев, отсутствовал по причине болезни ног, как сказал оратор. Затем Коля Самусь рассказал о прошедшем 27 мая Пленуме Астрономического общества, где наш Коля, по словам Николая Николаевича, активно участвовал. Что участвовал, подтвердил мне позднее и Володя Якименко, член Президиума АО. Правда, он сказал, что не понял, о чем Коля говорил, и потом Женя Карицкая разъясняла, что же хотел он сказать. То есть, выступила в своем амплуа. Попросился выступить и я, т.к. никого из нашей дружной группы не было, даже Женя Карицкая отсутствовала.

417

Вот вкратце, что я сказал:

— Каждый или почти каждый курс Астрономического отделения своеобразен, на каждом курсе есть свои опорные точки. Например, в группе Кости Постнова на первых двух курсах было пять полных отличников: Постнов, Копейкин, Семенцов, Митин, Богатырева (ныне Антохина). Курс перед нами был известен своим активным старостой Валерой Арутюняном, а также венгром Ференцем Верешем, Багровым, Рябчиковой, Рудницким. Сразу после нас учились ставшие докторами наук Блинников, Бычков, Михайлуца, безвременно ушедший Боря Юдин. За ними Баркин, Самусь и т.д.

Наш курс имел много ярких личностей. На нем учились — всем известный Коля Бочкарев, Валера Семенов, который

стал генерал-полковником, Лариса Миронова — наша писательница, наш поэт Коля Нестеров, Таня Фетисова — наша поэтесса, Женя Шукина. Их я выделяю, потому что написал о каждом отдельный раздел (о Коле Нестерове в предыдущей книге). Мой вкус. А куратором у нас был Анатолий Михайлович Черепашук. Начинать кураторствовать, правда, Костя Куимов, но у него что-то не заладилось. Преподавал нам, подменяя Наталью Борисовну Григорьеву, и Анатолий Владимирович Засов. Он был молод, красив, остроумен. Вспомню снова его слова, которые я привел в первой книге. Дело было в конференц-зале. Посредине, если кто помнит, стоял большой такой эпидиаскоп размером с хорошего слона. Толя дал нам задачку, и все мы уткнулись в тетрадки, стараясь ее решить. Ни у кого не получалось. Тогда он говорит:

— Да что же вы, задачка-то простая, вы должны бежать к доске, сшибая стулья, чтобы опередить друг друга. Но не трогая эпидиаскоп.

418 Вот так. Тронуть эпидиаскоп было, конечно, можно, но с ущербом для себя. Он был светло-желтый, размером примерно $1,5 \times 1,5 \times 1,5$ метра, весил, наверное, с тонну, показывал плохо, и в 90-х годах его наконец убрали.

Вспомню и Константина Алексеевича Куликова, который с высоты своих 63 лет давал нам поучения по жизни, читая «Сферическую астрономию», легкого и веселого Вилена Валентиновича Нестерова, Бориса Михайловича Щиголева с его лаборанткой Валентиной Михайловной Чепуровой, которая учила нас считать на «Феликсах» — арифмометрах. Знаковые для нас оказались эти люди, преподаватели первого семестра.

Коля Бочкарев

Я чуть раньше писал, что пошел в ГАИШ на заседание Ученого совета, на котором должен был отмечаться юбилей — 75-летие Коли. Вообще, 2021–2022 годы — это сплошные юбилеи нашего курса 1946–1947 годов рождения. Директор

ГАИШ Константин Александрович Постнов сказал, что Коля не присутствует сегодня по причине больных ног, а мне вспоминается такой эпизод. Произошло это несколько лет назад. Иду я к метро «Академическая» по ул. Дмитрия Ульянова, где раньше еще был пивбар, который у завсегдатаев, как, например, у Игоря Николаевича Макарова, носил название «У Брата». Перехожу ул. Вавилова и вижу, что к остановке метро в пятидесяти впереди подходит 57-й автобус. Думаю, ну его к черту, не побегу, и вдруг мимо меня на огромной скорости проносится парень к автобусу. Вижу — Бочкарев, я за ним. Мы успели. А вы говорите — больные ноги. Вообще, оглядываясь назад, я могу сказать, что говорить о Коле можно словами Владимира Высоцкого: «Если я чего решил, то выпью обязательно». Главное, чтобы перед ним была поставлена задача. Железный человек Коля, и «рукопожатие у него крепкое», ссылаясь на терминологию Ястржембского.

Естественно, что помню я Колю Бочкарева с 1965 года. Как многие из нас знают, математику тогда, да и еще долго потом, у астрономов вел незабвенный Сан Саныч Шишкин, который, как вспоминает Олег Иванов, говорил после первой контрольной: «Вот и появились первые кандидаты на отчисление». Мы перед первой сессией дрожали. Тот же Олег Иванов сказал: «Даже Коля боится, что его отчислят». Что же оставалось нам — собирать свои манатки и выметаться. Слава богу, первый семестр прошли хорошо, а Коля «отлично». Ещё бы, он помнил всю таблицу логарифмов. Это по случаю неоднократно отмечал Вилен Валентинович Нестеров. Также без единой четверки на «отлично» Коля и закончил. Не надо думать, что все у него проходило гладко. Например, на «Атомной физике» Коля на экзамене попал к довольно молодой и, на мой взгляд, красивой преподавательнице из соседней группы. Она вознамерилась поставить Коле четверку, но не тут-то было. Коля таки доказал ей, что знает на пятерку. И надо знать Колю, она еще легко отделалась, потратив на него всего два с половиной часа. Пятый семестр для Коли был стрессовым не только

из-за «Атомной физики». В его начале все мы вдруг узнали, что зачет по английскому будет с оценкой, которая пойдет в диплом. И здесь Колю ждала засада, говоря на нынешнем молодежном сленге. Ведь Коля плохо знал язык, преподавателем же в его подгруппе была суровая Кригер, Кригерша, как все мы ее называли. И что же вы думаете, Коля насел и на язык, и на Кригершу, и ей ничего не оставалось, как поставить ему пятерку.

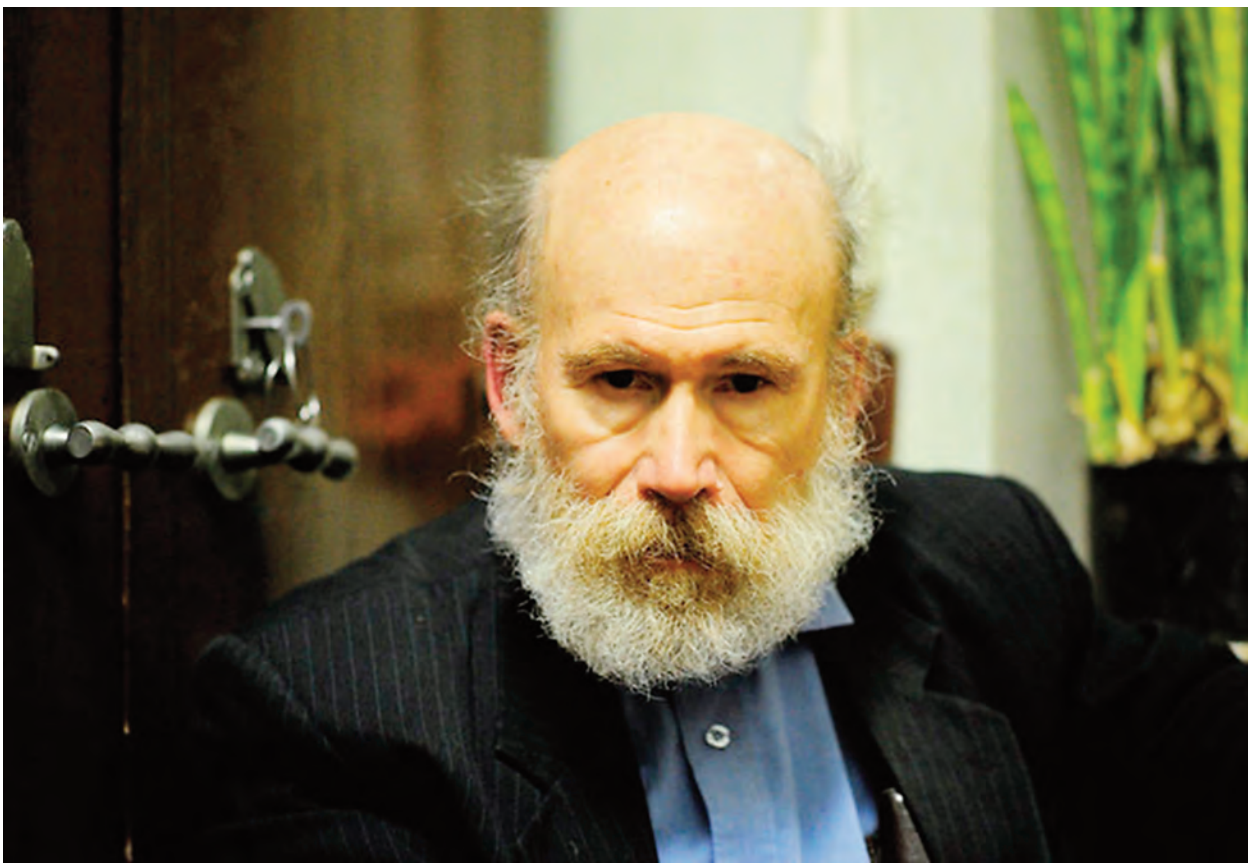
После третьего курса и летней практики я поехал в спортивный лагерь в Пицунде. Путевка мне далась легко, т.к. я ходил в спортивную секцию и, соответственно, входил в сборную МГУ по легкой атлетике. Там оказались вместе со мной и Коля Бочкарев с Женей Карицкой, которые тогда, видимо, пришли к решению пожениться. Они вели себя уединенно, и помнят ли сейчас, что с ними там был и я, не уверен. Впрочем, наверное, помнят, т.к. рассказывали мне, что после отдыха поедут вместе на Чукотку в экспедицию на солнечное затмение. Удача, о которой я говорил раньше, или судьба, что, по-моему, одно и то же, сблизила их в это лето, и они почти сразу поженились.

420

Помню, как Коля некоторое время до свадьбы, но уже во время учебы на четвертом курсе, носил два портфеля, свой и Жени. Оба портфеля были большими и сильно набитыми учебниками и тетрадками, пузатыми, ведь каждый день у нас было по четыре пары. На их свадьбе мы были всей группой, отметили весело, а впереди виделось только хорошее.

В нашей группе Коля был безотказным. Кем только мы его не выбирали, и в дружину, и физоргом, это Колю-то, и комсоргом, и на субботники. И всегда Коля соглашался и тащил на себе этот воз обязанностей. Коля первым из нашей группы защитил кандидатскую диссертацию, первым — докторскую. Отмечу, что вторым доктором стала Маша Кацова, а третьим — Лена Беленькая, четвертым... впрочем, это уже не призовое место.

Безотказный Коля стал у нас первым членом партии, впрочем, нет, вторым после Валеры Семенова, который вступил в нее в армии.

Коля Бочкарев, ок. 2020 г.

Женя Шукина, Коля Бочкарев, Аня Седякина и Лариса Миронova на встрече нашей группы

Коля в борьбе с Г.С. Хромовым, в противовес ВАГО, стал одним из организаторов Международного астрономического общества, хотел сказать — союза, но эта организация к тому времени уже существовала, а то Коля организовал бы и её. В общем, у меня о Коле давно сложилось такое представление — его нельзя остановить.

Так как на заседании юбилейного для Коли Ученого совета из группы я был один, то рассказал, что помню, о нашем Коле и закончил словами:

— Поверьте, Коля нас всех переживет, и кто сможет или осилит, то, приходя на каждый следующий его юбилей, вспомните моё предсказание.

После выступил Анатолий Михайлович Черепашук, ныне Научный руководитель ГАИШ. Он привел эпизод, характеризующий упорство, с которым Коля добивался цели:

— Бочкарев в тяжелые 90-е годы сумел добиться финансирования Астрономического общества в Министерстве науки, высшей школы и технической политики России у министра Б.Г. Салтыкова. Дело было так. Коля Бочкарев запасся письмом с просьбой о финансировании Общества и сумел пробиться в приемную министра. Секретарша сказала, что министр очень занят и сейчас принять его не может. Коля сказал, что подождет, пока тот освободится, и сел. Проходит час, два, три. К министру постоянно ходят люди, некоторые не один раз. Коля сидит. Наступил обед. Коля открыл свой портфель (кто не помнит его огромный портфель!), достал термос с кофе и пакет с бутербродами, смачно поел и продолжает ждать. Видимо, кто-то рассказал Салтыкову о странном посетителе, и, в те «демократические времена», тот решил проявить демократизм, ведь он стоял у основания партии «Демократический выбор России». Министр Колю принял, и Коля получил желаемую визу на письме. Вот так Общество и получило необходимое финансирование, — сделал заключение наш академик.

Я тоже могу подтвердить, что знающие люди, да и Г.С. Хромов, в приведенных мною выписках из дневников от-

мечают — сотрудники министерства разбегались, услышав о появлении Коли.

424 Оглядываясь назад на мой ГАИШ, я скажу, что наш однокурсник Коля Бочкарев стал в нем колоритнейшей фигурой, как «Дядя Костя» — Константин Алексеевич Куликов, «ДЯМа» — Дмитрий Яковлевич Мартынов, «Астромама» — Наталья Борисовна Григорьева, «Доктор» — Иосиф Самуилович Шкловский. И наравне с ними: «Валька» — Валентин Федорович Есипов и сам называвший его так «Виля» — Вилен Валентинович Нестеров, «Петька» — Петр Владимирович Щеглов, «Димка Курт» — Владимир Гдальевич Курт, «Эдик» — Эдвард Владимирович Кононович, «СБ» — Сергей Борисович Новиков, «Овчина» — Саша Овчинников, «Чепуриха» — Чепурова Валентина Михайловна, «Марат» — Марат Усманович Сагитов, и с ним «Шевалье» или просто «Лев» — Лев Александрович Савров. Ну и, конечно, «Гаврила» — Гавриил Сергеевич Хромов. К ним же я бы отнес Александра Владимировича Бугаевского и Тамару Андреевну Бирулю. Люди, разные по положению, но известные всем и обсуждаемые всеми при каждом удобном случае: на банкетах при защите кем-то диссертации, чьём-то юбилее, праздничном застолье или просто на чьём-то дне рождения. Кстати, Коля Бочкарев и его жена Женя Карицкая тоже известны как «Бочкарицкие». Ничего исключительного или необычного тут нет. Так же было и у нас в ВИНТИ: директор Юрий Михайлович Арский — «Крендель» и «Краб», первое, не знаю почему, пришло к нам из Госплана, а может, и из Миннауки, где он недолго работал в правительстве Гайдара, а второе необыкновенно напоминало его походку. Ходил он немного согнувшись, слегка скашиваясь направо, с выпученными глазами за стеклами толстых линз очков. Его протеже, зав. отделом математики И.Ю. Никольская — «Кобылка», ходила по коридору быстро, цокая каблучками, Наталья Федоровна Чумакова — «Чума», т.к. исполняя поручения директора она моталась по всему институту. Я тоже проходил в отделе как «шеф» или «шефуля», как любовно называла меня Нина Лукашевич, или... впрочем, неважно. За преде-

лами отдела меня называли «Астроном», что понятно. Вообще-то, сам я придерживаюсь правила, которое хорошо сформулировал на одной из своих лекций, она есть в интернете, Сергей Борисович Попов, наш молодой коллега. «Не стесняйтесь называть собеседника по имени-отчеству. Так будет вернее».

Коле Бочкареву я посвятил много места в обеих книгах, и не только потому, что он учился лучше всех и не только в нашей группе, но и, пожалуй, входил в пятерку—десятку моих сокурсников, закончивших факультет без единой четверки. Коля выделялся. Но он не один такой «выделяющийся» был в нашей группе. Вот о некоторых я дальше напишу тоже в персональном виде.

Лариса Миронова

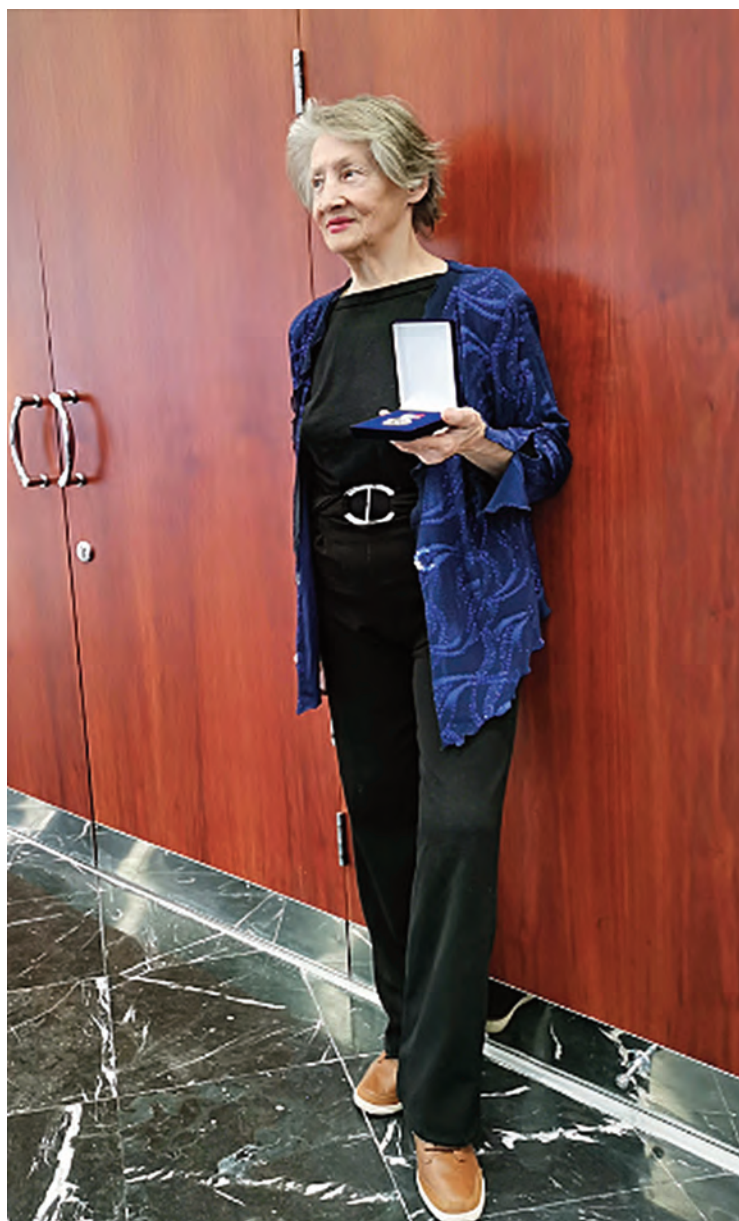
Формально в её биографии, которая в Википедии, мы находим: «Миронова Лариса Владимировна родилась в 1947 г. в Германии, в семье советского военнослужащего. Высшее образование получила в Москве: МГУ, физфак и факультет психологии, затем в 1993 г. поступила на Высшие курсы Литературного института им. Горького. В 2013 г. защитила диплом на Отделении философии во Французском университетском колледже. Публикуется с 1985 г. В Союз писателей СССР принята в 1991 г. с книгой «Детский дом». Всего издано более 50 книг: наука, эссе, сценарии, переводы-переложения, драматургия, поэзия, проза (на русском и французском языках). Живёт и работает в Москве».

425

А вот что она пишет о себе в предисловии к роману «На арфах ангелы играли».

«Родилась 13 мая в 1947 году, в городе Устюжна Вологодской области. Вскоре семья переехала в Белоруссию. Золотая медаль за среднюю школу не очень помогла при поступлении в МГУ на физический факультет, и тем не

менее — конкурс пройден. Несколько лет работы на нескольких естественных факультетах Московского государственного университета — и снова я студентка, на сей раз факультета психологии. Но тут литературный зуд овладевает мною настолько, что науки отодвигаются на второй план — и, о радость! — журнал «Урал» печатает мою первую повесть «Детский дом», правда, в сокращенном варианте. Через два года сразу два издательства («Современник» и «Молодая гвардия») печатают эту повесть полным текстом. С этим «Детским домом» я и вступила в Союз писателей, а в 1992 году — на Высшие литературные курсы при Литинституте им. А.М. Горького. Однако, несмотря на очевидный успех, — сразу после выхода книги опубликовано восемь рецензий, телереклама в самой модной в те времена передаче «Взгляд», и всё это спонтанно, без каких-либо внешних усилий, — замечены проблемы, поставленные в повести «Детский дом», были лишь в специальных литературных кругах да ещё отдельными читателями, которые писали мне трогательные письма из всех уголков нашей Родины, в том числе, из мест, не столь отдаленных... Что же касается власть предержащих, которые и должны были, по моему мнению, в первую очередь взволноваться означенными в повести проблемами лавинообразно растущего социального сиротства, то их реакция была нулевой, если и вовсе не отрицательной. Молчала также и «продвинутая» общественность. Либерально настроенные деятели говорили безо всякого стеснения: «Таковы законы рыночной экономики — выживают сильнейшие. А это — всего лишь мусор жизни, реальные издержки рыночного производства». Их оппоненты были ещё категоричней в своих суждениях. Многозначительно прищунив задумчивые глаза, они говаривали полужёпотом: «Чем хуже — тем лучше! Чем больше будет недовольных и нестроенных, тем легче будет всю эту систему скovyрнуть!» Когда же я написала очерк под названием «Белые рабы» — о фактически легализованном использовании бесправных людей, в том числе, в криминальных целях, редакция сняла название, заменив его

Лариса Миронова на своем юбилее

своим, более нейтральным, и убрала эпилог, где был задан прямой вопрос: «Кто и зачем плодит нищету?» — я поняла, наконец, что, раз это происходит, значит, это кому-то выгодно, очень выгодно. В той работе я подробно описала систему вывоза людей из России в США на так называемую работу. Прошло несколько лет, и та же система эксплуатации бесправных людей успешно стартовала и в наших пределах. А я стала «невыездной»... Больше мне визу не открывали. Правда, к тому времени я всё-таки успела объехать достаточно стран, чтобы сделать определенные выводы.

Проблема стала всемирной, и теперь уже исследователи США составляют списки нецивилизованных стран, в которых не принимаются должные меры по борьбе с негативными явлениями ущемления прав человека. При этом делают вид, что по поводу собственной страны и вовсе были не в курсе.

428 А ведь именно США и сыграли роль своеобразной лаборатории этого ужасного явления, разнесенного затем по всему свету...

За десять лет напечатано — цикл очерков в жанре журналистского расследования в различных периодических изданиях, притчи и сказки, биографические очерки, повести «Мокоша на Евдокию», «Крыша», «Драма в Арканзасе», «Охота на красного зверя», «Бибиситер», рассказы «Уэлькаль-43», «Крепость Дунь-Хуа», «Янтарная комната», записки путешественника «Заграница», «Мертвая Америка», «Афганские хроники» и другие...

Наконец, в начале 1997 года журнал «Молодая гвардия» печатает скандальную повесть «Новые палачи». В 1988 году была написана пьеса на этот же сюжет под названием «Оборотни», впрочем, и повесть изначально называлась так же, но редакция «Молодой гвардии» решила её переименовать в «Новых палачей». Повесть была написана чуть менее десятка лет назад и до напечатания пропутешествовала по всем редакциям Москвы. А в столе еще семь «кирпичей» — романы, на которые всё нет издателя...

Но вот к началу третьего тысячелетия на первый «кирпич» издатель нашелся. Роман «Призрак любви» — первый напечатанный из этих семи.

Книга вышла в свет в 2003 году в издательстве журнала «Москва».

«На арфах ангелы играли» — последний из написанных романов. Сюжет незатейлив. Маленькая девочка, пережив сильное потрясение, обретает способность видеть музыку.

Основной конфликт романа прост и незатейлив: общество массовой усредненности не терпит не таких, как все...

Но, как это часто случается в сказках, на помощь девочке приходят таинственные силы природы... Да, сказки всё ещё живут в нашей, отнюдь не сказочной, действительности. Не потому ли... «Молчи, глупец, Я с Богом разговариваю»... Эти слова приписывают Баху.

Пока живёт музыка — будет жить и сказка. А значит, и все мы будем живы. Ибо Россия — самая сказочная из всех стран...

И в это надо верить».

Как разнятся эти биографии. А то что Лариса умеет оформлять свои «выходы в свет», не сомневаюсь. Или она не Лариса? Почитайте, например, дальше про созданную ею виртуальную партию InterПОЛ.

Женя Щукина

Женя пришла на первый курс из школы № 4 города Пинска, Брестской обл., Белорусской ССР. Бывает, в воспоминаниях пишут, что имярек такой-то ничем себя не проявил, и вспомнить о нем нечего. Вот это — не про Женю. Под это определение скорее подходила из нашей группы Эмма (Эмилия) Соколова, но это с её стороны была скорее маскировка, и в ней тоже бушевали страсти. Кстати, она одна из многих золотых медалистов нашей группы. Женя же была эффектной девушкой с каштановыми, распущенными волосами.

Сколько себя помню, она их никогда не укладывала. В группе была самостоятельна, вела себя уверенно, но с привязанностью к Ларисе Мироновой. Эту привязанность с элементами поклонения она сохранила на всю жизнь. Не знаю, как Женя для Ларисы, но для Жени Лариса была объектом восхищения. Что уж она уловила в ней на первом курсе или, может быть, втором, но действительно, позже Лариса себя показала значительной фигурой с разнообразными увлечениями и способностями.

430

Ну а мы, мальчики, жили своей жизнью в отличие от девушек, уже обращавших внимание на противоположный пол. Занимались учебой, занимались спортом и вообще наслаждались свободной жизнью, т.е. пили пиво, кто-то, наконец, закурил. Вместе ходили на занятия, в столовую, по книжным и букинистическим магазинам. Пока еще скопом: комнатой или с друзьями из группы или курса. Разделяться начали потом, пожалуй, с третьего курса. Началось распределение по кафедрам и специальностям. Старались поселиться в одну комнату общежития с теми, с кем хотелось. Не всегда получалось, хотя Александр Стефанович Головин, зам. декана по общежитиям, этому не препятствовал. Был он значителен — высокий дородный мужчина, полковник и, возможно, из запаса КГБ. Многим он помогал и никогда не придирался, но мог и наказать.

Мы много читали, в основном фантастику, «зачитывая» друг у друга книжки. Наша астрономическая группа была дружная, во всяком случае, ее общежитская часть. Уже с первого курса у нас в общежитии на Ломоносовском, 31 отмечали всей группой праздники. В отличие от физиков, которые решали между собой, кто круче, умнее, способнее, больше знает, легче решает, нам было нечего делить. Мы получили, что хотели, поступили на астрономию и были счастливы. Счастливы были, конечно, и физики, но их одолевал дух соперничества. Каждый был Эйнштейн, Бор, Дирак, Капица, Ландау или их лучший ученик. На всё был один ответ: «Это же тривиально». Только и слышалось:

— Продифференцируй.

Аня Седякина и Женя Шукина

- Ну, это же тривиально.
- Возьми этот интеграл, — а в ответ:
- Это же тривиально.
- Ты сделал эту задачу практикума?
- Конечно, это же тривиально.
- Еще одно словечко ходило между всеми — «Отнюдь».
- Ты ходил на первую пару?
- Отнюдь.
- Или:
- Ты пишешь лекции по матану?
- Отнюдь нет.

432

Ну а что же Женя с Ларисой? Лариса вышла замуж на втором курсе за однокурсника-физика Юру Владимирову с нашего же курса. Высокий, долговязый, я был с ним на военных сборах после четвертого курса. Приятный парень, и неудивительно, что Лариса его заметила. Они родили одну девочку, затем вторую, и к пятому курсу неожиданно для нас развелись. Лариса взяла академический отпуск. До этого она распределилась на астрофизику, и, помню, к ней благоволил сам Абрам Леонидович Зельманов, а Леонид Петрович Гришук даже приходил к ней в общежитие. Женя же училась на звездной астрономии вместе с Зурабом Тодрия и Аней Седякиной, с которой потом дружила всю жизнь. С Зурабом у меня произошла интересная абберрация памяти. Я почему-то считал, что его отчислили на втором или третьем курсе. Ведь мы потеряли многих: Володю Ильина, тучного такого мальчику, который сам собирал телескопы для своих наблюдений и никогда не мыл голову, всю в перхоти, Володю Соловова, Николая Кузнецова, поступившего каким-то образом уже будучи офицером. На вечернее перевелась Вера Пикельнер, отчислили Гену Шапкина, Валеру Гришаева, Володю Вировца. Но как-то из разговоров-воспоминаний с Володей Якименко выяснилось, что Зураб закончил вместе с нами. Ничего этого я не помнил, а оказывается, он не только вовремя закончил, но и после был призван и служил, как и мы с Володей и другими ребятами

с нашего курса. Чудеса. И не скажу, что он был тихий, незаметный парень. Вовсе нет.

Женя же даже среди незаурядных наших девушек выделялась. Прекрасно помню её на пятом курсе. Мы жили на третьем этаже Дома студентов в зоне «Б» Главного здания, ГЗ, как говорили во время учебы моего сына, а у нас, кажется, этой аббревиатуры не было. Женя подружилась с девочками не с нашего курса и болгариним, кажется, Свято-славом, на курс младше. Все они жили на нашем третьем этаже и допоздна «тусовались» в холле. Там стояли такие чиновничьи кожаные диваны, и они их своим дружным кругом целиком оккупировали: смех, музыка, воспоминания, рассказы, анекдоты, сухое вино. По-моему, это было самое счастливое Женькино время. Помню ее раскрепощенной, веселой, довольной всем и с надеждой, что так будет всегда. А ведь до окончания Университета оставалось несколько месяцев. Она тогда начала курить, они, конечно, пили и вино, но немного. Им хватало бутылки на всех. Впрочем, мы все или многие из нас еще не осознавали, что пять счастливых лет уже закончились и впереди всего несколько месяцев, а дальше, как ни пытайся избавиться от этого эпитета, начинается «взрослая», совсем другая жизнь. Жизнь с работой, с новым окружением, в новых непривычных условиях. Ведь, если подумать, то многие поступили сразу после школы и, хоть и выпали из семейного гнезда, но по-прежнему принимать решений не приходилось. Всё текло своим путем: лекции, семинары, зачеты, экзамены, и мы к этому быстро привыкли. Всё налажено и неизменно. Помню первый шок, когда 11 февраля 1971 года зашла ко мне в блок комендантша этажа и попросила освободить комнату. Разрешение на проживание закончилось. А мне в армию, и приехать в назначенную часть надо только через полтора месяца, когда закончится отпуск, положенный по окончании Университета. Одиннадцатое февраля запомнилось еще и тем, что с этого момента началась моя служба в армии, и именно 11 февраля я через два года был уволен из Вооруженных сил СССР.

Распределилась и Женя, на Красногорский оптико-механический завод, который выпускал много чего, в том числе и известный зеркальный фотоаппарат «Зенит». Туда же распределился и Олег Иванов из нашей группы. Женя вышла замуж за Соловьева, который был, кажется, на курс моложе нас, но по возрасту старше — производственник. Лучше бы за Володю Томозова, с которым у Жени были теплые отношения. Но Володя был в аспирантуре и, к тому же, на последнем году. Не до этого, надо защищаться, счастье подождет. Всё внешне у Жени казалось хорошо. Родила девочку, и они получили двухкомнатную квартиру от завода. Но, судя по всему, не сошлись характерами, т.к. долго мучились, живя вместе, и наконец они развелись. (См. «Юбилей»).

434

Женю в эти годы я встречал эпизодически: на междусобойчиках группы. Наша группа одно время часто собиралась: то у Володи Юдина, то у Бочкарицких, у Ани Седякиной, Ларисы Мироновой, Маши Кацовой. Мне казалось, что и у меня, но Олег Иванов говорит, что это была не встреча группы, а ребята приехали после отмечания 150-летия ГАИШ ко мне в обсерваторию на Красной Пресне, где я тогда жил в квартире 13.

Наши встречи обычно инициировались либо приездом в Москву кого-нибудь из распределенных по просторам страны: Володи Якименко, Коли Нестерова, либо по принципу «давно не встречались». Один раз по этому случаю ездили группой в Красногорск к Жене. Была снежная зима, после стола с пельменями под вино и водку пошли кататься на чем попало с горки под домом. В общем, виделись. Вспоминаю встречу многих из группы на защите докторской Машей Кацовой. Как часто раньше бывало, в ГАИШе в 48-й аудитории. Было весело. Это вторая докторская в нашей группе после Коли Бочкарева, защиту которого я не помню. Может, Коля и не отмечал ее или отмечал совсем в другом кругу. Как и у всех у нас, у Коли были странности. Какие-то причуды в поведении описаны в первой книге, какие-то вспоминаются мне сейчас. Например, после прочтения курса лек-

ций Коля как-то принимал экзамен у студентов, наверное, человек семь, до последнего метро. А может, так и стоило, ведь это была группа 1980-го года выпуска. Третьей стала Лена Беленькая, и почти вся группа присутствовала. Четвертая и, наверное, последняя — моя. Тоже с группой не отмечал, но мы встречались сразу после защиты. На этих встречах Женя веселела и становилась прежней Женькой.

В «демократические» девяностые Красногорский завод перестал платить зарплату, и Женя крутилась как могла. Сначала работала у подружки в небольшой коммерческой структуре на Соколе и часто приходила к нам в ВИНТИ поболтать с Аней Седякиной и Ниной Лукашевич. Ей у нас нравилось, и она захотела перейти к нам. Я приготовил ей ставку в отделе физики, но, узнав, сколько будут платить, Женя передумала. Как жила, тогда я не спрашивал, теперь знаю. Последний раз я видел Женю на встрече курса по поводу 40-летия окончания факультета в 2011 году. Она уже была больна, но пришла и, как оказалось, в последний раз. Похудела, но была всё той же веселой Женькой. Мы с ней в тот ее последний год часто общались по телефону, и она довольно много рассказывала о себе, жаловалась на жизнь. Помню, что когда я сообщил, что у Никиты на руке образовалась шишка — гигрома, Женя в свою очередь поделилась своей историей с этим образованием, тоже на кисти руки. Как-то в скользкую погоду, гололед, шла она мимо церковной калитки с каменными столбами в качестве опор. Неожиданно, говорит, поскользнулась и рукой треснула об одну из этих опор. Смотрит, а шишка-то пропала — разбилась.

— С тех пор я и стала слегка верующей, — сказала она.

Я уже тогда подумывал о книге воспоминаний и просил ее, как и всех наших, повспоминать интересные эпизоды и записать их. Женя сказала, что сделает это на дискете и позже передаст ее мне. Запретных тем у нас с ней не было, говорили обо всём. Женя понимала свое состояние и дальнейшую печальную перспективу. Рассказывала, что химиотерапия идет с трудом, лекарство выдают с запозданием, а у нее еще и была идея-фикс, что она должна успеть приватизировать

квартиру. На вопрос, зачем, отвечала, чтобы у дочки не было проблем. Почему-то она считала это своей обязанностью. Я недоумевал, дочке-то четвертый десяток. Женя сердилась, сердилась по поводу и без повода:

— Представляешь, — говорит, — едет дочка по Ленинградскому проспекту, полно машин, толкотня, пробка, а справа полоса пустая. Дочка туда повернула, а вот на днях пришел штраф на три тысячи рублей.

Я говорю:

— Женя, так это полоса для автобусов.

— Ну и что, она же пустая.

— Так там только за 3000 рублей можно ехать, да и то до следующей камеры.

— Но она же пустая!

Вот уже почти десять лет прошло, а не хватает Женькиного:

436 — Шамаев! Ты что? Да ты ничего не понимаешь. Прекрасная музыка.

Это когда она мне посоветовала послушать какой-то вокализ, а я в ответ:

— Женя, я слушаю только рок и то пятидесятых—семидесятых годов — времени моей юности.

Впрочем, недавно у сына послушал Моцарта с винила, тоже, кажется, ничего. Успокаивает. Но время как-то быстро утекает. Думал, в серьезном возрасте, когда уже не будет такой суеты, как в середине жизни, вот уж послушаю, вот уж почитаю, вот уж всё кино, которое давно хотел, посмотрю. Но нет, не получается. Дела, дела, дела.

Послушав мои воспоминания о Жене, Володя Якименко рассказал такой случай:

— Четвертый курс, весна, май, ранний вечер, теплынь, на деревьях только-только появились листочки, кругом зелень. Иду из камерального корпуса с самоподготовки по спецухе [так мы называли военную подготовку — В.Ш.] через проходную зоны «Б» к себе в общежитие и вдруг слышу женский голос, поющий романс «Гори, гори, моя звезда». Голос низкий, сочный разносится по всему двору зоны. Волны

звука плавно колышутся, переливаясь через крыши зон «Г» и «Е» в огромном дворовом колодце.

— Впечатление ошеломительное. Помню до сих пор, да и, верно, не только я. В большом дворе стоят люди. Остановили игру бадминтонисты, народ сидит на скамейках, стоит, все притихли, слушают. Подхожу ближе и вижу — в раскрытом настежь окне шестого этажа на подоконнике сидит наша Женя и поёт. Поёт так, что заслушаешься. Вот это голос, никак не думал. Обычно Женя говорила слегка хрипловатым голосом, а здесь чистейшее контральто. Да, до сих пор незабываемое очарование стоит перед глазами, обволакивает меня чисто физически. Каждая струнка в теле начинает звучать.

Действительно, Володя до сих пор помнит это неординарное событие. Иначе этой истории не было бы в моей книге.

Квартиру Жене приватизировать удалось, спасти себя — нет. Дискету мне передали после Жениного ухода. На похоронах меня не было, лежал в больнице. Как, впрочем, и во время похорон Тани Фетисовой. Но это уже другая история, а я сейчас не об этом.

437

Приведу часть Жениных рассказов с дискеты.

Юбилей

3 февраля 2006 года — день моего шестидесятилетия и ровно год после смерти моей мамы, рабы Божьей Людмилы. Морозный и очень солнечный день.

А родилась я в такую метель, что моя бабушка Мария Васильевна, оставив во второй половине ночи маму в роддоме, не могла попасть домой.

— Свету Божьего не видно было. Плутала-плутала и опять у роддома очутилась, а ты как раз и родилась в восемь поутру, — рассказывала она.

Я болею уже вторую неделю. Утром встала, чтобы пойти в храм, и еле-еле собралась с силами: болело сердце, кружилась голова — плохо переносу антибиотики. Вернувшись из

церкви, напилась всяких снадобий, поела, слабость такая, что свалилась на диван. Пыталась читать, но веки совсем отяжелели, и я уснула. Это был не обычный сон, а какое-то двойное перемежающееся существование. То в реальности я видела перед собой окно с зарослями цветов на подоконнике, пронзительно голубое небо, слепящее солнце, и ощущала такое бессилие тела на диване, когда невозможно пошевелиться, то оказывалась в странном белом пространстве — лабиринте с нагромождением прямоугольных коридоров и правильной формы выступающих и стоящих отдельно помещений без окон с почти незаметными дверями и без дверей. Все белое, стерильное, гладкое. И в этом скучном стереометрическом пространстве я, оказывается, работала. Более того, я была воодушевлена тем, что мне выдали новый суперкомпьютер. В белой маленькой комнатке-кладовке не было ничего кроме стула и белого же узкого вытянутого шкафчика. В шкафчике был выступ-полка с управлением и встроенный экран. Я села на стул (дверь за спиной) и увлеченно принялась выяснять возможности этого чуда. Я делала запросы, ставила самые фантастические проблемы, и через короткое время убеждаюсь, что общаюсь не просто с универсальным компьютером, а с гениальным сверхразумом, для которого в принципе не существует неразрешимого. Но самое удивительное — я ощущаю, что меня он воспринимает не как пользователя, а как равного сотрудника, и очень деликатными подсказками подводит меня к невероятным, не известным ранее открытиям. Все наши решения и выводы облекаются в законченную ясную форму. С невиданным вдохновением и ощущением какого-то вселенского счастья от открывшихся безграничных возможностей разума я понимаю, что человечество врывается в эру абсолютной власти интеллекта. И вдруг, в разгар своей увлеченности я замечаю, что из гладкого корпуса компьютера выделяется, выдвигается конструкция из нескольких блоков и ползет по поверхности, сопровождая это звуками, похожими на смешки-насмешки. Потрясенная, я боюсь останавливать ЭТО, прикасаться. Хочу позвать кого-нибудь на помощь, но

не могу двинуться с места, потому что весь шкафчик начинает хаотически распадаться. Боже мой, должно быть, это вирус для таких суперкомпьютеров — ужасаюсь я и выскакиваю из комнатки. В других помещениях работает много молодежи. Обращаюсь ко всем подряд, зову на помощь, прошу посмотреть. Но в ответ на мои слова произносится нечто, никак не связанное со смыслом сказанного мной, по типу: «В огороде бузина, в Киеве дядька». Как я ни пыталась достучаться до нормального общения, результат был таким, как если бы значения всех слов поменяли, и все разговаривают на этих новых смыслах, только я пользуюсь старым языком, который они уже не помнят.

Отвлечшись от этого абсурда, я замечаю свою совсем молодую маму, какой она была, когда я вообще впервые ее запомнила. Ни на кого не обращая внимания, она сидела с гитарой в руках и пела. На ней было светлое легкое платье с глубоким сужающимся вырезом (она всегда любила такой фасон), лицо нежное, длинные волнистые каштановые волосы, яркие черные глаза. Я сразу забываю все геометрические проблемы, и легкая светлая радость наполняет душу. Она видит меня, взгляд доброжелателен, приветлив, но как к посторонней. От общения она уклоняется. И я догадываюсь: ведь в этом ее возрасте я была совсем маленьким ребенком, а теперь незнакомая старуха. После этой догадки я уже не вижу ее и больше не нахожу. В одиночестве возвращаюсь в свой бокс посмотреть, что же осталось от компьютера. Открываю дверь, и в глаза бросается чистый белый унитаз. Ошарашено оглядываю всю комнатку: в одном из углов валяется гитара в грязном полиэтиленовом мешке. Бросаюсь к ней, убеждаюсь, что гитара цела, и произношу: «Зачем же она ее выбросила?» Расположив гитару на бачке, я пытаюсь оттереть грязь с мешка взявшейся откуда-то тряпкой. Но жирная, скользкая грязь не поддается. «Что же я делаю? Зачем мне этот мешок — надо просто достать из него гитару», — с этой мыслью я проснулась окончательно. На протяжении сна выходы в реальность (и тогда я ощущала

непреодолимую немощ своего тела) были в моменты перемены событий. Как жаль! Жаль, что стерлись из памяти диалог с компьютером и песня моей мамы. Я еще долго лежала, не в силах даже приподняться, чтобы взглянуть на часы: прошло ли уже то самое скорбное время, когда с такими муками душа моей мамы рвалась из тела и, наконец, покинула его. Да, именно в это самое страшное для воспоминаний время я, забывшись в странном сне, встретила самый светлый ее образ, и он не покидает меня. Мамочка, мамочка, душа моя.

Не работают телефон и домофон. Мебель и все остальное в доме тридцатилетнего износа. Спать приходится на диване, из которого торчат пружины, и было бы вообще невозможно лежать, если бы не наваленные в различной комбинации одеяла и пара матрасов. На таком ложе и при нескончаемом вое Волоколамского шоссе под окнами я не высыпаюсь. НИ-КОГ-ДА!

440

Давно сломан старый проигрыватель, пианино стоит не в моей комнате, и, оказывается, не в моей власти организовать его переселение. Так и живу я без любимой музыки и даже не пою сама — из-за курения пропало мое меццо-сопрано.

Суровыми зимами, как эта, я болею, потому что пальто у меня плохонькое и ветхое, сапоги холодные. Как все нищие, я пытаюсь спастись многослойностью одеяния, но размеры пальто ограничивают число поддевок.

Мне сегодня шестьдесят лет. Я работаю всю свою взрослую жизнь, я закончила труднейший факультет лучшего ВУЗа страны. Ради дочери я выдержала побои и оскорбления от патологического скряги мужа... Я одна доростила и выучила дочь в страшные 90-е годы реформ. Я виню себя за тяготы ее юности и люблю свою бедную девочку сострадательно и жертвенно. Но я для нее помеха, и моя единственная дочь... У меня нет внуков, у меня нет жизни, а я вынуждена продолжать бытие. Я не хочу, давно не хочу жить!

Нет у меня смирения, значит, и истинной веры нет.

С юбилеем тебя, грешница! Что за возраст 60 тысяч лет? Впереди еще тысячи и тысячи лет мучений и одряхления. Вытерпишь?

Таким «праздничным» настроением и поделиться-то не с кем — мне слишком часто объяснялись в нелюбви.

Сны разные. Особенности правого полушария Водолея

I. Сон о синей бездне (1975–76 гг.)

Я и мои соратники по какой-то борьбе мчимся на «очень металлической» открытой небольшой военной машине, скрываясь от преследователей. Одеты в кожу, перепоясаны портупьями, с оружием. Состояние мое — жесткая собранность и целеустремленность.

Преследователи отстали, подъезжаем к большой реке, решаем отдохнуть, искупаться.

Раздеваюсь и оказываюсь в белье нежного розового цвета. И от этого внешнего изменения меняется состояние: удивление, легкая растерянность, наполнение женственностью, зарождающаяся радость. Иду к реке и замечаю, что на фоне почти стального цвета реки недалеко от берега прямоугольник воды — темно-синего, но очень яркого, манящего цвета, таким бывает безоблачное небо по окончании сумерек. И туда ведут мостки. Я ступаю на мостки, и вдруг слышу крики: Вернитесь! ЭТА вода не держит! В ней все исчезают! Это — бездна! Подхожу к самой воде, заглядываю в ее абсолютно неподвижную, спокойную глубину, но не страх охватывает меня, а восторг сопричастности к бесконечности, как при созерцании звездного неба. Только этот восторг дополняется всепобеждающей возможностью близкого познания, притяжением этой невероятной синей бездны, внутри которой я легко могу оказаться. Должна оказаться! Подняв руки, вниз головой окрыленно ныряю в синеву.

Нет сопротивления воды, нет самой воды. Никаких ощущений, связанных с телом, организмом: ни звуков, ни изображений, ни осязания, ни запахов, ни вкуса, ни мыслей —

только безграничная свобода, легкая, вдохновенная, нематериальная.

Как жаль, что не найти в ограниченной человеческой лексике подходящее описание для высвободившейся в бесконечность пространства ДУШИ.

Полуявь. Слушая Баха

Не могу оторвать взгляд от окна, в котором только темная и при этом яркая вечерняя синева.

442 Спокойный и немного щемящий восторг каждый раз охватывает меня в такое время. И в этом тихом восторге не фиксируются мысли, отсутствуют свойственные мне ассоциации, не возникают желания. В этот вечер я вдруг неосознанно приподнимаюсь с дивана и включаю радио — станцию «Орфей». [Как всё пересекается в жизни: в конце своей карьеры теле- и радиодиктора на радио «Орфей» диктором работала Нонна Борисовна Хромова — жена главного лица моей первой книги Гавриила Сергеевича Хромова.] Вновь откидываюсь на диван, и сразу же мощные вступительные аккорды величайшего шедевра «Токката и fuga» ре минор Иоганна Себастьяна Баха заполняют все. Закрываю глаза: звучание токкаты мобилизует мой дух, волнует и тревожит завершающим протяжным аккордом. Синее почти ночное небо окружает меня к началу фуги: под светлые легкие восходящие звуки я, бесплотная и невесомая, устремляюсь ввысь, переполняюсь радостью. Звучит аккорд, завершающий первый фрагмент, и я оказываюсь высоко в расстилающемся синем пространстве. С началом каждой следующей части фуги я поднимаюсь все выше, и не просто поднимаюсь, а взлетаю на нежных прозрачных крыльях. С последним аккордом очередной части фуги синее пространство расширяется и расширяется и, наконец, под всеохватывающие звуки органа я оказываюсь в синей бесконечности.

II. Сон о заснеженном ущелье (1986 г.)

Я брожу в Малом ущелье в Бюракане. Редкое зрелище — скалистые стены и дно ущелья полностью покрыты свежим

снегом. Хожу, любуюсь новым неожиданным видом ставшего уже привычным за многие годы поездок рельефа. Пора выбираться: подхожу к стене, где должны быть удобные уступы и каменная тропа. Сквозь снег пытаюсь ухватиться за какую-нибудь опору — снег осыпается, а под ним оказывается гладкая вертикальная стена. Новые попытки в других местах приводят к тому же или к новому слою непреодолимого снега. Чувствую усталость, холод, перестаю узнавать место, стены оказываются гораздо выше привычных, подкрадывается безнадежность. Надо оглядеться, успокоиться, перестать тупо упираться. Отвожу взгляд от стен — налево, направо по длине ущелья. Как я попала сюда?!

В обе стороны абсолютно прямо, без поворотов и извилин простирается покрытая сверкающим снегом гигантская трещина, и нет ей конца! Так вот где я оказалась — это бесконечность, ослепительно прекрасная бесконечность. И я не хочу расставаться с ней!

443

III. Сон о лестнице. (1990-е гг.)

От прямоугольного подвального бассейна я поднимаюсь по нескольким пролетам узкой металлической из приваренных ступеней-стержней лестницы. Поднимаю голову, чтобы приготовиться ступить на площадку, на выход — выход закрыт толстой решеткой. А на решетке полулежат два отвратительных пирата в тельняшках с красными замусоленными лентами на шее, в маленьких шутовских шляпах. Обветренной красноты рожи полны злобной насмешки и беспощадной жестокости. Остаюсь на месте, ничего не говорю, надеюсь, что это чья-то дурацкая шутка. Услышав угрозы, растерянно всматриваюсь сквозь решетку, не появится ли помощь — там наверху должны быть люди. Только белоснежный большой голубь сел на край решетки. Ласково смотрю на него с мыслью «да, слабовата помощь». Но, поразительно — пираты испуганно исчезают. Не видно и голубя. Замков на решетке не было, и я выбираюсь.

444 Передо мной пустая, уходящая в сумеречную даль площадь: ни одного живого существа, ни кустика, ни постройки пока не видно. В этом сером пространстве я иду и иду в поисках хоть каких-то признаков существования людей. Облегченно прибавляю скорость, увидев вдалеке очертания какой-то большой лестницы. Какое странное сооружение, куда же оно ведет — удивляюсь приближаясь. Лестница, шириной с многоподъездный дом, с углубленными просторными ступенями, полностью металлическая, уходит вертикально вверх. Придется подниматься на следующий уровень — невесело усмехаюсь я. И только подойдя почти вплотную, понимаю, что даже на первую ступень мне не попасть — несколько нижних ступеней объединены в один монолит из льда. Не найдя ни одного подтаявшего или отколовшегося участка, я долго всматриваюсь вверх, пытаюсь рассмотреть, чем заканчивается это чудо-сооружение. Нет! Не заканчивается! Ничем не заканчивается — все продолжается и продолжается... бесконечно! Это — бесконечность, и мне туда не попасть.

Видение. Кони

Хлопнула входная дверь, и я проснулась. Лежу, раздражаясь, неужели нельзя было выйти потише и дать мне доспать пока зазвонит будильник. Стараясь успокоиться, закрываю глаза, расслабляюсь, и... огромное темное пространство открывается передо мной. Я знаю, что не сплю, и мне становится страшновато. Хочу открыть глаза, но замечаю нечто приближающееся, пока не определенное, и теперь мне становится интересно. Прямо к моему взору с огромной скоростью, все увеличиваясь, мчатся три лошади без всадников. С переполнившим меня волнением я восклицаю: конь белый, конь рыжий, конь вороной, а где же бледный?! Испугавшись приближения уже громадных фигур, я, не открывая глаз, с силой зажмуриваюсь. Расслабив веки, вижу, что кони исчезли, но не исчезло пространство, и оно наполнено бесконечным числом пересекающихся золотистых солнечных дисков.

07.07.2007 г. Запомнившиеся впечатления и эпизоды двух сновидений этой ночи (утра)

Я в обычной обстановке прежних лет в доме на Урицкого в Пинске. Привычный быт, общение с бабусей и мамой (обеих нет на этом свете). Должно быть, скоро мы будем вместе.

2. Сюжет был длинным, но запечатлелось не многое

Я в Ташкенте. В.С. (тоже ныне покойный) очень расположен ко мне. Когда он шел по улице навстречу, я узнавала его не сразу — слишком нарядный (белый костюм с сиянием) и праздничный. Раньше я видела его в снах в черном или в темном и вообще не замечающим меня. В этом сюжете он стремится ко мне, внимателен, ласков, что удивительно для меня. Здания очень красивы — с великолепными колоннами, арками, орнаментами. Похоже на реальный Ташкент. Выясняется, что мы с В.С. будем жить вместе в квартире с огромным количеством комнат, но почему-то в ней полно неизвестных мне людей. Стесняюсь спросить, кто это (родственники?) и все ли будут они здесь жить. Обойдя все комнаты, я поняла, что переходила по кругу, и круг этот замкнулся. Удивляюсь: квартира по кругу — значит, здание башня?

445

Июль (где-то середина) 2008 г. В Пинске — отпуск

Я пришла в баню. В парную вхожу в холщовой рубашке до колен и таких же портках. Укладываюсь на полок и сразу слышу голоса, что мое время вышло и сейчас зайдут другие люди. Разочарованно просыпаюсь. Первое, что вижу — икона Спасителя в углу. И тут же всплывают строки: «Положили меня в рубашке под иконами умирать». Помню, что Есенин и что строки не точные. Просила сестру найти томик Есенина, чтобы уточнить и прочитать все — давно не читала. Оказывается, книга на другой квартире. Все было не до поисков, так и приехала домой и записываю несколько последних строк:

Вот за это веселие мути,
Отправляясь с ней в край иной,
Я хочу при последней минуте
Попросить тех, кто будет со мной, —

Чтоб за все за грехи мои тяжкие,
За неверие в благодать
Положили меня в русской рубашке
Под иконами умирать.

Сны болезни

3.07.11 г.

Все три сновидения — с В.С. (давно умершим) в период моей болезни (сейчас особенно серьезно, слишком!)

446 1. В ночь 26–27 ноября 2010 г. ближе к утру, пос. Научный (Крым), Южная станция ГАИШ, сразу записала.

Оказываюсь где-то среди металлических ржавых разрушенных строений. Вижу В.С. в вытянутом тренировочном костюме, толстоват (с животиком), выше ростом — ничего общего от истинного его облика, виденного мной. Рад меня видеть, приобнимает, прижав к боку. Сам озабочен, встревожен, просит помочь ему: оформить какой-то договор на мое имя. Не понимаю, спрашиваю подробности — теряет ко мне интерес. Недалеко наблюдают какие-то подозрительные люди. В.С. говорит мне «уплывай отсюда» и подталкивает к отвратительной ржавой стене в воде недалеко от берега моря. Захожу в ржавую полосу воды — стою по пояс, не решаясь плыть, уже сумерки, и что дальше — не видно. «Иди — дальше будет чисто», — говорит он. Иду до границы с чистой водой, но не решаюсь плыть вглубь (куда?) от берега в надвигающуюся темноту. Дальше этот эпизод прервался или я не запомнила.

Продолжение: в каком-то сарае или на складе опять захожу В.С. Он достает стеклянную бутылку с ежевичным

соком. Опять нервно и сбивчиво предлагает: «Пей, это стоит 700». И добавляет с паузами: «и семь, и еще семь» и открывает бутылку. Я растеряна, ничего не понимаю, зачем открыл, я не хочу. Опять он теряет ко мне интерес и настойчиво, почти грубо выдворяет меня из сарая. Я проснулась.

Возможно, это было начало развития болезни (уже несколько месяцев мучилась разнообразными болями в животе) в сторону безнадежную?

2. Конец июня 2011 г., больница, Красногорск

Какое-то мероприятие, накрывают общий стол, участники — наш старый коллектив в ЦКБ, все ныне живущие. Меня зовут, торопят, а я высматриваю В.С., который тоже с нами был почему-то. Открывается отдельное помещение, и он подзывает меня, где тоже стол, на голых досках которого уложены прямоугольные влажные куски ананасов. Он хочет быть со мной наедине. Друзья настаивают, чтобы я присоединилась к ним. Я выбираю своего любимого и просыпаюсь с мыслью, что ушла от живых к мертвому.

447

3. 2 июля в ночь, ближе к утру. 2011 г., квартира, Красногорск

Как в прошлом сне, опять большая компания и В.С. там же, хочет увести меня от всех, но я почему-то уклоняюсь, спрашивает подойти к нему. Я приближаюсь, он резко сжимает меня в объятиях и целует. Я не сопротивляюсь, пробуждаюсь, и ужас охватывает меня — я целуюсь с мертвым.

Вывод из этих снов — не вылечиться мне от навалившихся на меня страшных отвратительных недугов. Умру я вскоре, так и не отдохнув ни дня на пенсии и не пожив для себя ни дня. И не дописав начатое.

Продолжение

И еще два сна.

1. Утро 1.02.2012 после операции (30.01). Больница № 62

Просыпаюсь после хорошего спокойного сна еще в полудреме, темно. Хочу поменять положение тела, но что-то придало меня — не шелохнуться.

Удается сбоку выпростать руку из-под одеяла — то, чего я касаюсь, оказывается крупной выпуклой чешуей. Резко открываю глаза: некрупный ржавого цвета ящер плоско лежит на одеяле, прижав передними лапами мои плечи, а задними — ноги, маленькая голова на груди почти у подбородка.

И удивительно! Я не пугаюсь, меня охватывает ярость: ах ты мерзость, как можно пугать и мучить беспомощного человека? Эта мысль неожиданно придает мне невероятную силу: подсовываю руку под голову монстра, подхватываю, отрываю, встаю и быстро за хвост наматываю на другую руку. Оказываюсь во дворе, где в большом жестяном коробе горит огонь. Размахиваюсь и швыряю с руки намотку гадины.

В то же мгновение я просыпаюсь и чувствую, как от запястья по руке внутри тела легко скользнуло то, с чем я так смело боролась.

...Позже я узнала, что операция была не полной — кое-что уже нельзя было удалить.

2. Последние числа августа, дома

Стою в ванне голая перед зеркалом и умащиваю лицо кремом. Вдруг вижу в зеркале кроме своего отражения фигуру молодого человека в сером костюме позади себя.

Дико кричу и слышу за дверью тревожный голос моей покойной бабушки: «Женечка, открывай, что случилось?» Вылезаю из ванны, приоткрываю дверь и вижу мало похожую на мою бабусеньку пожилую женщину в черном. Не успев ничего сказать, она вдруг отступает, как будто не по своей

воле. Открываю дверь полностью и вижу только темное пространство без границ.

У меня боли, рвота, чихну...

[Так закончены Женины рассказы]

Далее Женин фрагмент из нашей переписки по e-мэйл.

5 августа 2012 г., 4:41

Володя, здравствуй! Нормально ли переносишь жару? Я разочек поплавала.

Хочу все же описать тебе рассказанную мне уникальную историю. Пора...

Светлана Евгеньевна (на момент нашего общения ей 75 лет, москвичка) — когда произошел рассказанный ею случай, я не спросила. Должно быть, достаточно давно, т.к. жила она тогда в другом городе, и дача, где все произошло, тогда еще строилась.

Важно, что С.Е. женщина очень уравновешенная, организованная (даже после операции продолжала делать гимнастику Стрельниковой), абсолютно без бабских закидонов. Работала в Среднемаше (атомная энергетика, участник ликвидации Чернобыльской катастрофы). Я была вторым человеком кому она ЭТО рассказала (пишу от первого лица):

Я приехала на дачу, чтобы привести все в порядок и запечатать на зиму. Когда уже уходила, оглянулась посмотреть снаружи — все ли в порядке. Окно на втором этаже оказалось открытым. Очень не хотелось открывать все замки, опять подниматься на второй этаж.

Я решила приставить лестницу и просто захлопнуть окно. У стены были сложены доски почти до самого окна, внизу рядом с досками вкопана металлическая бадья с выщербленными неровными краями, с засохшими кусками бетона.

Поднялась я по лестнице, потянулась через доски и закрыла окно. Только собралась спускаться, и в этот момент доски поехали, и я поняла, что падаю прямо на бадью.

В следующую секунду я с огромной скоростью лечу в тоннеле, в конце которого яркий белый свет, и передо мной с такой же скоростью проходит вся моя жизнь с самого детства.

В конце тоннеля перед светом я останавливаюсь и слышу спокойный мягкий мужской голос:

— Ну что, пойдешь к нам? У нас хорошо, очень хорошо.

А я отвечаю:

— Я не МОГУ, как же моя семья — они не знают, что я здесь. Я люблю их и должна о них заботиться. И тело мое найдут, может быть, только весной. У меня к тому же много дел, белье замочено постирать (тут мы с ней рассмеялись).

Опять голос:

— Подумай, может, все же хочешь к нам.

И я твердо повторяю:

— Сейчас не МОГУ.

450 После этого я двигаюсь в обратном направлении, но теперь медленно-медленно, долго-долго. Наконец выбираюсь из тоннеля и оказываюсь висящей над бадьей в нескольких сантиметрах, опираясь на две стопки досок вытянутыми на уровне плеч руками.

Отделалась переломом левой руки.

От себя [ВШ] добавлю.

Подобную историю мне рассказала знакомая из деревни Лукино, что поблизости от нашего СНТ. У нас здесь дача, и я люблю ходить в их сторону. Там пока не заняли поля и никого нет. Летом почти каждый день гуляю, если я на даче. Так вот, иду однажды по проселочной дороге, а навстречу мне женщина с кошелкой для грибов.

Говорю:

— А куда же вы, грибов-то нет.

— Есть, — говорит, — пошли, покажу.

Идем, по дороге разговариваем обо всём и ни о чём. Заходим в лес, грибов не вижу, и тут она внезапно показывает спрятавшиеся под листвой беленькие такие грибочки, а дело

было в сентябре. Знать их не знаю, впрочем, знаю-то я только белых, подосиновиков-подберезовиков, лисичек, да опять. Ну, может, еще чернушки. Грибов всё же было немного, она их собрала, и тогда я решил сводить ее в то место, где бываю опять. Не было. По пути рассказала, что был случай, когда она чуть не попала под трамвай. Перебегала пути перед трамваем, было дождливо, и она поскользнулась на мокром рельсе. Упала на спину, больно, а тут, звеня и со скрежетом тормозя, трамвай наезжает. Шок, лежит и видит, как, словно в замедленном кино, надвигается трамвай. И чей-то голос ей говорит:

— Быстро повернись ногами к трамваю, подними их и упрись в бампер. И вот, как будто не я, — говорит, — а кто-то за меня это делает.

Так на спине трамвай меня протаскивает несколько метров и останавливается. Меня поднимают, вроде бы всё цело. И даже могу самостоятельно идти. Дошла до дома, разделась, спина вся стёсана, но жива. С тех пор верю в Бога. Не истово, но верю.

После Жениной дискеты и мне хочется верить. Верить в огромные и пока неизвестные нам ресурсы организма. Жаль, что проявляются они только в таких экстремальных случаях.

А вот что рассказала мне моя сестра Лариса. Это немного другое, но всё та же находчивость спасает. Дело было ещё в советское время. Девушка шла с поздней электрички с сумкой, набитой продуктами и другими покупками. Ездила из нашего городка в Пензу, а может быть, и в Сердобск, не помню. Устала, целый день потрачен, но довольна, что не зря съездила, купила что хотела. Вдруг на темной улочке, а время позднее, осень, грязь, навстречу два парня. Один говорит, что несешь, давай сюда. Она не растерялась, да и у некоторых в такие моменты проявляется чувство своей правоты. Говорит:

— Ребята, я вас знаю. Вы же учились в нашей советской школе, были комсомольцами, ходили на комсомольские собрания, носили на груди комсомольский значок, имели

комсомольский билет, до этого были пионерами, давали салютом клятву быть верными ленинцами. А теперь обираете на дороге женщин. Наверное, не стесняетесь отбирать последнее и у старушек. Как же вам не стыдно, что думают ваши родители, что подумают соседи, ваши школьные друзья. Как же низко вы пали. Подумайте о себе, прекратите эту деятельность.

Кто-то из них говорит:

— Слушай, давай отпустим эту дуру, а то хлопот не оберешься, с таким-то языком.

Это рассказ не о сверхъестественных способностях, а о находчивости в экстремальной ситуации.

Такие истории любил публиковать великолепный журнал «Story». Раньше я покупал печатную версию, теперь он только в интернете. Хорошо, хоть так.

452 *5 августа 2012 г., 10:59*

Женя, привет!

Очень живо и интересно написано. Как будто я при этом присутствовал. У тебя действительно дар писать.

В этот случай хочется верить, тем более, ты прекрасно охарактеризовала эту женщину. В общем, это о чем я тебе и говорю все время, что человеческие возможности никому не известны, и надо не только надеяться, но и стараться выйти из любой ситуации с положительным «сальдо». К сожалению, когда мы попадаем в тяжелую ситуацию, то трудно сохранить самообладание, не говоря уже о «включении» скрытых возможностей, которые нам к тому же еще и неизвестны. Но прекрасен девиз — «Хочется жить вечно, и пока у меня получается». В связи с этим перечти книжку Коли Нестерова. Мне кажется, ему удалось включить дар пронзительного «прозрения» в последних вещах: «О болезнях», «Биография», «Мысли вслух», да и много других. К сожалению, бросить пить он не смог. Да и окружение его этому сопротивлялось и пассивно, и активно. Крым, при-рода, море, гости.

С удовлетворением воспринял, что ты купаешься. А я вот на дачу никак не съеду. Все работа и работа, а скорее — что-то во мне сопротивляется этому. Там надо готовить с утра до ночи, чтобы с голоду не помереть. И как подумаю об этом, то сразу желание поехать пропадает. Теща, на которую я надеялся, все говорит, что болеет, обследуется, лечится. Никита же имеет совсем другие интересы, и ему на даче неинтересно. Как ты думаешь, может, все-таки съехать и там голодать? Вес сбросить тоже бы неплохо. Если ты оклемаешься, то, может, поедем?

К сожалению, Миша Лившиц, который бы мог составить компанию, наверное, опять в Крыму с Машей. Впрочем, сейчас позвоню. Вдруг он, как и я, не желает быть там один. Вот и компания будет.

Подумай.

Шамаев

С Женей я разговаривал незадолго до её ухода в вечность. Она старалась выкарабкаться, я как мог помогал, но не получилось. Шутя, мы тогда договорились, что если всё-таки это произойдет, то напишет мне оттуда письмо с последним кликом «Enter». Письмо пока не получил. Может, еще не все потеряно.

453

Таня Фетисова

Таня Фетисова, еще одна общежитская «поселенка», являла собой домашнюю девочку, хорошо успевала, на пятом курсе мы выбрали ее комсоргом нашей группы. Точнее сказать, она согласилась, т.к. никто не хотел, даже Коля Бочкарев. Совсем неожиданно Таня проявила себя как борец за чистоту комсомольского движения. Домашнюю девочку как подменили. Она стала стойким, идеологически подкованным и принципиальным комсомольским «вождем». Давала нам «справедливые» выпускные характеристики, которые шли в личное дело. Тем удивительнее было ее пре-

вращение, которое случилось потом. Пусть другие расскажут, я эту сторону ее жизни не знал, да и не встречался с ней после окончания, в отличие от других общежитских девочек. Она стала жить в другой плоскости. Впрочем, мы с ней от случая к случаю встречались, собираясь нашей группой, да и на пятилетиях нашего курса, и неоднократно. Каждый раз она подолгу, до умопомрачения читала свои стихи, что до конца могла выдерживать только такая тонкая натура, как наша Женя Карицкая. Последний раз, помню, это было в 2016 году. Таня сильно пополнела, погрузнела, ноги уже ходили плохо, но по-прежнему много курила и опять порывалась читать свои стихи. Впрочем, это находит свое объяснение в психологии. Я пишу «в психологии», т.к. мои слова, как мне кажется, подтверждают два таких примера.

Пример номер один.

454

InterПОЛ — есть такая партия

Как-то в начале 1990-х гг. в газете, кажется, «Московский комсомолец» я встретил такую фразу: «известная оппозиционерка режиму, председатель партии Лариса Миронова сказала...». Стоп, думаю, не наша ли это Лариса? Далее выяснилось, что в одной из своих ипостасей Лариса занялась политической деятельностью и организовала партию.

Что означает это название, вынесенное мной в заголовок? Вот как сама Лариса пишет.

— В переводе на современный русский это: «Всесветная Партия OtchetLevihLichnoctey».

Поняли — «Всесветная партия отчетливых личностей» или, может быть, «Всесветная партия Отчет левых личностей». Подробности на <https://proza.ru/2009/03/22/860> (дата обращения 24.07.2022). Что-то вроде блога, в котором Лариса описывает задачи партии и комментирует мировые события.

Конечно, это был стёб со стороны Ларисы, хотя и замаскированный под оболочку идеологически выдержанных

Лариса Миронова: InterПОЛ — есть такая партия

фраз, выражений и терминов. Думаю, что и читатели блога прекрасно это понимали.

Вот одна её «последовательница» советует:

«Лариса, предлагаю, в целях расширения влияния идей партии, априори всех жителей Земли считать ее членами».

Партия Ларисой была организована в 2009 г., и блог продолжал обновляться до 2016 года. Лариса прекрасно себя чувствовала в роли демиурга, подобно Эдуарду Лимонову. И Ларису, и Эдуарда люблю. Они великолепные писатели. Мне искренне жаль, что Эдуард ушел от нас, но здоровье не купишь. Жизнь на износ требует полной самоотдачи, что ее не сильно длит.

456

Организовать партию, завести блог и писать, писать, писать комментарии — это, конечно, в духе Ларисы, и я бы не обратил на это внимание, тем более, не помещал бы это в книгу, но был один интересный момент. Когда я лет восемь—десять назад обнаружил этот сайт, то там были довольно резкие комментарии от нашей Тани Фетисовой, которая приняла всё это за чистую монету. Нелюбовь и зависть к Ларисе затмили ей здравость суждения по поводу Ларисы и ее начинания с этой «партией». Таня, видимо, решила открыть глаза читателям на Ларису как личность. Довольно неприятно было это читать, т.к. она не только комментировала всерьез «идеи» партии, но и переходила на личные взаимоотношения с Ларисой. Что та ей сделала, за что мстила — мне непонятно. Но это была битва, Таня была наотмашь, не стесняя себя выражениями. Вспомнила всё, начав словами «Я с ней училась в одной группе».

Лариса удалила Танины комментарии, а по-моему, зря. Но сейчас от этой «битвы» нам остались только два ответа Тане от одной из читательниц.

Вот несколько строк с сайта.

«Таня, история учит, что «страшными» в действительности оказываются те, кто поначалу представлялся этакими милашками. Может, стоит попробовать действовать от обратного?!»

Наталья Благушина 21.12.2011 14:31

«А вот мне люди, не способные отличить серьезный разговор от разговора, насквозь пропитанного иронией (хотя посыл для иронии может быть и вполне серьезный), кажутся страшными. И даже очень страшными, коль скоро они способны, не владея ситуацией вполне, впадать в менторский тон, переходящий на личностные оскорбления. Все, что изложено вами о мании величия, предлагаю прочитать еще раз, при этом внимательно вглядываясь в зеркало».

Наталья Благушина 22.12.2011 19:07

И комментарий Ларисы:

«Наташа, я удалила Танюшкины пописки — она девушка добрая, но слегка глуповатая, особенно это в ней обостряется, когда речь заходит о мировых проблемах, ей, вероятно, кажется, что никто кроме моссельпрома... Таньпрома».

Лариса Миронова 27.01.2012 17:51

Вот Танин ответ:

«Ну и дура же ты, Лариса Миронова! Да не будут мои слова истолкованы в нехристианском смысле. Так долго медлить с ответом и такую пургу наконец выдать. Ты раньше была способнее».

Таня Фетисова 27.01.2012 18:00

457

Пример номер два.

Живой классик

Про Таню Олег Иванов рассказал интересную историю, для меня точно характеризующую Таню и то, какой она стала после окончания физфака.

Вот вольное переложение его рассказа:

— На одну из встреч группы я пришел, купив по дороге книгу «Басни» И.А. Крылова из серии «Большая иллюстрированная библиотека классики».

Олег, как выяснилось, давно хотел купить эту книгу и однажды чуть не купил, но прямо из-под носа у него увели последний экземпляр в книжном магазине.

Встреча группы на Арбате у Ларисы Мироновой. Олег Иванов с Таней Фетисовой, 1980-е гг.

Таня Фетисова сказала: «Я прочту вам свои стихи». На что Володя Юдин быстро отреагировал:

— Баллада Рэдингской тюрьмы?

— Да, а как ты угадал? — и начала читать свой перевод.

Надо сказать, что есть перевод Валерия Брюсова и других, вот и Таня перевела (<https://proza.ru/2012/01/07/997>), предварив такими словами: «Дословный перевод, почти подстрочник, в отличие от уже опубликованного вольного».

Не думал я, что может быть
Таким пытливым взгляд,
Так на обрывки синева
Лишь смертники глядят —
На облака, что в серебре,
Как паруса, летят.
Я знал, отчего неотвязных дум
Тороплив печальный обряд —
Он в ослепительнейший день
Вперил пытливый взгляд.

459

Человек, который убил свою любовь.
Его казнят на рассвете.

Но каждый из нас когда-то убил
Того, кого он когда-то любил,
Но не каждый за это ответил.
Глумливым взглядом убьет холуй,
Коварному служит ложь,
Трус дарит отравленный поцелуй,
Храбрец же берется за нож.
Кто в юности сгубит свою любовь,
Кто в старости не пощадит,
Кто страстью задушит свою любовь,
Кто золотом осквернит.
Милосердный любовь убивает ножом —
Это самая легкая смерть.

Один покупает,
 Другой продает,
 А третий весел и светел,
 Четвертый вздыхает и слезы льет,
 А пятый и не заметил,
 Но каждый из нас когда-то убил
 Того, кого он так сильно любил,
 Но не каждый за это ответил.

Затем, говорит Олег, вдруг она увидела мое приобретение и усталым голосом произнесла:

— А ведь среди вас прямо сейчас находится живой классик. Понимаете ли вы это?

И только услышав рассказ Олега Иванова, который я привел в качестве второго примера, я понял — дело всё в зависти. Лариса знаменита, а Таня, которая мнила себя великой поэтессой, нет.

Изменения в Тане затронули всё, в том числе и отношение к нашей группе.

Кстати, расскажу еще одну историю, связанную с Олегом. Мы с ним встречаемся довольно редко, как, впрочем, и с другими нашими однокурсниками. Но в декабре 2019 г. сходили на 70-летний юбилей Коли Самуся. Что это я, «Коля», — Николая Николаевича Самуся, доктора физ.-мат. наук, профессора, ведущего научного сотрудника ИНАСАН. А в общем-то, «многие прекрасно знают Николая Николаевича как выдающегося эрудита, азартного участника и победителя различных интеллектуальных игр. Он — многократный победитель схваток в суперпопулярной телевизионной „Своей игре“». Так сказал Алексей Расторгуев, и я к этому присоединяюсь. Олег ждал меня у входа в ГАИШ, мы вошли, разделись и поднялись на второй этаж, думая, что всё будет в 48-й аудитории. Подходим — ничего подобного, аудитория пуста. Олег смотрит на меня, я начинаю говорить, что, может быть, перенесли, в ГАИШе как раз проходил какой-то

МОСКВА

Николай САМУСЬ
АСТРОНОМ

С В О
И Г Р А

Н.Н. Самусь — участник «Своей игры»

ремонт, и коридор был весь захламлен шкафами, тумбочками, столами; горы пыли, разгром. Здесь мы услышали разговор идущих двух сотрудниц, что будет в 26-й. И правда. Пришли, а Коля с Леной Пастуховой (Шугаровой) уже сидят за своим столом, приветствуют входящих. Чуть позже оказалось, что будем отмечать не только Колю, но еще и шестидесятилетие Лены и восьмидесятилетие Артура Давидовича Чернина. На всех столах уже всё стоит, только далеко не все еще зашли. У входа уже сидит Валентина Михайловна Чепурова и еще несколько человек.

Говорю Олегу:

— Пошли дальше, к окну.

— Нет, — говорит, — здесь стоит единственная бутылка водки. Сядем поблизости.

462 Смотрю на стол, похоже, так оно и есть. Много белого и красного вина и единственная, около нас, бутылка водки. Как он в очках увидел — чудеса. Если отвлечься, то организовано всё было прекрасно, откуда-то попозже появились шашлыки на палочке и люля-кебабы, тоже на палочке, горячие. Я даже порывался после у Коли спросить на будущее, как это ему удалось, но замотался и забыл. Да и не отмечаю я ни дни рождения, ни юбилеи. Напротив нас сели Бочкарицкие. Это я к тому, что тогда еще можно было увидеть Колю, и он в плане еды и выпить был в неплохой форме. Видимо, он тоже заметил эту самую, единственную бутылку высокооктанового спиртного. Я не удивлюсь.

Мне жаль, что сбылись пророческие слова Г.С. Хромова о Коле, но у них были свои счеты. А я, в свою очередь, постарался отметить это в книге.

Про роскошный тройной юбилей всё давно известно, а я, собственно, хочу отметить спич Олега Малкова в пользу юбиляра Коли. Он сказал, что их и, в частности, его самого упрекают, что нет совместной фотографии троих нынешних сопредседателей Астрономического общества. Чтобы исправить ситуацию, он, будучи в Африке, заказал картину со всеми ними. Его, как он сказал, писали с натуры, а двоих других — по его рассказам. Эту картину он и преподносит

Сопредседатели Астрономического общества. Картина, подаренная Олегом Малковым Николаю Николаевичу Самусю на 70-летие. Была написана неизвестным африканским художником по заказу О. Малкова

Николаю Николаевичу, а другие могут после банкета ее «пофоткать».

Картину я, конечно, сфотографировал и привожу для вас. Мне самому трудно отождествить даже Олега, которого рисовали с натуры, а кто третий сопредседатель, я и не знаю. Точно не нахожу Колю Бочкарева, да и, кажется, он сейчас не сопредседатель. Но если вы можете назвать двоих, то как выглядит третий сопредседатель, вы теперь знаете, а кто он, спросите у Олега. Он называл, конечно, всех, но я забыл.

Теперь знаю: Самусь, Обридко и сам Малков.

Валера Семенов

464

Профессиональная жизнь Валеры Семёнова — совсем не лишнее подтверждение тому, что получение университетского образования является ключом к успеху. А второй, но не последний ключ — это удача. Удача оказаться в нужный момент в нужном месте. И этим нужным моментом для многих из нас, кого заставили служить после окончания университета, чего уж там, была армейская служба. Она нас не сломала, а закалила, превратила в мужчин. Ну а третий ключ, чтобы быть последовательным, — трудолюбие. От нас зависят только два из них. Второй ключ, удача, помогает тем, кто ее заметит или, скорее, на интуитивном уровне высматривает. Важно не пропустить.

Валера был замечен в нашей группе с самого начала. Жил он, как и все мы, провинциалы, в общежитии. Большой, добродушный и, как оказалось, боксер — мастер спорта. Сразу вошел в сборную университета и стал спарринг-партнером олимпийского чемпиона Бориса Лагутина, готовившегося в то время к своей третьей олимпиаде в Мехико. Валера обладал нокаутирующим ударом, что было очень важно. В то время на арену вышло новое поколение мощных кубинских боксеров.

Жил и дружил Валера с Толей Павленко, Жорой Походяевым и Фимой Рубахой. Так они потом и продолжали дру-

Валерий Николаевич Семенов, Государственный советник Российской Федерации 2 класса, Чрезвычайный и Полномочный Посланник 1 класса, Лауреат Государственной премии Российской Федерации

жить всю жизнь. На втором курсе его увлечение боксом принесло ему сломанную челюсть, и было интересно наблюдать стальные брекеты, которые ему поставили в больнице. Это на какое-то время его вывело из активного бокса. К тому же, как и мне, совмещать успешную учебу и активные занятия спортом оказалось трудно. Я закончил свои систематические тренировки на третьем курсе, достигнув звания кандидата в мастера спорта. Валера продолжил, но через год, женившись, закончил тоже.

466 После второго курса мы с ним были в спортивном лагере МГУ Джемете под Анапой. Там же, как я уже писал, с нами были и девочки из нашей группы Нина Лукашевич, Аня Седякина и Лариса Миронова. Море, танцы по вечерам в столовой и песни Высоцкого, которого я только там впервые услышал. Они были восхитительны и необычны для меня: впервые увидел море; маска и ласты, шустрые крабы; начались первые целомудренные отношения с противоположным полом и «Солдаты группы «Центр», «Штрафные батальоны», «Лучше гор могут быть только горы»...

А вот сразу после окончания третьего курса мы с Валерой вдвоем были на учебной практике в Пулково. Он — у радиоастрономов, а я у астрометристов. Я акцентирую на фразе «сразу после окончания», т.к. в августе я отдыхал в спортивном лагере уже в Пицунде. Там же я и застал события в Чехословакии 1968 года. Надо сказать, что никто вокруг меня, да и я, не обратили на это какого-то внимания. Море, скалы, походы в соседние ущелья и за вином и фруктами, танцы, как всегда, в столовой — даже в Пицунду мы выбрались только один раз. Опять новые ощущения, характерные для юношеского возраста.

В Пулковской обсерватории поселили нас, естественно, в одной комнате, и днем мы ходили каждый в свою лабораторию, а меня вообще провели по всем астрометрическим инструментам, и на меридианном круге, астрябии Данжона, астрографе я даже поучаствовал в наблюдениях.

В промежутках же мы с Валерой предавались «разгульной жизни». Ездили на танцы в Парк Победы, знакомились с де-

Толя Павленко, Валера Семенов и Фима Рубаха — три друга

вухами, он учил меня пить портвейн. Оказалось, что это небольшой ритуал. Перед танцами мы заходили в гастроном, там покупали в розлив двести грамм портвейна в граненом стакане и шоколадную конфетку. Вот эта конфетка и была закусью при основном «блюде». Выпивалось сразу, почти без разговоров, сразу конфетка, а разговоры начинались после, когда портвейн начинал проявлять себя. Впрочем, происходило это почти сразу. Опынения почти не было, но расслабление наступало.

468 Второй и, кажется, в последний раз я испытал это, граненый стакан портвейна и конфетка, в спортивном лагере в Пицунде, где тоже была вольная жизнь студенческой молодежи из разных московских вузов. Но главное — синее без облачка небо, солнце, белый песок, синее море, недалекие походы вверх по ручью или в соседнее ущелье с дикарями, среди которых оказались двое с моего курса, бар на пригорке у моря и танцы — такие вот незамысловатые развлечения. В самом начале питание в столовой было свободным, пришел, получил салатик, первое, второе и компот, и никаких списков, никакого контроля выдачи. Об этом пронюхали наши соседи-дикари с третьего ущелья и стали приходить обедать на халяву. Очень им нравилось, но скоро начальство обнаружило, что хоть каждому выдают по одной, но порций не хватает. Что-то не так, думают, на честное слово надеяться нельзя, и появились списки, контроль, лафа для дикарей закончилась.

К чему я это? Хочу показать, что учение Валеры, которое я получил на практике, пошло впрок. Я с его помощью обнаружил еще одну сторону нашей беспокойной жизни.

По жизни мы встречались с Валерой нечасто, пожалуй, только на встречах нашей группы и нашего курса, куда он регулярно приходил, а однажды, когда он вернулся из Китая, мы собрались у него. Хотел об этой встрече написать сам, но лучше приведу воспоминания с дискеты Жени Щукиной, они записаны ею по горячим следам и более талантливо, что ли.

Фарфоровая китайская чаша

Явь. Чаша из Китая

После пяти лет работы в Китае вернулся наш друг [Валера Семенов]. По традиции нашей университетской группы собрались в его квартире расспросить о впечатлениях, рассказать, что интересного происходило с нами — одним словом, пообщаться. Каждый вошедший невольно восклицал «Ух ты!» или «Красотища!..» и т.п. Обычная двухкомнатная квартира в Кунцево выглядела как музей: стены увешаны панно, украшенными инкрустациями из самоцветов, картинами на соломке, на тонкой рисовой бумаге, поделками из дерева, стояли изящные столики тоже с инкрустациями или с цветными орнаментами, за стеклом фарфоровые расписные сервизы изумительной формы...

— Ну хватит рассматривать, это еще не все, потом покажу, расскажу. Давайте уже за стол.

470 После обильного застолья с разговорами, смехом хозяин, как заправский экскурсовод, продемонстрировал все свои приобретения, а потом с каким-то растерянно-загадочным лицом сказал: сейчас покажу еще одну вещь — заплатил за нее почти столько же, как за все, что вы видели. Заинтригованные, мы пошли за хозяином в кухню к чистому пустому столу (чтобы ничего не отвлекало!), и он поставил маленькую чашечку без ручки. Эта чаша тончайшего как тончайшая бумага фарфора плавно сужалась к доньшку, матовая белизна потрясала абсолютным белым цветом, и сравнить с чем-то не приходило в голову. С легкой тревогой хозяин позволил взять ее в руки — она казалась невесомой. После восхищенных возгласов, слов о простоте совершенства, тем не менее, некоторые засомневались в слишком высокой стоимости.

— Так это еще не все, — подходите по очереди и смотрите внутрь.

Посмотревшие отходили, покачивая головой, или тянули «да-а-а-а...». Я наклонила голову и посмотрела внутрь на доньшко — доньшка не было! Был уходящий в бесконечность невиданной белизны узкий тоннель! Перехватило дыхание, но оторваться от этой завораживающей бездны было невозможно.

Валера Семенов, Маша Кацова, Володя Шамаев — три однокурсника на встрече курса, 2021 г.

Подтверждаю, всё именно так и было.

О работе Валеры мне известно мало. Работает в МИДе, да и только. И активно встречаться мы снова начали только после его выхода на пенсию. Тут-то и выяснилось, что Валера был в МИДе начальником департамента, что он полномочный посланник 1-го класса, что объездил почти весь белый свет и что он, подумайте сами, государственный чиновник 2-го класса в чине генерал-полковника. Ну ничего себе, граненый стакан портвейна с конфеткой.

Валера Семенов с женой Надей в июле 2022 года отметили уже свое 53-летие совместной жизни, как только запомнили. «Бочкарицкие», пожалуй, тоже. Почему «пожалуй» — так нам не сообщали. Отмечали по-тихому или в суете забыли. Дай им бог всем здоровья.

Наша группа в 2022 году

Встретились мы 30 июня 2022 года в связи с юбилеем Ани Седякиной. Событие-то произошло в ноябре 2021 года, но болезни, ковид, Володя Якименко всё обещает, но не приезжает, Володя Юдин живет большую часть в Ярославле, Маша Кацова ездит по конференциям, Женя Карицкая «привязана» к Коле Бочкареву, своему мужу, который часто не может ее отпустить из-за серьезной болезни. Ну вы понимаете.

Кого еще не перечислил. Лена Беленькая, Олег Иванов, Нина Лукашевич, Валера Семенов. В общем, пришло десять человек. Не смог придти Коля Бочкарев, хотя, по словам Жени, собирался, если будет возможность, поучаствовать лежа. Аня гарантировала такую лежанку, но он все равно не смог. А было бы здорово полежать у стола, поучаствовать в полном смысле во встрече. Помнится, Олег Табаков на своем 60-летнем юбилее принимал гостей за пышно накрытым столом. Много юбилеев видел, а этот запомнился. Было весело и комментировать подходящих гостей, с каждым из которых

он выпивал, и слушать подготовленные гостями поздравления, и смотреть на вручаемые подарки. Но, несмотря на отсутствие Коли, у нас тоже было очень весело.

Впервые после окончания встретились Якименко и Лукашевич, а сами мы в таком количестве тоже собрались впервые за многие годы.

Предыстория. Как Володя Якименко стал грузином.

Мы с Володей, кажется, в 2019 году, а может, и раньше, открыли хорошую столовую в МГУ. Она находится на юридическом факультете. Как открыли — не помню, как-то само собой, но помню, что параллельно ее открыли и сотрудники ГАИШ, я их часто там вижу. Раньше в университете была только одна хорошая столовая. На втором этаже Главного здания, называлась профессорской, но мы, когда учились на пятом—шестом курсах, часто ходили туда, т.к. после 14 часов и в субботу пускали всех. Там были белые скатерти, официантки и распорядительница, седая величавая женщина. Помню еще время, когда эта столовая работала не только в обед, но и вечером там можно было поужинать. До 14 часов в зал нас, как правило, не пускали, и не то чтобы не пускали, но в две кассы была огромная очередь, а профессора-доценты-старшие преподаватели проходили без очереди, и она, очередь, стояла, практически не двигаясь, примерно до двух часов. Нас пускали в левую часть зала, а правая была отдана высшему университетскому составу. Они не стояли в кассу, а заказ у них принимали сами официанты — прямо как в ресторане. Там часто можно было увидеть и обедающего ректора, Ивана Георгиевича Петровского. Невысокого роста, худой, с полностью бритой головой. Таким он остался в моей памяти, такой же он и на большинстве его фотографий. Из интересного — в главном зале был буфет, в котором можно было взять бутылочку боржоми за 21 копейку или другой минеральной воды, а также хорошего грузинского вина или коньяка. Коньяк был не только грузинский. Да, было такое время, не ханжеское, как в наши «демократические» времена. Что до 14 часов, то

можно было выпить чашечку кофе с пирожным и сигареткой, кто курил. В главном зале курить не разрешалось, но выходили в просторное фойе справа и слева перед столовой. Особенно это любил делать Желю Бънзаров. Заказывал «двойной кофе», на блюдечке выносил его и ставил на перила над мраморной лестницей. Затем закуривал «БТ», такие болгарские сигареты с фильтром по 40 копеек, и начинал рассуждать, прихлебывая. Картина настолько стоит у меня перед глазами, что я году в 2016-м послал ему ностальгическое фото того места, где это происходило. В это время он уже был с одной ногой и не выходил на улицу. Другую ногу он потерял, видимо, из-за того же курения — гангрена. Я собираюсь приложить к каждой книге, которую дам знавшим Желю, DVD-диск с видео его последнего обращения к своему курсу на 45-летие окончания факультета. Что-то много я уже наобещал, и базу выпускников курса, и обращение Жели, и третью книгу. Посмотрим, надо еще эту издать да раздать. Уже неплохо.

474

С тех пор прошло более пятидесяти лет, и уже нет той, нашей «профессорской». Возможно, что столовая в том месте еще работает, я заходил туда лет восемь назад, и она была, но уже не ОНА, а обычная столовая. Нет белых скатертей, нет официанток, нет буфета в главном зале, не варят тот кофе. [Закончив вчерне книгу и подготовив ее к макетированию, я поднялся-таки на второй этаж. В крыле к зоне «Б», где, собственно, и была наша «профессорская» — кажется, ремонт, закрыто. В крыле к зоне «В» обычная столовая. Буфет в предбаннике, где раньше были кассы. Самый дешевый кофе — эспрессо за 80 рублей. Поговорил с буфетчицей, душевной женщиной, сказал, что кофе слишком дорогой и наверняка не тот, «двойной», попросил чашку с блюдцем для фотографии, чтобы создать иллюзию того времени. Алексей Горшков меня сфотографировал. Вот как это было. Смотрите фото.]

Всё меняется, и не всё к лучшему. Лучшей в Главном здании сейчас является диетическая столовая в цоколе зоны «Б», которая в наше время была пельменной. Хорошая сто-

У профессорской столовой на 2 этаже Главного здания МГУ

ловая, я туда ходил в 2012–2015 годах и встречал там и Колю Шакуру, и Костю Куимова, и Сашу Кудинова, Нурию Ашимбаеву и многих других из ГАИШа. Туда ходили те, кто не хотел в ближайшую к ГАИШу 8-ю столовую. А затем и 8-я столовая закрылась на ремонт, но я, не помню уж как, обнаружил хорошую столовую на юридическом факультете и при ней отдельный зал для преподавателей. Вот туда и любит ходить Володя Якименко, когда приезжает в Москву. Я же, когда один, обычно хожу в зал для студентов, чем-то он мне нравится, наверное, из-за демократизма и молодых лиц. Не люблю окружение пожилых, плохие ассоциации. Пожилые ведь перестают быть самими собой, а играют принятую раз и навсегда роль взрослых, таких умных, таких опытных, таких непогрешимых.

476

Так вот, в последний приезд летом этого года Володя решил сходить туда один, я почему-то не мог. И кончилось это неважно. Я уже пожалел, что отпустил его одного, но у него была обширная программа: зайти в ГАИШ, где повидать А.В. Засова, посмотреть и купить новые книги в библиотеке, зайти к Алеше Расторгуеву, купить у Володи Сурдина третье издание их с Засовым учебника по астрономии для школ. Я ему покупал первое издание, и учебник ему понравился в отличие от учебника В.М. Чаругина, тоже нашего выпускника 1968 года. Его курс шефствовал над нами, первокурсниками, так что еще оттуда я помню Гену Ширмина, Алешу Миронова, Сашу Багрова, Ирину Вальтц, Женю Ермакова, Веру Согласнову. Кроме того, Володя собирался сходить на физфак, чтобы поговорить с Наташей Грешняковой и Толей Козарем. В общем, на весь день.

Итак, приключения Володи. В ГАИШе всё прошло нормально, на факультет не пустили, т.к. буквально накануне Садовничий издал приказ о запрете пропуска в здания МГУ по диплому об окончании любого факультета МГУ. До этого действовал прекрасный обычай пропускать наших выпускников по их диплому и паспорту, поскольку в дипломе нет фотографии. Получив отлуп на проходной физфака, Володя в расстроенных чувствах направился на

юридический факультет в их прекрасную столовую. Дальше его рассказ:

— Сворачиваю я с улицы академика Хохлова направо к юридическому факультету — есть такая улочка от ДК МГУ до проспекта Вернадского.

— Вижу, навстречу мне идут китайские студенты. Все в белом, девочки в платьях с черной накидкой, а парни с галстуками-бабочками. Видимо, шли с какого-то мероприятия. Высокие, стройные, красивые.

— Засмотрелся и падаю ничком, зацепившись правой ногой за бордюр. Встать не могу. Разбил лицо, ободрал колени, руки, видимо, немного проскользил по инерции. Слава богу, ничего не сломал.

— Девушки сразу подбежали, меня подняли за обе руки. Из своих бутылочек помыли мне лицо, отряхнули, но вся рубашка в крови из разбитого носа, что я не заметил, находясь в каком-то ступоре. Щебечут по-русски, но ничего не поймешь. Шедшая рядом переводчица сказала, что хотят вызвать скорую помощь — я, конечно, отказался.

— Почему «конечно»? — спрашиваю я.

— Не знаю. Поблагодарил их и сгоряча пошел в таком виде на юрфак. Вошел, пустили, в отличие от физфака, сказав, что приказ есть не пускать, но до них еще не дошел. По-толерантнее, чем на родном факультете охрана. Подумав, я решил не обедать, а поехать на свою базу, то есть к тебе. По пути зашел в аптеку и купил что дали, посмотрев на меня: пластырь, салфетки, йод, что-то, чем раны обеззараживать. В общем, что нужно.

И вот приходит Володя, я в ужасе. Обмываем снова, обеззараживаем, залепляем пластырем нос и ссадины. Вечером натираем локти и кисти «вольтареном». Володя как сфинкс спокоен и на мои потуги вызвать скорую, провериться на томографе не реагирует. А завтра у нас встреча группы по поводу 75-летия Ани Седякиной. С утра снова натираемся, клеимся, немного отдыхаем и едем к Ане в Люблино. Володя безапелляционно сказал: «Едем на такси. Я уже находился пешком, хватит». Никита заказывает такси, хоть я и против,

так как в метро проще доехать, но Володя неумолим. Час десять по жаре с открытыми окнами едем, водитель заговаривает нам зубы, навигатор командует. Полностью укачанные приезжаем. Выходя, Володя говорит водителю назидательно, что надо иметь кондиционер. Тот гордо отвечает, что «Кондиционер есть, но вы не просили его включить». Чертыхаясь, ищем первый подъезд, консьержка, лифт, и вваливаемся к Ане в квартиру. Пришли последние, опоздали, но хорошо, что не к шапочному разбору. За стол еще не селись.

Позже Виктор Феликсович Копьев, мой знакомый по акустическим конференциям, рассказал, что с ним было подобное, но он не зацепился, как Володя, а оперся на поручень и за чем-то потянулся. И такое же внезапное падение.

478 А кстати, почему Володя в заголовке «стал грузином»? Так он сам себя назвал, придя после падения ничком на тротуар и разбив в кровь лицо. У меня на это нет объяснения. Видимо, у него возникли ассоциации с Краснознаменным Бакинским округом ПВО, где он служил и о котором мне много рассказывал.

А на встрече группы Валера Семенов, проживший три года в Китае, рассказал, что в провинции Синьцзянь, что на севере Китая, подальше от центра, все китайянки высокие и красивые. Наверное, они оттуда были, и Володе в чем-то повезло, что он увидел и познакомился с такими красавицами, хоть и таким оригинальным способом.

И начались разговоры. Валера еще рассказал, как в Стокгольме, где он тоже был в долгой командировке, они обнаружили недалеко от посольства пивной завод известной фирмы Карлсберг. При нем было нечто вроде музея с инсталляцией быков, впряженных в телегу с бочкой. Так началась история с перевозкой этой марки пива. Но не это интересно, хотя и приятно посмотреть, а то, что до 10 утра там наливали бесплатно каждому по две кружки пива с сосисками. И они часто туда по утрам забегали. Не истребить в нас любовь к бесплатным удовольствиям.

В свою очередь я рассказал случай, который наблюдал в 13-й больнице, куда попал, как ни странно, тоже после па-

Валерий Николаевич Семенов в музее пивзавода Carlsberg

дения, хотя и не с такими травмами, как у Володи. Упал на кухне и разбил голову. К счастью, дома оказался Никита, и мы без разговоров сразу вызвали скорую.

Так вот, положили меня сначала в коридоре, а на следующей день была выписка, и меня вселили в шестиместную палату. И вот уходит последний выписываемый, мужчина довольно спортивного вида лет сорока пяти. Прощается, ему говорят напутственные слова остающиеся, и один мой ровесник дает напутствие:

— Смотри, по пути много не пей, а то не доберешься до дома.

В ответ гордо:

— Я уже четырнадцать лет не пью.

И получает быстрый ответ:

— Как же низко ты пал!

480 Это я рассказал, чтобы ответить на вопрос-недоумение Олега Иванова: «Почему ты не пьешь, хотя бы водку?». Объяснение было с недоверием принято. Бросил после пятидесяти пяти, здоровье уже не то, и как отрезало.

Якименко рассказал про своего внука с первого курса. Тот хотел поступить в Богурославский авиационный институт, но прозевал в тот год все комиссии по здоровью. А там готовят летчиков гражданской авиации. Чтобы не пропускать год, пошел в Тюменский университет к Володе. Первую сессию закончил на отлично. Заметил девочку со второго курса, она была их куратором. Но Якименко ему сказал, что ты ее не достоин, и дал совет: «Сначала поработай над собой». Теперь у него, внука, мечта — перевестись в Ленинградский авиационный институт, где тоже готовят летчиков гражданской авиации. Сейчас проходит комиссию, ведь мечта стать летчиком осталась, да и поработать над собой надо перед тем, как за девушками ухаживать. Желание деда — закон.

Вспоминаю аналогичный случай из нашей студенческой истории.

Заведующий кафедрой звездной астрономии и астрометрии Борис Васильевич Кукаркин читал нам на пятом курсе лекции по «Истории астрономии», и были они только для

нашей 58-й группы. Лекции же по «Истории физики» читались для всего остального нашего курса, включая геофизиков. Читал Борис Васильевич интересно, но я хочу вспомнить один эпизод, связанный не с тем, что он читал, а с его отношением к студентам. По какой-то причине на лекциях Бориса Васильевича за последним столом у окна сидела хорошенькая, стройненькая, с великолепными ножками лаборантка и что-то считала. Видимо, в помещениях звездников, а может, и по другой причине, у нее не было стола. В перерыве она, как и все мы, выходила, оставляя свою работу на столе. Зачастую среди бумаг слева в дальнем углу стола она оставляла шоколадную конфетку. Мы с Валерой Семеновым как-то решили с ней познакомиться. А что, молодая девушка, и нам по двадцать лет, почему бы не завязать необременительные отношения, тем более, что нам казалось — она тоже не прочь познакомиться со студентами. Ничего уникального в этом нашем желании не было, гормоны в этом возрасте сильно играют. И вот однажды, увидев, что она оставила конфетку, как сейчас помню, грильяж, я эту конфетку и съел, сказав ей об этом, когда начался второй час, а Борис Васильевич еще не вошел. Что тут началось, она разоралась, сразу потеряв в наших глазах все своё обаяние и очарование. Фурия какая-то. Эта фурия бросилась из аудитории жаловаться Борису Васильевичу. Ну, думаем, сейчас начнется. Ничего не началось. Больше мы ее у себя на лекциях не видели, а Борис Васильевич так же, как и всегда, продолжил лекцию. Вот тогда-то мы всей группой, которая следила за развитием ситуации со знакомством, его сильно уважали.

Доцент кафедры, Петр Григорьевич Куликовский, иногда заменял Кукаркина. Видно было, как он старался, хоть и осторожно, но превзойти Бориса Васильевича как лектора. Перед глазами такая картина. Петр Григорьевич гордо идет по второму этажу с кипой книг и каждому встречному как бы невзначай сообщает, что идет на лекцию в 48-ю аудиторию. На моей памяти он ни разу не раскрыл ни одной принесенной книжки. Читал средне, но эффект нарциссизма

присутствовал постоянно. Володя Якименко тому свидетель, а он, в отличие от меня, многое помнит из нашей студенческой жизни. Я-то вспоминаю, когда кто-нибудь начинает рассказывать неоднократно повторявшийся такой случай. Из-за плотно закрытых дверей конференц-зала вдруг доносится игра на пианино. По-моему, это любит рассказывать Женя Карицкая, как она тихонько открывает дверь, а там в одиночестве, откинув голову и закрыв глаза, «музицирует Петр Григорьевич!». Восторг! Как он скромненький, как интеллигентен!

И вовсе этот фрагмент не про Петра Григорьевича, как может показаться, а про Бориса Васильевича.

Ещё один фрагмент.

482

Зачет на втором курсе по общей гравиметрии у нас происходил в свободной манере, хочешь, сдавай сейчас, не хочешь — поучи дальше. Юра Дегтярев, Олег Иванов, Бодри Берталян, в общем, человек шесть решили сдать сейчас, и пошли они сдавать «Общую гравиметрию» Николаю Пантелеймоновичу Грушинскому, лектору. Кстати, читал он хорошо, без профессорского гонора, и был демократичен. Смелчакам встретился Володя Якименко, который в этот день не готов был, да и не хотел сдавать, но был в приподнятом состоянии, т.к. имел уже три зачета, а у ребят еще ни одного.

— Ты слишком хорошо живешь, помоги нам, — сказал Олег Иванов.

— Зайдем все вместе, возьмем билеты, ты сразу пойдешь отвечать, а мы пока посписываем.

Володя, хоть и не собирался, почему-то легко согласился. Опять же, приподнятое настроение, кураж. В общем, он взял билет и к Грушинскому отвечать. Тот слегка удивился, но Володя у него хорошо ходил на лекции и семинары и подозрения не вызвал. Закончилось тем, что он поставил Володе пятерку, хотя и добавил, что ожидал от него-то большего. Ошарашенный Володя вышел, а через пять минут начали вылетать остальные, с двойками.

Помню, что я с Женей Щукиной, кажется, ездил сдавать к нему домой, т.к. он заболел. Нас он немного поспрашивал

и поставил зачет, так что никаких особых впечатлений об этом зачете у меня не осталось. А вот Володя помнит!

Вот еще перекликающийся с прошлым случаем с Володей нынешним. Он атеист, но зашел в кафедральный собор Тюменско-Тобольской епархии. Стоял, слушал пение. Понравилось. В конце к нему подходит бабушка и говорит:

— Я вижу вас в первый раз, откуда вы?

Володя отвечает:

— Я из ТюмГУ.

— А на каком факультете и что преподаете?

— На физическом, астрономию.

— А что кончали?

— МГУ, отделение астрономии.

— Но тогда вы знаете профессора Константина Алексеевича Куликова.

— Конечно, знаю, — отвечает оторопевший Володя. — Он нам читал «Сферическую астрономию»!

— А нам в Загорской духовной академии он тоже читал астрономию в 50-х годах.

483

Вот такой сюжетец. По поручению партии или по собственному порыву дядя Костя просвещал в астрономии и слушателей этой духовной академии.

Вспомнили Колю Нестерова. Юдин рассказал, что посетил могилу еще до памятника, а Маша после и сделала фото обратной стороны памятника, на котором приведены его стихи.

Я рассказал, что попытался разыскать Ларису Миранову, чтобы пригласить на нашу встречу к Ане. Получил по e-мэйлу ответ и приложенное послание для Ани.

Лариса:

— Анна! С праздником! Всех благ и крепкого здоровья.

На вопрос: «придет ли?» Лариса ответила:

— Конечно, нет. У меня не работает домашний телефон. Никто не предупредил. Связь только по e-мэйл. Сейчас я в другой стране. Так что поздравляю тебя заочно. Отдельным письмом перешлю файл с афишей моего юбилея.

Памятник на могиле Николая Семеновича Нестерова (1947–2002)

Обратная сторона памятника на могиле Н.С. Нестерова

ВСЕ В ОДНОЙ ЛОДКЕ

15

мая
2022

14.00

ЦЕНТР
МОСКОВСКОГО
ДОЛГОЛЕТИЯ

СУЩЕВСКИЙ
ВАЛ, 31 К.2

МЕТРО
МАРЬИНА РОЩА
САВЕЛОВСКАЯ
ТР. 18, 42, 537
ОСТ. "СУЩЕВСКАЯ
УЛИЦА"

Новые книги Лариса Миронова

Читательская
конференция

К своему огорчению, я узнал, что ей исполнилось семьдесят пять тринадцатого мая, а отметила пятнадцатого.

Дальше мы вспомнили о Луизе Цветковой. Володя Юдин быстро нашел в своем смартфоне ее сайт. Я тоже раньше находил его. Луиза по-прежнему в Венгрии. Пишет стихи и работает научным сотрудником. Она кончала кафедру астрофизики, но по окончании стала геофизиком, как и наш однокурсник Бодри Берталан, ее муж.

Поговорили, конечно, и о Жене Щукиной. Олег Иванов привел ее сон, который она описала в своих записях — про ящера.

Женя Карицкая рассказала, почему не смог приехать Коля, что он лежит и она его переворачивает. Плохо. В метро мы с Женей возвращались вместе. Она еще раз сказала, что Коля хотел прийти на свой юбилей на Ученом совете ГАИШ, но ему поздно сказали, а они уехали на дачу. После добавила, что знает, что я хорошо выступил о нем на юбилее и что она пыталась найти запись Совета, но ее не делали. Спросила, не могу ли я ей по памяти записать. Ответил, что это будет в новой книге.

Володя Юдин рассказал прямо-таки притчу о Коле и Жене на Майданаке. Вот она.

Коля и Майданак — продажа Жени

Володя:

— Смотрю, идет Коля по дороге, а за ним узбек и Женя верхом на ишаке. Пришли они к нашему финскому домику, и Женя попыталась слезть, а узбек говорит:

— Сиди, я тебя у твоего мужа купил.

Оказывается, всю дорогу узбек торговался с Колей по поводу выкупа за Женю. Сначала предложил десять овец, Коля, думая, что это шутка, поддержал разговор и сказал:

— Мало.

Узбек начал повышать ставки и дошли до двадцати овец и «Волги». Тут и пришли.

Еле-еле удалось узбеку объяснить, что это была шутка. Женю спасли, ведь калым Коля еще не получил.

Я попросил Володю Якименко рассказать, как он в прошлом августе отдохнул в Сочи. Вкратце рассказ такой.

Володина дочка, Оксана, покупает ему каждый год летом путевку в санаторий в Сочи. Есть такая возможность. Вот и в этот раз были запланированы две недели в правительственном санатории. Володя прилетел и на следующий день звонит мне, что все прекрасно, он в одноместном номере, поплавал уже, изучил обстановку и теперь каждый день будет делать далекие заплывы, «со спасателями договорился». Через несколько дней звонок:

— Я в Тюмени.

— Что такое? — говорю.

— Заболел ковидом и сразу рванул домой.

— Как же тебя пустили в самолет? — недоумеваю я.

— А у меня не было температуры, тест показал, а она только сейчас появилась.

488 Проболел Володя почти месяц. Всё время тесты показывали наличие штамма. Еле-еле выбрался из болезни к началу учебного года. Отдохнул, называется.

Кажется, Галина Владимировна Романова мне рассказала, что умер Валера Осипенко. Я об этом сообщил. Женя Карицкая тут же сказала, что она с ним недавно разговаривала по WhatsApp. Я спросил когда? «Кажется, несколько месяцев назад». Тогда информация по-прежнему актуальна. Женя полезла в свой смартфон, и оказалось, что 15 апреля. Попросили ее позвонить ему и выяснить. Выяснила ли?

Олег Иванов и Валера Семенов в хорошей форме — приняли литр крепкого на двоих, остальные пили «Киндзмараули», «Ахашени» и Машин Крымский портвейн 1999-го года. Валера и его, попробовав, сказал, что очень хороший.

Кстати, Олег рассказал — Дегтярев Юра, наш потерявшийся одноклассник, живет в Анапе.

Других данных нет, кроме телефона его дочери Анны Сухир. Как Олег сказал, Анна-то на него и вышла каким-то образом, а Юра по-прежнему хранит молчание. Как я писал, кончил он гравиметрию. Наверное, преподает.

Я Олегу позже написал, «как же ты получил эти фотографии, если связи с ним нет?». Не помнит. Но все равно эти сведения интересны, т.к. и Юра Дегтярев, и Володя Тарасов исчезли, как будто их не было.

— Ты первый, кто что-то прояснил, — написал я.

— Здорово. Хотя интерес чисто теоретический.

Я в свою очередь рассказал, что когда недолго был в «Одноклассниках», меня нашел Тарасов, или я его нашел, не помню. Володя в США, уехал по израильской визе через жену. У него то ли двое, то ли трое детей. Через «Одноклассников» же я нашел сведения о своем классе. Правда, почти никого не помню и никакой связи не поддерживаю. Что делать. Почти пятьдесят лет ничего ни о ком не слышал, даже больше — шестьдесят. Какая уж тут переписка. Жизнь прошла. Но фото выпуска, полученное мной, все же занятно было посмотреть, ведь знаете какое — на большом листе каждый в овалчике с подписью и, конечно, классный руководитель. Кого-то вспомнил.

489

Опять же, на встрече я поделился, что мне рассказывали случай, из которого я сделал вывод, что Коле Шакуре не видать академического звания. Каждую выборную сессию в Академии Николай Иванович подает заявку на выборах, в академики. Он бы стал и членом-корреспондентом, а возможно, и академиком, но надо было не нарушать порядок выдвижения: сначала подать и выбраться член-корром, а затем, глядишь, и стал бы академиком. Я понимаю притязания Шакуры. Он совместно с Р.А. Сюняевым автор самой цитируемой работы. Они ровесники, но Сюняев давно академик. Более того, академиками избраны и Кардашев, и Черепашук. Неужели его уровень — это член-коррство? Пусть в член-корры избираются молодые: Липунов, Постнов, Сажин, Попов. Кстати, о Рашиде Алиевиче. Тут я посмотрел — его индекс Хирша 113 (<http://www.expertcorps.ru/science/whoiswho/ci86>, дата обращения 30.07.2022). Чудеса, каждая статья золотая. Такие вот дела.

А случай такой: Николай Ивановичу давали какую-то премию в МГУ. Все получают и садятся на свое место. Это

Профессор Николай Иванович Шакура, профессор ТюмГУ Владимир Иосифович Якименко и академик РАН Олег Владимирович Руденко на встрече нашего курса в 2016 году

и я подтверждаю, сам получал из рук В.А. Садовнического диплом. А Коля Шакура получил своё и сел рядом с Садовничим. И сидел всё заседание ученого совета МГУ, часа два с половиной — три. Все шушукались, недоумевая — «это что, наш новый проректор?». Вопрос возник, т.к. награждения всегда производят в начале заседания, и потом все приглашенные уходят.

По случаю вспоминается из песни Владимира Высоцкого:

Он ругался и пил,
Я за ним по пятам.
Только в самом конце разговора
Я его оскорбил, я сказал,
Капитан, никогда ты не будешь майором.

Я же желаю Николаю Ивановичу Шакуре избрания. Ведь такие случаи, минуя член-коррство, бывали. Навскидку, так были избраны сразу академиками А.Д. Сахаров (1953 г.) 491 и А.И. Солженицын (1997 г.).

А наша встреча закончилась, по моему мнению и не только, как одна из лучших встреч. Наверное, последняя в таком количестве. Из-за болезни юбиляра не удалось встретиться у Валеры Семенова. Впереди с 75-летним юбилеем остались Маша Кацова, Олег Иванов и я.

Аня Седякина с запасом подготовилась к юбилею: закупила столько, что отдала несколько упаковок бараньих ребрышек и хинкали нам с Володей Якименко. Она баранину не ест, а мы доедали несколько дней и вспоминали этот прекрасный день.

Преподаватели, оставшиеся в памяти

Это, естественно, не те, кого я помню, помню многих, если не всех, но этих захотелось отметить особо. Не скажу, чтобы все они повлияли на мою жизнь. Но вспоминать о них при-

ятно, становится как-то лучше на душе и поднимается настроение.

Владимир Маркович Волосов, читавший аналитическую алгебру и мат. анализ. Первый курс, первый семестр, профессор, но не чопорный, строго смотрящий с высот своего положения, а какой-то сразу домашний, уютный, понятный.

Первый экзамен 3 января — «Аналитическая геометрия». Пришли рано, где-то в восемь утра. Ждем. В девять входит А.А. Шишкин, наш семинарист, который обещал никому не поставить зачет-автомат, но кое-кому поставил, всех нас не допустить до экзамена, но допустил. Готовимся, через полчаса Шишкин берет первую зачетку и начинает «мурьжить первую жертву». Подходят другие экзаменаторы, даже для нас молодые преподаватели — аспиранты, видимо, т.к. после я их не видел:

— Кто готов? — Шишкин отвечает: «Берите по порядку вручения билетов».

492 Начинают по одному забирать.

Входит В.М. Волосов, обращается к Шишкину:

— Кого взять, Сан Саныч?

— Берите любого, кто готов.

Спрашивает, кто пойдет? Мы мнемся, боимся. Наконец, кто-то встает и идет к нему. Через пять минут — пятерка. Другой, третий, четвертый. Все пятерки. Владимир Маркович говорит Шишкину:

— Отличная группа, — и уходит.

Шишкин его провожает до двери, и видно, что доволен. Оказывается, и ему ничто человеческое не чуждо. А именно, похвала.

Мы, оставшиеся, досадуем, что не вызвались пойти к Владимиру Марковичу.

Надо сказать, что и Шишкин в своей группе принимает неплохо. Троек мало.

Аспирант ставит Валере Семенову четверку. Тот уходит недовольный. Через пару минут возвращается, подходит к нему и говорит, что посмотрел в свои записи лекций, и экзаменатор неправ. Тот что-то бурчит, типа:

— Надо было более уверенно отвечать.
Оценку не меняет. Валера обескуражен, уходит.

Сан Саныч спрашивает:

— Что случилось? — Аспирант отвечает, что Валера приходил извиниться.

Мой дальнейший опыт преподавателя, принимавшего как экзамены у студентов, так и приемные экзамены, говорит: не все экзаменаторы хорошо знают предмет и пользуются тем, что экзаменуемые заранее уверены — экзаменатор знает лучше их. Это не так. Помню, что на втором курсе будущему академику О. Руденко преподавательница по математике поставила четверку. На вопрос почему, говорит: «Вы медленно отвечали» (я подробнее это описал ранее). Ну что за чушь. Сам я всегда признавал свои ошибки, если студенту удавалось это доказать. Такие встречались, впрочем, не помню.

Как сдал? Да как и многие из нашей группы, получил пятерку и по «Аналитической геометрии», и по «Математическому анализу».

Квасников Иридий Александрович. «Термодинамика и статистическая физика». Читал понятно, четко поставленным голосом. Записывать его лекции было легко, готовиться по ним — одно удовольствие. Надо сказать, что после первого семестра, когда выяснилось, что не за всяким лектором успеваю записывать, я обратил внимание, что Валера Гришаев, мой одногруппник, ведет записи по особой методике. Лист А4 он делит сверху вниз пополам и записывает мелким почерком сначала левую часть, а затем правую. Тем самым на листе оказывается много информации, и она перед глазами. Писать надо только с одной стороны. На каждую лекцию уходит два—три листа. Так я и делал во всё время учебы.

Отмечу и доцента В.Д. Кукина, ведшего у нас семинары по «Статистической физике» в весеннем семестре. Он читал лекции на параллельном потоке, и о нем ходили разные слухи. Но, как он сам говорил: «Весенний Кукин — не зимний Кукин», и это прекрасно подтвердилось на нашей группе. Экзамен все сдали хорошо.

Евгений Петрович Аксенов с женой Машей в Кучино

Валеру Гришаева отчислил в пятом семестре наш семинарист по «Методам математической физики» М.М. Хапаев, спокойно, не вникая, формально. Наша группа очень переживала и жалела Валеру. Для нас и для астрономии, я уверен, это была большая потеря. Все его любили и за характер, и за советы, и за всегдашнюю готовность помочь, и за какую-то взрослость. Он никогда не списывал и не пользовался подсказками, был самодостаточен. Впоследствии он работал учителем в средней школе Раненбурга Тамбовской области и пару раз приезжал поговорить с Б.А. Воронцовым-Вельяминовым об ошибках и неточностях в его учебнике. Встреча прошла никак:

— Он даже не проявил никакого интереса, — сказал потом Валера.

И здесь, наверное, можно оправдать почтенного профессора. За 22 года издания этого учебника он, наверное, устал слушать и критиков, и невольных редакторов, и читателей. Ему ведь было тогда уже 65 лет, хотя сейчас я бы сказал, только 65 лет. Нечто подобное было и у меня, когда я уже сотрудником пытался указать Петру Григорьевичу Куликовскому на ошибки в его «Справочнике астронома-любителя». Петр Григорьевичу сказал:

— Напишите мне на бумаге, что именно, на какой странице, в каком абзаце вы хотите изменить и как надо.

Наверное, это было правильно, все-таки я больше разбирался в астрометрии, читал курс «Сферической астрономии», но вот такое его равнодушие меня обидело. Не видно было заинтересованности. Впрочем, в тот период «Справочник» и не переиздавался.

Евгений Петрович, небесная механика.

О Евгении Петровиче Аксенове и о том, каким он был прекрасным лектором, я подробно написал в первой книге. Мне очень-очень жаль, что астрономическое отделение потеряло такого уникального преподавателя. Георгий Николаевич Дубошин подготовил себе и всей небесной механике прекрасную замену: Е.П. Аксенов, которому он не сомне-

ваясь ни минуты передал кафедру, Е.А. Гребеников, Ю.А. Рябов, В.Г. Дёмин, М.С. Яров-Яровой. В отличие от Георгия Николаевича, Евгений Петрович так рано ушел, так много мог еще сделать, что стыдно за нашу медицину и заботу государства о своих великих людях: М.В. Келдыш, С.П. Королев, Р.В. Хохлов, Я.Б. Зельдович, И.С. Шкловский, Е.П. Аксенов, С.Б. Пикельнер — они не должны были так рано уйти.

Следующий, кого отмечу, это Тернов Игорь Михайлович, квантовая механика.

496

Он вел у нас семинары в течение всего лишь одного семестра, но запомнился на всю жизнь своей эрудицией, доступностью, какой-то теплотой в отношении к нам, студентам. Игорь Михайлович в это время был проректором МГУ, второе—третье лицо в Университете, но это никак не отражалось на его поведении. С ним было спокойно. А ведь в это же время нам читал свои прекрасные лекции и Иридий Александрович Квасников. Нам везло, но, правда, не во всем. Параллельно электродинамику читал и вел у нас семинары доцент В.С. Ростовский. И понять было ничего невозможно, и манера чтения раздражала. Раздражала, по крайней мере, меня. Да вот и Володя Якименко с Володией Тарасовым подтверждали.

Помню философа Арсения Владимировича Гулыгу, который вел у нас семинары по «Марксистско-ленинской философии». От него я впервые узнал о журнале «Вопросы философии», в котором, оказывается, печатались интересные статьи, включая разбор сочинения «Одиноки ли мы в космосе» Станислава Лема. Арсений Владимирович приводил нам примеры из древних философов, убеждал читать их труды. Он разговаривал с нами как с равными, а не как формалист, что невыгодно отличало лекторов и семинаристов по Истории КПСС и марксистско-ленинской философии. А ведь и эти дисциплины тоже можно было рассказывать интересно, а не требовать переписывания в тетрадь по семинарам ленинских работ, в которые мы и не старались вникать. Скучно было. Бу-бу-бу.

Нина Лукашевич, Валерий Осипенко и Лариса Миронова
на встрече группы у Ани Седакиной, 1980-е гг.

Лев Исакович Дорфман — это уже «Ядерная физика» на пятом курсе. Запомнился тоже прекрасными лекциями и доброжелательностью. А еще помню такой штришок к его занимательному портрету. В перерывах каждый раз, читая в 26-й аудитории, шел в 24-ю комнату напротив, к телефону, и весь перерыв о чем-то с кем-то разговаривал. Но там он также вызывал симпатию, и никто из сотрудников не злился на эти еженедельные упражнения. Позднее, кажется, на похоронах В.А. Гинзбурга, я узнал, что он женат на дочке Виталия Лазаревича.

То же самое можно сказать и о лекторе профессоре Льве Николаевиче Рыкунове, читавшем на пятом курсе «Геофизику». Он был прекрасным лектором с отделения геофизики физического факультета.

Мои друзья, одноклассники, от себя добавили в этот список:

498 Анатолий Иванович Иванов, вел у нас семинары по теоремеу на третьем курсе. Внешне полная копия Вилена Валентиновича Нестерова, да и по отношению к жизни тоже такой.

Ирина Ивановна Иванова, на первом курсе вела семинары по физике. Высокая, сутуловатая, строгая, но опекала нас, как цыплят, и старалась, чтобы мы побыстрее адаптировались к учебе в университете. Была строга, но справедлива. Объясняла четко. Позже Володя Якименко откуда-то узнал, что она училась на одном курсе с А.Д. Сахаровым.

Володя еще вспомнил философа Льва Валентиновича Воробьева. И действительно, колоритный был мужчина. Необыкновенно толстый, но подвижный, с громким голосом, читал без бумажки, что редкость для лекторов гуманитарной направленности. Его лекции приходили слушать и с другого потока, на котором лектором была женщина, полная противоположность Воробьеву. Поставьте везде «не» на эпитетах Воробьеву и вы получите её характеристику.

По астрономам Володя, небесный механик, выделил еще Георгия Николаевича Дубошина, читавшего так же строго, четко и понятно, как и отмеченные мною лекторы, хотя фор-

Встреча группы в 2022 году. Слева направо: М. Кацова, Н. Лукашевич, Е. Карицкая, Е. Беленькая, О. Иванов, В. Шамаев, В. Семенов, А. Седякина, В. Якименко. Фотографировал В. Юдин

На субботнике весной 1966 г. Слева направо: Володя Тарасов, Олег Иванов, Валера Семенов, Володя Якименко и я.

2021 год. Слева направо: Володя Якименко, я, Валера Семенов, Олег Иванов. Нет Володи Тарасова, зато есть Маша Кацова

мул в лекциях было видимо-невидимо, да и натерпелся он от Георгия Николаевича, что описано в первой книге. Но это уже спецкурсы по небесной механике, читавшиеся только для Володи Якименко и Володи Тарасова, обучавшихся на этой специальности.

Володя Якименко также попросил включить в наш список Абрама Леонидовича Зельманова, читавшего спецкурс на астрофизике, но на который он, небесный механик, ходил. Во всеядности или, лучше сказать, увлеченности Володи на него походил пришедший к нам на третьем курсе из академического отпуска Валера Осипенко. Он был распределен на астрометрию, но тоже ходил не только на свои спецкурсы, которые были хороши, но скучноваты. Хотя, например, мне нравились спецкурсы Николая Сергеевича Блинова по «Службе времени», «Фундаментальная астрометрия» Владимира Владимировича Подобеда, да и «Новые методы в астрометрии», где к ним присоединился Вилен Валентинович Нестеров, бывший в то время доцентом.

«ОНИ РОЖДАЛИСЬ, СТРАДАЛИ И УМИРАЛИ»

Царь лежал на смертном одре. Он устремил на академика и его огромную книгу свой уже почти потухший взор и молвил, вздохнув: 503

— Так я и умру, не узнав истории людей!

— Государь! — ответил ему ученый, который и сам чувствовал приближение смерти. — Я вам изложу ее в трех словах: ОНИ РОЖДАЛИСЬ, СТРАДАЛИ И УМИРАЛИ.

Так в свой смертный час персидский царь узнал историю рода человеческого.

Анатоль Франс

Александр Гурштейн
(21.02.1937–03.04.2020)

Александр Аронович родился в Москве, а скончался в г. Гранд-Джанкшен (шт. Колорадо, США) в возрасте 83 лет.

С детства увлекся астрономией, был активным участником астрономического кружка при Московском планетарии и

даже одно время работал там лектором. Закончил МИИ-ГАиК по специальности «астрометрия». В 1960–1962 гг. работал в ГАИШ, а затем в очной аспирантуре МИИГАиК с откомандированием в ГАИШ для выполнения диссертационной работы под руководством В.В. Подобеда. В эти же годы, меняясь с Г.С. Хромовым, был секретарем бюро ВЛКСМ ГАИШ. Как пишет сам Александр Аронович, «... два года работы в штате и три года очной аспирантуры слились для меня в единый пятилетний период жизни, который справедливо назвать ГАИШевским». Но на самом деле «гаишевский период» этим не ограничился. Он был близко знаком с Юрием Наумовичем Липским, зав. отделом Луны и планет ГАИШ. Участвовал под его руководством в обработке материалов съемки обратной стороны Луны АКС «Зонд-3» (А.А. Гурштейн, Ю.П. Псковский, М.М. Поспергелис), Луна-9, 15–18 и др., а за успешную посадку КА «Луна-16» в 1970 г. был награжден медалью «За трудовую доблесть». Именно Юрий Наумович поспособствовал принятию А.А. в 1965 г. на работу в Особое конструкторское бюро (ОКБ-1) С.П. Королева. Опять же, по мнению самого А.А., «ГАИШевские годы стали прочным фундаментом моей дальнейшей астрономической деятельности».

После ГАИШа Александр Аронович работал в ГЕОХИ и ИКИ АН СССР, по-прежнему занимаясь лунной тематикой. Работая в последнем он защитил докторскую диссертацию по теме «Астрометрические аспекты обеспечения полетов автоматических космических аппаратов к Луне».

По свидетельству самого Александра Ароновича: «В связи с прекращением советских полетов к Луне и свертыванием лунной тематики в ИКИ АН СССР в 1981 г. распоряжением Президиума АН СССР был переведен на работу в Институт истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова АН СССР». Тут он стал профессионально заниматься тем, что раньше было его «хобби» — историей астрономии, геодезии и космических исследований. Наряду с научной деятельностью в этом институте он вел и большую организационную работу. Был заведующим аспирантурой и докторантурой,

заместителем директора института по научной работе, главным редактором ежегодника «Историко-астрономические исследования», заместителем главного редактора журнала «Природа».

В 1995 г. Александр Аронович с семьей переехал в США, где преподавал в должности приглашенного профессора в Меса Стэйт Колледже (ныне Колорадо Меса Университет), штат Колорадо.

В 1997 г. на Генеральной Ассамблее Международного Астрономического Союза в Манчестере (Великобритания) Александр Аронович был избран вице-президентом Комиссии Союза по истории астрономии. В 2000 г. на Генеральной Ассамблее Союза в Сиднее (Австралия) избран Президентом этой Комиссии. Работал членом ряда международных организаций и редколлегий.

С Александром Ароновичем я был знаком с конца 1970-х годов. В то время он часто приходил для общения с моими наставниками А.П. Гуляевым, В.В. Нестеровым, В.В. Подобедом. Человеком Александр Аронович был неординарным, и часто после его посещений довольно долго продолжалось обсуждение его визита. Близкое общение с ним началось у меня после выхода его книги.

В 2012 г. в Москве опубликованы, как мне представляется, очень интересные мемуары Александра Ароновича «Московский астроном на заре космического века». Они, конечно, субъективны, как и всякие воспоминания, но для меня пролили свет на очень многие события. Эта книга размещена и в Интернете. Фрагменты воспоминаний из неё опубликованы в юбилейном сборнике МИИГАиКа за 2014 год.

Из письма мне жены Александра Ароновича Ольги Воробьевой приведу вот такой фрагмент, сообщающий, что: «Самым значительным научным достижением в своей карьере он считал теорию происхождения и развития Зодиака, которую он разработал в многочисленных статьях на русском и английском языках и изложил в ее наиболее полной форме в монографии «Загадка западного зодиака: его муд-

рость и эволюционные скачки. Болезненное восхождение к истине / *The Puzzle of the Western Zodiac: Its Wisdom and Evolutionary Leaps. A Painful Ascent to the Truth* (2017)».

Александр Аронович в течение всей жизни активно занимался научно-популяризационной деятельностью. Работая в ГАИШе, он разработал для детей игру «В Космос!» применительно к полетам по Солнечной системе. И главное, сумел в 1965 г. в издательстве «Детский мир» ее издать. Игра имела большой успех и переиздавалась много десятилетий. Общий тираж, по словам Александра Ароновича, составил 800 тыс. экземпляров. Впоследствии он разработал и там же издал «Приключения на Луне» (1980), «Швамбрания» (1982) и «Астрономия» (1984). Им также написана брошюра «Человек измеряет Землю» (1963 г.).

506

В 1973 году Александр Аронович опубликовал свою наиболее известную книгу «Извечные тайны неба» — книгу по истории астрономии для молодежи, которая впоследствии дважды переиздавалась общим тиражом в 400 000 экземпляров. Она была переведена на испанский язык.

Александр Аронович был эрудитом и творческой личностью, имевшей разнообразные интересы. Он глубоко любил Москву и знал ее историю, превращая самые простые прогулки по центральному московскому округу, где он жил, в увлекательные экскурсии. Хорошо зная город, в начале 1990-х он увлекся реконструкцией полета Маргариты, описанного в романе «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова, и представил свою версию в одной из телевизионных передач. В разные годы он работал консультантом по вопросам научного образования в Министерстве образования России, консультировал российскую почтовую службу по вопросам, связанным с выпуском марок с астрономической тематикой (он был заядлым филателистом и библиофилом на протяжении всей жизни), занимался переводами иностранной астрономической литературы, консультировал детские книжные издательства по вопросам популяризации науки для детей.

В начале 2022 года мне звонит Таня Петрухина, секретарь нашей кафедры акустики, и говорит, что «вами интересова-

лась корреспондентка какого-то московского издания. Я дала ей адрес вашей электронной почты». Ну, думаю, наконец-то моей персоной заинтересовались журналисты. Видно, прослышали о моей интересной работе в области информатики. Здорово. Как оказалось, всё гораздо прозаичнее. Её интересовал Александр Аронович. Она готовит материал по Арбату и его окрестностям, а Александр Аронович жил в тех местах в конце 80-х — начале 90-х гг., был депутатом районного Совета народных депутатов Центрального округа Москвы в бурные дни «перехода России к демократии» в начале 1990-х годов, выступал с новациями, и она хотела бы с ним хотя бы поговорить, если уж нельзя встретиться. Такие вот дела.

В семье Александра Ароновича остались жена, Ольга Воробьева, трое детей (Кирилл, Ксения и Михаил), четыре внуки и трое правнуков.

Александр Аронович Гурштейн прожил долгую, интересную жизнь и оставил свой значительный след в нашей астрономической среде.

Валентин Есипов

Валентин Федорович по жизни, пожалуй, был счастливым. Не то чтобы у него не было огорчений, но он как-то легко ко всему относился, и всё, казалось, преподносилось ему на блюдечке. Худой, но сильный, с невзрачной внешностью, но пользовался тихим успехом у женщин, не гений, но был среди близких в окружении И.С. Шкловского, не доктор, но все-таки кандидат, не то, чтобы мечтал об общественной работе, но на протяжении последних двадцати пяти лет жизни работал председателем месткома ГАИШ. Валентин Федорович всю жизнь был связан с Московским университетом. После школы, не поступив в МГУ с первого раза, работал на строительстве нового здания на Ленинских горах. Затем все же поступил-таки на мехмат и учился на его астрономическом отделении в группе с Е.П. Аксеновым,

В.В. Нестеровым, И.Н. Глушневой. В 1957 г. закончил и далее работал там же, где и учился, в ГАИШ МГУ. Пожалуй, единственный, кто сотни раз ездил на наблюдения в Крым на Крымскую станцию ГАИШ и до конца жизни был активнейшим участником жизни ГАИШ. Никогда не слышал, чтобы он даже на уровне малой вероятности обсуждал возможность ухода из ГАИШ. Он любил ГАИШ, любил Южную станцию ГАИШ и не ушел за всеми в Институт космических исследований, когда туда ушел Иосиф Самуилович Шкловский со своими учениками. Не ушел, но верность Доктору сохранял всю жизнь и был с ним и во время его увлечений проектами на космических аппаратах, и далее по жизни. О космической стороне своей деятельности он подробно рассказал в докладе на Ученом совете, посвященном своему 75-летию. Помню, интересно рассказал о примечательных случаях и показал множество фотографий, сделанных им самим. Всю жизнь, сколько я его помню, он фотографировал. Был постоянным участником чаепитий в фотолаборатории ГАИШ и нежно дружил с Тamarой Андреевной Бирулѐй, несменяемой сотрудницей гаишевской фотолаборатории.

Фраза «сколько я его помню» возникла у меня сама собой. Задумался... пожалуй, с 1965 года, когда мы, студенты первого курса, чуть ли не впервые пришли в ГАИШ, и я увидел, как по дубовой лестнице со второго этажа быстро-быстро, чуть ли не бегом, через две ступеньки спускается сотрудник, держа у уха маленький транзисторный приемник. Как я сейчас посмотрел в интернете, возможно, он слушал объявление об очередном запуске ИСЗ «Молния-М», попадающем в этот период.

С Валентином Федоровичем дружил мой руководитель, Альберт Петрович Гуляев, и я, уже будучи студентом старших курсов, а затем аспирантом и сотрудником ГАИШ, постоянно видел Валентина Федоровича в нашей круглой 25-й комнате. Там же был стол и Вилена Валентиновича Нестерова, а ВФ был его однокурсником и другом. Вилен Валентинович часто приводил различные истории о ВФ, например,

Хоккеист Валька Есипов на фоне Физического факультета МГУ

что Валентин Федорович занимался хоккеем и был «как стена» — Валька-хоккеист.

— Никогда не пытайтесь столкнуться на льду с Валькой Есиповым. Стена, железная стена. На льду он чувствует себя лучше, чем на земле. Не думайте, что его можно повредить, если столкнешься, легче стену сдвинуть, — говорил он. — Повредишь только себя.

У Валентина Федоровича было много и других увлечений: он собирал марки и монеты, любил застолья, после женитьбы на Ире Кравченко стал под её влиянием серьезно увлекаться конным спортом.

510 О марках знаю тоже из первых рук. Альберт Петрович Гуляев, мой руководитель по диплому и аспирантуре, был, можно сказать, профессиональным филателистом и увлек и меня коллекционированием. Одно время я был и филателистом, и нумизматом-любителем. Филателистом я был «профессиональным», вступил в Филателистическое общество СССР, получил членский билет и регулярно на протяжении нескольких лет ходил в магазин Общества, который сначала базировался в Китай-городе, а затем на ул. Волгина в Теплом Стане, выкупать заказанные марки. Нумизматом не стал, но мне нравилось собирать монеты разных годов, читать о нумизматике. В то время вышел каталог монет советского периода с подробнейшими сведениями об их разновидностях. Оказалось, например, что две копейки, которыми тогда звонили в телефоне-автомате, бывают не только разных годов выпуска, но и с вариациями внутри этих годов. Что первые монеты советского периода номиналом пятнадцать, двадцать и пятьдесят копеек были серебряными, что был червонец не только дореволюционный — царского периода, но и советский, выпущенный небольшим тиражом. Он был из золота и очень ценился в среде коллекционеров. Но самой ценной монетой советского периода считается... да он, пожалуй, и считается.

К чему всё это, возвращаюсь к Есипову. Валентин Федорович сам в магазин марок не ходил, а, как говорил АП: «Валька снова занят и просил выкупить его заказы».

6 мая 1978
12.12.18

34987

ВСЕСОЮЗНОЕ
ОБЩЕСТВО
ФИЛАТЕЛИСТОВ
МОСКОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ЧЛЕНСКИЙ БИЛЕТ №

Фамилия Шамас

Имя Владимир

Отчество Тригорьевич

Дата вступления
21 февраля 1977 г.

председатель
правления

МОСКОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1978

УПЛАТА ЧЛЕНСКИХ ВЗНОСОВ

ГОД	I полугодие	II полугодие
1977	МОЩНОСТЬ УПЛАТЫ	МОЩНОСТЬ УПЛАТЫ
1978	1-20 813	1-20 1500
1979	20-400 8199	
19		
19		

Зак. 4087 Тир. 100000

Членский билет Московского отделения Всесоюзного общества филателистов

При встрече спросил у Иры, что стало с коллекцией. Монеты она продала коллекционерам «за бесценок», ее слова. Коллекция марок пока у нее.

Про лошадей я узнал от Марины Борисовны Щербиной-Самойловой, которая дружила с Валентином Федоровичем с незапамятных времен, и в 2000-е годы он часто ее просил записывать с телевизора конные соревнования, в которых участвовали его лошади. Ведь они с Ирой настолько увлеклись этим видом спорта, что купили лошадей, и их лошади даже нередко и побеждали. Интересно было видеть его на награждении, в том числе и за первые места. Объявляли:

— Владелец лошади, выдающийся астроном нашей страны Валентин Федорович Есипов.

512

В отделе радиоастрономии все знали об этом увлечении ВФ и часто вместе с ним отмечали победы его лошадей: Миша Дивлекеев, Вера Архипова, Анатолий Капусткин, другие. Обычно это происходило утром, на следующий день после победы.

На Южную станцию ГАИШ Валентин Федорович ездил на наблюдения несколько раз в году. Я там тоже с ним встречался, и он всегда был готов помочь. Пользовалась его поездками и Аня Седякина, проводившая, как я уже писал, много-много лет и десятилетий свой отпуск в Кацивели на РТ-22. С Валентином Федоровичем она заранее отправляла в Кацивели для себя и угощать других свои маленькие гастрономические слабости — двухлитровые бутылки кока-колы, баночки с арахисовым маслом, кофе и коробочки с любимыми тянучими конфетами. Однажды, когда моему сыну Никите было шесть лет, мы пересеклись там с Аней. Жили мы с Никитой у Коли Нестерова в кабинете, а Аня в «норке». Никита раскусил, что, застав Аню за утренним завтраком, можно прилично дополнить наш нехитрый завтрак кока-колой с бутербродом, да еще и поест конфет. И стал заглядывать по утрам к Ане на завтрак. Ну а что еще ждать от маленького ребенка. Аня, смекнув, что ее запасы, а вместе с ними и беспечная жизнь, могут быстро закончиться, пресекла эту «традицию», к большому неудовольствию Никиты.

Слева направо: Алла Халиуллина, Таня Рябчикова, ???, Сергей Шугаров, ???, Валентин Федорович Есипов, Анатолий Владимирович Засов, Юрий Николаевич Ефремов, Феликс Александрович Цицин

514 С Южной станцией ГАИШ у меня связаны и свои воспоминания, я там бывал и со студентами, и один, даже раз с сыном Никитой, показал ему телескопы Станции по пути в Качивели к Коле Нестерову. Как-то были мы на Станции на студенческой практике с гравиметристом Борей Михайловым, помнится, в 1986 году. Боря всегда любил размах, и в предыдущий год он был на своей машине. Они с Валею Уральской, которая вела практику небесных механиков, объездили весь Крым. Помню, как на день рождения своего отца, Олега Александровича, он на один этот день примчался из Крыма, привезя багажник фруктов и себя. Я, да и все, были поражены. Такие сюрпризы Боря любил и охотно делал. Как-то по молодости, впрочем, уже давно прошедшей, Павел Андреевич Строев, тоже гравиметрист, попал по пьяной лавочке в милицию, да еще и с сопротивлением стражам порядка. А надо сказать, что Пал Андреич был членом КПСС, и ничего хорошего ему это не сулило, даже совсем наоборот. Узнав про это, Боря примчался к начальнику милиции, майору, с большим старинным ценным кинжалом и «укачал» его. Такое подношение возымело свое действие. Павла Андреевича отпустили с миром.

На следующий год мы уже поехали с ним на двух машинах. Он, как и раньше, вел практику гравиметристов, а я — астрометристов. Кто был на небесной механике — не помню, кажется, в этот год их не было. Пишу, чтобы рассказать об интересном эпизоде. Свободного времени днем было много, мои студенты днем читали описание задач по фотографическим наблюдениям, а ночью наблюдали. Хочу заметить, что описание задач было составлено Г.С. Хромовым, напечатано и переплетено. Гаврила Сергеевич тоже любил показать свое ответственное отношение к порученному делу. В этом году оно заключалось в составлении описания задач астрометрической части практикума. Ни Валентина Михайловна Чепурова, ни Дмитрий Николаевич Пономарев, также получившие такое задание от меня, ничего подобного к началу практики и не подумали сделать. У каждого были свои причины и оправдания.

Был август, мы со студентами много ходили за грибами. Грибы маслята росли прямо на территории Станции, да и по всей Крымской обсерватории. Сначала мы собрали всё у себя, на ГАИШевской базе, а затем ареал сбора переместился на смежную территорию — в КраО. Грибов было много, мы сметали всё, и каждый день у нас на ужин была картошка с луком и грибами. Но наша сплоченная группа, как саранча, видимо, достала местных жителей, и они начали выражать неудовольствие. Мы были непреклонны — грибы тех, кто их нашел. Конфликт скоро закончился, т.к. мы подчистили всё. Я стал ходить за территорию Обсерватории, спутников не оказалось, но грибы и там были. Были и клещи, одного я принял на себя. Но, беспечность молодости, просто снял разбухшего паразита. Проверок на энцефалит или боррелиоз не устраивал. Кто-то, может, скажет — и зря, последствия-то видны. Но теперь уж ничего не поделаешь. А тогда мы с Борей солили груздей, жарили лисичек и сыроежек. В остальных крымских грибах я не разбирался. В общем, практика прошла хорошо, и на обратном пути я заехал к Володе Якименко в Токмак, где он отдыхал с сыном Иваном.

Еще хочу привести один эпизод из крымской жизни — поход за вишней. Как известно, в 1944 году крымских татар выселили в Казахстан и Среднюю Азию. После них остались сады. К 1980-м годам они одичали, а вишневые деревца превратились в огромные деревища. На них было много мелкой вишни. Помню, пошли мы с Олей Старцевой ее собирать. Залезали на деревья, объедались мелкими, но сладкими ягодами, много ягод собрали в кастрюлю с собой, на компот. Устали. В этот вечер я не стал ничего варить, а поставил собранное в холодильник, «завтра сделаю». На завтра глядь, а вся поверхность собранной вишни усыпана копошащимися червячками. Выходит, вчера мы хорошо приняли белковой пищи.

Юрий Иванов

516 Одно время мы довольно часто переписывались с Людой Рой, женой Гены Гущина. Люда преподает в филиале Бауманки, ныне Бауманского технического университета, в Калуге. Она математик, доцент, и как-то рассказала, что у них на кафедре работает выпускник Астрономического отделения Юрий Иванович Иванов. Его воспоминания о своих однокурсниках Хромове, Новикове, Лозинской и других я привел в первой книге. А тут, вдруг, после долгого перерыва она мне пишет, что Юрий Иванович умер. Я сразу решил, что попрошу в разделе «Новости» на сайте ГАИШ поместить известие о его кончине. Запросил от Люды сведения, задал вопросы, попросил сходить в отдел кадров за уточнением биографических сведений, встретиться с внуком, прислать фотографии. Ответственная Люда все выполнила, и я написал нечто вроде некролога. На гаишевском сайте это можно посмотреть в сокращенном варианте в разделе новостей, а в полном — здесь, в книге.

Как-то встречаю неторопливо идущих в ГАИШ Колю Шакуру и Валентину Михайловну Чепурову. Валентина Михайловна говорит:

— Володя, я прочитала о смерти Юры на сайте. Хорошо его помню. Он был на курс старше. Правильно, что ты про него написал. А то мы многих забываем.

Всё верно, ушел человек — и как не было его. На днях разговаривал с Ирой Есиповой (Кравченко), она говорит, что «всего год как ушел Валентин Федорович, а как будто и не было его в ГАИШе. Никто не звонит, когда зашла в ГАИШ забрать его вещи, то мне выдали небольшой пакетик с бумагами и фотографиями. Спрашиваю:

— Это всё? — мне говорят, что остальное выбросили, а некоторые фотографии отдали в фотолабораторию.

Начала приглашать на полугодовщину после кончины, а мне в ответ: не надо устраивать, никто не придет».

Что-то дикое. И это по отношению к В.Ф. Есипову, чего уж к другим. Ну да, прежнее поколение уходит, а новое, как сказала Ира, «оно совсем другое».

Казалось мне, кругом сплошная ночь,
тем более, что так оно и было.

Владимир Высоцкий

Известие об уходе из жизни Юрия Ивановича Иванова я закончил словами: «Скончался Юрий Иванович в возрасте 83 лет. Круг зрелой жизни как начался в Калуге, так в ней же и закончился. А этим некрологом на сайте ГАИШ Юрий Иванович, оставаясь выпускником Астрономического отделения, как бы ненадолго к нам вернулся, чтобы уйти уже окончательно». И теперь думаю, а может быть, я идеализирую ГАИШ, как все мы идеализируем свою юность: «и трава была зеленее, и люди добрее».

Как-то незаметно, вовсе не желая этого, я стал «летописцем». Сделал памятные страницы в Википедии об А.П. Гуляеве, В.В. Нестерове, Г.С. Хромове, И.С. Щербиной-Самойловой, Л.Н. Радловой, физике-низкотемпературщике Ю.П. Гайдукове. В новостях ГАИШ опубликовал информацию о кончине А.А. Гурштейна и Ю.И. Иванова, в «Земле и Вселенной» написал статьи о Радловой (совместно с А.И. Еремеевой и Г.А. Пономаревой), о Г.С. Хромове и И.С. Щербиной-Самойловой. Опять же, книги. Неисповедимы пути господни и куда они меня завели... Но не хочется, чтобы люди уходили в неизвестность. Будем помнить, хотя бы пока живы мы сами — наше поколение.

517

Юрий Иванович Иванов
(выпускник Астрономического отделения 1959 года)
(06.02.1937–06.11.2020)

Юрий Иванович родился в г. Минске, куда попали родители по распределению после окончания медицинского института в г. Смоленске. Война застала его у бабушки в Белостоке (в то время центр Белостокской области Белорус-

ской ССР, в сентябре 1944 г. город с областью был передан Польше). В первый день Великой Отечественной войны Юрия Ивановича с его бабушкой эвакуировали из Белостока в Минск. Но по дороге поезд разбомбили фашисты. Бабушка погибла, а Юру отправили в г. Рославль в детдом. Из Рославля детдом эвакуировали, вместе с канатной фабрикой, в г. Рассказово Тамбовской области. Мама, Александра Ильинична, узнав, что эшелон с бабушкой и Юрой не дошел до Минска, сразу уехала из Белостока на поиски и тем самым избежала оккупации. Она, как врач-инфекционист, работала в тыловых госпиталях и продолжала поиск сына. Когда она работала в госпитале в поселке Ухолово, Рязанской области, тогда и пришел ответ на её запрос о судьбе Юры и его местонахождении. Мать наняла лошадь с телегой и поехала в Рассказово забирать сына. До конца войны Александра Ильинична и Юра находились в Рязанской области в госпитале в селе Шелемишево Рязанской области. После Победы пришёл с войны отец Ю.И., Иван Павлович, и получил назначение на работу, вся семья переехала в г. Кондрово — административный центр Дзержинского района Калужской области, где Ивана Павловича назначили главврачом больницы.

Там Юрий учился четыре класса. Потом семья переехала в Калугу, где он закончил среднюю школу №5. Кстати, в этой школе недолго работал учителем Булат Окуджава и, похоже, Ю.И. пересекся с ним (По ЖЗЛ Д. Быкова, с февраля 1952 до конца 1953 года Окуджава работал учителем русского языка и литературы как раз в калужской школе №5). В 1954 г. семнадцатилетний Юрий поступил в МГУ имени М.В. Ломоносова на астрономическое отделение, которое в ту пору было на механико-математическом факультете — мехмате. На мехмат же МГУ тремя годами раньше поступил и брат Булата Окуджавы — Виктор.

Надо сказать, что курс 1954 года приема был сильным, многие после окончания работали в ГАИШе и Астросовете АН СССР: Бондаренко Л.Н., многие годы ученый секретарь ГАИШ, Лозинская Т.А., Ирошников Р.С., Калинина Е.П.,

Новиков И.Д., Порфирьева Г.А., Поспергелис М.М., Длужневская (Ржаницына) О.Б., Хромов Г.С., Хромова Т.П. Ростик Ирошников, Таня Лозинская, Игорь Новиков и еще два их одноклассника — Гафури Раиф Анварович и Коля Тесленко — стали докторами физ.-мат. наук. Впрочем, «сильный курс» — это же можно сказать и о многих других курсах Астрономического отделения.

Во время учебы Юрий Иванович — тогда, конечно, Юра — был активным спортсменом и неоднократно участвовал вместе с Игорем Новиковым в первенстве МГУ по легкой атлетике. Еще будучи студентом Юрий сдружился с казахом-однокурсником, фамилию которого родственники Юрия Ивановича не помнят, и после окончания университета и аспирантуры, защитившись, распределился с ним в Алма-Ату. Ну и раз уж я отметил Булата Окуджаву, то сообщу, что Раиф Гафури — внук народного поэта Башкирской АССР Мажита Гафури.

С середины 1970-х гг. и до конца жизни Юрий Иванович жил в Калуге и работал доцентом на кафедре высшей математики калужского филиала МГТУ им. Н.Э. Баумана. С 1986 по 1990 год был заведующим кафедрой. Скончался Юрий Иванович в возрасте 83 лет. Круг зрелой жизни как начался в Калуге, так в ней же и закончился.

За полтора года до кончины Юрия Ивановича я от моей однокурсницы Людья Рой узнал о том, что с ней на кафедре работает наш выпускник, и сумел сподобить его на воспоминания о своей группе. Они изложены на страницах 236–238 моей первой книги «ГАИШ. Астросовет». Отмечу, что воспоминаниями о своей группе, в которой учился и Юрий Иванович, поделилась с нами Ольга Борисовна Длужневская в своей книге 2014 г. «Искорки воспоминаний. Т. 1. Автобиография».

Я посчитал необходимым написать о нашем товарище и опубликовать на сайте ГАИШ эти «искорки воспоминаний», следуя терминологии Ольги Борисовны Длужневской или, как говорят физики, эту уединенную волну — солитон — в какой-то мере для истории. Они, возможно, пробудят вос-

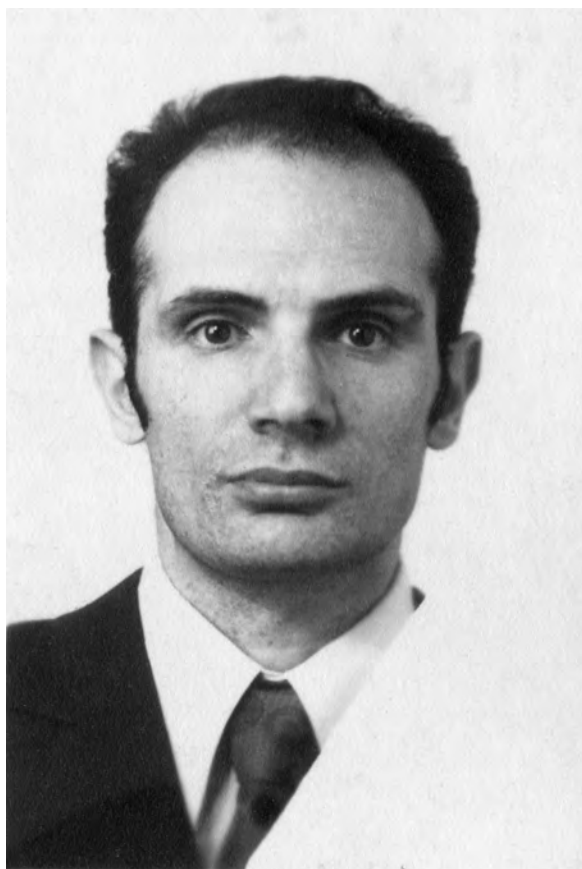
поминания его оставшихся однокурсников о нём и о других, о том счастливом времени учебы в ГАИШ, когда мы были молоды и в самом начале жизненного пути в профессии. А мне вспоминается из этого «солитона» Ростислав Саввич Ирошников, часто приходивший в нашу 25-ю комнату к Вилену Валентиновичу Нестерову. Живо возникает в воспоминаниях и Игорь Дмитриевич Новиков, молодой, подтянутый, в черном кожаном пиджаке, садящийся после гаишевских семинаров в свою 21-ю «Волгу», и которого последний раз я видел на похоронах Николая Семеновича Кардашева в ФИАНе. Татьяна Александровна Лозинская по-прежнему мне видится молодой девушкой на втором этаже ГАИШа, недавно поздравлял ее с очередным юбилеем. Михаила Михайловича Поспергелиса вспоминаю с вечно распахнутой курткой и в огромных ботинках, никак не соответствовавших его маленькому росту... О них и многих других из тех лет ГАИШа на Ленинских горах я вспомнил и написал в книге в связи с Г.С. Хромовым и его судьбой.

У каждого из нас были в жизни интересные моменты, и, наверное, совсем неплохо ими поделиться, как сделали ушедшие недавно от нас Лев Александрович Савров, Александр Аронович Гурштейн и Сергей Борисович Достовалов или здравствующие ныне А.М. Черепашук и О.Б. Длужневская. Чем дальше от нас уходят те годы, тем труднее вспомнить, восстановить события. Хорошо, что теперь у нас есть Интернет, который позволяет запечатлеть их, хорошо, что есть сайт ГАИШ, где их можно разместить. Надолго ли? Недавно я почти случайно в стационаре МНОЦ встретился с однокурсником А.М. Черепашука — В.А. Шведовским. Нас поместили в одну палату. Вячеслав Анатольевич, сейчас он профессор Высшей школы современных социальных наук МГУ (куда только нас не заносит!), тоже с удовольствием вспоминал годы студенчества и рассказывал мне много интересных историй из жизни своей и своего курса и обещал написать о них. Дай-то бог!

Моисей Лившиц — «Миша»

Моисея Айзиковича Лившица я знал давно, и как-то мне непривычно его официальное имя. Для меня он всегда был Михаилом Аркадьевичем или просто Мишей. Почему такая фамильярность, да потому, что он ощущался мной как сверстник, несмотря, что доктор наук и профессор. Он был прост и приятен в повседневном общении и становился непримирим только в научных дискуссиях. Он умел отстаивать свою точку зрения.

Первое знакомство, по-моему, состоялась на одной из встреч нашей группы в его квартире возле метро «Ленинский проспект». После окончания университета наша группа довольно часто встречалась, и вот мы в Мишиной квартире на Ленинском проспекте близ площади Гагарина. Квартира уютная, с большой кухней. Почему у него, да Маша Кацова, наша одноклассница, была его женой. Как всегда весело, человек десять—двенадцать, мама Маши испекла прекрасный пирог, сделала салаты, мы купили вино-водку. Веселились допоздна. Потом я встречался с Михаилом Аркадьевичем как лектором ежегодного спецкурса «Космическая магнитная гидродинамика». Была тогда, надеюсь, и сейчас традиция приглашать для чтения лекций старшим курсам видных ученых со стороны. Затем, когда моему сыну исполнилось шесть лет, я решил, что летом ему неплохо бы жить на даче, и, случайно узнав, что у них с Машей после смерти её родителей пустует дача, попросился туда пожить. С этим помогла мне Аня Седякина, которую Маша не раз приглашала к себе на эту дачу. Аня, городская девушка, любящая удобства, не ездила, но рассказала мне. Там мы с Никитой на лето и поселились. Лето, зелень, малина-смородина, яблоки, в лесу грибы и калина, ну что еще надо. Когда Миша приезжал, то мы с ним довольно часто гуляли по пустынным в конце 90-х лесным местам, собирали грибы и много-много говорили. Миша был очень интересным собеседником и кладезем сведений. От него, как участника, я услышал правдивую историю, как они с В.В. Подобедом на затмении на Кубе спали в

Моисей Айзикович Лившиц

одной кровати. Раньше, в интерпретации Вилена Валентиновича Нестерова, я уже слышал эту шутивную байку о нетрадиционной ориентации Подобеда. Действительно, случай такой был, нетрадиционной ориентации не было.

Миша всегда был на лекциях в отутюженном костюме, хорошей обуви, худой и быстро-быстро говорящий. Прекрасно выглядел и хорошо читал. Поскольку на его лекции я не ходил, то мне достались на протяжении многих лет прогулок его интересные рассказы обо всем. О поездках, о симпозиумах-конференциях, заседаниях редколлегии «Астрономического журнала», с которых он приходил, как говорила Маша, в весьма приподнятом состоянии. На даче Миша вел себя не как профессор, а как расшалившийся ребенок. Он готов был и всегда лез на яблони за понравившимся яблоком, ремонтировал хозблок, газовое оборудование и электропроводку, прогнившие ступеньки лестницы. Последние ремонтировались подстановкой ящиков и кирпичей.

Как-то, встретив в ГАИШе Машу, я услышал:

— Кого ты мне вернул? Он уже третий день с радикулитом.

Миша любил не только яблоки, а у них росли прекрасные яблони антоновки и сорта «Богатырь», он собирал смородину, сливу, облепиху. Малину почему-то не признавал. Перед входом в дом росло несколько деревьев вишни. Как-то в мае они были все покрыты цветками. Говорю Мише:

— В этом году будет прекрасный урожай.

— Да полстакана наберется, — ответил он.

Действительно, набралось с десятков ягод. Вишня в наших краях не плодоносит.

Я не сказал раньше, что по случаю я купил дачу напротив родительской Маши. Помог опять же Миша. Ее владелица и продавец, Анна Васильевна, была очень подозрительная женщина, и даже не знаю, как мне удалось ее дачу купить. Миша потом рассказывал, что Анна Васильевна заставила его быть гарантом сделки. Миша пообещал, если что, то отдать ей свою. Последний год жизни Миша был плох, но продолжал активно работать и сохранял оптимизм. Маша рассказала, что в ночь перед смертью он успел отправить

отзыв на статью в «Астрономический журнал». Умер Миша 27 сентября 2017 года, на 79 году жизни.

Н.С. Кардашев

Николай Семенович Кардашев всем нам хорошо известен, так же, как и его биография. Мы благодарны ему еще и за организацию и выпуск двух книг памяти Иосифа Самуиловича Шкловского. Надеюсь, что воспоминания о нем его друзей, коллег и учеников тоже вскоре мне удастся прочесть. Поэтому я приведу только несколько снимков из тех, что сделал на его панихиде в ФИАНе.

Выступает Г.А. Месяц

Выступает И.Д. Новиков

Выступает А.М. Черпащук

Ольга Борисовна Длужневская

Владимир Михайлович Липунов

Валентина Михайловна Чепурова

Николай Геннадиевич Бочкарев

Лев Миронович Гиндилис

Еще ушедшие астрономы

О некоторых я напишу несколько строк, их я знал давно и хорошо.

Днем раньше М.А. Лившица ушел из жизни **Эдвард Владимирович Кононович**, целая эпоха в жизни ГАИШ. Он был аспирантом И.С. Шкловского и, как вы знаете, его звездой было Солнце. Он воспитал много учеников, а еще большему количеству студентов читал лекции, что тоже можно считать как воспитывал. Вместе с Бакулиным и Морозом Эдвард Владимирович написал прекрасный учебник «Общая астрономия», выдержавший несколько переизданий. Много занимался пропагандой астрономических знаний как через общество «Знание», так и по радио и телевидению. У него была прекрасная манера подавать материал на доступном уровне, но без упрощения. Его ученики Володя Батулин, Сергей Аюков, Алексей Горшков и другие активно продолжают дело — изучают Солнце.

530

Людмила Николаевна Бондаренко. К моему сожалению, на сайте ГАИШ не появилась информация о смерти Людмилы Николаевны, и я не смог пойти на ее похороны. Хотя всё происходило недалеко от меня на Ленинском проспекте, в морге больницы Святителя Алексия. Я понимаю, что мы не вечны, но каждый раз с удивлением, граничащим с недоумением, воспринимаю смерть близко знакомого человека. Вроде бы всегда был — и вот его уже нет.

Приведу списком скончавшихся и не вошедших в предыдущие строки, с момента выхода первой книги.

А.В. Багров, А.А. Боярчук, Л.М. Гиндилис, А.А. Гурштейн, Ю.Н. Ефремов, «тихий Юра», как его описывает Гаврила Сергеевич в начальный период своих воспоминаний.

В.Д. Захаров, Ю.И. Иванов, В.Г. Корнилов, Г.М. Рудницкий, Л.А. Савров.

О РОЛИ ИНФОРМАЦИИ

Фрагмент из моей книги в «Итогах ВИНТИ»

В первой книге я привел раздел «Существует ли внеземная жизнь во Вселенной» из книги В.Г. Горшкова «Физические и биологические основы устойчивости жизни». Следуя традиции, в этой книге приведу фрагмент из раздела «Проблема эффективных менеджеров» моей книги «Акустические аналогии, математическое моделирование и наукометрические исследования документального потока». Вот он.

531

Проблема «эффективных менеджеров»

Многочисленные исследования показывают, что значительное количество российских ученых публикуют свои работы на английском языке. Конечно, это позволяет быстрее распространять информацию о научных достижениях этих самых ученых; но с другой стороны это существенно ослабляет позиции русского языка как языка науки. Бывший одним из основных языков мировой науки, русский язык, как это ни печально, перестает быть им. В 2020 году более

6 млн. научной продукции опубликовано на английском языке, следом идет китайский язык с 97 тыс. публикаций, и лишь на пятом месте русский — около 38 тыс.

Как это происходит, мы видим на примере республик бывшего СССР, которые стали «независимыми».

Даже в Белоруссии, в которой положение с русским языком лучше всего, лишь 13% научных публикаций издается на русском языке, в Киргизии — 8,5%, и в Азербайджане — 7,3%. В остальных «союзных республиках» положение с русским языком еще хуже.

532 В нашей стране с некоторых пор тоже произошла переоценка ценностей, и «великий и могучий» в науке незаметно также стал неактуальным. Предметом интереса для руководства и предметом управления со стороны «эффективных менеджеров» стали наукометрические показатели, которые нам предоставляют западные «коллеги», пользуясь терминологией нашего президента. Министерство образования и науки Российской Федерации и Ассоциация научных редакторов и издателей даже выпустили брошюрку: «Методические рекомендации по подготовке и оформлению научных статей в журналах, индексируемых в международных наукометрических базах данных».

Для оценки деятельности научных учреждений, аттестации научных работников используются, как правило, две информационные системы, да и то только для получения простых наукометрических сведений, характеризующих, по мнению руководства, работу как отдельных ученых, так и научных изданий и организаций нашей страны. Это, конечно, англоязычные Web of Science Core Collection (WoS CC) и Scopus. В первую очередь учитываются только их выдачи наукометрических параметров, характеризующих деятельность организаций и научных сотрудников — индексы цитирования. Они же дают информацию для разделения научных журналов по квартилям, а научных организаций по категориям (от первой до третьей). Отметим, что русскоязычных публикаций в этих информационных системах нет — это основной их недостаток с нашей точки зрения. В то же время,

большая часть научных публикаций (около 90%) пишутся нашими учеными на русском языке и, соответственно, она выпадает из анализа научной продуктивности как ученых, так и научных организаций и из индексирования наших научных журналов.

Руководством и авторами, пишущими прогнозные статьи для руководства, предлагается формировать для оценки научной среды «новые инструментальные подходы», а на самом деле использовать всё те же наукометрические сведения, получаемые с всё тех же «аналитических инструментов». А всё вместе называется «методологией оценки результатов исследований», которая позволяет руководству определять (находить, формализовать) статус «исследований мирового уровня» (см. книгу «Выявление приоритетных научных направлений: междисциплинарный подход», отв. ред. Кобринская И.Я. и Тищенко В.И. М.: ИМЭМО РАН, 2016. Тем самым подразумевается, что только у продуктивно работающих ученых в уникальных тематических областях могут появляться результаты мирового уровня. Естественно, что именно они работают в продуктивных же научных организациях. На наш же взгляд, более значимо использовать экспертные оценки, а всевозможные индексы цитирования, индексы Хирша, импакт-факторы журналов, в которых публикуется конкретный ученый, следует учитывать как дополнительную информацию. Кстати, именно на экспертных оценках базируется получение или отказ в получении грантов, например, в РФФИ, а наукометрический «бэкграунд» выполняет вспомогательную роль.

533

Почему Web of Science СС и Scopus

В настоящее время наша наука имеет недостаточно сил и финансовых возможностей для развития информационных ресурсов. Это сказывается как на учете научных результатов, так и на доведении их до пользователей. Да и выбор перед ней небольшой: либо отдать созданную на государст-

венные деньги технологию и полученные результаты коммерческим структурам, как это произошло с Научной электронной библиотекой, либо развивать тематические ресурсы при научных учреждениях, как поступил Математический институт им. В.А. Стеклова РАН, создав MathNet (<http://mathnet.ru>) или физический факультет МГУ с его информационно-поисковой системой «Акустика. Русскоязычные источники» (<http://akdata.ru>).

534

По всей видимости, создать глобальную базу данных, а вместе с ней и информационно-поисковую систему (ИПС) по мировым научным источникам нам (в смысле, в стране) в настоящее время не удастся. Этот же вывод можно сделать, основываясь на данных по представлению статей российских авторов в мировой научной литературе из монографии Маршаковой-Шайкевич И.В. «Россия в мировой науке. Библиографический анализ». М.: ИФРАН. 2008, а также и из недавней статьи Мохначевой Ю.А. и Цветковой В.А. «Представленность статей российских авторов в мировом потоке научных публикаций по Web of Science CC» в журнале «Научно-техническая информация. Серия 1», 2019, № 6 — заметим, англоязычных статей. Русскоязычных там нет. Не удастся повторить и советский опыт в воссоздании сегодня РЖ ВИНТИ и его Банка данных по мировой литературе. Слишком большой объем источников информации, слишком много надо задействовать финансовых и людских ресурсов. Во Всесоюзном институте научной и технической информации (ВИНИТИ) работало до 2,5 тысяч сотрудников, которые, кроме служебного персонала, были высококлассными специалистами в области информационного обеспечения, занимались развитием его научной, технологической и производственной базы. А кроме этого — несколько десятков тысяч нештатных научных сотрудников, писавших рефераты со всех языков мира и редактировавших как Реферативный журнал, так и другие издания, выпускавшиеся ВИНТИ.

Это был уникальный проект под эгидой АН СССР. По Академии было выпущено постановление о предоставлении

«библиотечного дня» для написания и редактирования рефератов сотрудникам, работавшим внештатно в ВИНТИ.

Институт был крупнейшим центром депонирования научно-технических работ, в нем был Центр информационного обслуживания науки и техники, предоставлявший в год до 20 млн. копий первоисточников по запросам пользователей.

Невозможно представить себе сейчас подобный ВИНТИ с охватом всей мировой научно-технической литературы. Но вот где мы могли бы преуспеть, так это в создании базы данных и ИПС по русскоязычным источникам. И здесь бы сегодняшней ВИНТИ оказался на своем месте.

По инерции ВИНТИ и сейчас продолжает издавать выпуски РЖ, но в количестве не более двух десятков экземпляров, и то это завышенная оценка. Например, основной для нас сводный том РЖ «Физика», в котором есть выпуск «Акустика», выходит уже много-много лет тиражом в 14 экз.

535

Мы ранее писали, что удачные попытки прогнозирования развития научных направлений случаются, но «методика его (прогнозирования) получения пока находится на зачаточном уровне». Очередным подтверждением этому является уже цитировавшаяся книга «Выявление приоритетных научных направлений». М.: ИМЭМО РАН. 2016. Среди 18 входящих в нее статей отметим только статью С.П. Чернозуба, и то не в качестве примера хорошего прогнозирования, а в качестве констатации «сбывшихся» результатов так называемого «прогноза». В ней сообщается, что проведенная в Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) работа по анализу ключевых направлений, которые в «Прогнозе научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 года» получили название «прорывных», уже к 2016 г. (т.е. через три года после принятия Прогноза) «такowymi уже не являются». И что «планирование развития сектора науки и технологий вокруг определенной на основе долгосрочного прогноза системы технологических приоритетов не дает

ожидаемых результатов». Это, кстати, об отмеченном нами «квазинаучном прогнозировании». При отсутствии национального информационного ресурса, которым должен был стать, но не стал Банк данных ВИНТИ, приходится ориентироваться на зарубежные источники — WoS CC и Scopus.

Аналитические инструменты WoS CC и Scopus. Оценка статуса российской науки

536

Много и на самом высоком уровне сегодня говорится о распространении английского языка в науке. Именно на нем нашими академическими чиновниками высокого уровня предлагается писать научные статьи и, естественно, в журналы, отражаемые в WoS CC и Scopus, и тогда через них исследования наших ученых, возможно, достигнут мирового уровня. Не откажу себе в удовольствии указать автора и публикацию: Хохлов А.Р. «Аудит науки». Электронный ресурс: <https://echo.msk.ru/programs/sorokina/1167578-echo> (дата обращения 18.01.2020). В этом пассаже предполагается, что наша наука — наука страны третьего мира. Так ли это? Это неверно как по сути, так и со стороны интерпретации по этим информационным системам. Поясним. По сути, в эти системы попадают (переводятся) самые лучшие наши журналы, их немного, но состав — из авторов высшей категории. Кроме того, в анализ попадают и наши авторы в зарубежных изданиях, указывающие своим местом работы Россию, и опять же они высокого уровня. Так что, интерпретация малого процентного представительства ученых нашей страны в этих информационных системах как низкого уровня науки тоже неверна. А вот что верно. На самом деле, в силу подавляющего количества публикаций наших ученых на русском языке затруднено сравнение уровня научных исследований в России с уровнем США, Китая и Великобритании, Франции, Германии и др. Языковая закрытость русскоязычных исследований вовсе не является свидетельством их низкого качества, а скорее свидетельствует об их «невидимости» для

англо-франко-испано-китайско-немецких и др. читателей. Похоже, что с точки зрения как нашего научного руководства, так и «эффективных менеджеров» в правительстве, это неважно, и всем следует учить английский язык. Но вместе с этой благой задачей следует хотя бы обратить внимание на начальную задачу — сделать «видимыми» наши публикации в Интернете. А с этим дело обстоит не очень хорошо. Что мы сейчас имеем: сайты отдельных журналов с не слишком глубокой ретроспективой, усилия отдельных организаций, направленные на оцифровку и представление в Интернете подведомственных им журналов и опять же со слабой ретроспективной частью, политематические и тематические платные и бесплатные научные ресурсы, как правило, со слабым наполнением и ретроспективой в лучшем случае за последние два—три десятка лет, доступные через их поисковый аппарат. Да еще есть платные ресурсы по защищенным диссертациям.

Всё это можно рассматривать как свидетельство, что получение данных об исследованиях в России и шире — в русскоязычном пространстве — затруднено. Отсюда возникает вопрос: так ли уж «неполноценны и бесперспективны» исследования в русскоязычном мире или просто мир о них не знает и не скоро узнает, если оставить ситуацию в нынешнем состоянии? Тут никакая наукометрия не поможет. Ведь есть только WoS, Scopus, русскоязычная «Научная электронная библиотека» (НЭБ), формирующая Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), и малодоступный Банк данных ВИНТИ, да еще пара-тройка других информационных ресурсов, создатели которых только-только начали интересоваться наукометрическими исследованиями. По WoS СС формируются индексы цитирования наших научных сотрудников и импакт-факторы наших переводных журналов. Scopus, как правило, используется для сравнения с первым. По третьей, русскоязычной, формируются эти же показатели, однако, не находящие широкого распространения. Все указанные информационные системы предоставляют свои услуги на коммерческой основе. Это, может, и не имеет ни-

какого значения, раз государство отдало им эти функции, но слово «коммерция» в нашей стране имеет привкус ненадежного. Точно так же, как обучение в вузах на платной основе или платная медицина. Видимо, поэтому один из создателей информатики в нашей стране Р.С. Гиляревский в свежей статье «О разработке концепции государственной наукометрической системы и методики ее функционирования» в журнале «Научно-техническая информация. Серия 1», 2018, № 9 написал: «Для России перспективным является создание государственной системы индексирования и цитирования как части государственной наукометрической системы». Или вот: «Наукометрический анализ нельзя строить на базах данных только двух-трех мировых корпораций, владеющих системами индексирования и цитирования. Это может привести к полной монополизации мирового рынка научно-информационных услуг и искажению результирующей информации в интересах монополиста».

538

Таким образом, наиболее важной задачей в оценке развития российской науки является формирование национальной наукометрической системы. С её помощью будет возможно не только оценивать развитие российской науки, но и выявлять точки роста исследовательских направлений, их приближение к глобальным трендам, можно будет влиять на разрешение проблем, связанных с локальной спецификой науки (в стране или даже в регионе).

Анализ представления физических исследований нашей страны в WoS CC

Результаты работы российских ученых постоянно анализируются и публикуются в различных изданиях, и, как правило, это делается по зарубежным ресурсным базам научной информации. Нас интересуют публикации по физике. Проанализируем по WoS CC статистический материал по ряду ее тематических областей.

Мы рассматривали предметные категории, на которые разделена в WoS СС физика, формулируемая как «область исследований».

Данные по пятилеткам с 1995 г. собраны в таблицах, в которых приводится информация по публикациям в нашей стране (переводные журналы) и в англоязычных журналах по статьям с участием российских ученых.

Что получили. Тематические области представлены неодинаково, и во многом это зависит от количества переводимых русскоязычных журналов. Так, например, по акустике переводится одно издание — «Акустический журнал» (АкЖ на западе издается под названием «Acoustical Physics»). И большое число статей в 1995–1999 гг. связано именно с тем, что за это пятилетие в журнале вышло 815 статей из общего количества по акустике — 1011 (остальные — это статьи российских авторов в зарубежных журналах). В то же время в период 2015–2019 гг. в АкЖ вышли 480 статей из 787, занесенных в WoS, и увеличение числа публикаций наших авторов в зарубежных изданиях с 200 до 300, по всей видимости, связано с усилившимися требованиями наличия иностранных работ для аттестации и оценки работы научных учреждений со стороны Федерального агентства научных организаций — ФАНО. Такой вывод напрашивается, т.к. в предыдущий период 2010–2014 гг. в АкЖ вышли 562 статьи из 688 работ по акустике, занесенных в WoS. Общая же доля статей российских авторов снижается по естественным причинам, т.к. общий рост мирового потока выходящих из года в год статей пока еще подчиняется экспоненциальному закону. Такой же тренд заметен и в других тематических областях. Но мы привели эти сведения в качестве справки, и к этой таблице мы ещё вернемся. На самом деле доля российских ученых значительно выше, т.к. ни в WoS, ни в Scopus русскоязычные статьи не учитываются, а их более 90%. По данным «советского» РЖ, доля нашей физики по публикациям в конце 1980-х гг. составляла 18–20%.

Кстати, почему-то игнорируемый Google Scholar представляется нам более перспективным источником как с точки

зрения поиска, так и в связи с отсутствием как направленности только на англоязычные публикации, так и языковых барьеров. Симпатична также его работа в онлайн-режиме. Всегда можно получить свежие сведения по доступным в интернете научным публикациям, а также по публикационной активности научных работников, да и многие другие характеристики научной среды (например, индекс Хирша, ссылки в монографиях). Google Scholar, на наш взгляд, лучше подходит для представления объективной картины развития всемирной науки и ее создателей.

540

Информационные интернет-технологии способствуют проведению поиска необходимых фактов, результатов экспериментов, наблюдений, написанию статей, число которых экспоненциально увеличивается с каждым годом. Но они вовсе не ведут к такому же легкому появлению новых идей, открытий, ... , а только к экспоненциальному увеличению числа статей, вызванному требованием отчетности, аттестации или переизбрания. Отсюда и плагиат, и публикация одних и тех же результатов в разных журналах, и даже защита до безобразия похожих одна на другую диссертаций. Поэтому-то мы и являемся сторонниками «открытой науки», т.е. ее результаты не должны быть скрыты запретительными барьерами. Сюда же относятся и экономические ограничения в виде платы как за публикацию статьи, так и ее получение.

Использование «наукометрического подхода» не новая вещь, как может показаться. Пример этого описан нами в предыдущей книге, стр. 457–458. В кратком изложении ситуация выглядит так: чл.-корр. АН СССР, известный астрофизик И.С. Шкловский много раз пытался избираться в академики (по его оценкам, около десяти раз). Проиграв выборы в 1972 году, он обвинил в этом Г.С. Хромова, бывшего своего ученика, занявшего к тому времени должность заместителя председателя Астросовета АН СССР. Сам ГС описывает дело так: «[В.В.] Подобед передал мне слух, циркулирующий в ГАИШе, о том, что именно я внес вклад в провал Шкловского на выборах. Я де бегал к [В.А.]

Гинзбургу и т.п. Разозлившись, я позвонил [В.И.] Морозу и сказал, что это ложь, и я обзову подлецом любого, кто осмелится в моем присутствии её повторить. В.И. на это сказал, что слух идет о том, что я показывал Гинзбургу статистику ссылок. Ей богу, не помню, было ли это, но сомневаюсь. Я никогда не был с Гинзбургом близок, да и к статистике всегда относился осторожно, опасаясь причинить кому-либо вред. Впрочем, мы с [А.С.] Шаровым, кажется, расшифровали во время докладов в прошлом году имена наиболее отличившихся, когда говорили о возрастном эффекте. В конце концов, ну и что? ... И ещё: «Узнал подоплеку истории со ссылками. Выписку из моего реестра вытащил во время экспертной комиссии Л.А. Арцимович и зачитал. Об этом растрепался, видимо, [Р.З.] Сагдеев. Гинзбург, наверное, изрядно полил тогда Шкловского, хотя он это отрицает. Но уже на президентском чае он полил его и впрямь основательно, за „поиски дешевой популярности“ (между прочим — по заслугам). Ну, а виноват, конечно, я».

541

Но все-таки, в отличие от сегодняшних тенденций, в те времена наукометрия использовалась как дополнительный аргумент, а не решающий фактор.

Второй яркий пример «практического» использования наукометрии мы взяли из книги А.А. Рухадзе, на стр. 132–138 раздела «Недоразумения и недобросовестности в науке» за авторством А.А. Рухадзе, А.А. Самохина публикуется «Часть 3. Отрицательный индекс», первоначально статья опубликована в газете «Научное сообщество», 2003 г.

Приведем выдержки: «В жизни современной науки неадекватное цитирование также имеет место, причем такие нарушения не всегда случайны. Бывает так, например, что автор работы в какой-то мере сначала цитирует предшественников, но в последующем ссылается только на эту свою работу, тем самым сознательно замалчивая предшественников и нередко искажая при этом существо обсуждаемой проблемы. На одной из таких «новейших» историй стоит остановиться подробнее.

Как и всякая история, она имеет свою предысторию. В июле 1967 г. в журнале «Успехи физических наук» (1967, 92. С. 517) была опубликована статья В.Г. Веселаго «Электродинамика веществ с одновременно отрицательными значениями ϵ и μ ». По существу, статья эта носила методический характер, что видно уже из ее весьма немногочисленного списка литературы по сравнению с обычными обзорными статьями. В ней говорилось фактически о том, что такие вещества являются примером сред с отрицательной групповой скоростью, «необычные» оптические свойства которых отмечались ранее, в частности, в работах Л.И. Мандельштама и других авторов, на которых В.Г. Веселаго более или менее правильно сослался.

542

В дальнейшем, как пишут авторы, через много-много лет (2002 г.) В.Г. Веселаго в рубрике «Методические заметки» того же УФН, комментируя работы иностранных авторов, ссылается уже только на свою статью, а не предшественников, создав тем самым у других авторов, в т.ч. иностранных, впечатление, что он и является автором вывода «о возможности существования сред с отрицательными значениями ϵ и μ ». Авторы указывают, что: «Поскольку содержание данного текста [у Мандельштама] хорошо известно В.Г. Веселаго, то отсутствие у него адекватных ссылок является не случайным недоразумением, а отражением вполне определенной позиции, характерной для некоторой части научного сообщества и позволяющей превращать процедуру объективного научного цитирования в недобросовестную рекламную кампанию».

«Непосредственным следствием подобной позиции в рассматриваемом случае является такое вот прямо-таки директивное указание на с. 69 журнала «Письма в ЖТФ» (2003. 29. Вып. 1) основополагающей работой в теории отрицательно преломляющих сред следует считать работу В.Г. Веселаго, опубликованную в 1960-е годы». В результате такого коллективного сознательного и бессознательного рекламного творчества фигура «основоположника» избавляется от нежелательной «конкуренции» со стороны дру-

гих ученых, имена которых при этом просто не упоминаются».

«Всей этой истории с неадекватным цитированием могло бы вообще не случиться, если бы еще при рецензировании статьи В.Г. Веселаго 1967 г. ему было указано на необходимость сослаться на Л.И. Мандельштама уже на странице этой статьи, где В.Г. Веселаго рассуждает о возможности существования сред с отрицательными значениями ϵ и μ , т.е. с отрицательной групповой скоростью, и об их отличии от обычных сред с положительной групповой скоростью. Этот пример еще раз напоминает нам не только о том, к чему могут приводить незначительные на первый взгляд перекосы в цитировании, но и о той ответственности, какая в связи с этим ложится на редакторов научных изданий, рецензентов научных статей и на всех работников науки. Только осознанными и своевременными совместными усилиями можно сохранить в науке ту атмосферу честного ей служения, без которого существование науки фактически невозможно».

543

Мы видим, что погоня за наукометрическими показателями может серьезно повредить репутации ученого.

Ну а третий пример связан с полемикой о приоритете между В.А. Гинзбургом и И.С. Шкловским, описанным Т. Бреус в своей книге «Институт», а также в статье Виталия Лазаревича 1996 г. Тамара Константиновна изложила это в разделе «История синхротронной концепции в астрофизике»...

Т.К. Бреус пишет: «В различных западных изданиях... В.А. писал о пренебрежительном отношении астрофизиков к истории науки в связи с тем, что они ссылаются на две статьи И.С. Шкловского, опубликованные в 1953 году в «Астрономическом журнале» как на приоритетные по проблеме синхротронного излучения. В своих публикациях Гинзбург настаивал на восстановлении справедливости».

Она же, ссылаясь на Фреда Хойла и других, считает, что проблема запутанна, но, конечно, работы до И.С. Шкловского были, а далее уже дело историков астрономии разбираться в нюансах, что было и что нового внес Шкловский.

В свою очередь, в воспоминаниях Дмитрия Яковлевича Мартынова за 1968 год есть тоже отзвук этой полемики. Вот как это описывает он.

«Незадолго до академических выборов разыгрался не вполне ясный конфликт между В.А. Гинзбургом и И.С. Шкловским. По слухам выходило, что В.А. Гинзбург написал обстоятельное письмо в «Астрономический Журнал», сильно критикующее всю деятельность И.С. Шкловского как ученого. Ученый секретарь «АЖ», С.Б. Пикельнер, утверждал, что это было письмо вообще, не предназначенное для печати и не столь уж резкое. Наоборот, В.В. Ковтун [Вера Васильевна Ковтун заведовала 1-м отделом в ГАИШ и, конечно, по долгу службы была в курсе всех дел в подведомственном ей учреждении — ВШ] утверждала, что это было письмо в редакцию для опубликования, и она лично печатала на машинке большой и крайне резкий ответ И.С. Шкловского редакции «АЖ». У нас не принято публиковать резкую полемику ученых, тем более в случае, если она касается не какого-либо конкретного вопроса, а носит общий, оценочный характер. Э.Р. Мустель, главный редактор АЖ, как говорят, был в сильном смятении, и переписка двух ученых не увидела свет. По-видимому, справедлив был вариант С.Б. Пикельнера. Но вероятно, эпизод этот сыграл свою роль в выборах [в Академию]. А внешним проявлением его было то, что «дуэлянты» перестали здороваться друг с другом и, кажется, до сих пор (1984)».

Вообще, вопросы приоритета беспокоили В.А. довольно сильно, что видно из его письма Л.С. Марочнику в той же книге Т. Бреус и приведенному мной ниже. Думаю, что у читателей вряд ли будет возможность достать печатный экземпляр книги Тамары Константиновны.

Из приведенных мной примеров, кажется, ясно видно, что если бы события проходили в наше время, то информационно-поисковые системы быстро бы дали фигурантам полную информацию, и, возможно, инцидентов, подобных 18-летнему «неподаванию руки» и других, не случилось бы. Интересно, что В.А. заканчивает письмо словами: «... а от-

кладывать нет смысла — мне ведь уже 72-й год». Почему-то после семидесяти нам кажется, что жизнь подошла к концу. Это не так! Покинул нас Виталий Лазаревич через 22 года, в 2009 году.

В.А. Гинзбург — А.С. Марочнику

Дорогой Леонид Самойлович!

Признателен Вашей жене и Вам за то, что Вы дали мне прочитать «Эшелон» И.С. Шкловского. Я читал не отрываясь. Конечно, для меня, в первую очередь, был интересен сам материал, во многом очень близкий. В целом ряде случаев, даже когда нет обо мне упоминания (это обычно вполне оправдано, ибо не было необходимо в литературном произведении), я был свидетелем или участником происходившего. Один знакомый писатель, завсегда́тай Малеевки (мы с женой тоже не раз бывали там, причем одновременно с Иосифом), как-то раздраженно охарактеризовал рассказы И. как нечто графоманическое. Думаю, что он был совершенно не прав. Есть более слабые рассказы, имеются неточности, но в целом мое мнение вполне положительное. Впрочем, меньше всего я собираюсь заниматься здесь литературной критикой (вероятно, Лазарь Лазарев-Шиндель, а также Бен. Сарнов сделали свое дело).

Решил написать настоящее письмо по следующей причине. В астрономических кругах, по крайней мере в СССР, широко известно о конфликте между И. и мной. С 1967 г. мы не здоровались и не разговаривали. Довольно дикое и крайнее это проявление вражды. Впрочем, обманчивое проявление. Здесь сказались характеры. Фактически же последние лет десять мы относились друг к другу значительно лучше, чем относились друг к другу И. и некоторые известные мне лица, с которыми дипотношения не были порваны. Так вот, почему же возник этот конфликт? Все (или почти все) думают, вероятно, что дело в каких-то приоритетных спорах. Вчера я спросил об этом Вас и Б.В. Комберга и тоже получил под-

тверждение такой точки зрения. Дальше я уже гадаю. Тот факт, что И. был неаккуратен в вопросах приоритета, признают, вероятно, и близкие к нему люди. Обо мне же я никогда такого не слышал (пара доносов со стороны заведомой сволочи не в счет). Поэтому, думаю, схема рассуждений такова: Иосиф что-то «допустил», а Гинзбург, который тоже (как и И.) бывает горяч и резок, обиделся, и возникла ссора. Долю истины такая схема, м. б., и отражает, но в целом она совершенно не верна. Ниже я опишу, как было дело, причем это будет правда и только правда. На «всю правду» не претендую. Думаю, что в человеческих отношениях она вообще недостижима, даже себя-то часто не понимаешь или обманываешь...

546

Должен предварительно заметить, что у меня в среднем плохая память, она клочковатая и с высоким (конечно, субъективным) порогом. Но я это знаю, и поэтому, по мере возможности, все проверяю и не доверяю себе. Отсюда всякие оговорки. Кстати, хотя память у И. была несравненно лучше, я обнаружил в рукописи ряд явных фактических ошибок. Возможно, что их происхождение — это уверенность И. в совершенстве его памяти. Но — к делу. Когда мы с И. познакомились, я не помню. Я всегда считал, что (хотя мы и однолетки, я лишь на три месяца моложе) И. был на курс старше меня и поэтому окончил МГУ в 1937 г. Но вот на стр. 179 рукописи И. называет меня однокурсником. Это место в рукописи довольно чувствительное, поэтому я обратил на него особое внимание. [Примечание ВЛ: «Кстати сказать, инфаркт был у И. через несколько недель, даже месяцев после получения им пресловутого письма за подписью Я.Б. Зельдовича и моей (см. ниже). Стресс, в частности, связанный с получением такого неприятного письма, может спровоцировать инфаркт. Этот стресс может и добавить нечто к накопившемуся за 50 лет бурной и тяжелой жизни. Я сожалею о том, что мы послали это письмо, сожалею о многом, но, честно скажу, инфаркт, о котором идет речь, к числу своих грехов не отношу. — Здесь и далее — прим. автора письма».] Поэтому я даже посмотрел в справочник И.Г. Колчинского

и др. «Астрономы», 1986. Там сказано, что И., как и я, окончил МГУ в 1938 г. Не знаю, в чем дело. Во всяком случае, И. не учился вместе со мной в группе и, думаю все же, был на предыдущем потоке. Это, конечно, совершенно не важно, пишу для иллюстрации того, как нельзя доверять памяти. Так или иначе, я совершенно не помню И. в студенческие годы, наверное, были знакомы, но, как говорят, шапочно. Первое мое воспоминание о разговоре с И. — мы сидим у Н.Н. Парийского, и И. ошарашил меня, это он любил, показав фото моей жены, жившей в Горьком. Впрочем, не поручусь за то, что этот эпизод относится к периоду до «Грибоедова» и Бразилии. Коротко говоря, только в процессе подготовки к экспедиции и, особенно, в ее ходе (апрель—июнь 1947 г.) мы по-настоящему познакомились, причем установились вполне дружеские отношения. Не скажу, что мы стали друзьями, я вкладываю в это понятие нечто большее. Но мы стали, что ли, добрыми приятелями, и так, в общем, продолжалось до середины 1966 г. Нас объединяло многое и разъединяло второстепенное, если не говорить, конечно, о различиях в характере. К своим друзьям и вообще добрым знакомым я отношусь очень терпимо. Это широко известно среди оных. За всю жизнь я разошелся лишь с одним другом — Я.А. Альпертом. Кто его знает, должен знать также, каким он бывает в определенные периоды. Много лет после разрыва (было это году так в 1955-м) до меня доходила его ругань. Но мы здоровались и разговаривали, а как раз недели две назад Я.А. Альперт позвонил и сообщил, что уезжает (официально в Израиль, а фактически, как он надеется, в США). И он предложил забыть старое, пригласил меня к себе домой, так сказать, проститься.

Пишу об этом потому, что некорректность со стороны И.С.Ш. я заметил давно, задолго до «конфликта», — но прощал. Приведу три запомнившихся примера. Мы идем с И., как раз проходили мимо домов, в строительстве которых принимал участие А.И. Солженицын, на пл. Гагарина. Как-то пришлось к слову, и я сказал И. о том, что, как мне передавали, он очень низко оценивал мои астрономические

работы и вообще мою астрономическую деятельность. Кстати, я и сам оценивал и оцениваю эту деятельность не слишком высоко, дело не в этом. Но зачем же было И. распространять свои нелестные замечания о товарище? Точно помню его ответ: «Не обращай внимания, ты же знаешь, что меня иногда заносит». И я не обращал внимания. А вот второй пример. В моем обзоре, опубликованном в 1948 г. (УФН), а затем в совместной с Г.Г. Гетманцевым статье ЖЭТФ (1950), я предлагал использовать покрытие Краба Луной для повышения разрешающей силы. Не бог весть как это интересно, но факт тот, что через некоторое время И. совместно с кем-то (Бакулиным, Баулиным?) опубликовал в АЖ статью о покрытии Краба Луной и не дал на меня никакой ссылки. Я его спросил, почему он так сделал, ведь прекрасно знал мои упомянутые публикации. «Ах, совсем забыл, извини», — ответил И., и я, конечно, извинил, я вовсе не приоритетчик. Наконец, третий пример (из числа многих). И. считал, что наблюдать поляризацию оптического (не говоря уже о радио) излучения Краба нельзя. Предлагал эти измерения И.М. Гордон, я его поддерживал, а И. возражал. Все это зафиксировано, опубликовано (Труды 3 конф. по космогонии. М., 1954). Вы найдете перевод в моей статье «On the birth and development of cosmic ray astrophysics. Сборник: Early History of Cosmic Ray Studies», 1985, оттиск которой прилагаю, о ней еще пойдет речь ниже. И вот И. публикует в 1962 г. в УФН статью, где прямо утверждает, что именно он «предсказывал» поляризацию Краба! Это пример просто из ряда вон выходящий. Человек пишет заведомую неправду, причем знает правду, а пишет другое.

Я невольно думаю о какой-то патологии, вроде kleптомании. Это ведь во вред самому себе. Не помню, как я на это реагировал, но, в общем, прошел мимо и этого, и всего подобного в отношении синхротрона. Во всем же мире ссылались и, вероятно, ссылаются на статью И. (Астр. Журн. 1952) как на пионерскую и важнейшую для утверждения и пропаганды синхротронной гипотезы. Между тем фактически в этой статье И. возражал против упомянутой гипотезы,

но кривить душой не буду — думал и думаю, что сам И. приложил к этому руку. И так, у меня и до 1966 г. были все основания обижаться на И. как в отношении моих работ, так и в связи с его отношением к приоритетным вопросам вообще. Но я не обиделся, отношения оставались хорошими. Их кульминацией было избрание И. членом-корреспондентом в 1966 г. Официально мы были избраны 1 июля 1966 г. (такая дата фигурирует на моем академическом удостоверении, я был избран «в академики» на том же заседании Общего собрания). Это был и день рождения И. (вот ведь совпадение!). В этот день или на следующий в ГАИШе состоялся доморощенный банкет. Помню, мы с Я.Б.З. выпили там на брудершафт, но важно не это, а то, что по ряду причин было хорошо и дружественно. Не поверил бы я тогда, вероятно, если бы мне предсказали, что через какой-нибудь месяц И. станет относиться ко мне враждебно. Но именно это случилось!

В августе 1966 г. мы оба и еще несколько «наших» (кажется, были С.Б. Пикельнер, С.И. Сыроватский и др.) поехали в Нордвик (Голландия) на симпозиум МАС № 31 по радиоастрономии. Быть может, и до этого что-то отрицательное со стороны И. было, не помню. Но твердо помню, что на симпозиуме И. был уже явно недружелюбен и враждебен. Почему? Я много гадал на эту тему, ибо было мне его отношение неприятно, да и никакого повода я не подал. Возникла даже гипотеза, что недружелюбие родилось раньше, но И. тщательно скрывал его перед выборами. Но все же не думаю, что эта гипотеза справедлива. Я был тогда член-корром, имел голос (и, конечно, подал его за И.), но особой роли не играл. Впрочем, чтобы напортить, можно и не иметь особого веса. В общем, правды я не знаю и не узнаю. Думаю все же, что резкое изменение поведения И. объясняется ревностью. Дело в том, что в Нордвике мы фигурировали «на равных» и, м. б., даже мне уделяли больше внимания. Почему, не знаю. Играл роль, возможно, тот факт, что я лучше говорил по-английски и был несколько лучше воспитан. [Примечание ВЛ: «По-настоящему «воспитан» и я не был, да

и до сих пор с трудом держу вилку в левой руке. Но по сравнению с И. того периода выглядеть более цивилизованным было не трудно».]

550 Так или иначе, И. прямо обжигал меня своим недружелюбием. Был он вообще мрачен. Хорошо запомнилось мне, в частности, то заседание «за круглым столом», которое сыграло в конфликте существенную роль. Недавно были открыты и идентифицированы «рентгеновские звезды», и за «столом» под председательством Г. Бербиджа обсуждался вопрос о природе мощных рентгеновских источников. Насколько я помню, именно я первым высказал там мысль о том, что речь идет о двойных звездах, аккреции и т.д. Все это обсуждалось, но Иосиф, кажется, и слова не проронил. На следующий день Бербидж выступил на конференции с докладом, упомянул присутствовавших за круглым столом. В его докладе (см. *Astronomy and the Galactic System. IAU Symp. № 31, Acad. Press (1967) стр. 463*), который я вновь недавно смотрел в связи с защитой И.Г. Митрофанова (см. ниже), есть упоминание не только о двойных звездах, но и о возможности того, что одна из них является нейтронной звездой. После доклада, в дискуссии, выступал и я. Все это опубликовано [IAU Symp. № 31 (1967)]. Иосиф же молчал.

В дальнейшем выяснилось, что идея о двойных звездах как мощных рентгеновских источниках еще в 1964 г. была высказана Хайакавой и Матсуокой (ссылку можно найти в цит. ниже статье С. Barbidge. *Comments on Astrophysics and Space Sci. 4, № 4, 105 (1972)*). Была на эту тему в 1966 г. и статья Я.Б.З. и И.Д. Новикова, причем в ней упоминается и о нейтронных звездах. Впрочем, и без того я никогда не имел приоритетных претензий на этот счет, и мне и в голову не могло прийти публиковать что-либо высказанное за «круглым столом» — это содержалось в докладе Бербиджа. Поэтому, если я упомянул о своем замечании «за столом», то только для контраста — Иосиф тогда вообще молчал. А потом, почти через год, взял и опубликовал статью (I.S. Shklovsky. *Astrophys. J. Lett. 148, LI (1967)*), в которой предлагал модель мощных рентгеновских источников —

двойных звезд, причем одна из них является нейтронной. И он не дал никакой ссылки на «круглый стол». Не сделал он ссылки и на статью Я.Б.З. и И.Д.Н. Не знаю ничего о последней, о ней И. мог, в принципе, и не знать. Но за «круглым столом» он ведь сидел недалеко от меня, был он, вероятно, и на докладе Бербиджа. Так что же с ним случилось? Ведь все, вероятно, участники стола сразу отметили некорректность (мягко выражаясь) поведения И. Во всяком случае, Бербидж заметил и отразил это. Я потом встретил Бербиджа и, поскольку не доверяю своей памяти, спросил его: сказал ли И. что-то «за столом»? Он ответил отрицательно.

Как я уже писал, в тексте трудов (IAU Symp. № 31 (1967)), опубликованных после (I.S. Shklovsky. *Astrophys. J. Lett.* (1967)) (последнее Бербидж тоже подчеркнул), есть и двойные, и нейтронные звезды. Поведение И. (я имею в виду публикацию I.S. Shklovsky) явно было недопустимо. Не помню, заметил ли я эту статью до или после выхода на сцену Я.Б.З.; это не так важно.

Так или иначе, Я.Б.З. с большой энергией атаковал меня, приехал ко мне домой, возмущенный этой статьей Иосифа в *Astrophys. J. Lett.* 1967. Он считал себя обкраденным, что ли, во всяком случае, был возмущен: И. знал, по его словам (я пишу так не из недоверия к Я.Б.З., а потому, что сам здесь ничего не знаю или не помню), о работе Я.Б.З. и И.Д.Н. и не дал ссылки. Тут я, вероятно, рассказал и о «круглом столе». Так что все сошлось — И. вел себя явно недопустимо. Этот случай меня «завел». Вообще, я довольно легко «завожусь», и люди это используют. Не раз использовал это и Я.Б.З., пока я не стал умнее и осторожнее. Да, я забыл отметить, что после Нордвика мы вместе с И. были в 1967 г. в США. Иосиф прямо обжигал меня своей ненавистью. Он умел это делать. С нами был И.Д. Новиков, попросите его вспомнить. Но тут, в конце концов, важно мое ощущение. Дружеские отношения явно окончились, причем полностью по инициативе, если можно так выразиться, Иосифа. Поэтому кончилась и моя терпимость, и, я бы даже сказал, всепрощение. Я тоже начал злиться. Возмущение Я.Б.З. дало мне толчок, и мы решили

изложить наши претензии к И. в письменном виде. Так и родилось злополучное письмо, через кого-то врученное И. в сентябре или октябре 1967 г. Я не стал разыскивать это письмо в хаосе моих бумаг, поэтому не помню даты. [Письмо опубликовано в сборнике «Знакомый незнакомый Зельдович», посвященном памяти Я.Б., в издательстве «Наука», 1993 г., стр. 88–89.] На что мы рассчитывали? Видимо, на то, что Иосиф прозреет. Глупо, вероятно, было на это рассчитывать. В конце октября 1967 г. я уехал в Англию на целых три месяца (на такой срок — в первый и, вероятно, в последний раз в жизни). Когда я вернулся, кажется, в конце января 1968 г., то ли Иосиф уже заболел, то ли вскоре заболел. Мне сказали, что он написал какой-то документ, в котором поносил меня. Его многие читали. Я хотел посмотреть, но мне так это и не удалось, документ этот решили спрятать. Наше письмо с Я.Б.З. тоже не распространялось, во всяком случае, я этого не делал. Вот, собственно, и все. Насколько я понимаю, И. увидел в нашем письме лишь нападение, обиду. В общем, как мне сейчас кажется, такое отношение можно понять. Если уже человек может допустить то, о чем я писал выше, то значит, его восприятие столь деформировалось, что напоминание ничего не изменит. Не знаю. В общем, я теряюсь в догадках. Мы с И. как-то автоматически перестали здороваться и разговаривать. Быть может, каждый боялся сделать это (поздороваться) первым и не получить ответа. Но я, помню, был тогда и дополнительно обижен. Письмо, переданное И., было подписано не мной одним, а также Я.Б.З. Даже если И. не знал, что инициатива (в указанном выше, пусть и ограниченном, смысле) принадлежала Я.Б.З., он должен был отнестись к нам одинаково. Он же написал нечто отрицательное, а то и поносное, только обо мне, а с Я.Б.З. сохранил дипотношения. Более того, я вскоре случайно услышал такой рассказ какого-то мальчика, жившего в квартире, соседней с квартирой И. (в Астрономическом доме на ул. Панферова). Мальчик рассказывал примерно следующее: «Вижу, в квартиру к И.С.Ш., в его отсутствие, приходят какой-то лысый дядя с тетей. А потом встречаю

этого дядю, а у него три Золотых звезды». Почему же И. все свое негодование перенес на меня? Признаюсь, я это интерпретировал нелестным для И. образом: Гинзбург — «рядовой академик», а Я.Б.З. — «персона грата». Вот он и решил, что невыгодно ссориться сразу с обоими, а кого он выбрал, ясно из сказанного.

Сейчас, продумывая все это, я заколебался в справедливости своего вывода. Я был Иосифу ближе, где-то в глубине души он относился ко мне лучше, чем к Я.Б.З. А, как известно, к кому лучше относишься, на того и больше обижаешься. Последующее подтверждает такую (последнюю) точку зрения. Мы с И. как-то постепенно остыли, наша интерференция проходила, скорее, с положительным знаком (например, оба боролись за избрание Пикельнера и Кардашева). Делить нам был нечего. А с Я.Б.З. было больше контактов и, вероятно, осложнений. Помню, мне позвонил Н.С. Кардашев (кажется, это было в 1966 г., но не уверен) и предложил помириться с Иосифом. Я так понял, что это предложение было «согласовано» с последним. Я, поколебавшись, ответил, что злобы к И. не питаю и буду вести себя лояльно, но возобновлять дипотношения не хочу. Думаю сейчас, что это было ошибкой, не обязательно же было начать целоваться, можно было просто отбросить бескультурное «нездорование». Почему же я так ответил? Честно скажу — все дело было в том, что после всего происшедшего я не верил в чистоту помыслов, боялся, что меня просто хотят использовать. Повторяю, я сейчас считаю, что совершил ошибку, нужно было держаться средней линии — не восстанавливать былую дружбу, но и прекратить дурацкую конфронтацию. Здесь сказалась моя некоторая топорность, негибкость. Ее проявление — постыдное поведение после смерти Иосифа. Я был, конечно, огорчен. «Но как же я могу, раз мы «патентованные враги», пойти на похороны или послать телеграмму?» Вот мы и решились послать телеграмму от Отдела с подписью Догель. Какая бестактность, можно ведь было дать подпись «теор. отдел». А некоторые люди, не любившие И., подписались

даже под довольно хвалебным некрологом. Увы, прошлого не вернешь.

554 Свое слово — вести себя лояльно по отношению к И. — я в целом сдержал, но, к сожалению, вынужден был еще два раза, так сказать, столкнуться с ним на узкой дорожке. Дело в том, что меня пригласили написать статьи об истории астрофизики космических лучей (V.L. Ginsburg «On the birth and development of cosmic ray astrophysics». Сборник: *Early History of Cosmic Ray Studies* (1985)) и радиоастрономии (V.L. Ginzburg. «Remarks on my work in radio astronomy». Сборник: *The Early Years of Radio Astronomy* (1984)). Я старался изо всех сил написать максимально объективно, не выпятить как-то себя, но не мог обойти и Иосифа. Мое общее отношение отражено в таком отрывке из статьи (цитировавшей ранее: «Remarks on my work in radio astronomy», ниже ссылки даны на номера в списке литературы, приложенном к настоящему письму): «Выше и в (*History of Cosmic Ray Studies* (1985)) сделан ряд замечаний, касающихся некоторых работ И.С. Шкловского, посвященных природе космического радиоизлучения. При этом пришлось подчеркнуть резкое несоответствие между фактическим их содержанием и тем, которое им часто приписывается в литературе. Я уже пытался сделать это в краткой и несколько неявной форме в начале статьи (V.L. Ginsburg and S.I. Syrovatsky. *Ann. Rev. Astron. Astrophys.* 3, 297 (1965)), но без успеха. Поэтому я и пришел к выводу, что должен вообще не писать об истории радиоастрономии. Дело других, в первую очередь историков науки, проверить факты, и чем тщательнее и беспристрастнее это будет сделано, тем лучше».

Сейчас я перечитал статьи (V.L. Ginsburg «On the birth and development of cosmic ray astrophysics». Сборник: *Early History of Cosmic Ray Studies* (1985)) и (V.L. Ginzburg «Remarks on my work in radio astronomy». Сборник: *The Early Years of Radio Astronomy* (1984)) и считаю, что нигде не покривил душой, а свою роль даже (честно скажу) кое в чем принизил, чтобы избежать упрека в необъективности. Обе эти статьи я нарочно решил не публиковать на русском языке, чтобы не

доставить И. дополнительного огорчения, а его врагам не доставить радости. Думаю, однако, что будь мы с И. в прежних (как до 1966 г.) дружеских отношениях, я вообще бы ничего не написал. Не стал бы я, вероятно, писать и после его смерти. А так я писал «на равных», мы однолетки, И. не был каким-то угнетенным (например, за границу ездил свободнее, чем я), писал я эти статьи в 1980 г. и, кажется, статью «Remarks on my work in radio astronomy» в 1981 г. Должен добавить, что, к сожалению, как сам Иосиф, так и его окружение, видимо, так ничему и не научились, они не извлекли уроков из прошлого. Например, по случаю юбилея рентгеновской астрономии И. опубликовал где-то (кажется, в «Природе») статью, где повторил почти все старое, снова «забыл» о «круглом столе» и т.д. Не знаю, чтобы он когда-либо протестовал и против ряда совершенно вздорных и ложных приоритетных утверждений, появлявшихся в литературе. [Примечание ВЛ: «Кстати сказать, я давно интересуюсь вопросами, связанными с приоритетом. Я написал об этом главку в статье «Как и кто создал теорию относительности?» (Эта статья, написанная в 1973 или 1974 г., была опубликована четыре раза, последние два раза — в сборнике В.Л. Гинзбург «О теории относительности». М., Наука, 1979 и в сборнике В.Л. Гинзбург «О физике и астрофизике». М., Наука, 1985). В указанной главке (разделе), которая называется «Замечания о приоритете», нашло некоторое отражение и мое отношение к тому, о чем шла речь в настоящем письме.]

555

Несколько лет назад И.Г. Митрофанов и Н.С. Кардашев просили меня быть оппонентом на защите Митрофанова. Я знал, что «за» защиту — И.С.Ш., а «против» — Р.А. Сюняев, и согласился, чтобы помочь, поскольку хорошего мнения об И.Г. Митрофанове. Но я прямо ужаснулся, раскрыв его диссертацию, — история рентгеновской астрономии излагалась там совершенно в «духе старого Иосифа». И.Г. Митрофанов заменил пару страниц, и защита состоялась, хотя, к сожалению, и без успеха. Но это, конечно, не моя вина, что мог, я сделал. В этот период попала мне

И.С. Шкловский на пляже

И.С. Шкловский в дороге

558 книжка (так и хочется назвать ее книжонкой) П. Аммуэля «Рентгеновское небо» (1984). Я просто не мог ее читать без возмущения, все вопросы приоритета беззастенчиво навраны, причем так, как если бы это писал сам И.С.Ш. в старые времена. Мое раздражение здесь совсем не связано с собственными приоритетными претензиями. В случае рентгеновской астрономии их и вообще практически не может быть. В целом я удовлетворен признанием, которое получил, а манией величия не страдаю. Но после всего, что мы пережили, после всех этих бесконечных и наглых искажений истории, как же можно относиться к истории любимой науки, как к панельной проститутке! Впрочем, последних жалко, а вот приоритетчиков и лжеисториков мне не жалко. Пишешь об истории рентгеновской астрономии, так посмотри все источники, проверь, а не пиши по слухам. Но меня занесло в сторону. Зачем я написал такое длинное письмо? Длинным оно получилось потому, что кратко писать труднее, а мне не хотелось отделять и переделывать — это не литературное произведение. А написал, чтобы рассказать, «как поссорились И.С. Шкловский с В.Л. Гинзбургом». Для тех, кто интересуется «феноменом Шкловского» (это не моя терминология, а Ваша с Н.С.К.), изложенное может быть интересно. Я никогда не собирался все это объяснять, чтение «Эшелона» подтолкнуло, а откладывать нет смысла — мне ведь уже 72-й год.

С лучшими пожеланиями

Ваш (В.Л. Гинзбург)
15 декабря 1987 г.

Оригинальное письмо имеет список литературы, которую я для удобства чтения вставил в текст письма.

Заключение

559

Подобно первой книге, имеющей подзаголовок «Фрагменты истории», и, можно сказать, положившей начало циклу, эта книга возникла сразу. Как-то вдруг потянуло к компьютеру жарким летом 2021 года. Сам собой, из воздуха возник план книги, начали всплывать персонажи, события, появились сюжеты и возникли размышления на различные темы. В конце 2022 г. книга и всё, что в ней уже написано, «встряло» в Историю. Будет ли интересна, говоря шаблоном, — «не мне судить». Но мне, как и при написании первой, было занятно. Да пишу-то я и для себя тоже, мне приятно вспоминать моменты своей жизни. Не анализировать, а именно вспоминать, снова окунаться в прошедшие события. Вспоминать людей, с которыми работал, сталкивался, о которых рассказывали. Своих преподавателей, руководителей, студентов и, конечно, хочется вспомнить друзей. Хоть мельком, но всё же отметить, что были, жили, кто-то уже ушел, но другие остались и, может быть, найдут себя и связанные с собой события в моей книге интересным. Я постарался в этих двух книгах многое и многих вспомнить.

Всё, что есть в книге, кроме фактов, в какой-то мере результат реконструкции известных мне событий и поступков персонажей. Повторяю, что моя цель — воскресить для читателей людей и события, и все тут. Возможно, для некоторых этого достаточно, а кто-то останется недоволен и созданными мной портретами, и моей интерпретацией событий. Надеюсь, что они приложат усилия к поиску уже своего зерна истины и сообщат нам об этом. В моих книгах излагается многое, что моему поколению известно в устной передаче. Теперь эти истории есть в письменной форме, правда, в моей трактовке, и я надеюсь, что мои уже, к моему сожалению, немногочисленные современники смогут что-то добавить, предложить свою интерпретацию событий и дать свое впечатление о наших «друзьях-товарищах». Особенно приятно или огорчительно, в зависимости от точки зрения, — будет получить отклик от моих однокурсников или студентов 1960–90-х годов, разговоры со многими из которых и послужили стимулом для написания этих воспоминаний.

Итак, мои воспоминания перед вами. Пока в двух книгах. Можете читать их для развлечения или как некие исторические свидетельства, а может быть, и в поисках скрытого смысла. Не удивлюсь, если некоторые, возможно, увидят в них сведение счетов — всё мною принимается.

Понравится ли эта книга введенным в нее персонажам? Да без разницы. Эта книга не только для них, а и про них.

Я сам читаю первую книгу уже не как свою, а как интересные мне истории и удивительные, занимательные и малоизвестные события. Она отпустила меня как бы со словами: написал, высказался и свободен. Надеюсь, что так будет и со второй. Жалеть о чем-то пропущенном пока нет причины. Будет, я надеюсь, и третья книга.

Занятно

Для меня интересен был мой разговор с также уже покойным Е.П. Левитаном из журнала «Земля и Вселенная». Я ему мимоходом пожаловался, что для нашего издательства «Космосинформ» мы не можем найти авторов, хорошо пишущих популярные книги по астрономии. На что он мгновенно среагировал: «Да вот же, автор перед вами». 561

А.А. Гурштейн как-то попросил меня узнать о трех его знакомых, т.к. он не имеет с ними связи, но хотел бы знать, как у них сложилось. Публикую свой ответ.

Уважаемый Александр Аронович!

Отвечаю на Ваше «любопытство» по поводу трех персон. Первые две мне хорошо известны.

1. Олю Гуляеву знал ещё школьницей, когда Альберт Петрович повел меня в Клуб филателистов на Волгина, она была с ним. Это было в начале 1970-х гг. Впоследствии она училась в ГАИШ МГУ, а затем её взяла на работу в свой отдел астрономии в ВИНТИ Инна Сергеевна. Там она имела успех своей активной деятельностью, была секретарем комсомоль-

ской организации Института. Там же она и родила двух мальчиков-близнецов. После отпуска по уходу за детьми она была в аспирантуре у Вас, а затем пришла на работу уже ко мне. Активно работала, но платили у нас мало, и она перешла на работу редактором в большое издательство. Была довольна всем, кроме длинной дороги и необходимости быть на работе всё рабочее время. К этому времени она вышла замуж за парня, который попивал. Это легло на её привычку тоже принимать, которая хорошо оформилась в бытность её комсомольским секретарем. В процессе семейной жизни у неё родилась девочка, семья стала многодетной. Они сдали государству квартиру Альберта Петровича и получили хорошую трёхкомнатную квартиру в Зеленограде (поэтому-то ей и было далеко ездить в Москву на работу в издательство). В 2010 г. её сократили. Она сидела дома, мальчики удачно занимались бизнесом, а Оля опускалась. В 2011 г. она умерла. Вот такая история. Жалко.

562

2. Про жизнь Саши Бугаевского с 1990-го года знаю меньше. Он организовал издательство, видимо, параллельно с работой, о которой Вы писали. Удачно выпускал церковную литературу. Говорили, что даже служил в церкви, что на Соколе. Видел его по телевизору — представили как специалиста по истории Православия, религиозного философа. Что-то говорил про церковные связи с Грецией. У меня есть связь с бывшим его сотрудником Борей Мушаиловым. Они поддерживают связь и, в принципе, можно узнать подробнее. Саша из тех людей, с которыми хорошо общаться, если ты им нужен. Мы близко общались в 1980-е гг., позднее он ушел из ГАИШ и исчез с моего горизонта. В этой связи вспомню недоумение Геннадия Ивановича Ширмина, который довольно длительное время был секретарем партбюро ГАИШ. Он говорил, что Саша просто не давал ему проходу раньше, а вот теперь, когда он, наконец, освободился от секретарства, Саша его просто «не видит». Спрашиваю Бугаевского, в чем дело? Саша отвечает: «Зачем он мне нужен, он же теперь никто».

3. Про Б.Е. Гельфгата и Галю попробую узнать у старых сотрудников ВИНТИ. Сейчас ничего сообщить не могу.

На самом деле выяснилось, и Александр Аронович это подтвердил, что он имел в виду Инну Козлову. О ней информацию я ему послал, а Гельфгат погиб в горах.

Каждый раз, встречаясь с необъяснимым предсказанием поэтами будущего, я поражаюсь их прозорливости. Как будто, действительно, им диктуют свыше. Вот пример.

Иосиф Бродский. «Не выходи из комнаты...»

Не выходи из комнаты, не совершай ошибку.
Зачем тебе Солнце, если ты куришь Шипку?
За дверью бессмысленно всё, особенно — возглас счастья.
Только в уборную — и сразу же возвращайся.

563

О, не выходи из комнаты, не вызывай мотора.
Потому что пространство сделано из коридора
и кончается счетчиком. А если войдет живая
милка, пасть разевая, выгони не раздевая.

Не выходи из комнаты; считай, что тебя продуло.
Что интересней на свете стены и стула?
Зачем выходить оттуда, куда вернешься вечером
таким же, каким ты был, тем более — изувеченным?

О, не выходи из комнаты. Танцуй, поймав, боссанову
в пальто на голое тело, в туфлях на босу ногу.
В прихожей пахнет капустой и мазью лыжной.
Ты написал много букв; еще одна будет лишней.

Не выходи из комнаты. О, пускай только комната
догадывается, как ты выглядишь. И вообще инкогнито
эрго сум, как заметила форме в сердцах субстанция.
Не выходи из комнаты! На улице, чай, не Франция.

Не будь дураком! Будь тем, чем другие не были.
 Не выходи из комнаты! То есть дай волю мебели,
 слейся лицом с обоями. Запрись и забаррикадируйся
 шкафом от хроноса, космоса, эроса, расы, вируса.

1970(?)

Что это? Предвидение, телепатическая вспышка, проявление гениальности или просто совпадение? Ну как можно так точно предсказать на пятьдесят лет вперед?

Говорят, что привидения появляются только перед теми, кто их видит. Так и будущее видят только те, кто «посвящен».

А вот еще небольшое размышление.

564

Недавно я был на встрече со своим муниципальным депутатом. Послушал его разговор с нами, избирателями. В основном были пожилые люди. И вдруг мне показалось, что я увидел врага в лицо. Молодой парень лет двадцати пяти, значит, родился где-то в 1997 году, значит, избрался где-то лет в двадцать и уже поварившийся в этой депутатской среде и, видимо, наметивший свой жизненный путь. Хочет снова переизбраться. Ведь сейчас пришло его время. Такой же, как Дмитрий Гудков, помните еще его, депутата Госдумы от Справедливой России? Такой же, как Илья Яшин со своей подружкой Ксенией Собчак. Не важно как, пустыми ли обещаниями, враньем, подтасовкой фактов или сотрудничеством с врагами страны они рвутся к власти. Чем хуже нам, тем лучше им. Так было в 1917 году, так было в 1991 году. Оба случая связаны с необходимостью перемен, но пользуются этим карьеристы, которым нужна только власть. За это они готовы продать всё и вся.

Эта встреча навела мне вот такие мысли. Гаврила Сергеевич Хромов родился в 1937 году, отсюда и совесть, и попытка обращения к Богу, и негибкость в поступках — действие тараном и «с открытым забралом». Ему надо было родиться в 1997-м, и он бы легко вписался в сегодняшнюю

реальность, и никаким колям бочкаревым его бы было не остановить.

Альтернативной судьбой Гаврилы Сергеевича я заканчивал первую книгу, этим вариантом для него я заканчиваю вторую. А поэтом-пророком, подобным Бродскому, здесь будет Александр Галич.

Не бойтесь тюрьмы, не бойтесь сумы,
 Не бойтесь мора и глада,
 А бойтесь единственно только того,
 Кто скажет: «Я знаю, как надо!»
 Кто скажет: «Идите, люди, за мной,
 Я вас научу, как надо!»
 И, рассыпавшись мелким бесом
 И поклявшись вам всем в любви,
 Он пройдет по земле железом
 И затопит ее в крови.
 И наврет он такие враки,
 И такой наплетет рассказ,
 Что не раз тот рассказ в бараке
 Вы помянете в горький час.

565

И, наконец, из новеллы Екатерины Рощиной

Мелкие буковки — шрифт нонпарель.
 Лучшая рифма, конечно, апрель.
 Так-то — сентябрь. И гроздя рябин.
 Скоро охота. Достань карабин.
 Буковка, капелька, бусинка, цель...

.....

Мороз на дворе, осень прошла.
 «Идут белые снега», прощаться пора.
 Что нам осталось от этих рябин?
 Только на память колечко рубин.
 ... А в некрологе — опять нонпарель.
 Но это другая, дружок, канитель.

Однажды на праздничном концерте в Большом театре в программу были включены грузинские танцы... Товарищ Сталин внимательно посмотрел выступление артистов, вежливо похлопал и сказал: «Мне, русскому человеку, это всё чуждо!»

Больше грузинские песни и пляски при его жизни на мероприятиях такого уровня не исполнялись...

У Александра Блока есть строки:

566

Всё это было, было, было,
 Свершился дней круговорот.
 Какая ложь, какая сила
 Тебя, прошедшее, вернет?
 В час утра, чистый и хрустальный,
 У стен Московского Кремля,
 Восторг души первоначальный
 Вернет ли мне моя земля?
 Иль в ночь на Пасху, над Невою,
 Под ветром, в стужу, в ледоход —
 Старуха нищая клюкою
 Мой труп спокойный шевельнет?
 Иль на возлюбленной поляне
 Под шелест осени седой
 Мне тело в дождевом тумане
 Расклет коршун молодой?
 Иль просто в час тоски беззвездной,
 В каких-то четырех стенах,
 С необходимостью железной
 Усну на белых простынях?
 И в новой жизни, непохожей,
 Забуду прежнюю мечту,
 И буду так же помнить дождей,
 Как нынче помню Калиту?

ЗАНЯТНО

Но верю — не пройдет бесследно
Всё, что так страстно я любил,
Весь трепет этой жизни бедной,
Весь этот непонятный пыл!

1909 г.

«Как сказали, так и было» — слоган на FM-радиостанции
«Радио Звезда».

Вот и конец второй книги

567

Диггеры в часовом подвале

Текст с картинками:

<http://www.unexploredworld.ru/blog/1602> (дата обращения 09.09.2022)

Видео:

https://www.youtube.com/watch?v=k5HCdY1nt_U (дата обращения 09.09.2022)

Фотографии для этой книги предоставили:

А.П. Грибко, И. Есипова, М. Кацова, С. Копейкин, А. Рас-
торгуев, С. Родин, О. Руденко, А. Седякина, В. Семенов,
О. Старцева, В.С. Уральская, В. Черкезян, а также сайты
ГАИШ, физического факультета и поисковик Google.

Монография

Шамаев Владимир Григорьевич
ГАИШ МГУ. Астрономическое отделение.
Всё это было...

Макет обложки
А.В. Горбовский, В.Г. Шамаев

Ответственный редактор
А.Н. Дурнева

Корректор
Никита Шамаев

Компьютерная верстка
А.В. Горбовский, «Астр-космосинформ»

Фото на 1-й стр. обложки
www.unexploredworld.ru

Подписано в печать 9 ноября 2022 г.
Объем 46,0 усл. п.л. Формат 70×100/16
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Отпечатано в типографии
ООО «ИПЦ „Маска“» (www.maska.su)
Тираж 150 экз. Заказ №

ISBN 978-5-9002-4255-2

Первый раз я был у Московского университета в 1956 году жарким летом. Приехали мы с папой, вернее, он со мной. В памяти от поездки остались два впечатления. Помню, что были в Мавзолее Владимира Ильича Ленина и Иосифа Виссарионовича Сталина, тогда он так назывался. Отстояли длинную очередь — от самого конца Александровского сада, кажется, даже надо было брать билеты. Очередь продвигалась быстро — как будто шли прогулочным шагом. Внутри холодно, приглушенный свет и ярко освещенные два саркофага.

Второе, что запомнилось, — поездка на Ленинские горы к Московскому университету. От него впечатление: огромные часы на башне, термометр и еще что-то непонятное. Спросили, молодой человек с книжкой не знал, что это. Позже выяснилось, что барометр. Но самое главное, врезавшееся в память, — бассейн с фонтанчиками перед главным входом в МГУ. На дне была россыпь монеток, брошенных на память, и ребятишки с длинными палками с глиной, прилепленной на конце, пытались эти монетки достать. Да, еще помню крик на Ленинградском вокзале мороженщиц с колясками: «Эскимó, эскимó, рубль десять, рубль пять». До сих пор забываем вкус. Это 1956 год, денежная реформа произошла в 1961 году.

Второй раз у Университета я был также летом в июле 1963 года. Был с мамой и сестрами. Моя цель была сходить к МГУ и на легкоатлетический матч СССР—США в Лужниках. По МГУ я был уже экскурсоводом, а попасть на матч оказалось проще простого — накануне купили билеты, и два дня были праздником, который завершился прыжком в высоту с мировым рекордом Валерия Брумеля.

В третий раз — я уже приехал в 1965 году поступать на физический факультет и так и остался по жизни с Московским университетом и ГАИШ.

ISBN 978-5-9002-4255-2

